4357./22

Проф. Р. ВИППЕР

УЧЕБНИК НОВОЙ ИСТОРИИ

С ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ

4-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО □ МОСКВА

Проф. Р. ВИППЕР

9(∞)„1492:1914"(075)
9(∞)„1492:1914"(075)

УЧЕБНИК НОВОЙ ИСТОРИИ

С ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ

4-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ▫ МОСКВА.

Гиз. 2847. Р. Ц. Москва. № 1614. 20.000 экз.

16-я тип. М. С. Н. Х. Трехпрудный, 9.

Понятие о новой и новейшей истории.

В Западной Европе принято начинать с XVI в. Новую историю, при чем точнее определяют за исходный срок или открытие Америки (1492), или год первого протеста Германии против папы (1517). Действительно, эти два события отмечают начало крупных перемен в европейской жизни: во-первых, расширение ее торговли, ее сношений и кругозора ее общества и, во-вторых, разрыв ее церковного единства и первые шаги освобождения ума человеческого в области науки.

Под названием новейшей истории обыкновенно отделяют последние 130 лет, начиная с 1789 года, года великой французской революции. Это—время необыкновенного усиления индустрии и торговли в Европе и населенной европейцами Америке. Под влиянием промышленного переворота все общество перестраивается; старые его сословия,—дворянство, духовенство, купечество, ремесленники, крестьяне, — различавшиеся и по складу быта, и по своим правам, заменяются классами, которые отличаются друг от друга размером имуществ и трудовым положением. С этими переменами совпадают огромные успехи науки и техники, особенно поразительной в ускорении сообщений между странами мира и увеличении производительных сил, которыми пользуется человек.

Новое устройство общества поставило требования равенства прав и демократического управления. В связи с изобретениями и улучшениями новейшего времени появилось учение о прогрессе, т.-е. беспрерывном развитии человеческого ума и смягчении нравов; наиболее горячей проповедью сближения людей в великую братскую общину служит социализм. Ожидания провозвестников прогресса, однако, не во всем исполнились. Вместо установления всеобщего мира, начиная от эпохи великой революции, возрастают соперничества между странами, нациями и даже отдельными классами внутри нации. У наиболее сильных народов появляется мысль о приобретении господства над всем миром (империализм). Отсюда возникла в 1914 году великая война, разделившая главные государства земного шара на две громадные коалиции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Век реформации.

I.

Колонии испанцев и португальцев. Новая политика европейских держав.

Завоевание Америки. До конца XV в. кругозор европейцев едва переходил за пределы материка Европы и прилегающих к нему морей. После великих открытий конца XV и начала XVI в. в., сделанных португальцами и испанцами, предприятия народов Западной Европы крайне расширились. Особенно обширны были завоевания испанцев в Америке.

Европейские колонисты и завоеватели нашли в Америке особый культурный мир, который стариною не уступал европейско-азиатскому. Но жизнь американцев в сравнении с европейской была однообразнее. Америка не обладает морем, которое, подобно европейскому Средиземному, сближало бы различные ее страны. Животный и растительный мир Америки беднее видами. Европейцы впервые перенесли на почву Америки бо́льшую часть хлебных пород, перевезли лошадь, рогатый скот и овец; в самой Америке они встретили только одно прирученное животное — ламу, которая давала мясо, шерсть и служила для переноса тяжестей. Американцы обладали золотом и серебром, но совсем не были знакомы с железом и частью употребляли каменные орудия.

Движение испанцев за океан было продолжением крестовых походов, которые велись против иноверцев на Пиренейском полуострове. Люди, отправлявшиеся в Америку, руководились фантастическими представлениями: искали земного рая, источника живой воды, дающей вечную молодость. Многих увлекала надежда на быструю наживу: Америка казалась золотым дном (эль-дорадо). Туда уходили особенно беспокойные, неспособные к мирному труду кастильские дворяне.

Испанские конкистадоры (завоеватели) очень быстро захватили большие населенные страны Америки, хотя они могли выставить десятки тысяч

воинов, а у европейцев, напротив, были ничтожные силы. Кортес завоевал Мексику (в 1521 г.) с 400 солдат, Писарро начал покорение Перу (с 1531 г.) с отрядом в 168 человек. Ни в том, ни в другом предприятии испанское правительство не участвовало: Кортес, офицер на службе наместника о. Кубы, обманом увел отряд в задуманное им на свой риск предприятие. Писарро составил с двумя товарищами частную компанию, которая наняла отряд искателей золота для проникновения в чудесную страну драгоценностей. Оба они воспользовались раздорами в среде господствующих американских племен и оба начали с того, что захватили в плен царя страны. Необычайный вид белых людей, появившихся среди краснокожих, их быстрые, как ветер, лошади, гром и молния незнакомого американцам огнестрельного оружия создавали страх и помогали испанцам: ацтеки приняли их за воплощение своего бога, вернувшегося к ним согласно пророчеству. Европейским завоевателям было достаточно расстроить в американском государстве военный класс, чтобы уничтожить само государство, завладеть его запасами и богатствами; рабочее население и подчиненные народности ненавидели воинов и господ, которые жили на их счет.

Колониальная политика испанцев и португальцев. Ставши случайно обладателями колоний, испанцы не принесли с собою в Америку настоящей трудовой энергии. Чванное и ленивое испанское дворянство переезжало в колонии со всеми своими притязаниями и привычками. Сторонясь от распахивания земли, рыцари и их потомки жили на ренты и скоплялись в городах. В колонии направлялось также исполненное миссионерского пыла испанское духовенство: оно получило здесь огромные дарения, выстроило монастыри, принялось за обращение краснокожих в христианство, взяло в свои руки вновь основанные университеты; его преданность вере проявилась так же, как на родине, в преследовании еретиков и несогласно мыслящих, в стеснении печати и устройстве инквизиции.

Королевская власть и в Америке, как в Испании, хотела все держать под своим надзором. Ни один испанец не мог выехать в Америку без особого разрешения, при чем еще каждый выезжавший должен был показать, что никто из его предков не был под судом инквизиции. Колонистов старались держать вдали от дел и поручали управление присылаемым из Европы чиновникам. Колумб и следовавшие за ним завоеватели и колонизаторы хотели независимо и полновластно распоряжаться в открытых ими землях и приобрести исключительное право на пользование их богатствами; в туземных «индейцах» они видели низший род людей, своих прирожденных рабов. Но испанское правительство решительно воспретило обращение краснокожих в рабство и торговлю ими. Защищая цветное население от насилий колонистов, правительство, однако, считало нужным держать индейцев под опекой, на правах несовершеннолетних: им было воспрещено занимать

деньги и заключать договоры, что лишало их возможности заводить какой-либо самостоятельный промысел. У духовенства были свои основания охранять туземцев. Монахи-миссионеры, особенно доминиканец Лас-Казас, современник Кортеса, отстаивали человеческие права новообращенных сынов церкви. Они указывали также на быстрое вымирание туземцев от тяжелой работы в рудниках и во вновь заведенных плантациях сахара. Защита индейцев не повела, однако, к устранению рабства в Америке. Чтобы удовлетворить владетелей рудников и плантаций, было позволено вывозить негров из средней Африки. Они и составили скоро многочисленное рабское население на Антильских островах и на материке Америки.

Первый колонизаторский народ в Америке не умел извлечь настоящей пользы из своих огромных новых владений. На испанских картах те территории, где не предполагалось золота и серебра, были помечены словами: «земли, не приносящие никакого дохода». Главная добыча получалась от выменивания у туземцев металлических вещей и от захвата сокровищ и запасов в завоеванных американских государствах. Писарро потребовал у пленного царя инков, чтобы для его освобождения доставили золото и наполнили большую комнату до черты, которую завоеватель провел рукой. Когда запасы, награбленные у американцев, стали истощаться, европейцы открыли (в 1545 г.) серебряные рудники в Потози (в нынешней Боливии).

От американской добычи и от разработки серебра быстро увеличился приток драгоценных металлов, направлявшихся в Европу. Но колонии не могли окупить сами своего производства. У них не было своей индустрии. Они получали из Европы не только продукты промышленности, орудия, материи, но даже предметы питания. Весь вывоз товаров в Новый Свет и весь привоз оттуда должен был направляться через город Севилью, единственный порт Кастилии, государства, которому принадлежали колонии; здесь взималась пошлина. Ежегодно из Севильи выезжал флот в 20—30 торговых судов, снабженных орудиями, но помимо того флот сопровождали особые военные суда, галеоны. В Сан-Доминго на о. Гаити корабли подвергались контролю и распределялись на два каравана: одна часть предназначалась для Новой Испании, т.-е. Мексики, и ехала к гавани Вера-Крус; другая служила для Центральной и Южной Америки и направлялась к Портобелло на Панамском перешейке. К сроку прибытия европейского флота привозили морем вдоль западных берегов Южной Америки товары из Перу и Чили в Панаму на берегу Тихого океана, отсюда на мулах их перевозили через перешеек. Колонии не имели права торговать с Европой иначе, как через посредство ее флота; отгороженные друг от друга торговыми заставами, они не могли даже обмениваться между собою европейскими продуктами. Все закупки для колоний надо было сделать в короткий сорокадневный сезон ярмарки в Портобелло. Каждые три года у берегов средней Америки соста-

влялся «серебряный флот» из галеонов, который вез обратно в Европу груз драгоценных металлов.

У португальцев были другие цели торговли, но приемы их во многом похожи на систему испанцев. Португальцы стали заселять колонистами только одну область Америки, Бразилию; но приток переселенцев направлялся сюда очень медленно. Главной их задачей было захватить рынки пряностей и ценных товаров (слоновой кости, шелка, золотого песку, жемчуга, фарфора) в Ост-Индии. Всюду португальцы, чтобы выключить торговых соперников, нападали на берега, грозили военной силой, строили крепости, ставили гарнизоны. Первые исследователи, адмиралы и наместники португальских владений в Азии, Васко да Гама, Альбукерк и др., были храбрыми и предприимчивыми завоевателями. Сама торговля была похожа на военные экспедиции, правильно повторявшиеся и руководимые правительством: «Индийская палата» в Лиссабоне ведала все торговые отношения с Востоком. Путешествия были долги и трудны; проезд из Лиссабона в Гоа, главное владение португальцев в Индостане, длился 18 месяцев. Драгоценные товары грузились на тяжелые военные корабли, карраки, наводившие страх на персов, индусов и арабов.

Антверпенская биржа. Обмен Испании с Америкой посредством флотов и галеонов и *монопольная* (исключительная) торговля Португалии с Азией сделали эти обе страны богатейшими в Европе по ввозу. Но обе были бедны своею внутренней жизнью, не имели развитой промышленности, значительного ремесленного и рабочего класса и крупных капиталистов. Благодаря энергии своих конкистадоров и моряков пиренейские государства только забирали массами большую заморскую добычу, но не могли ни распродать ее по Европе, ни превратить свои запасы золота, серебра, пряностей и предметов роскоши в торговые и фабричные предприятия. Эти запасы остались бы в Испании и Португалии мертвым капиталом, если бы не явились посредниками опытные и богатые германские и итальянские купцы. Особенно деятельное участие в новой океанической торговле приняли фирмы Фуггеров и Вельзеров в южно-германском Аугсбурге. Они снабжали отходившие в Индию торговые эскадры европейским фабричным товаром, закупали у португальцев индийский перец, когда еще он был в море, давали королю Португалии большие задатки и только этим непрерывным отпуском денежных средств делали возможным дальнейшие поездки на Восток. Наконец, они вывозили сами американские и индийские товары из Испании и Португалии в другие страны Европы.

Сложные операции старо-европейских капиталистов сосредоточились в новом центре международной торговли, где товары Нового Света стали встречаться с продуктами европейских стран. Этим центром стал фламанд-

Испанские и португальские колонии в XVI веке.

ский город Антверпен на Шельде, недалеко от устья Рейна, близ канала, отделяющего Англию от материка.

Грузы перца и других колониальных товаров, едва коснувшись Лиссабона, направлялись морем вдоль западных берегов Европы в Антверпен; сюда подвозилось также английское сукно, медь и немецкий бархат; на больших антверпенских ярмарках определялись цены на все эти предметы, закупавшиеся для разных стран Европы. В середине XVI века, по словам англичан, «Антверпен поглотил торговлю других городов». В течение месяца в нем совершалось больше дел, чем в прежнее время в Венеции за два года. Торговля Антверпена не была похожа на обмен старых европейских рынков. Товары по большей части не привозились на место и не выставлялись для осмотра; вместо них присылались образцы, по которым заказывали покупку. Городской совет Антверпена, имея в виду облегчить устройство сделок, ознакомление купцов с образцами, переговоры между заказчиками и доставителями, выстроил близ порта большое красивое здание «биржи» (bourse). «В антверпенской бирже слышался, — как пишет один наблюдатель, — смутный говор всех наречий, виделась пестрая смесь всевозможных костюмов, словом, антверпенская биржа казалась малым миром, в котором соединялись все части большого».

Кроме торговых сделок у капиталистов большой ход получили *спекуляции*, т.-е. расчеты на счастливые случайности в денежных оборотах, которые зависели от взаимных отношений народов и государств. Для капиталистов всей Европы было очень важно, перейдет ли северная Италия с ее торговыми путями в руки французского или испанского короля, а также вопрос о том, кого выберут в сан императора Германии. Главные спекуляции основывались на выдаче завоевателям и кандидатам на короны займов, при чем кредитовавшие их купцы и банкиры рассчитывали на большую прибыль в случае удачи политического предприятия.

Итальянские войны (1494—1516). В эпоху, когда океанические путешествия испанцев и португальцев только что начались, главная борьба интересов в Европе сосредоточивалась на Италии, стране богатой культуры, накопленной за четыре века сношений с Востоком и промышленного развития городов.

В 1494 г. Карл VIII, сын об'единителя Франции Людовика XI, перешел Альпы с крупным для того времени войском, в котором видное место занимали швейцарские наемники. Французский король занял, не встречая затруднений, северную и среднюю Италию, вступил последовательно в Турин, Милан, Флоренцию, Рим и, наконец, легко завоевал Неаполь; король строил планы отвоевания Иерусалима у неверных и изгнания турок из Европы. Он хотел овладеть Средиземным морем и пробиться к загороженным путям восточной торговли; по-своему он тоже искал «Индии», подобно испанцам и

португальцам. Успехи французов грозили папскому престолу, который занимал в это время папа-тиран Александр VI; король возобновил требования французского духовенства о созыве собора и реформе церкви. Во Флоренции появление французов вызвало народное восстание против тирании Медичи, и они были вынуждены бежать; на первое место в восстановленной республике выдвинулся суровый монах и пламенный проповедник, доминиканец Савонарола, в котором народ видел пророка. Савонарола гремел против флорентийской роскоши и светского искусства и увлек граждан к великому покаянию: многие принесли из домов своих художественные вещи, украшения, вольные книги и сожгли все это на большом костре перед Синьорией. Савонарола называл Христа главой республики; в то же время он беспощадно обличал развращенный римский двор.

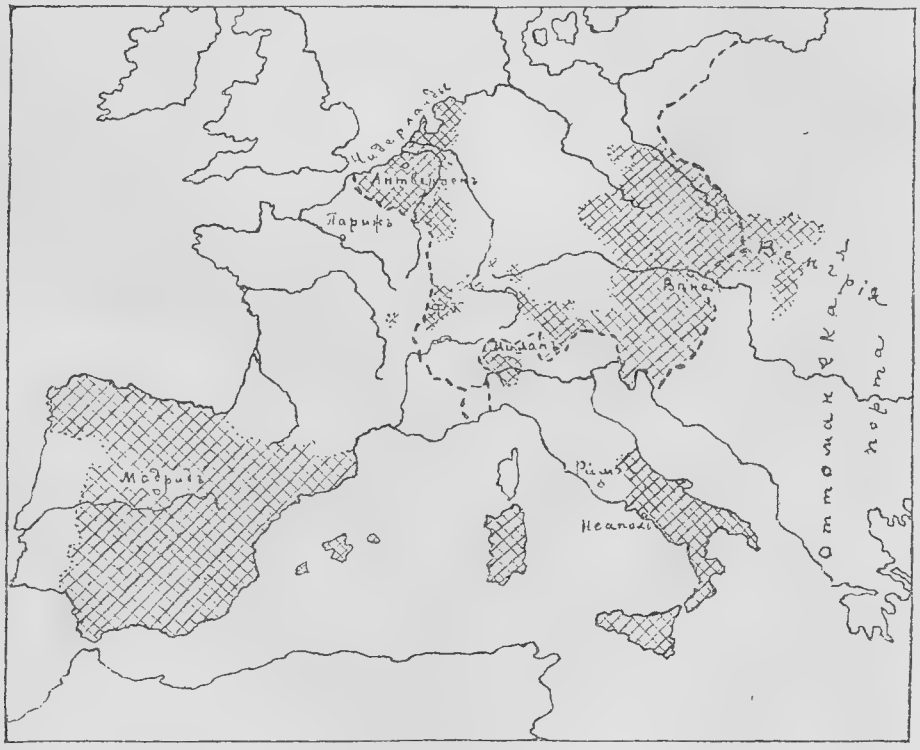
Французы быстро потеряли свои завоевания. Угрожаемый с севера, Карл VIII должен был уйти из Неаполя. Папа воспользовался поворотом настроения во Флоренции и враждой францискацев против ордена, к которому принадлежал Савонарола; монаха внезапно схватили, и папский легат присудил его к сожжению на костре.

Французские короли еще несколько раз возвращались в Италию. Но у них оказались соперники в лице германского императора Максимилиана Габсбурга, владевшего восточно-альпийскими проходами к Италии, и арагонского короля Фердинанда Католического, который также энергично преследовал цель завоевания Средиземного моря. Фердинанд изгнал французов из южной Италии и приобрел неаполитанское королевство (в 1503 г.). Французские короли сосредоточили теперь свои усилия на ближней к ним северной части Италии. В 1515 г. король Франциск (Франсуа I) сломил при Мариньяно сопротивление непобедимых до того времени швейцарцев, которых на этот раз нанял миланский тиран, взял Милан и всю западную часть долины реки По. Швейцарцы ушли с поля борьбы за Италию с выгодой для себя: они удержали главную долину по южному склону Альп за С.-Готардом (р. Тичино) и заключили с победителем «вечный мир», по которому он обязался платить кантонам ежегодно 700.000 золотых за право набирать в стране наемников на французскую службу.

Политика Карла V. Одновременно умер опасный враг Франции, Фердинанд Католический, и его место занял внук по матери Карл Габсбург, получивший от другого своего деда, Максимилиана, «бургундское наследство», т.-е. Нидерланды, а после смерти Максимилиана—австрийские земли (австрийское эрцгерцогство, Штирию, Тироль, Каринтию) в юго-восточной Германии. Владения Карла были необычайно велики; в них «никогда не заходило солнце». Особенно важно было то, что они соединяли в себе военную силу Испании и завоеванные ею богатства Нового Света вместе с главным торговым и денежным центром Европы—Антверпеном. Карл и Франциск везде были

соперниками: в Италии, где одному принадлежал юг, другому север, в Средиземном море, у канала и у Северного моря, где Нидерланды с их морскими выходами и богатой промышленностью и составляли именно спорную область.

В 1519 г. со смертью Максимилиана открылся вопрос о выборе императора в Германии; оба противника выступили кандидатами. Выборы обратились в огромный аукцион, при чем Франциск и Карл старались перебить друг друга подарками, которые подносились избирателям (курфюрстам) и тем,



Габсбургские владения Карла V и его брата Фердинанда (с 1526 г. короля Богемии и Венгрии). - - - - - Граница Германской империи. ФК—Франш-Конте.

кто мог иметь на них влияние. Избиратели склонились на сторону более богатого Карла (в Испании он был Карл I, в качестве императора Германии, от 1519 до 1555 года, назывался Карлом V). Средства для подкупа курфюрстов, 850.000 флоринов, Карл получил от капиталистов южно-немецких городов, а также Генуи и Флоренции. Больше половины дал аугсбургский купец и банкир, Яков Фуггер, который уже ссужал Максимилиана, и в виде залога получил все альпийские рудники, принадлежавшие Габсбургам.

Между Карлом и Франциском начались войны, которые тянулись чет-

верть века и возобновлялись четыре раза (1521—1544). Вместе с императорской короной Карл получил в свои руки линии сообщения между Нидерландами и Альпами и готовился выбить французов с итальянской половины великого средне-европейского пути. Интересы наций не принимались во внимание в его политике: нидерландцы составляли его администрацию в Испании, а немецкие наемники отправлялись в итальянские походы. Но Карл должен был приспособляться к установившимся политическим обычаям в разных странах. Управляя неограниченно в Неаполе, он был связан собраниями сословных представителей в Кастилии, Арагоне, Сицилии, Нидерландах, Германии. В Нидерландах каждая область имела особые привилегии, а в Германии император, в силу условий своего избрания, мог созывать рейхстаг, издавать законы, заключать договоры с другими державами лишь с согласия совета курфюрстов; он не имел права вводить в Германию иноземные войска.

В 1525 г. Карл достиг полного успеха: при Павии его сборное войско из испанцев, итальянских и немецких наемников разбило Франциска, король французский был взят в плен и отвезен в столицу Кастилии, Мадрид. В виде выкупа за свое освобождение он должен был отказаться от итальянских завоеваний своих и от всяких притязаний на Италию. Но, едва выскользнув из плена, Франциск возобновил войну; на его сторону перешел папа, образовалась лига (союз) для изгнания испанцев из Италии. Карл V, лично верный церкви, позволил своему войску, состоявшему из немецких ландскнехтов (пеших копейщиков), захватить Рим, и город, полный художественных богатств, античных и современных, вновь перестроенный папами, покровителями искусств был жестоко разграблен (1527). За Карлом осталась северная Италия с Миланом и крепости в области, принадлежавшей Флоренции. Но в то же время у Карла на востоке появился опасный враг, заключивший союз с Францией. Османские турки возобновили, при султане Солимане, свои завоевания в Европе, остановившиеся с половины XV в. В 1526 г. в сражении при Могаче погиб выступивший против них чешский и венгерский король Людовик, родственник императора. После этого турки захватили большую часть Венгрии и подступили к Вене, где их, однако, отбили войска императора (1529). Для того, чтобы оборонить от нападений мусульманских пиратов Италию и Испанию, Карл предпринял против них два похода в Тунис и Алжир. В самой империи против него соединялись протестантские (т.-е. отпавшие от католической церкви) князья, которых поддерживал опять-таки французский король.

Ни одно государство Западной Европы не осталось в стороне от этих столкновений. Английский король присоединялся то к одному, то к другому из соперников. В больших войнах между крупными европейскими государями всем остальным приходилось не только наблюдать свой ближайший интерес, но также выбирать между воюющими, чтобы не дать одной стороне чрезмерно усилиться и стать опасной для других.

II.

Реформация в Германии.

Италия в начале XVI в. Около 1500 г. Италия была самой богатой и просвещенной страной Европы. До небывалой высоты поднялось итальянское искусство. В то время, как все возрастал спрос на картины, фрески, статуи, художественные постройки и украшения для церквей, для папских, княжеских и магнатских дворцов, художники улучшали технику, яркость красок, верность изображения, красоту линий; они ставили также новые возвышенные, идеальные цели.

Начиная с Леонардо да-Винчи (1452—1519), работавшего, главным образом, в Милане, идет целый ряд мастеров, которые обладали разнообразными сведениями, деятельно и чутко относились к движениям современного общества. Как философ, как составитель теории своего искусства, Леонардо придавал огромное значение наблюдению и опыту: он настойчиво изучал анатомическое строение человека, производя неслыханные в то время рассечения трупов. Самым крупным художником первой половины XVI в. был флорентиец Микель Анджело Буонаротти (1475—1564), поразительный по своей многосторонности, скульптор, живописец, архитектор и поэт. Выдавались также его современники—Рафаэль Санцио в Риме (1483—1520) и Тициан в Венеции.

В первую четверть XVI в. был большой спрос на итальянское искусство. Франциск I во время своего первого похода пригласил во Францию Леонардо да-Винчи. Позднее он вызвал флорентийца Андреа дель Сарто расписать замок Фонтенбло и снабдил его большими суммами для закупки картин разных художников в Италии. Тициан несколько раз писал Карла V. Художники сознавали свою силу: Микель Анджело говорил с папой, не снимая шляпы; Тициана, как рассказывает биограф, посещали «все государи, ученые и выдающиеся лица, приезжавшие в Венецию».

Самыми щедрыми покровителями искусства были правители Рима, папы. Рядом с восстановленной из праха старины они хотели выстроить новый Рим, который бы сравнялся с императорским. Папа Юлий II (1503—1513) призвал лучших художников Италии, между ними Микель Анджело, и начал постройку огромного собора св. Петра. Его преемник, Лев X (1513—1521) из фамилии Медичи, поручал большую часть работ Рафаэлю, расписавшему историческими картинами станцы (залы) Ватикана. Лев X держался по преимуществу светского направления. При его дворе происходили театральные представления. За торжественными обедами среди кардиналов и прелатов сидели богато одетые дамы. Вся обстановка папского Рима получила языческий

характер: при в'езде Льва X после его избрания поставлена была триумфальная арка, украшенная изображениями древних богов с надписью: «За господством Марса и Венеры (богов войны и любви) наступает царство Паллады (богини просвещения)». Эти черты папства выступали тем резче, что оно продолжало жить на старые средства, на взносы верующих, искавших у главы церкви прощения грехов и дарования вечного блаженства. Чтобы добыть денег на окончание собора в Риме, папа в широких размерах устроил в Германии продажу индульгенций; там говорили, что Рим обстраивается «на немецкие грехи».

Предшественники реформации. Против светского папства поднималось недовольство во всех странах Европы. Всюду требовали реформы церкви, но у каждой народности движение носило особый характер. В Испании, где целые века шла борьба с неверными, и народ считал делом чести истреблять беспощадно все чужое, ученые и проповедники старались возродить монашество, истязания плоти и опасные подвиги; но они хотели направить знания, искусство речи, поэтический дар и нравственную энергию монахов на истребление врагов церкви, еретиков и отрицателей, и на завоевание темной массы язычников. Близко к мрачному благочестию испанцев стояли итальянские ревнители, которые, подобно Савонароле, выступали против блестящей и художественной жизни Рима и хотели поставить во главе церкви строгих судей веры.

Иные настроения были в странах заальпийских, где противники римской церкви примыкали к старинным ересям, вальденцам и гуситам. В Германии, Франции, Англии многие считали и строй, и учение католической церкви искажением сравнительно с чистым христианством первых трех веков. Все позднейшие прибавления и *предания* должны быть отброшены. Сущность христианства состоит в том, что человек *спасается только верою*, но *не добрыми делами*, не заслугами. Нет никаких земных средств, чтобы приобрести блаженство за гробом. Посты, церковные наказания, отпускные грамоты не имеют силы; бесполезно призывать помощь папы, святых. Единственный посредник между богом и людьми—Христос; священники должны быть лишь толкователями его откровения, выраженного в Писании. От этого *библейского* направления, имевшего сторонников в университетах, отделилось *мистическое*. Мистики, среди них многие монахи и священники, думали, что откровение не связано с писанным словом; оно основано на непосредственном общении человека с божеством; религия должна быть свободным вдохновением.

Реформация по мысли гуманистов. Для ученых, углубившихся в литературу древних греков и римлян, на первом месте было просвещение общества, распространение в его среде чистых источников богопознания. В XV в. ученые филологи, т.-е. знатоки античных писателей, сосредоточивались в

Италии. Около 1500 г. филология получает большое распространение за Альпами. Главный представитель этой науки в первой трети XVI в.,—голландец Эразм из Роттердама (1467—1536), учившийся в Кельне и Париже, потом живший в Лондоне и Оксфорде, побывавший в Италии и под конец жизни поселившийся в Базеле. Эразм более всего был занят изданием исправленных подлинных текстов античных авторов и их истолкованием. Среди этих текстов видное место занимали отцы церкви и особенно Новый Завет. По мысли Эразма, все должны узнать «проповедь о Христе из самого источника», т.-е. евангелие должно стать общим достоянием всего грамотного мира; лучший путь к истине, это — свободное изучение великой книги. К библии Эразм применяет те же приемы критики, что к древним писателям. По его мнению, нельзя ни в чем держаться буквы; важно проникнуть в великие нравственные начала, выраженные христианством.

Эразм видел большое зло в испорченности и невежестве клира: он ожидал реформы от просвещенных пап, прелатов и государей, как покровителей «добрых знаний»; они должны были, по его мнению, открыть золотой век мирного процветания науки и отстранить испорченных невежд от дела просвещения народов. Эразм поддерживал огромную переписку с учеными всех стран; его звали к своим дворам государи; к нему, как на богомолье, отправлялись многочисленные поклонники; по его указаниям работали молодые ученые «эразмовцы». По взглядам ближе всего к Эразму стоял его друг, англичанин Томас Мор, принадлежавший, во время пребывания Эразма в Англии, к кружку оксфордских ученых-просветителей. Свои мечтания о близком счастливом веке, который водворится вследствие мирного переворота в умах, Мор выразил в фантастическом описании общества острова Утопии. Там живет свободный народ; он не ведет войн, у него нет ни роскоши, ни бедности, все люди обладают равным достатком, так как между ними проведена общность имущества; благодаря этому каждый может «подняться духом, развиться в науках и искусствах». Женщинам открыто образование, одинаковое с мужчинами; им доступны также все общественные должности и занятия. В делах веры нет стеснения; религия — дело личного убеждения; ее сущность в нравственном совершенстве, а добродетель не что иное, как жизнь, согласная с природой, т.-е. разумом.

В Германии гуманистическая наука приобрела скоро множество поклонников. Масса типографий — их насчитывали до тысячи к 1500 г. — содействовали распространению нового научного интереса. Его поддерживали богатые патриции южно-германских городов: Аугсбурга, Нюрнберга, Базеля. Но в многочисленных германских университетах преподавание велось по-старому и находилось большею частью в руках монахов. Сторонники нового просвещения восставали против узости старой школы, нападали на ее тяжеловесную

и неясную науку и выдвигали против нее идеал свободной «поэзии», вдохновляющейся образцами греческих и римских писателей.

В войне, которую вели «поэты» и гуманисты против монашеской учености, один эпизод занял внимание всего германского общества. Доминиканцы-инквизиторы в Кельне старались выхлопотать у императора Максимилиана указ о сожжении еврейских ученых книг. Но император, сам гуманист, обратился за советом к лучшему знатоку еврейской литературы—Рейхлину, и ученый выступил в защиту этих книг, указывая на важное значение их для христианской философии и для просвещения вообще. Доминиканцы хотели притянуть к суду инквизиции самого Рейхлина, но это им не удалось. Напротив, гуманисты воспользовались случаем, чтобы напасть на их узость и нетерпимость. Особенный успех имела анонимная сатира под заглавием «Письма темных людей»: содержание ее — переписка представителей старой школы между собою, при чем они пишут невозможно варварской латынью, рассказывают друг другу о своих мелких проделках, интригах и сомнительных похождениях, задают своему главному авторитету будто бы ученые, целено-ухищренные вопросы и т. п. От насмешливого обозначения их в сатире obscuri viri (неизвестные люди) пошло в ход прозвище обскурантов, прилагаемое к противникам просвещения.

Одним из сотрудников в составлении «Писем темных людей» был Ульрих фон-Гуттен (1488—1523), из бедного рыцарского рода. Гуттен гораздо резче Эразма. Проникнутый горячей любовью к своему отечеству, раздробленному, униженному и разоренному поборами из Рим, он видел выход лишь в беспощадной борьбе. Гуттен издал существовавшее только в рукописи сочинение итальянца Лоренцо Валла о константиновом даре, где опровергалась выгодная для нас басня о том, что первый христианский император передал папе светское владение. Гуттен имел смелость иронически посвятить издание Льву X, прибавляя, что ведь он не похож на своих предшественников, разбойников и воров.

Движение к реформе, поднимавшееся в первую треть XV столетия, в эпоху великих соборов, разбилось на взаимно враждебные партии и не достигло цели. После 60—70 лет отлива и затишья оно снова выступило с силой, увлекая за собой все классы общества. Началось оно в Германии по вопросу второстепенному и поднято было человеком сильного таланта и энергии, но далеко не передовым по своим идеям.

Мартин Лютер (1483—1546), сын саксонского крестьянина, натура необузданная, способная болезненно преувеличивать свои чувства, рано ушел в монастырь: его мучила мысль о гневе Божием и Страшном суде; он видел въявь дьявола и вступал с ним в борьбу; человек, казалось ему, подавлен грехом и должен неминуемо погибнуть. Единственное спасение в заступничестве Христа, которое Он дает человеку без малейшей заслуги. Эта мысль об

«оправданием верою», подкрепленная чтением немецких мистиков XIV в., успокоила встревоженную душу Лютера. Курфюрст саксонский, Фридрих Мудрый, пригласил Лютера профессором вновь основанного университета в Виттенберге. Когда в Германии начали продавать индульгенции для построения храма св. Петра в Риме, Лютер, движимый своею ревностью к вере и считая папу невиновным в великом злоупотреблении, вызвал на спор доминиканца Тецеля, распространявшего грамоты, и выставил по обычаю у дверей соборной церкви Виттенберга 95 положений (1517). В них говорилось между прочим: «Если бы папа узнал о грабительстве проповедников, ходящих с грамотами, он бы лучше сжег церковь св. Петра, чем строить ее на счет плоти, крови и костей порученных ему овец. У церкви одно истинное сокровище, это — святейшее Евангелие о величии благости Божией». Главный руководитель продажи индульгенций в Германии, архиепископ Майнцский, принес папе жалобу на Лютера. Но курфюрст саксонский, благоволивший Лютеру, не согласился выдать его на суд в Рим, а кардиналу, который в личной беседе с Лютером потребовал у него отречения, глубоко убежденный монах ответил отказом.

Усердные противники ускорили разрыв Лютера с Римом, в свою очередь вызвавши его на диспут в Лейпциг. Здесь защитник папы Эк заставил Лютера признаться, что он повторяет еретические учения Гуса и Уиклефа. Эк отправился затем в Рим и выхлопотал папскую буллу, осуждавшую Лютера. Но Лютер чувствовал себя уже свободным от страха перед церковными авторитетами. Он сжег буллу в Виттенберге в присутствии множества студентов и бюргеров. Во всей Германии горячо отзывались на его слова. Глава недовольных имперских рыцарей, Зикинген, предлагал Лютеру в виде убежища свой замок; Гуттен вступил с ним в переписку и соединился для борьбы за права немецкого народа. В сатире «Римская Троица» он изображает Рим огромным складом добра, награбленного со всего света; папа, окруженный толпой жадных пожирателей, как ненасытный хлебный червь, точит это добро и сосет кровь и мозг немцев. Объявляя Риму войну, Гуттен приписывает в конце: «Да здравствует свобода! жребий брошен!». В свою очередь Лютер обращается к мятежному рыцарству и набрасывает очертания реформы. Пусть созовут собор. Папа, «жалкий смердящий грешник», пусть будет лишен светской власти и займется Библией и молитвенником. Не должно быть вообще различия клира и мирян. «Все христиане — священники». Община сама будет избирать своих духовных руководителей. Все должно быть перестроено: и школы, бывшие до сих пор «вратами ада», и общественный порядок; надо «умножить число земледельцев и сократить купцов». Призывы Лютера и Гуттена попали в крайне возбужденную среду.

Князья, города и крестьяне в Германии. В большой стране, включавшей в себе, кроме нынешней Германской империи, Нидерланды, Австрию и наш Прибалтийский край, не было общего порядка. Император был лишь одним из

сильнейших князей, рейхстаг — с'ездом самостоятельных и частью враждебных между собою *чинов империи*, т.-е. князей и городских властей. Не имея ни войска, ни финансов, империя не могла охранить свои окраины от нападений турок или французов; нельзя было обеспечить безопасность и внутри страны, особенно сдерживать разбойничавших рыцарей; не существовало способов решать споры иначе, как усобицей и самозащитой. Поэтому на рейхстагах постоянно поднималась речь о *реформе империи*, т.-е. об устройстве более тесного союза между чинами и учреждении союзного правительства. Но при всяком приступе к реформе обнаруживалась противоположность интересов между князьями и независимыми, так наз. имперскими, городами. В рейхстаге города были представлены гораздо слабее князей: из трех курий (голосующих отделений) им принадлежала одна, тогда как князьям две (одна—курфюрстам, другая—остальным князьям).

В начале XVI в. при императоре Максимилиане (1493—1519) крупные князья решили об'явить обязательный мир во всей империи, установить имперский суд для разбора столкновений с тем, чтобы приводить в исполнение его приговоры и наказывать нарушителей мира при помощи вооруженной силы. Но Максимилиан расстроил попытку князей составить союзное правительство, опасаясь, что оно вовсе отодвинет в сторону императора. Бессильный править сам в Германии, император отлично устроил свои династические дела: собственным браком приобрел «бургундское наследство», т.-е. Нидерланды, а браками своих детей и внуков обеспечил потомству испанскую корону, Богемию и Венгрию.

У князей была еще одна важная забота: они желали получить в свое распоряжение церковные владения. Между тем богатые аббатства, монастыри и вообще духовные владетели знали только одного владыку, римского папу, и платили взносы только в Рим. Поэтому князья присоединились к жалобам на жадность и несправедливые притязания римской курии. Почти одновременно с грозными вызовами Лютера рейхстаг послал в Рим изложение «ста обид немецкой нации». У рыцарей и городов были свои основания добиваться *общей реформы церкви* в пределах империи. Рыцари, давно переставшие нести императорскую службу, разоренные и упорно уклонявшиеся от труда, надеялись увеличить свои наделы и доходы от захвата земельных угодий и запасов церкви. Просвещенные деятельные горожане хотели воспользоваться учреждениями и капиталами церкви, чтобы устроить светские школы для общего образования в новом духе.

Еще гораздо напряженнее было недовольство и ожидание реформы в низших классах, между тем как их голос вовсе не доходил до рейхстага. Главным образом, волновались крестьяне на юге и в средине Германии. В XIII веке крестьяне этого края находились в сравнительно хорошем состоянии. Крестьяне пользовались общинными угодьями, лесом, пастбищем, ловлями; сеньеры

большею частью предоставляли им землю в наследственную аренду, и крестьяне, ведя свое хозяйство, лишь отдавали долю своего дохода господам, платили им судебные пошлины и делали приношения. К XV и еще более к XVI в. положение крестьян изменилось. Сеньеру и рыцарю нехватало уже прежнего дохода, так как деньги стали дешевле, а потребности жизни поднялись. Некоторые более крупные владельцы перешли к ведению собственного хозяйства; им нужны были не арендаторы, а работники. Они пользовались тем, что рабовладение не было отменено законом, и стали приобретать людей в качестве холопов. Мелкие рыцари увеличивали денежные требования, где только могли: заявляли свои права на общинные угодья и заставляли крестьян платить за пользование лесом, выгонами и т. д., увеличивали судебные сборы, хотя никакого разбирательства дел давно уже не вели сами.

В городах ремесленники, подмастерья и рабочие, писцы и другие мелкие служащие, нищенствующие монахи и простые священники сочувствовали крестьянам; здесь составлялись воззвания, выходили сатиры на князей, рыцарей и духовенство, притесняющих народ, листки, иногда иллюстрированные выдающимися художниками, напр., Гольбейном. Особенно была в ходу картина, изображавшая мир навыворот: пахарь стоит у алтаря, как бы награжденный этим за долгий труд, а поп, не привыкший к работе, плетется за плугом. У людей низших классов сложилось свое представление о великом перевороте, который может принести счастье обездоленным. Страшный суд Божий пройдет по земле. Отнимется у сильных неправедно захваченное ими имущество и прежде всего у духовенства, которое ничего не делает, и за грехи которого Господь карает весь народ. Явится сильный государь, который станет во главе простого люда и отдаст ему землю.

Рейхстаг в Вормсе. Все эти движения в Германии были враждебны господству римской церкви, но очень расходились между собою. Общий клич был: «реформация, жизнь согласно чистому учению Писания», но каждая группа вкладывала особый смысл и содержание в эти общие слова.

При напряженном состоянии всей нации в Германию прибыл вновь избранный Карл V и созвал рейхстаг в Вормсе-на-Рейне (1521 г.). Сюда император пригласил Лютера, и саксонский монах поехал, хотя его и предостерегали участью Гуса. Перед императором и князьями Лютер должен был изложить свои взгляды. Когда император прервал его длинную речь и потребовал отречения, Лютер об'явил, что убеждение его может поколебаться только, если противники докажут его неправоту Писанием. Хотя Лютеру дали свободно уехать, но можно было опасаться ареста на дороге; поэтому доброжелатель Лютера, курфюрст саксонский, спрятал его в одном из своих замков. Карл V, занятый общеевропейскими планами, совершенно чуждый германскому движению, издал указ, которым произносил над Лютером опалу, осуждал сочинения

его на сожжение и вообще подчинял печатные произведения цензуре духовенства.

Тотчас же после рейхстага в Вормсе император уехал из Германии; война в Италии удерживала его потом за границей в течение 8 лет. В стране, предоставленной собственной участи, начались волнения. Народ местами врывался в церкви, ломал иконы и украшения, в которых видел «остатки язычества», изгонял монахов и прелатов. Лютер вышел скоро из своего убежища, снял рясу и женился на бывшей монахине. Под давлением общего голоса рейхстаг, собравшийся в отсутствии императора в городе Нюрнберге, признал, что для реформы церкви необходимо созвать общий собор не только из духовных, но также из светских лиц, а тем временем позволил «проповедь чистого евангелия по истинному разуму и согласно принятым церковью книгам». Рейхстаг пытался провести также светское преобразование империи, создать ее единство и ввести с этой целью общий налог, отобрав у папы аннаты (т.-е. взносы вновь пожалованных епископов за места); но так как князья хотели положить главную тяжесть налога на города и особенно стеснить пошлиной торговые компании, то весь план реформы рушился: капиталисты послали депутацию в Испанию к Карлу и упросили его отменить пошлины.

Великая крестьянская война. Ни властью императора, который оказался противником всякой реформы, ни общим решением чинов в Германии ничего нельзя было добиться. Недовольные выступили теперь помимо и против высшей императорской власти. Гуттен в ряде *памфлетов* (небольших резких сатир и воззваний) об'явил банкиров, юристов и клириков истинными разбойниками, а князей — тиранами, и звал города соединиться с рыцарями для защиты свободы. Зикинген, кондотьер, скучавший без дела, собрал на с'езд рейнских и швабских рыцарей и открыл войну против одного из духовных князей, об'являя, что борется за «христианскую свободу». Рыцари были скоро опрокинуты соединившимися князьями: их артиллерия прикончила старинный замок Зикингена и его самого; в то же время умер укрытый Зикингеном Гуттен.

Следом за рыцарями поднялись крестьяне во всей почти южной Германии и во многих местах средины (1524—1525). В Швабии проповедник Шапеллер составил «12 основных и главных положений всего крестьянства». Первое требование крестьян—чтобы священника выбирал народ, и чтобы евангелие возвещалось во всей чистоте, без примеси человеческого вымысла; затем должна быть отменена крепостная зависимость, потому что «Христос всех нас без исключения освободил и искупил своею драгоценной кровью, последнего пастуха наравне с самым знатным». Крестьяне требуют возвращения отнятых у них общинных земель, свободного пользования водами, лесом, ловлей рыбы и дичи, умеренной и справедливой барщины и оброка и уничтожения права помещика брать наследство умершего крестьянина. Так как князья и сеньеры-

владетели отказались принять эти требования, крестьяне стали собираться большими отрядами, громить дворянские усадьбы и двинулись на города; к ним присоединились ландскнехты, не имевшие дела, а во главе отрядов местами становились обедневшие рыцари.

Во Франконии (на юг от р. Майна) крестьянам удалось соединиться с бедным людом среди горожан и занять город Гейльброн. Здесь собрались выборные от крестьян и выпустили воззвание, в котором предлагали реформу всей империи: всем людям следует дать равенство перед законом и свободу передвижения; князья и другие сеньеры должны лишиться своей власти и обратиться в чиновников, подчиненных императору, а его власть необходимо усилить и положить конец раздроблению страны; на управление пойдет доход с церковных имуществ, которые надо отобрать на светские нужды.

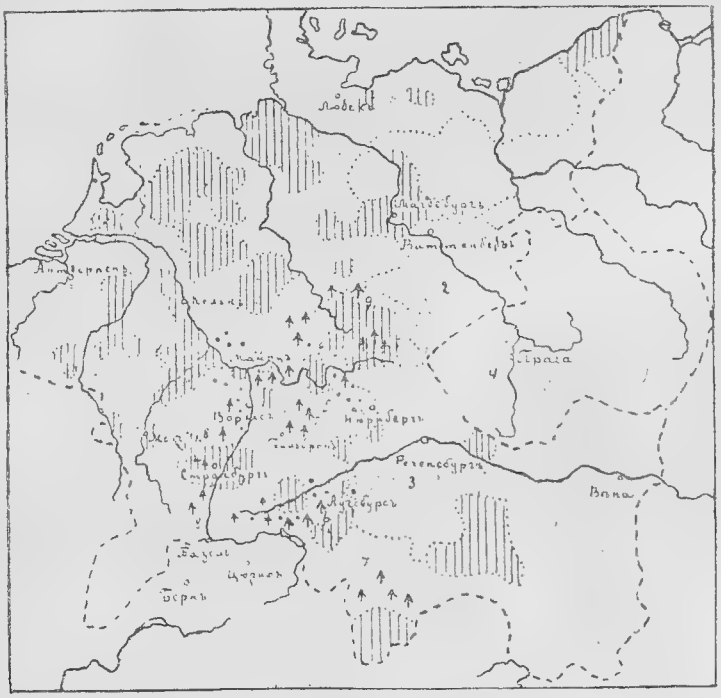
Самые решительные из проповедников примкнули к восставшим. Томас Мюнцер обещал за все страдания народа близкое наступление царства Божия, земной рай всеобщего равенства и братства под управлением боговдохновенных пророков. На его призыв крестьяне в Тюрингии собрались в большой лагерь наподобие чешских таборитов. Лютер теперь резко переменил воззрения. В его первых сочинениях есть горячие требования сжалиться над участью крестьянина, облегчить его положение. Но когда началось восстание, Лютеру пришлось выбирать, и он стал на сторону князей и сеньеров: весь свой гнев он излил на мятежников, призывая к дикой расправе над ними.

Движение крестьян сначала носило очень грозный характер, но скоро было рассеяно. Бедный класс в городах не оказал деятельной поддержки крестьянам. Богатые горожане, напротив, соединились с князьями и прелатами для подавления мятежа. Сельские дружины, плохо вооруженные, не обученные военному делу, всюду были разбиты наемными ландскнехтами. Местами восставших наказывали со страшной жестокостью: ослепляли захваченных или вешали рядами на дорогах. Положение крестьян не стало лучше. Сеньерам и рыцарям-собственникам вернули их права на барщины и пошлины, но, будучи водворены во владения при помощи княжеских войск, они должны были подчиниться князьям, которые получили таким образом главный выигрыш от *реакции* (подавления революции).

Умеренная реформация и анабаптисты. Победителями из борьбы вышли князья и частью самостоятельные города: в руках этих отдельных сил, ревниво наблюдавших свою власть и интересы, и осталось дело реформы церкви. Некоторые князья, курфюрст саксонский, ландграф гессенский и др. приступили к *секуляризации*, т.-е. отобранию имуществ, принадлежавших монастырям и духовенству (буквально: передаче «вечного», бывшего владения — секулярной, т.-е. земной, временной власти). Замечательным примером секуляризации было превращение Тевтонского духовно-рыцарского ордена в светское

Прусское герцогство, при чем его владыка-монах обратился в наследственного князя, а братия-рыцари — в наследственных же владетелей больших имений.

Другое следствие местных реформаций состояло в том, что вместо сановных, зависящих от Рима клириков, были назначены проповедники и богословы, подчиненные местным князьям или городским магистратам. Новые *пасторы* не были связаны монашескими обетами, не были облечены таинственной благодатью и не возвышались над мирянами; они считались простыми



Германия в начале реформации. Полосками показаны владения духовных князей. Точки означают распространение имперских рыцарей. Стрелки—места крестьянских восстаний. 1—Бранденбург, 2—Саксония, 3—Бавария, 4—Богемия, 5—Франкония, 6—Швабия, 7—Тироль, 8—Эльзас, 9—Тюрингия.

учеными, учителями и толкователями открытого и доступного всем Писания. По поручению властей Лютер и другие «евангелические» проповедники, отрекшиеся от папы и Рима, отправлялись по городам и деревням, чтобы уничтожить «языческие» обряды, отменить торжественную мессу, тайную исповедь, посты и почитания мощей, ввести причащение под обоими видами для мирян, богослужение на народном языке и утвердить учение, согласное Библии. В одном важном вопросе Лютер должен был смириться и уступить: новые священники не выбирались свободно общинами прихожан, как он требовал в первых своих сочинениях: их назначали местные правители, князья, которые

с отменой епископов присвоили себе сами епископскую власть и стали считаться главами местных церквей.

Вместо общей реформации церкви совершался *раскол*. Далеко отодвинулись планы мирного широкого просвещения умов в духе Эразма. Сам Эразм, колебавшийся между Римом и его противниками, осмеянный Лютером, доживал последние годы как бы в тени, не пользуясь и половиной прежнего авторитета. В среде самих проповедников нового учения произошло резкое разделение. Вначале Лютер, повторяя мистиков, говорил, что для человеческого духа, свободно возносящегося к Богу, не нужны ни символы, ни догматы. Когда самые ревностные сторонники реформации начали звать народ на свободную проповедь вне церквей, Лютер испугался и указал в Библии незыблемую основу учения; свобода может выражаться только в толковании текстов.

Всех, кто отрицал писанное откровение и ссылался на откровение внутреннее, стали называть *анабаптистами*, т.е. перекрещенцами (они допускали крещение лишь взрослых, так как видели в этом акте сознательное перерождение человека). Анабаптисты хотели «справедливого» порядка; пусть общины состоят из немногих, но эти немногие должны быть «святы», т.-е. нравственно совершенны; они сочувствовали равенству и общности имуществ; в утвержденных властями проповедниках они видели угодников могущества и богатства. Они высказывались против самой власти, признавая ее языческой силой, против войны, клятвы и присяги. В свою очередь и власти, и утвержденные ими пасторы принимаются жестоко преследовать анабаптистов: им клеймят языки, их жгут на кострах в качестве еретиков и безбожников. Их гонят из страны в страну: удаленные из Швейцарии, они расходятся по южно-немецким городам, оттуда бегут на нижний Рейн, в Голландию, и на восток, в Моравию.

В то время, как на севере Германии большею частью приняли саксонские порядки, введенные Лютером и его сотрудником, Меланхтоном, в городах Швейцарии и южной Германии держались устройства и учения Цвингли, реформатора Цюриха. Цвингли, одновременно с Лютером, выступил против продажи индульгенций и побудил цюрихский городской совет отменить посты, крестные ходы, мессу и церковную музыку, разрешить причащение вином для мирян и свободную проповедь. Более проникнутый гуманизмом, Цвингли разошелся с Лютером в вопросе о том, как толковать причащение: истинно ли вкушается тело и кровь Христовы, как учило католичество и допустили лютеране, или этот обряд заключает в себе лишь символ, напоминание духовного общения человека с Божеством. Цвингли был гораздо более политиком, чем Лютер: он настаивал на распространении реформации в швейцарском союзе и на увеличении самого союза, поднимал голос против ухода из страны наемников и против пенсий, получаемых швейцарскими патрициями за позволение иностранным государям вербовать в Швейцарии ландскнехтов. Когда старин-

ные лесные кантоны, верные папе, начали войну с Цюрихом, Цвингли пошел с солдатами и погиб в сражении (1531). Швейцарцы остались разделенными по вере (реформацию приняли другие городские кантоны, Берн и Базель), но не разорвали своего союза.

В 1529 г., за год до возвращения императора Карла V в Германию, большинство членов рейхстага в Шпейере, испуганное евангелическим движением, потребовало остановки секуляризации впредь до созвания общего собора. Меньшинство протестовало против этого решения, и с тех пор за сторонниками реформации закрепилось название *протестантов*. На следующий год на рейхстаге в *Аугсбурге* (1530) протестанты представили императору свое исповедание, составленное Меланхтоном. Все церковные нововведения были, однако, запрещены, и сторонникам реформации пригрозили опалой. Но император не в силах был восстановить единство в церкви и империи: папа не соглашался на созвание собора, а протестантов спасали внешние затруднения, вторжения турок и борьба Карла с французами: французский король вступал в союз с протестантскими князьями против императора. Между тем в течение 30-х годов XVI в. отделились от католичества северные страны Европы—Англия, Швеция, Дания.

Реформация в Англии. Король Генрих VIII (1509—1547), по обычаю времени, держал сторону просветителей против обскурантов; самый талантливый из оксфордских реформаторов, Томас Мор, был близким к нему человеком. Но английский король совсем не думал о реформе церкви: в 20-х годах, во время великой борьбы в Германии, он считался оплотом католичества, как родственник испанского дома, и сам писал резкие возражения против Лютера. Чисто личные дела повели к разрыву его с Римом. Папа отказался дать Генриху VIII развод с первой женой, испанкой Екатериной Арагонской, дочерью Фердинанда Католического. Тогда король обратился к английскому парламенту и конвокации (собору) английского духовенства.

Парламенты при первых Тюдорах, Генрихе VII и VIII, правивших после междоусобной войны, наполненные частью вновь пожалованными лордами, частью юристами на королевской службе, были весьма послушны. Оба собрания признали правильность развода и высказались против вмешательства папы в дела Англии. Затем парламент уничтожил аннаты, плативпиеся в Рим, и запретил исполнять в Англии папские интердикты. Наконец, по требованию Генриха VIII, парламент «актом о верховенстве» об'явил короля главой церкви и передал ему право судить, раздавать духовные чины и должности, распоряжаться доходами духовных учреждений, производить визитации (осмотры) церквей и монастырей, искоренять ереси и злоупотребления (1534). Но это вовсе не значило, чтобы открывались двери протестантскому учению. Напротив, сторонников евангелического направления преследовали и сожигали в качестве еретиков; одновременно с ними, в силу «законов об измене», каз-

нили, уже в качестве политических преступников, тех католиков, которые не соглашались признать церковное главенство короля; среди них был Мор, веривший когда-то, что король Генрих VIII откроет собой эру просвещенного мира и гуманности. Согласно богословским взглядам короля, парламент, чтобы укрепить вероучение, определил неподвижность догматов статутом «шести пунктов»; этот закон, «бич о шести хвостах», как его назвали протестанты, запрещал причащение под обоими видами, требовал безбрачия священников, католической обедни и тайной исповеди и грозил за отступление смертью на костре и конфискацией имущества.

Король извлек из церковной реформы большую финансовую выгоду и поделился ею с дворянством. Новому любимцу, Томасу Кромвелю, было поручено, в качестве генерального викария короля в церковных делах, произвести ревизию монастырей, церквей и духовных госпиталей под видом проверки политической благонадежности клириков и образа их жизни. Кромвель и его подчиненные наскоро собрали массу россказней и сплетен и составили огромный обвинительный акт, «черную книгу», на основании которой было приступлено к конфискациям церковного имущества. Испуганные клирики сами признавались в невероятных грехах, чтобы спасти жизнь. Драгоценные ризницы были расхищены чиновниками усердствовавшего Кромвеля; разбивали иконы и распятия под предлогом истребления «язычества». Монастырские земли распродавались спешно и дешево; покупкою их обогатились многие дворяне; из конфискованных земель король одарил новых лордов.

Епископы, признавшие главенство короля, исполняли послушно его церковные предписания, особенно Кранмер, архиепископ кентерберийский. При всей строгости, с какою соблюдались старинные обряды, все-таки неизбежно проходили некоторые новшества. Так, был допущен перевод библии на английский язык и английская литургия. Со смертью Генриха VIII, при его малолетнем сыне Эдуарде VI (1548—1553), тот же податливый Кранмер сделал еще несколько шагов в направлении протестантизма: допустил причащение под обоими видами, браки священников, принял догмат оправдания верою и признал Писание единственной основой вероучения. Отделившаяся от Рима *англиканская* церковь усвоила таким образом протестантское учение и сохранила епископальный строй.

Так же, как английские правители, короли Швеции и Дании стали во главе церкви своей страны, поделили с дворянством отобранные у монастырей имущества и обратили епископов в подвластных себе чиновников.

III.

Реакция католичества и кальвинизм.

Раскол в Германии. В половине сороковых годов XVI в. протестантизм достиг в Германии наибольшей силы. Три курфюрста (Бранденбург, Саксония, Пфальц) уже стали протестантами. Четвертый архиепископ кёльнский готовился обратить свое духовное владение в светское княжество, подобно Пруссии; если бы он перешел к новой вере, протестанты получили бы перевес в коллегии семи избирателей, и верные католичеству Габсбурги были бы устранены от императорской короны. Между тем у Карла V, до тех пор постоянно отвлекаемого войнами вне империи, развязались руки и он стал собирать силы, чтобы разгромить протестантских князей и восстановить свою власть в Германии. Протестанты действовали врозь и пропустили испанские войска императора, стоявшие в Италии, через альпийские проходы. Часть протестантских князей даже перешла на сторону Карла V, между ними герцог саксонский Мориц, «Иуда-предатель». Император взял в плен главу сопротивлявшихся протестантов, курфюрста саксонского, и передал Морицу его владения и титул.

Карл стоял на верху своего могущества: он добился созвания *общего собора в Триденте*, заставил протестантов принять в нем участие, а пока дал Германии свой церковный порядок с небольшими уступками реформации, допустив браки священников и причащение под обоими видами для мирян (1548). Сохраняя в стране испанские войска, Карл нарушал главное условие своего избрания в императоры. Вместо неопределенного союза почти самостоятельных владетелей и городских республик Германия, казалось, превратится в католическую монархию при поддержке иноземных сил. Князья, и во главе их Мориц, стали искать в свою очередь поддержки против Карла V за границей и снова подняли короля французского (Генриха II, сына Франциска I), предоставив ему захватить имперские города на западной окраине, между ними Мец. Сам Мориц двинулся внезапно в тирольские горы, где император жил, следя за ходом собора, и чуть не взял его в плен. Карл не имел под руками войска; он написал собственноручное письмо к Фуггеру в Аугсбург и умолял его приехать «ради самого неба». Фуггер явился, Карл V бежал с ним еще дальше в горы и заключил сделку на громадный заем: банкир спас императора. В последующих переговорах с князьями император вынужден был сделать уступки. В 1855 г. рейхстаг в *Аугсбурге* утвердил *религиозный мир:* князьям и самостоятельным городам было предоставлено поступать в делах веры по своему усмотрению; все «подданные» обязаны были держаться религии своих областных правителей (что по-латыни выражалось в сло-

вах: cujus regio, ejus religio); кроме того была запрещена впредь секуляризация духовных владений.

Несмотря на замирение Германии, война Карла V с Францией продолжалась. Императору не удалось вернуть себе важную крепость Мец. Напротив, французы замышляли отнять у него Нидерланды. В борьбу втянулась и Англия, благодаря тому, что сын императора, Филипп, женился на английской королеве Марии (1553—1558), дочери Генриха VIII. Мария, преданная католицизму, восстановила в Англии мессу и снова подчинила страну церковной власти папы. Опять, как при ее отце, зажглись костры, и в качестве еретиков были казнены Кранмер и другие сторонники протестантизма.

Финансовые дела Карла V были очень плохи. Непрерывные войны его 35-тилетнего правления сделали его неоплатным должником немецких и итальянских банкиров. Чтобы удовлетворить их и получить новые займы, он вынужден был напрягать платежные средства своих нидерландских и испанских подданных, так как империя ничего не платила. Но с Нидерландами нельзя было круто поступать; города и области обладали известными вольностями, и в стране существовало общее правительственное учреждение, *генеральные штаты*, которое определяло, по соглашению с королем, размер налога. В Испании главные доходы состояли в приходивших из-за океана грузах; их отдавали в залог еще до их прибытия в порты. Карл V не хотел переносить падения империи; энергия его упала, он все более отдавался меланхолии, и, наконец, отрекся от престола (1555) и ушел в испанский монастырь. Наследство его разделилось на две неравные части: главная доля, Испания, Нидерланды, итальянские владения, Новый Свет отошли к его сыну Филиппу; австрийские владения—к брату Фердинанду, которого избрали императором Германии; к землям габсбургского дома Фердинанд присоединил Чехию и Венгрию (западную), которыми владел после смерти короля Людовика в 1526 г.

Королю испанскому оставался только один выход—об'явить банкрот. Придворные испанские богословы поддержали его, сославшись на то, что ростовщические сделки с банкирами—дело богопротивное, и король в праве, на основании Писания, отнять у купцов их неправедно приобретенное имущество. Филипп в силу особого указа велел отобрать у Фуггеров и других кредиторов испанской короны предоставленные им в Испании доходные статьи и даже грузы серебра, уже полученные ими в уплату долгов. Скоро прекратил уплаты и французский король. Обе воюющие стороны заключили мир (в Като-Камбрези 1559 г.). У французского короля было особое основание спешить с заключением мира: в его стране также грозно поднималась ересь.

Орден иезуитов. Двадцатые и тридцатые годы XVI в. представляют время распадения католической церкви: одна за другою отделяются от Рима области и целые страны; духовное руководительство ускользает от клира,

целые века господствовавшего во всем быту народа и направлявшего дело просвещения. Постепенно, однако, положение стало меняться. В южных романских странах Европы в свою очередь усилилось движение, направленное к очищению нравов и возвышению религиозных понятий. Это была своего рода реформация, но она не порывала со старинным строем церкви, с первенством Рима; поэтому ее можно назвать *католической реформацией;* она направилась против «ереси», против всего, что хотело отделиться от католичества. При этом католическая реформация приняла средства нового просвещения, исходившего от гуманистов. Особенно заметна эта перемена на новом ордене иезуитов, т.-е. последователей Иисуса.

Основателями ордена были несколько испанцев, учившихся в 30-х годах в Париже, между ними рыцарь Игнатий Лойола, который оказался, вследствие раны в ноге, неспособным продолжать военную службу. Сначала Лойола и его товарищи собрались отправиться в Палестину для возобновления крестоносной проповеди, но постепенно они все более пропитались той мыслью, что главный враг церкви ближе, и что энергию «Иисусовой дружины», как они себя называли, надо направить против возрастающей ереси протестантизма. Они обратились к папе Павлу III с просьбой признать их новый воинствующий орден; в виду колебаний папы они предложили прибавить к обычным трем монашеским обетам еще четвертый, обещая «исполнять все, что прикажет папа, итти во всякую страну, к туркам, язычникам и еретикам, куда бы он их ни послал, без возражения, без условий и вознаграждения» (1540).

Новый орден во многом отличался от старых. Его члены не обязаны были вести созерцательную жизнь в замкнутых общежитиях; напротив, они должны были жить среди остальных мирян, вмешиваться во все житейские отношения, занимать любые должности, открывающие широкую общественную деятельность; они не выделялись поэтому особым монашеским костюмом. Только одну черту монастырской дисциплины, необходимую в борьбе, иезуиты удержали и даже усилили, именно безусловное повиновение младших воле старшего и всех вообще членов своим начальникам—до той степени, чтобы подчиненный был в руках властвующего безгласным орудием, «наподобие трупа». Генерал ордена, обязанный жить в Риме, назначает на все должности и требует от всех чиновников ордена обстоятельных отчетов; у него полный список всех участников ордена; он—верховный судья во всех вопросах, касающихся ордена; одним почерком пера он может уничтожить влиятельнейшего члена ордена. Но он связан в то же время непрерывным надзором нескольких несменяемых высших сановников ордена, которые при нем состоят. Во всем ордене сверху донизу проведена была сплошная система взаимного недоверия, всеобщего шпионства и доноса.

Иезуиты прежде всего направили свое внимание на южные романские страны, из которых и набирались самые ревностные члены ордена; они при-

давали большое значение миссионерству в обширных странах Нового Света, устроили миссии в области португальской торговли, начиная от Гоа на Индостане, проникли в Китай и Японию. Затем иезуиты двинулись наиболее опасное поле борьбы—во Францию и Германию. Иезуитам было всего важнее взять в свои руки воспитание будущих поколений, создать новый вид деятелей, преданных церкви, просвещенных, обладающих всеми талантами спора, обличения красноречия и литературного искусства. Новые приемы обучения иезуиты усвоили в совершенстве. В течение двух веков по крайней мере они были, бесспорно, лучшими педагогами в Европе; впервые в их школах бесформенная масса старших и младших учеников была разделена на классы. Наглядным, ясным и интересным изложением они умели заинтересовать учащихся; они замечали направление вкусов и талантов у отдельных лиц и старались их развить; они поддерживали соперничество между учениками и честолюбие их. Одно из средств сделать школу интересной состояло в устройстве театральных представлений.

Признавая только одну цель—служение церкви, иезуиты учили, что с ее врагами, кто бы они ни были, частные лица, целые классы или правительства, должно бороться всеми средствами; иезуиты старались проникнуть ко дворам в качестве исповедников и считали святым делом возбуждать правителей против еретических подданных; но и обратно, если правитель сам склонялся к ереси, или казался слабым и допускал ее распространение, они признавали угодным Богу поднять против него восстание или даже направить на него мстителя Божия: убийство «тирана», как они называли нарушителя заветов церкви,—не грех, а, напротив, великий подвиг.

Реакция в Италии. Само папство, благодаря католической реформации, изменилось. Папа Павел III (1534—1549), по образованию похожий на Льва X, в виду успехов протестантизма, признал необходимым повернуть на другой путь; он окружил себя ревнителями новых духовных орденов. Однажды папа спросил кардинала Караффу, какое тот знает средство для искоренения ереси. Ответ был: «Только одно—неумолимую инквизицию».

Старый суд доминиканцев давно был в упадке. Инквизиция испанская, учрежденная при Фердинанде, служила королевской власти. Папа приступил к устройству новой общей инквизиции; во главе ее стал кардинал Караффа (впоследствии папа под именем Павла IV), который тотчас принялся за дело, сам устроил помещение для допроса, заготовил цепи, замки, блоки и все средства пытки. Папа Павел III учредил также духовную *цензуру*, чтобы истреблять опасные в глазах церкви книги. Особая коллегия духовных составляла *индекс*, список книг, строго воспрещенных для чтения католикам.

Самый вид Рима и папского двора изменился. Папы перестали поддерживать светское, жизнерадостное, полуязыческое искусство. На картине «Страшного Суда» Микель Анджело велено было зарисовать одеждами обнаженные

фигуры Христа и святых. Папа Сикст V (1585—1590) изгнал множество художников и гуманистов, которые отправились за Альпы искать счастья; он запретил блестящие банкеты и праздники, охоту, маскарады прелатов. Тяжело отразились эти перемены во всем быту и просвещении Италии. Победа мрачного благочестия докончила то, что начались внешние несчастия и разорение. С конца XV в. иностранцы вели войны на почве Италии, разграбляли ее художественные сокровища и уничтожали их, как это случилось при взятии Рима в 1527 г. Установление испанского господства в Неаполе и Милане было концом политической жизни для всей Италии; флорентийская республика окончательно уступила место наследственной тирании Медичи, опиравшихся на поддержку Испании. Свободная мысль и творчество должны были скрыться от всевидящей инквизиции, которой ревностно служило множество добровольных наблюдателей.

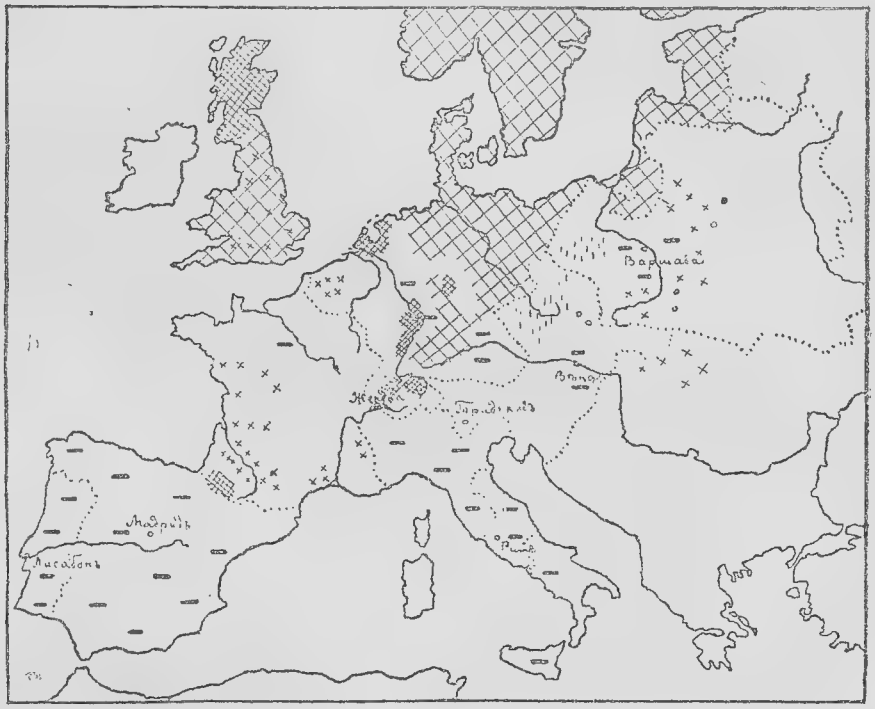
В начале реформации от пап требовали созвания собора для преобразования церкви; они долго откладывали созыв опасного для их власти собрания. Католическое возрождение открыло им теперь возможность обратиться к собору, но уже не с тем, чтобы сделать на нем уступки, а чтобы укрепить свою власть. Заседания Тридентского собора (начались при Карле V в 1546 г.) прерывались на многие годы и возобновлялись три раза. На последнее его собрание (1560—1563 г.) не приглашали протестантов; дело шло уже не о реформе, а об установлении незыблемых основ строя католической церкви. В вопросах учения на соборе одержало верх непримиримое направление *ультрамонтан* (заморных, как называли на предальпийском севере сторонников Рима). Во главе этого направления стояли иезуиты. Они не допускали ни малейшей уступки новизне, настаивали на вере в чистилище, поклонении святым и Богородице; они отвергали какую-либо критику Писания и об'явили, что истолкование его принадлежит одной церкви; они провозгласили папу единственным и верховным толкователем всех церковных правил и священных книг.

Кальвинизм. Соответственно той перемене, которая произошла в католичестве, и протестантизм стал принимать боевой характер.

Основателем нового направления был Жан Ковен (Кальвин, по ученому латинскому произношению, 1509—1564 г.), французский ученый, бежавший из Парижа по обвинению в ереси и сделавшийся проповедником в Женеве (1536 г.). Город этот с небольшой территорией у выхода Роны из Леманского озера, на соединении путей из Франции, Нидерландов и Германии в Италию, принадлежал по имени к империи, но давно оторвался от нее, подобно другим городам средних Альп. Крайне важная по своему торговому положению, Женева была в XV в. местом больших ярмарок для средней Европы и осталась потом крупной биржей. В борьбе с соседними савойскими герцогами, которые пытались захватить богатый город и соединить в своих руках оба склона

важнейших альпийских перевалов, Женева должна была искать помощи у швейцарцев, особенно у сильного Берна. Поэтому Женева вынуждена была принять веру своих союзников—протестантизм, хотя была окружена католическими странами.

Католичество, в глазах Кальвина, есть язычество, забвение Бога, которому предпочтены его слуги и орудия. Но тот Бог, славу Которого Кальвин



Церковное положение Западной Европы к концу XVI века. Крупные клетки—епископальные церкви и лютеранство; мелкие — кальвинистские (пресвитерианские) церкви; крестики — разрозненные кальвинистские общины; вертикальные полоски — гуситство; кружки—социнианство (секта, отрицающая троичность Бога); горизонтальные черты—иезуиты.

хочет восстановить,—грозный мститель, истребляющий, как в Ветхом Завете, тысячи неверных и отступников. Божье решение, непонятное, далекое от людей, бесповоротно принято до их рождения; заранее уже души оправданных отделены от осужденных. Люди—орудия Божьей воли: часто Он исполняет волю Свою руками злодеев; но это не служит им в смягчение (таково учение о *предопределении*). Кальвин и другие пасторы требовали монастырской тишины и строгости нравов, и женевская городская дума установила мелочный, придирчивый надзор за гражданами, которым руководил суд *консистории*,

состоявший из священников и светских старейшин. Запрещены были всякие развлечения: песни, танцы, общественные игры; даже мистерии, драматические картины библейской жизни были недопущены в качестве лишнего развлечения. В Женеве пасторы восстановили старинное церковное отлучение; духовное наказание, наложенное консисторией, могло также привести к тюрьме, изгнанию и казни.

Церковь Кальвина в Женеве совершенно сравнялась по нетерпимости с католической. В 1553 г. был арестован на французской территории, недалеко от Женевы, испанский ученый Сервет, отвергавший в своем сочинении «Восстановление христианства» учение о Троичности Бога. Кальвин, знакомый с ним раньше, поспешил сообщить французской инквизиции письма Сервета, которые послужили уликой задержанного. Когда Сервет убежал из Франции и попытался укрыться в Женеве, Кальвин узнал его в толпе; по его указанию, Сервета схватили, и Кальвин повел против него обвинение. Женевская дума проявила при этом большую ревность, опросила большинство швейцарских протестантских богословов и, получивши их одобрение, осудила Сервета, как богохульника, на сожжение.

После 1540 г. религиозная жизнь в Европе стала весьма непохожа на положение 1520 г., во время общих светлых ожиданий реформы. Поднялись две враждебные церкви друг против друга, обе непримиримые к малейшему отступлению. Но протестанты были кроме того расколоты на-двое: цвинглианцы соединились с кальвинистами; под именем *реформатов*, или реформированной церкви, они отделялись от лютеран; вражда между теми и другими была такая же, как между протестантами и католиками. Лютеранство ограничилось теми областями, которые были приобретены с самого начала. Напротив, кальвинисты повели энергичную борьбу против папизма и направили свою проповедь в такие страны, где или вовсе не было реформы, как Франция, Нидерланды, Шотландия, или в такие, где реформа была неполная, как в Англии. В Женеве была основана академия, которая готовила кальвинистских ученых и проповедников разных национальностей. Лютеранство везде почти становилось под защиту власти и допускало признание государей главами церкви. Кальвинизм, напротив, большею частью выступал самостоятельно или даже прямо враждебно к светской власти.

IV.

Борьба между Испанией и Голландией.

В первой половине XVI в. Новым Светом и океаническими путями владели одни только Пиренейские государства. Благодаря этому Испания была самой сильной и богатой державой в Европе, тем более, что в ее руках находился также главный европейский торговый и денежный центр — Нидерланды. Во второй половине столетия у пиренейских народов явились соперники на море, сначала голландцы, возмутившиеся бывшие подданные Испании, образовавшие самостоятельную республику, затем англичане. Борьба этих северных народов с южными за обладание морем и колониями соединилась с религиозным расколом: Испания составляла оплот католичества, тогда как голландцы и англичане держались протестантизма

Абсолютная монархия в Испании. Главное государство в составе Испании, Кастилия, возникло из долгой борьбы с маврами, и эта опустошительная война наложила печать на историю страны до наших дней. Путем грабежа и захвата досталась христианам бо́льшая часть владений; мирный труд развивался очень слабо. Многочисленные мелкие рыцари, гидальги, сторонились всякой работы; большею частью они уходили в чиновники или становились прислужниками грандов. Только в области бывшей Гренады, густо населенной, хорошо возделанной и промышленной, сидело трудолюбивое население; но это были большею частью *мориски,* потомки мавров, насильно обращенные в христианство; они сохранили свой костюм и быт и вызывали вражду остального населения, ревностных католиков.

В Испании каждое сословие, каждая область или город хлопотали только о своих правах. Этим раз'единением воспользовалась королевская власть. В конце XV в. король обуздал военную силу грандов с их свитами при помощи городских милиций. В начале XVI в. наступила очередь городов. В 1519 г. поднялось восстание кастильских коммун против нового короля Карла Габсбурга, который приехал из Нидерландов со своими советниками и заявил намерение пользоваться богатствами Испании для своих общеевропейских предприятий. Города требовали бережливости, пребывания короля в Испании, подчинения дворян, свободных от налога, одинаковым повинностям с горожанами, правильного созыва сейма (кортес). Дворянство не только не поддержало этого восстания, а еще помогло королю подавить его. После этого Карл правил в Кастилии неограниченно, не справляясь с сеймом.

Важной опорой короля была святейшая инквизиция. Инквизиторы, как чиновники, назначались и сменялись королем. Тому, кто подпал под обвинение инквизиции, уже трудно было ускользнуть от наказания. У осужденного

отбиралось не только все имущество, но и все сделанные им когда-либо выдачи, даренья, вклады, вышедшее из дома приданое и т. д. Король получал из этих конфискаций две трети, что составляло очень значительный постоянный его доход. Если король не решался притянуть могущественного гранда к обыкновенному суду, то обвинял его в ереси и добивал средствами инквизиции. Инквизиция в Испании держалась национальным предрассудком испанцев, их преувеличенным почитанием чистоты крови и незапятнанного католичества. Считалось позором уже просто подпасть обвинению перед инквизицией; ни один настоящий испанец не выдал бы за обвинявшегося замуж своей дочери; потомки осужденного не могли получить должности ни у короля, ни в городском управлении.

Наследник Карла I, Филипп II (1555—1598), родившийся и выросший в Испании, взял за образец кастильские порядки управления. В Кастилии не существовало самостоятельности после восстания 1519 г. В конце XVI века Филипп уничтожил вольности Арагона, другой, меньшей по размеру составной части Испании. Нити испанской политики сходились в Совете короля. Филипп, при замкнутости своего характера, перенес ее в свой кабинет: он никуда не ездил, много работал, часто просиживал ночи, прочитывал массу докладов, снабжал их помотками, писал сам приказы и инструкции, но вся эта работа была бумажная, без малейшего знания жизни и без желания приспособиться к особенностям различных стран и народностей, которые были под его управлением. Считая себя оплотом веры, Филипп II диктовал папе предписания и поддерживал в Англии и во Франции католические партии. После смерти своей первой жены, английской королевы Марии, он сохранил притязание на Англию; но когда новая королева, Елизавета, другая дочь Генриха VIII, отвергла предложение руки с его стороны и восстановила в Англии протестантизм, Филипп стал помогать восстаниям и заговорам английских католиков. В качестве главы христиан, Филипп вел войну с сильной Турцией на Средиземном море. При султане Солимане (1520—1566) турки завоевали, кроме нижнего и среднего Дуная в Европе и долины Евфрата в Азии, берег северной Африки, вытеснили венецианцев с Кипра, а иоаннитских рыцарей с Родоса, и собрались взять, наконец, последнюю их опору—Мальту. Большой флот испанцев и венецианцев разбил турок при Лепанто, близ входа в Адриатическое море, и остановил движение мусульман в западную часть Средиземного моря; однако, ни одну из захваченных уже турками позиций вернуть не удалось. Филипп II вел ту же общеевропейскую имперскую политику, что и его отец Карл. Его предприятия привели к потере части богатейших нидерландских провинций и к разорению Испании.

Нидерланды в средине XVI в. Нидерланды (нынешняя Голландия, Бельгия и северо-западная Франция) состояли из 17 провинций весьма различного характера и устройства, которые были соединены только одним общим учре-

ждением, *генеральными штатами*, сходившимися после значительных перерывов на короткие сроки. Население их распадалось на четыре народности: на севере—фризов и голландцев (кругом залива Зейдерзе и по нижнему Рейну), на юге—фламандцев (по р. Шельде) и валлонов (по р. Маасу); из них первые три говорят на германских наречиях, последния—на французском. Области юго-восточные (нынешняя Бельгия и северные департаменты Франции), особенно густо населенные по р. Шельде, с большими индустриальными городами, находились в постоянных сношениях с Францией. Северные провинции (нынешняя Голландия) были ближе связаны с Германией и Англией. В приморских местностях преобладали рыболовство и мореходство. Три области (северная и южная Голландия и Зеландия) лежат, в сущности, ниже морского уровня; но их население отвоевало у моря полосы заливаемой земли, огородило их с морской стороны огромными насыпями и плотинами, устроило сток воды из них через каналы и шлюзы.

Нидерланды были важнейшей составной частью в империи Карла; он извлекал из соединенных провинций в 8—9 раз больше дохода, чем из Америки. В свою очередь Нидерланды пользовались при Карле всеми выгодами соединения с Германией; империя служила большим рынком для произведений фламандской индустрии. При Филиппе II положение изменилось: страна оказалась в тесной связи с отдаленной, чуждой ей Испанией.

Нидерландская революция. Филипп II на первых порах сохранил в Нидерландах порядки Карла V, но, удалившись сам в Испанию, оставил управление страны своей сестре, Маргарите Пармской, духовником которой одно время был Лойола. В государственном совете, окружавшем правительницу, сидели крупные нидерландские сеньеры, между прочим Эгмонт, один из выдающихся генералов в войне с Францией, и Вильгельм Оранский, имевший владения в Германии. Но в действительности делами руководил тайный совет *(консульта)*, во главе которого находился иностранец, кардинал Гранвелла; это было первым нарушением нидерландских вольностей. Филипп II стал их далее нарушать своими церковными мерами, направленными к истреблению ереси.

В Нидерландах распространились, главным образом, воинственные и крайние формы протестантизма, враждебные католической пышной обрядности; сюда направились проповедники кальвинизма из Женевы и переходили анабаптисты из Германии. В деревнях массы народа сходились по нескольку тысяч на открытых местах; сход загораживался повозками и срубленными деревьями; в середине становился на возвышении проповедник, ближе к нему женщины, дети, безоружные; снаружи большим кольцом помещались вооруженные и всадники на случай защиты от нападений; народ пел псалмы и приходил в восторженное состояние. Испанский король увеличил число епископов, назначил на высшие духовные места испанцев и приготовился ввести в

стране испанскую инквизицию. Судьи по духовным делам раз'езжали по стране и присуждали к сожжению всех, кто читал Библию и отказывался итти на католическую обедню.

Испанская администрация вызвала сильное недовольство в Нидерландах. Аристократы отправили Эгмонта в Мадрид, чтобы представить королю вред инквизиции. Мелкие дворяне составили «святую конфедерацию и союз», обязавшись взаимной клятвой искоренять инквизицию, составляющую «причину всех беспорядков и несправедливостей». В составе нескольких сот они отправились к правительнице, чтобы подать ей прошение об отмене религиозных указов и созвании генеральных штатов, к которым не обращались уже в течение десяти лет. На большом банкете, происходившем несколько дней спустя, дворяне составили «союз гёзов» (gueux), т.-е. нищих, принявши в качестве имени партии обидную кличку, которую давали разорившимся рыцарям. В городах Фландрии и Голландии началось грозное движение. Большие толпы вторгались в католические церкви и разбивали «знаки идолопоклонства», алтари, статуи, иконы и украшения. В Антверпене народ уничтожил все предметы, связанные с культом Богоматери (1566).

Филипп решил применить в Нидерландах беспощадную строгость и отправил кастильца, герцога Альбу, с испанским войском. Согласно с понятиями своего государя, Альба держался того взгляда, что восстановление единой католической веры—первое условие политического порядка. Тотчас же по прибытии в Брюссель Альба учредил «совет о беспорядках», т.-е. исключительный суд для преследования ереси. В короткое время испанские инквизиторы, заседавшие в нем, арестовали и присудили к смерти огромное количество людей. В числе казненных были крупные сеньеры, между ними верный католичеству Эгмонт; Вильгельм Оранский успел бежать в Германию. Альба приступил затем к установлению испанской системы податей для поддержания в стране испанского войска и администрации: от ввел *алкабалу*, т.-е. сбор десяти процентов со всякой продажи товара, и пяти—с продажи или передачи недвижимости.

Испанский налог лег невыносимым бременем на торговлю Нидерландов. Множество людей, разоренных или преследуемых за веру, бежало из страны, частью они бросились на родную стихию нидерландцев—море, и обратились в пиратов. Эти «морские гёзы» захватили несколько прибрежных мест и оттуда жестоко обрушивались на католиков как испанцев, так и своих единоплеменников. В то время, как гёзы тревожили Альбу партизанской войной, Вильгельм Оранский стал вербовать в Германии и во Франции наемные отряды и отправлять один за другим против испанцев. Он принял теперь протестантизм. Его целью было—вооружить всех недовольных и соединить в защите нидерландских вольностей. Одна из северных приморских областей, Голландия, поднялась открыто против управления Альбы; ее областные штаты

сошлись самостоятельно и провозгласили своим наместником Вильгельма Оранского. Скоро стали присоединяться другие северные области; Вильгельму поручили главное начальство над морскими и сухопутными силами против Альбы.

Альба везде одерживал победы и усилил террор до последней степени. Но северные города не сдавались. Два раза испанские войска безуспешно осаждали важный по своему положению Лейден. Когда в городе стали истощаться все средства, штаты Голландии распорядились прорвать плотины и открыть шлюзы, защищавшие страну от затопления: флот страшных гёзов с их дикими рассеченными лицами подвез припасы обезумевшим от голода горожанам, а испанцы бежали от наводнения. Когда король отозвал Альбу, следовавшие за ним наместники, один за другим, стали указывать на необходимость уступок нидерландцам и восстановления их вольностей. Король ни на что не соглашался и чуть не потерял всей страны. Испанские войска возмутились против своих начальников, когда им перестали платить жалованье; они двинулись из города в город, грабя и избивая население. Особенно обрушилась «испанская фурия» на Антверпен. Здесь не пощадили ни чужих купцов, ни католических церквей. В один день избили испанцы до 8.000 граждан и сожгли до 500 домов. Богатейший город представлял после этого одни развалины. В течение нескольких десятилетий Антверпен не мог оправиться: его торговля ушла, капиталы ушли из него, всемирные ярмарки окончились. Разграбление Антверпена повело к мятежу в южных городах. В Брюсселе граждане взялись за оружие и призвали Вильгельма Оранского. Выборные от всех 17 областей сошлись на генеральные штаты в Генте и образовали *общенидерландский союз* (1576 г.); постановлено было требовать отмены указов о вероисповедании, прощения всем восставшим, удаления испанских чиновников и войска, правильного созыва генеральных штатов.

Но союз всех нидерландских областей был весьма непрочен. В южных областях, особенно валлонских, сильно было католичество. На сторону короля стало переходить дворянство, привлекаемое пенсиями, отличиями, службой. В виду этого более чуждые Испании, наполовину протестантские, семь северных областей заключили особенно тесный союз для защиты, *унию в Утрехте* (1579 г.). Союзники положили, сохраняя все вольности и самоуправление областей и городов, защищаться на общие средства; об'явление войны и заключение мира, взимание податей на военные цели должны зависеть от единогласного решения всех областей; об'являлась свобода исповедания.

Усиление Испании и республика северных Нидерландов. Назначенный в это время наместником Нидерландов Александр Парма, сын Маргариты, сумел раз'единить северян и южан. Укрепившись в валлонских областях, Парма стал подвигаться на запад и отвоевывать фламандские. Когда Вильгельм Оранский был убит одним из сторонников иезуитов, Парма взял оплот протестан-

тизма на юге—Антверпен, заставил выселиться кальвинистов и повел войну за возвращение северных областей.

С 1580 г. испанская держава снова усилилась и приобрела новые богатства. Португальский король погиб в походе против мусульман в Марокко, и Филипп II, считая себя его наследником, присоединил Португалию с ее колониями в Африке, в Индии, на Молукках, в Южной Америке (Бразилии) и с ее обширной торговлей пряностями и другими восточными товарами. Испанский король владел теперь «обеими Индиями». И денежные его средства, и флот почти удвоились; можно было ожидать, что Испания сломит окончательно сопротивление Нидерландов. Огромный перевес Испании на море и предстоящее отвоевание Нидерландов были крайне невыгодны для Франции и Англии. Королева Елизавета решила поэтому энергически поддерживать восстание в Нидерландах. Но Филипп угрожал непосредственно обоим соседям. Во Франции он поддерживал *лигу*, т.-е. союз ревностных католиков, вооружившихся против протестантского наследника престола, Генриха Наваррского. В Англии Филипп об'явил себя мстителем за казненную Елизаветой шотландскую королеву-католичку Марию Стюарт, обеспечил себе папским благословением наследство английской короны и двинул большой флот, «непобедимую Армаду», для обуздания одновременно Англии и Голландии; Александр Парма должен был приготовить войско для высадки в Англию. Но голландские корабли заперли ему выходы из Шельды и помешали высадке, а флот испанский был разбит бурей в Ламанше и Северном море.

С 90-х годов начинаются одна за другой неудачи Филиппа. Английские моряки стали нападать на американские владения Испании и отбивать в открытом море серебряные грузы. Во Франции лига потерпела полное поражение, Париж открыл ворота Генриху Наваррскому, и испанское войско, посланное на помощь, вынуждено было отступить. Пользуясь отвлечением испанских сил, Голландия и другие области Утрехтской унии удержали свою независимость; у них был теперь талантливый генерал, сын Вильгельма Оранского, Мориц, большой мастер инженерного и артиллерийского искусства. Скоро после смерти Филиппа II (умер в 1598 г.) испанский наместник Нидерландов, в виду безнадежности войны против свободных областей, вступил с ними в мирные переговоры. Сорокалетняя борьба (1568—1609) закончилась признанием их независимости и их права вести торговлю с колониями европейцев в других странах света. Утрехтская уния стала республикой *Соединенных штатов* (обыкновенно ее называют Голландией, хотя это лишь имя самой важной из областей).

Падение Испании. Англия и Голландия, избавившись от опасного врага, направили свои усилия на отвоевание его заморских владений и захват его торговых путей. С 1600 г., приблизительно, морское и колониальное преобладание Испании разрушается.

Несмотря на великие потери, испанские короли, Филипп II и его преемник, Филипп III, не отступали от мысли о господстве над всем миром; при этом они упорно продолжали держаться всех старых приемов управления. Казна собирала большие налоги: алкабалу, заимствованную у арабов; крусаду, подать будто бы на крестовый поход, а в действительности сбор с индульгенций, уступленный королю папою: при звуке труб о них возвещали по церквам, и всякий спешил купить бумагу, чтобы не прослыть у соседей дурным христианином. Для покрытия огромного долга, созданного борьбой с восставшими Нидерландами, Филипп II потребовал возвышения и без того тяжелой алкабалы. И, однако, у правительства никогда не было в распоряжении наличных денег. Огромные грузы драгоценного металла, привозимые из Америки, забирались тотчас же для войны, не успевши вступить в страну. Делались все новые и новые займы у немецких и итальянских банкиров; но король не в силах был собрать со страны деньги даже для уплаты процентов.

Вдобавок, следуя национальному предрассудку, испанское правительство лишило себя лучших рабочих рук, имевшихся в стране. В год отправления Альбы в Нидерланды морискам было воспрещено говорить по-арабски и носить национальный костюм. Притеснения вызвали восстание морисков, укрепившихся в горах Альпухарры; как потомки мусульман, они искали поддержки в Константинополе и выбрали себе халифа из рода Омайядов. Восстание было подавлено с чисто испанской жестокостью; оставшихся в живых обитателей Альпухарры переселили в другие области; морески должны были платить усиленные налоги для поддержания огромного штата поставленных над ними сеньеров-чиновников, монахов-миссионеров и т. п. Но этого мало. Король Филипп III решился на окончательное изгнание морисков из Испании. Страна потеряла до полумиллиона промышленного населения. Шелковое производство, главное занятие морисков, совсем прекратилось в Испании; в округах, где культура земли поддерживалась искусственным орошением, образовались пустыни.

Время преобладания Испании было также процветанием ее литературы и искусства. Испанская литература XVI и XVII веков отражает понятия отважных, не знакомых с трудом, задорных рыцарей и пламенных, непримиримых священников. Драматург Лопе де-Вега в молодости участвовал в непобедимой Армаде, позднее пошел в монахи и стал инквизитором. Другой драматический писатель, Кальдерон, был также сначала офицером, потом капелланом короля. В числе написанных ими драм много *ауто,* т.-е. духовных действий с сюжетами из священной истории. Духовенство сильно поддерживало эти драмы, и они были любимыми народными зрелищами. Привлекательные стороны старинного испанского рыцарства, уступившего место чиновникам королевской службы, изобразил Сервантес (1547—1616) в романе Дон-Кихот. Сам рыцарь, раненый при Лепанто, проживший несколько лет в плену

в Алжире, Сервантес представил старомодного, отставшего от века испанского гидальго, храброго, благородного, который обратился теперь среди полицейского порядка и общего затишья в смешную фигуру со своими порывами защищать оружием угнетенных и слабых.

Торговля и колониальная система голландцев. Главный выигрыш от потерь Испании достался новой республике. Зеландия, юго-западная область Соединенных штатов, расположенная на островах устьев Рейна, Мааса и Шельды, держала теперь в своих руках концы всех водных путей, выходивших из Бельгии. После расстройства торговли Антверпена его значение стало переходить к Амстердаму, главному городу Голландии. В то же время, отделившись от Испании, северные области нисколько не потеряли своих торговых выгод на Пиренейском полуострове. Во время войны голландцы открыто или под чужими именами доставляли в Испанию строительный материал и паруса для кораблей, а главное—столь необходимый южным странам Европы хлеб, за которым они ездили в Балтийское море. Все больше и больше развивалось голландское рыболовство и особенно ловля сельдей, раскупавшихся потом по всей северной Европе. Пользуясь своим особым положением между северными и южными морями, голландцы скоро стали посредниками в общей европейской торговле, «морскими перевозчиками», заступив прежнее значение великой немецкой Ганзы.

Голландцы направили также свое внимание на отдаленные морские пути, на отвоевание колониальной торговли у испанцев и португальцев. Со времени открытия прямой торговли с Индией, около 1500 г. они привыкли приезжать в Лиссабон для скупки индийских пряностей. Но когда Филипп II запретил купцам мятежных провинций всякие сношения со своими португальскими подданными, голландцам осталось на выбор: или отказаться вовсе от торговли индийскими продуктами, или захватить себе прямой доступ в Индию. С воинственной энергией отбившего свободу народа они стали преследовать новую задачу. Голландцы искали сначала проезда к Индии и Китаю мимо северных берегов Европы и Азии, и республика снарядила туда несколько экспедиций, из которых одна зимовала на о. Новой Земли. Попытки эти были брошены для того, чтобы остановиться окончательно на пути кругом Африки, который в течение почти ста лет составлял тайну португальцев. Скоро голландцы начали вытеснять португальцев из Индии, выбили их с Пряных островов Молуккского архипелага, затем из Цейлона и Малакки; португальцы сохранили лишь несколько пунктов на берегах Индостана.

Голландцы не отправляли за море ни военных авантюристов, ни миссионеров, ни земледельцев: они не хлопотали ни о завоеваниях, ни о распространении своей веры. Их занимали чисто практические задачи торговли. Голландцы старались заключить со всяким правительством выгодный тортовый договор. Не захватывая территорий, они ограничились устройством контор

на пересечениях важных торговых дорог. Искусно применяясь к различным условиям, продавая дешево в Азии европейские товары, они приобрели в свои руки передаточную торговлю в отдаленных восточных краях, продвинулись в Китай и Японию. Голландские промышленники сплотились в большое общее предприятие, *Остиндскую компанию* (1602 г.). Три раза в году выходили из Голландии большие торговые эскадры по 30—40 кораблей, с экипажем в 6000—7000 человек. Их груз на обратном пути поступал в Амстердаме в продажу дважды в году.

Остиндская компания взяла в свои руки добывание пряных продуктов, гвоздики, перца, корицы, муската, которые тогда высоко ценились в Европе. Голландцы видели в них свои «золотые рудники» и направляли все усилия, чтобы поддержать огромные цены на редкий продукт. Компания провела свою монополию самым беспощадным образом. Все европейцы были удалены с Молуккских и Зондских островов. Гвоздичные деревья вырубили на всех островах, кроме Амбоины; жители этого острова были обязаны обрабатывать ценное растение и отдавать продукт по определенной цене компании; они обратились в крепостных у голландских промышленников. Чтобы выключить возможность контрабанды, всю торговлю пряностями сосредоточили во вновь основанном городе Батавии на острове Яве.

В республике власти признали протестантскую церковь, однако, католиков не притесняли; свободой исповедания пользовались также евреи. В XVII в. Голландия служила убежищем для европейских эмигрантов, уходивших от притеснения свободной мысли; в стране не существовало также стеснений для печатания книг. Подвижная свободная жизнь Нидерландов выражалась особенно в распространении *газеты*,—совершенно нового для Европы средства общения.

V.

Кризис монархии во Франции.

Французская монархия. В первой половине XVI в. Франция стала государством столь же монархическим, как Испания. Старые княжеские фамилии вымерли или поступили к королю на большие придворные должности и служили в качестве королевских наместников областей. Лишь несколько провинций на окраине еще сохранили свои штаты, голосовавшие и распределявшие налог (отсюда название этих провинций, Лангедока, Прованса, Дофинэ, Бретани, Бургундии— pays d'états). Общие, или генеральные штаты не созывались с 1484 г.; о них в стране как будто забыли. Франциск I (1515—1547)

подчинил своей власти и духовенство, заключивши *конкордат* с папою в Болонье (1516 г.): к королю отошла власть назначать на высшие церковные должности, а папа сохранил право утверждать прелатов в сане и собирать с них аннаты. Вся политика сосредоточилась в *королевском совете*, который изготовлял указы, принимал меры по управлению, определял размеры налога, решал важные судебные дела, из'ятые королем от общих судов. Общество не имело никаких средств контроля над действиями королевских советников. Только одно учреждение, *королевский парламент* в Париже, состоявший из несменяемых судей, которые большею частью покупали свои должности, служил некоторой сдержкой королевского произвола: парламент имел право, прежде чем вносить новый эдикт в свои протоколы, сделать королю свои замечания и приостановить этим путем исполнение указа.

Франциск I придал особый блеск своему двору, усвоивши все, что только могло ему дать новое искусство, развившееся в Италии. По красивым берегам Луары выстроились просторные замки короля и крупных магнатов, в новом стиле, с большими светлыми залами, окруженные парками и садами; внутри владельцы старались собрать лучшие произведения знаменитых в то время итальянских художников, выписывали мастеров для украшения потолков и стен. Двор поддерживал также новые направления в литературе и театре. В «Защите и украшении французского языка» Дюбеллэ предлагает покинуть старые приемы поэзии труверов, которые «портят вкус и говорят лишь о нашем невежестве», и обратиться к подражанию древним. Поэт Ронсар сочиняет, наподобие Илиады, поэму Франциаду. Писатели этой эпохи начинают собою французский *классицизм* (или, как обыкновенно говорят, ложно-классицизм). Не желая предоставлять самостоятельность дворянству, король хотел, однако, жить среди аристократии, выдвинуть на первое место ее нравы и развлечения. Опять вошли в моду блестящие охоты, рыцарские турниры, служение дамам и т. п.

Просвещение и начало протестантизма. Во Франции не было тех оснований для реформации, которые имелись в Германии и в северных странах. В народной массе не было столь сильного раздражения против Рима, как в раздробленной Германии, а монархия, получавшая от богатого и влиятельного духовенства крупную пользу, не имела побуждения конфисковать церковные имущества, подобно английскому и скандинавским королям. В кругах образованного общества около 1520 г. распространилось религиозно-просветительное направление, близкое к идеям Эразма и оксфордских реформаторов. Сестра короля, Маргарита, ставшая королевой Наваррской (Наварра—государство в Пиренеях, бо́льшая часть которого была отнята Испанией), сама писательница, соединила при своем дворе ученых и поэтов, сторонников умеренной реформы. Между французскими гуманистами было также другое настроение, похожее более на Гуттена. Рабле (1490—1553), монах и священник по про-

фессии, но совершенно равнодушный к религиозным вопросам, медик и натуралист по специальности, осмеивает в своей сатире «Гаргантюа и Пантагрюэль» все явления современности, кроме одного: науки и нового просвещения. Рабле изображает своего рода рай просвещения в виде аббатства Телема (по-гречески значит «идеал»): в отличие от монастырских общин, дружеское братство, собравшееся здесь, не знает ни стен, ни стеснительных обетов, ни самоистязания; вход воспрещен только лицемерам. «Свободный, выросший в благородной среде человек уже от природы имеет влечение к правде и отвращение от порока; это влечение новые люди называют честью».

По мере того, как в Германии разгоралась религиозная борьба, и во Франции появились сектантские проповедники «лютеранства», резко нападавшие на мессу. Пока Франциск I дружил с немецкими протестантами, чтобы повредить Карлу V, сторонников новой веры почти не трогали во Франции. Но в 1534 году протестанты расклеили всюду, даже на дверях королевской спальни, афиши с грозными призывами к истреблению «католического идолослужения». Король почувствовал себя оскорбленным, как верховный защитник церкви. Университет и парламент требовали строгих наказаний еретикам. Власти обрушились со всей силой на книги, как орудие новых идей: одно время было запрещено печатать что бы то ни было, под страхом повешения; все книжные лавки были закрыты; потом поставили типографии под надзор цензоров высшего суда, которые должны были определять, какие издания «необходимы и могут быть одобрены». Изобличенных в ереси стали сжигать на кострах.

Несмотря на это, пропаганда протестантизма еще усилилась с сороковых годов, когда во Франции стали появляться женевские проповедники, ученики Кальвина. У самого порога Франции сложился рассадник ереси, откуда развозили Библии на народном языке, книги и брошюры. Во Франции два класса по своим интересам склонны были к протестантству: зажиточные горожане и дворяне. Первых привлекало участие в церковных делах, которые у протестантов отдавались в управление проповедникам и светским старейшинам. Мелкое дворянство с раздражением смотрело на обеспеченное духовенство, его огромные земли, желая улучшить свое положение на счет церковных богатств; крупных сеньеров привлекало то, что они могут, приняв протестантство, собирать на богослужение в своих замках родство, челядь, мелких дворян и других обывателей округа, приглашать собственных священников и этим как бы восстановить прежнее свое властное феодальное положение. Протестанты во Франции всюду сплочивались в сильные организации. Из выборных от городских консисторий составлялись областные с'езды, а из выборных от областей—национальные с'езды, или *синоды*.

С возрастанием этого устройства правительство принимало все более суровые меры, рассматривая протестантов, как опасных мятежников. Преем-

ник Франциска, Генрих II (1547—1559), установил в парламенте «огненную палату» для суда над еретиками, похожую на инквизицию.

Политическая и религиозная реформа около 1560 г. После смерти Генриха II осталось трое малолетних его сыновей, которые правили один за другим в течение 30 лет (1559—1589). Это—почти сплошное время смут во Франции, вызванных сначала столкновением религиозных партий, а потом стремлением сеньеров, большой части дворянства и некоторых городов обеспечить себе независимое положение наподобие чинов Германии. При старшем сыне Генриха II, Франсуа II, власть захватили Гизы, родственники жены короля, Марии Стюарт, бывшей в то же время королевой Шотландии: Франсуа Гиз выдвинулся в войне с Испанией, а его брат, кардинал Гиз, видный деятель на Тридентском соборе, был богатейшим сеньером и прелатом во Франции: вместе со своими двумя родственниками он занимал зараз 6 архиепископств, 12 епископств и 20 аббатств.

Политика Гизов была направлена на полное и беспощадное истребление ереси во Франции; вместе с тем они старались вернуть королевские имения и доходы, розданные при предшествующих королях множеству дворян. Их меры вызвали сильное раздражение; среди недовольных большинство составляли протестанты. Противники звали их *гугенотами* (испорчено от слова eidgenots, eidgenossen, т.-е. имени швейцарцев, республиканский строй которых воспроизводили французские протестанты). Часть недовольных дворян пыталась поднять восстание, захватить в свои руки короля Франсуа II и избавиться от Гизов. Но этот замысел расстроился, мятежников большею частью перехватали. Между тем выступили более умеренные, во главе их крупный сеньер, адмирал Колиньи, и родственники короля, принцы Бурбонского дома. Они хотели законного разрешения политических и религиозных затруднений посредством созвания генеральных штатов и устройства религиозного диспута. К такому же соглашению склонялись гуманистически образованные епископы и умеренные католики.

Гизы были вынуждены уступить, и в 1560 г. при малолетнем короле Карле IX, втором сыне Генриха II, сошлись (после 75-летнего промежутка) штаты в Орлеане. Большинство в собрании было расположено к проведению реформации церкви. Предлагали совершить секуляризацию церковных имуществ и продать их с тем, чтобы отделить $^1/_3$ на поддержание церковных строений, $^1/_3$—на бедных. Вместе с тем третье сословие и дворянство высказались за правильный созыв штатов в известные сроки; штатам должно предоставить решение вопросов о войне и мире и голосование податей. Гизов заменила у власти мать малолетнего короля, Екатерина Медичи; вновь назначенный ею канцлер Лопиталь был готов итти навстречу желаниям штатов. В религиозном вопросе Лопиталь был против стеснений: «ножом ничего не сделаешь против духа». Правительство сделало попытку устроить религиоз-

ный диспут; в присутствии двора состязались лучшие проповедники протестантов, между ними Бэз, ученик Кальвина, с кардиналом Гизом и иезуитами, которых впервые допустили во Францию Гизы. Через год после орлеанских штатов Лопиталь издал эдикт (так наз. *январский* 1562 г.), по которому протестантам позволялось свободно отправлять свое богослужение вне городов и занимать все должности наравне с католиками.

Религиозные войны. Примирительная политика Лопиталя была расстроена взаимным раздражением религиозных партий. Франсуа Гиз, проезжая со своей свитой мимо местечка, где собрались в деревенском сарае несколько десятков гугенотов для своего богослужения, и оскорбленный пением псалмов, велел своим людям избить безоружную толпу. Гугенотские дворяне в ответ собрали вооруженные силы, и во Франции начались религиозные войны. В первом столкновении Гиз победил протестантов, но сам был убит протестантским дворянином, поступившим к нему на службу. Ревностные католики и кальвинисты составили две партии с собственными вождями; они сами набирали войска, частью нанимали за границей испанцев, швейцарцев, немецких ландскнехтов и конницу; чтобы пополнять свои денежные средства, каждая партия забирала в свою пользу налог в той местности, где имела перевес. Несколько раз партии мирились и опять брались за оружие (за 30 лет было десять религиозных войн). Правительство не имело силы заставить их сложить оружие: оно колебалось между ними и подчинялось то одной, то другой стороне. Екатерина Медичи дала отставку Лопиталю и пробовала взять дела в свои руки. Она заключила с гугенотами мир и старалась привлечь их в Париж. Но, заметивши, что гугенотский вождь Колиньи приобрел влияние на ее сына и советует ему вмешаться в нидерландские дела, чтобы помочь тамошним протестантам против Альбы и Филиппа II, королева подослала к Колиньи убийц. Покушение, однако, не удалось; тогда Екатерина подговорила партию Гизов истребить всех протестантских вождей, съехавшихся в Париж. Колиньи умертвили в его доме; парижские граждане участвовали в резне, так называемой Варфоломеевской ночи (по имени святого чтимого 24 августа), и она приняла большие размеры (1572 г.).

Гугеноты и католическая лига. Протестанты составляли в стране меньшинство, которому приходилось собрать всю энергию, чтобы сохранить независимость. Талантливые публицисты из их среды выпустили ряд обличительных книг и статей против королевской власти; их назвали потом *монархомахами* (борцами против монархии). Пасторы, выходившие из женевской школы, осуждали неограниченную монархию: они считали своим правом бесстрашно указывать властям на беспорядки и распущенность жизни, публично порицать дурное управление и требовать исправления нравов. В книге «Иск к тиранам», автор которой назвался именем римского республиканца Юния Брута, говорится, что только бог правит неограниченно, земные же

государи—Божьи вассалы, и он может свергнуть вассала, когда тот нарушил присягу, данную народу. Из Ветхого Завета видно, что государи, по указанию Божию, избираются народом. Если государь становится тираном, в государстве есть законная сила, которая может его свергнуть; таково во Франции собрание трех штатов.

Действительной силой гугеноты обладали только на юге, особенно в Лангедоке, сохранившем свое особое право и самостоятельность многих городов, и отчасти на западе, где их главным оплотом был приморский город Ларошель, почти независимая торговая республика. В небольшой области Беарн в Пиринеях, остатке Наваррского королевства, другая часть которого была захвачена испанскими королями, протестантизм сделался даже господствующей церковью. Наваррские короли из дома Бурбонов, ближайшие родственники французской династии Валуа, стояли во главе гугенотских сеньеров и считались главными защитниками французского протестантизма.

Во Франции наступило раздробление, которое увеличилось тем, что против союза протестантов поднялся такой же католический. В начале реформации во Франции, как и всюду, не было даровитых и сведущих католических проповедников, которые могли бы поспорить с протестантскими. Под влиянием иезуитов духовенство обновилось: в церквах появились горячие ораторы, в печати выступили клирики-писатели. Они так же, как гугеноты, ссылались на право народа свергнуть государя, который не защищает истинной веры. Ревностные католики составили Священную лигу для истребления гугенотов. Ее сила была на севере и востоке Франции, а важнейшим оплотом—многолюдный Париж. Во главе лиги стал Генрих Гиз, сын Франсуа.

Обе религиозные партии опирались на иноземную помощь и субсидии: в то время, как гугеноты получали средства борьбы от германских протестантских князей и от английской королевы, лигисты пользовались поддержкой испанского короля, который платил их вождям большие суммы и несколько раз присылал на помощь свои войска. Дикие военные банды разоряли безжалостно страну. Земледелие было заброшено во многих местах. Мануфактуры шелка и сукна, заводы художественной индустрии, стекла и фаянса совсем упали или сократились наполовину. Лучшие типографии Франции закрылись: знаменитая фирма Этьенов, которые сами были выдающимися гуманистами, вынуждена была из-за религиозных преследований перейти в Женеву.

Последний из сыновей Генриха II, Генрих III (1574—1589), на котором прервалась династия Валуа, не умел удержать власть среди борьбы религиозных партий. Признав за гугенотами веротерпимость, он подчинился тотчас же лиге. В штатах 1576 г., созванных в Блуа, преобладали сторонники лиги: они потребовали от короля запрещения какого бы то ни было другого исповe-

дания, кроме «апостолической и римской церкви», и об'явления войны гугенотам.

Начало династии Бурбонов. Скоро лига еще более усилилась. Престол Франции должен был, в случае смерти Генриха III, перейти к другому Генриху, Бурбону, королю наваррскому, вождю гугенотов французского юга. Лига потребовала, чтобы Генрих III лишил его права наследования. Причину всех бедствий последнего времени народ, примыкавший к лиге, видел в измене католичеству, неискренности и колебаниях короля. В Париже началось сильное движение среди низшего класса, мелких лавочников, рабочих, поденщиков, крестьян. Требовали возвращения городам всех вольностей. Буржуа Парижа образовали особый «исполнительный комитет шестнадцати». Такие же комитеты составились в других северных городах. Король пробовал бороться с лигой. Но когда он вызвал войска в Париж, буржуа и простой народ взялись за оружие и загородили улицы баррикадами, нагромоздив повозки, каменные плиты с мостовых и обломки всякого рода; солдаты очутились точно в осажденной крепости и сдались; горожане осадили баррикадами и дворец короля, Лувр, так что он едва успел бежать. Королю не помогла и смерть Гиза, которого он изменнически убил в своих покоях. Осталось только искать спасения у гугенотского короля, приближавшегося с юга к Парижу; но здесь настиг Генриха III убийца-лигист, спрятавший отравленный нож под монашеской рясой (1589 г.).

Новый король, Генрих IV, начавший собою династию Бурбонов, был, в сущности, главой партии, очень энергичный, но составлявшей меньшинство в стране. Однако, он держался примирительно к католикам, и многие перешли на его сторону. Генриху IV пришлось завоевывать северную Францию; он не мог только взять Париж, где засели самые ревностные лигисты: чтобы поддержать раздражение против гугенотов, монахи, во главе с ректором католического университета, устроили вооруженный крестный ход по улицам; более 1.000 клириков шли со шпагами при бедре и секирами на плечах, распевая воинственные гимны. Филипп прислал лиге помощь из Нидерландов, под начальством Александра Парма. Но Генрих IV вышел удачно из затруднений. Считая, что «Париж стоит обедни», он перешел в католичество и обезоружил этим ревнителей веры; всех важных сеньеров, примыкавших к лиге,—между ними было шесть Гизов, занимавших наместничества,—купили большими подарками и пенсиями. Париж открыл королю ворота, испанский гарнизон должен был удалиться из города.

Долгая смута вызвала у многих настроение, враждебное религиозным спорам. Король, полжизни проведший в лагере, был в числе равнодушных и сумел искусно провести примирение партий. Чтобы успокоить своих прежних единоверцев, которые не хотели складывать оружие, Генрих IV издал *религиозный эдикт* в Нанте (1598 г.). За протестантами была признана, как 36

лет перед тем в январском эдикте Лопиталя, свобода исповедания, им было предоставлено право совершать богослужение по своему обряду в замках сеньеров и в городах, но за выключением Парижа. Генрих IV признал также за гугенотами их обособленное республиканское положение: они удержали ряд крепостей с собственными гарнизонами, между ними Ларошель, и право каждые три года сходиться на общие политические собрания для решения своих дел.

То, что получили гугеноты, не было дано остальной нации. Генрих IV обещал при своем вступлении созывать генеральные штаты, но за 16 лет своего правления (1594—1610) он не собирал их ни разу. Король не хотел больших собраний, в которых слышалось всегда столько жалоб и критики на управление. Во время смут, вызванных религиозной враждой, французский народ несколько раз обращался к старинному способу обсуждения государственных дел (с 1560 по 1593 г. штаты собирались пять раз); но собрания эти не имели достаточной силы, чтобы заставить королей уважать себя: правительство в трудную минуту получало согласие на новый налог, давало обещание произвести реформы, которых требовали штаты, и распускало их с тем, чтобы, по возможности, к ним не возвращаться. Между тремя большими группами в штатах,—дворянством, духовенством и третьим сословием,—всегда поднимались несогласия, особенно по вопросу о налогах. Дворянство и духовенство скорее могли столковаться между собою; так как голоса подавались по сословиям, то два первые сословия покрывали часто своими голосами третье. Это раз'единение интересов во Франции позволило утвердиться королевскому *абсолютизму*, т.-е. неограниченному распоряжению короля и назначаемых им чиновников. Абсолютизм стал устанавливаться при Франциске I, расстроился в период религиозных войн и опять поднялся при Генрихе IV, чтобы продержаться потом почти два века.

Генрих IV застал страну в состоянии величайшего разорения. Масса земли была заброшена; города, деревни и фермы лежали в развалинах; население частью разбежалось; всюду составились разбойничьи шайки, в которых участвовали солдаты, оставшиеся без дела после прекращения войны. Когда помещики, видя себя без всяких средств жизни, попытались удвоить плату за аренду, против них поднялись крестьяне, особенно в южной Франции. Они составили большие ополчения под названием «нищих», жалуясь, что с ними поступают, как с рабами. Восставшие крестьяне требовали уменьшения прямого налога, хотели срытия дворянских замков и отмены всех повинностей, кроме тех, которые идут на короля. Дворяне составили против них свой союз и об'явили, что простой народ поднялся против «божественного и человеческого права, отказывается платить десятину, установленную с основания мира для служения Богу, хочет опрокинуть монархию и устроить демократию, наподобие швейцарцев». Обе вооруженные массы, дворяне и

крестьяне, вступили в бой, но крестьяне скоро рассеялись; у них не было ни привычки, ни хорошего оружия, ни продовольствования для того, чтобы выдержать правильную войну.

Бедствия крестьян заставили Генриха IV и его первого министра Сюлли заняться бытом деревень. Несколько раз скидывались большие недоимки крестьян по уплате прямого налога (талии). Было запрещено продавать скот и орудия земледельцев в уплату за долги. Во время своих об'ездов по Франции Сюлли пришел к убеждению, что все благосостояние ее зависит от земледелия; это—ее «истинные рудники и перуанские сокровища». Всего важнее открыть свободный вывоз французского хлеба за границу, что должно поощрить его разработку.

Возобновление смуты и последние штаты. Как только страна несколько успокоилась, Генрих IV занялся внешними делами. Он собирался воевать с испанскими и австрийскими Габсбургами и заключил союз с протестантами Германии. Во время приготовления к этой войне его убил Равальяк, повидимому, настроенный иезуитами, мстившими за Нантский эдикт и вражду короля к Испании. С его смертью во Франции опять наступила пора, похожая на время религиозных войн: сеньоры, между ними принцы крови, поднимали войну с правительством (регентшей-матерью малолетнего короля Людовика XIII) и опять мирились за большую плату и подарки. Воинственная партия среди гугенотов волновалась: они разделили всю Францию на военные округа, стали собирать налоги в свою пользу, назначили своих командиров и протестантского главнокомандующего.

Среди смут растерявшееся правительство обращалось еще раз к генеральным штатам (1614 г.). На этом последнем собрании штатов (они не созывались потом вплоть до революции 1789 г., уничтожившей абсолютную монархию), обнаружилось еще раз, насколько враждебны друг другу сословия. Дворянские депутаты оскорбились тем, что представители буржуазии сравнили государство с семьей из трех братьев, при чем прибавили, что нередко дом, разоренный старшим (высшими классами), восстановляется младшим. «Мы не хотим,—говорили дворяне,—чтобы сыновья сапожников звали нас братьями; между нами и ими столько же разницы, сколько между господином и лакеем».

Политика Ришельё. В 1624 г. явился энергичный продолжатель Генриха IV в лице Ришельё, епископа люсонского, позднее кардинала, забравшего власть при ничтожном Людовике XIII. Ришельё начал с борьбы против гугенотской республики, осадил главный оплот протестантов, Ларошель, срыл стены и отнял у гугенотов все их крепости; политический порядок их был уничтожен, большие светские собрания их прекратились. Но Ришельё не хотел вовсе теснить мирных протестантов, которые составляли на юге большую

промышленую силу: он оставил им, согласно Нантскому эдикту, свободу богослужения и большие национальные синоды.

Затем началась упорная и беспрерывная борьба с сеньерами. Губернаторов, которые пытались завести самостоятельные княжества, он смещал, а если встречал сопротивление, то казнил. Дворяне составляли несколько раз заговоры при участии принцев королевского дома и даже матери короля с целью свергнуть всесильного министра. Ришельё об'явил заговоры оскорблением власти и расправлялся с полным произволом: он применял сначала экзекуцию, казнил захваченных, а потом уже производил дальнейшее расследование. Самым действительным средством в руках министра было отправление во все провинции особых королевских чиновников, под названием *интендантов суда, полиции и финансов*. Интендант должен был разузнавать, нет ли тайных действий против королевской власти, в смысле захвата крепостей, собирания оружия, набора солдат недовольными; принимать решения против виновных, судить и казнить их; смотреть, чтобы выплачивалось правильно королевское жалованье, особенно войскам, чтобы в достаточном количестве всюду было продовольствие и чтобы препятствовать голодовкам. Интендант должен был присматривать и за губернатором; он находился в непрерывной переписке с правительством, обо всем докладывал и на все просил инструкции.

Ришельё последовательно проводил *бюрократический* строй, т.-е. управление из министерских канцелярий через чиновников, послушных только правительственным приказам. У него было несколько столкновений с парижским парламентом, который образовал судебную аристократию, независимую от короля и министров. Ришельё задумал прекратить вмешательства высшей палаты в политику. В торжественном заседании парламента, куда прибыл король в блестящей обстановке, чтобы заставить принять свою волю, было прочитано резкое заявление верховной власти. Напоминалось, что гибельное раздробление и смуты времен лиги произошли от неуважения к короне; в ослаблении власти виноват и парламент. Для того, чтобы Франция не стала опять зрелищем ужаса и разрушения, необходимо устранить всякое покушение на скипетр и авторитет государя; поэтому безусловно воспрещается судебным палатам входить в государственные вопросы; они должны заносить беспрекословно все указы, когда король является в их присутствие.

Фронда. Ришельё управлял 18 лет Францией; скоро после его смерти (1642 г.) умер бездетный Людовик XIII (1610—1643). Опять престол перешел к малолетнему (Людовику XIV), и опять сеньеры сделали попытку вернуть себе самостоятельность при помощи тех же старых средств: союза с иностранными державами, заговоров, мелкой войны. Современники назвали это движение фрондой (игрой). На этот раз, однако, к военной аристократии присоединилась судебная, недовольная правлением Ришельё. Парижский парламент требовал отмены интендантов, главного орудия политики Ришельё, провозгла-

сил первого министра Мазарини, ученика и преемника Ришельё, врагом государства, поднял к оружию парижское население, и в городе поднялись баррикады, как во времена лиги (1649 г.).

Движение разбилось еще гораздо скорее, чем за 60 лет до того. Недовольные состояли из нескольких групп, между которыми не было ничего общего. Наследственные богатые судьи стояли так же далеко от народа, как сеньеры. Мазарини, сначала вынужденный бежать из столицы с малолетним королем, помирился с недовольными поодиночке, сделал уступки для видимости, купил принцев и сеньеров и об'явил опять господство неограниченной монархии.

С этой поры в течение 140 лет во Франции не было крупных восстаний. В стране все более и более замирал политический интерес. Самая подвижная часть французского общества, гугеноты, распалась на небольшую группу политиков и массу равнодушных; когда Ришельё расстроил ряды политиков, большинство дворян-протестантов стали переходить, частью за хорошее вознаграждение, в католичество. Протестантизм остался вероисповеданием горожан, в особенности индустриального и торгового населения южной Франции. С уходом дворян из протестантского лагеря исчез вообще тип старинного рыцаря, склонного слишком скоро, может быть, хвататься за шпагу, но в то же время независимого, прямого и правдивого, неспособного гнуться и угодничать.

VI.

Тридцатилетняя война в Германии.

Упадок Германии к началу XVII в. С развитием океанических и морских сношений на западной окраине Европы торговое движение через Альпы и по большим немецким рекам очень ослабело; ближайшие к горным выходам города Германии разорились и пришли в упадок. Большие купеческо-банкирские дома Вельзеров и Фуггеров, которыми держалась империя Карла V, об'явили банкрот или бросили торговлю. Расстроился также и большой союз северонемецких городов, Ганза, так как центры всемирной торговли передвинулись на западную окраину Европы, в Лиссабон, Антверпен, Амстердам. На севере кроме того поднялись сильные государства Англия, Дания, Швеция; с их сплоченными силами не мог бороться ганзейский союз, составленный из разбросанных самостоятельных городов. Английское правительство закрыло старый ганзейский Стальной двор в Лондоне и изгнало торговцев вместе с их старшинами. На другом конце, у Балтийского моря, шведы заняли Ревель и

воспретили ганзейским купцам торговлю с Московским государством через Нарву. С падением городов усилились князья, владевшие территориями; руководясь узкой политикой, они запирали таможенными заставами границы своих владений и затрудняли внутреннее движение; в силу правила cujus regio, ejus religio, торговцы, не разделявшие вероисповедания верховного владетеля территории, изгонялись из нее.

Ухудшилось также положение крестьян, особенно в больших восточных земледельческих областях, в землях нынешней Пруссии, Австрии, Польши, в Курляндии и Лифляндии, захваченных германскими рыцарями. Для помещиков открылась возможность выгодно сбывать свой хлеб по рекам, текущим в Балтийское и Северное моря; они обратились к усиленной разработке земли и стали изыскивать способы, чтобы увеличить крестьянскую барщину, заставить крестьянские дворы выдавать себе даровых рабочих. На собраниях земских чинов (*ландтагах*), где крестьяне не имели представителей, дворянство легко достигало цели: рядом постановлений оно прикрепляло крестьян и получало в свое распоряжение наследственных рабочих. Местами барщина была так усилена, что распространялась даже на воскресенье; по этому поводу саксонский курфюрст пробовал напоминать своим дворянам, что «даже скоту дают отдых по праздникам».

Вопрос церковный, не решенный в предшествующую эпоху, вносил новую вражду в разрозненную и разорявшуюся страну. Везде вновь вступавший во владение князь мог навязать населению свою веру. Благодаря деятельности иезуитов, католики стали действовать в качестве нападающей силы, пользуясь вместе с тем раздором кальвинистов и лютеран в протестантском лагере. В начале XVII в. католики составили лигу наподобие французской, против протестантской унии.

Восстание чехов и реакция в Богемии. Особенную силу влияния приобрели иезуиты в южных частях Германии, в Баварии и при дворе Габсбургов. Между тем во владениях австрийского дома, в Богемии, Моравии, собственно Австрии и в Венгрии, дворянство и горожане по большей части приняли реформацию. В Богемии протестантское учение соединилось с церковным устройством умеренных гуситов, чашников, признанных королями еще в XV в. В габсбургских землях протестанты так же, как во Франции и Нидерландах, выступали противниками абсолютизма; в начале XVII в. дворянство разных областей стало входить во взаимные соглашения с тем, чтобы ограничить власть императора *общим сеймом*. Габсбургам оставалось для спасения своего авторитета прибегнуть к неумолимому проведению католической веры и к *раз'единению* областей.

В 1618 г. чехи, опасавшиеся воцарения ревностного ученика иезуитов, Фердинанда II, в молодости на богомолье в Лоретто давшего обет Богоматери посвятить всю жизнь истреблению ереси, отложились от австрийского дома и

выбрали себе королем одного из протестантских князей Германии, курфюрста пфальцского Фридриха. Подавлением чешского восстания и началась тридцатилетняя война, которая распространилась на всю Германию и постепенно затянула все европейские государства (1618—1648).

Ни Фердинанд II, ни его протестантские противники не имели своего постоянного войска. Император должен был искать поддержки у католической лиги князей, которая имела в своем распоряжении наемную армию. Начальник ее, бельгиец Тилли, разбил чехов под Прагой на Белой горе и заставил бежать протестантского короля. У Фридриха был отнят сан курфюрста и передан главе лиги, баварскому герцогу. Для Богемии наступила полная реакция. За казнью мятежных сеньеров последовало изгнание массами протестантских дворян и конфискация их имуществ. Отнятые земли были розданы католическим дворянам, т.-е. тем, кто остался верным императору. Положение обязанных крестьян осталось то же самое, но новые помещики воспользовались разорением от войны и от изгнаний и захватили часть крестьянских земель. Протестантское богослужение, ненавистное императору, было запрещено, и народный чешский язык в церквах опять заменился латинским; отменили праздник памяти Гуса. Университет был отдан в руки иезуитов. Ландтаг лишился почти всякого значения; созыв чинов отныне зависел от усмотрения государя; издание законов и «улучшение строя земли» он об'явил своим неот'емлемым правом.

Общая война в Германии. Так как теперь стала грозить католическая реакция всей Германии, протестанты попытались выставить своих наемников против императора и лиги; Тилли продолжал их разбивать, пока не выступил на защиту протестантизма датский король. Войска лиги оказались теперь слишком слабы; притом император хотел отделаться от опеки лиги; он принял поэтому предложение одного чешского дворянина, Валленштейна, ученика иезуитской коллегии, разбогатевшего от скупки имений изгнанных чешских протестантов. Валленштейн предложил набрать для императора собственную армию, при условии, что начальнику ее будет предоставлена полная свобода действий; он разослал повсюду вербовщиков, которые раздавали задатки охотникам, обещая необычайные награды и добычу; скоро составилась большая для того времени армия в 50.000 человек из самых различных национальностей. Валленштейн перенес войну на север, где преобладали протестанты, прогнал датского короля, заставил его просить мира и завоевал для императора Балтийское побережье. Но вместе с тем, распоряжаясь самовластно, Валленштейн затронул права князей; между прочим он изгнал владетелей Мекленбурга, и император обещал ему это приморское княжество; Валленштейн принял даже титул «генерала Балтийского моря и океана», рассчитывая утвердить господство свое в северных морях.

Император торжествовал победу и издал Восстановительный эдикт, ко-

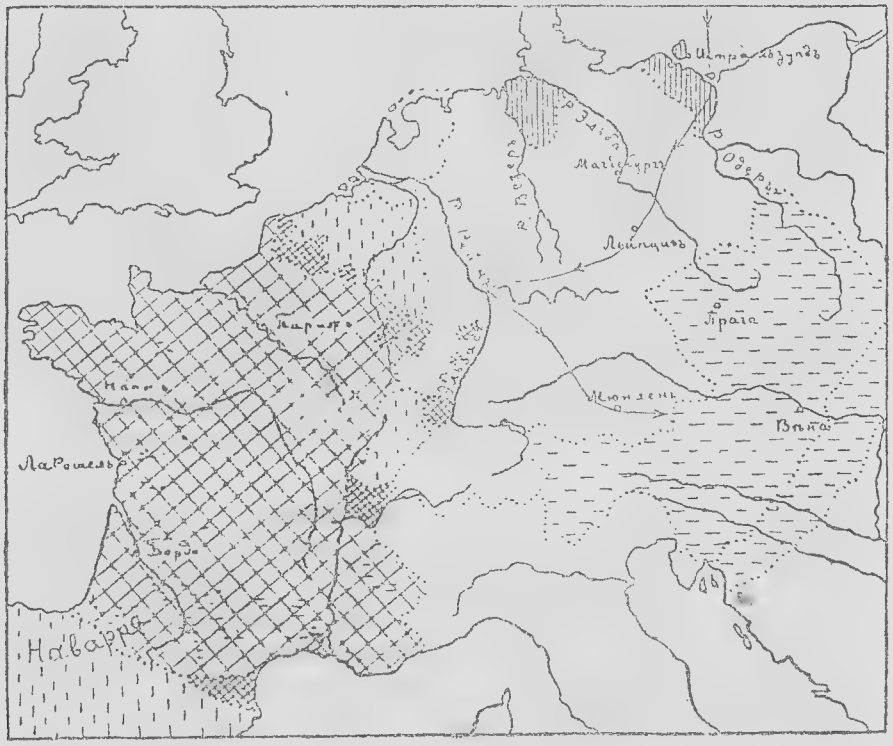
торым хотел уничтожить все приобретения протестантов за последние 75 лет: все, что было ими секуляризовано из духовных владений после Аугсбургского мира 1555 г., должно было отойти опять к католической церкви. Эдикт приносил выгоды не только католической партии; он крайне усиливал власть императора в распоряжении территории империи, а образ действий Валленштейна показывал, как это может быть опасно для князей. Поэтому князья, по предложению главы лиги, баварского курфюрста, потребовали у императора отставки Валленштейна (1630).

В это время на южном берегу Балтийского моря высадился шведский король Густав-Адольф. Он успел уже отвоевать у Московского государства Ладожский край, устья Невы и Нарвы, у Польши — Лифляндию и право сбора пошлин в Данциге близ устья Вислы; вместе с ранее принадлежавшими Швеции Финляндией и Эстляндией это составило почти непрерывный ряд земель вдоль всего восточного побережья Балтийского моря. Шведам оставалось приобрести южную окраину его, Померанию, чтобы оцепить Балтику со всех сторон и сделать шведским внутренним морем. Появляясь в Германии, Густав-Адольф не только хотел помочь единоверцам, но также закончить обширные завоевания Швеции. «Снежный» король, как в шутку называли его в Вене, где его силы считали ничтожными, привлек быстро массу незанятых военных людей, разбил несколько раз войска Тилли, прошел в южную Германию и грозил наступлением на самое Вену; Ришелье обещал ему помощь и присылку субсидии.

Императору оставалось снова обратиться к Валленштейну. Но фельдмаршал, который уже предлагал свои услуги королю шведскому, поставил на этот раз императору еще более тяжелые условия: он требовал права распоряжаться всеми землями, какие только завоюет, и в награду — одно из наследственных владений Габсбургов, разумея Богемию. Опять в самый короткий срок собралась армия около знаменитого имени. Валленштейн заставил Густава-Адольфа уйти с юга и хотя потерпел поражение при Люцене в Саксонии, но зато все успехи шведов были уничтожены смертью их короля в этой битве. Валленштейн не старался извлечь выгоду из этого положения: он оставался в бездействии и завел с врагом таинственные переговоры. Это не соответствовало интересам ближайших его военных помощников, живших войной; в среде офицеров составился заговор, и они его убили, к большому удовольствию императора, который избавился от опасного диктатора (1634 г.).

От начала войны до смерти Валленштейна прошло 16 лет, а спору не виделось и конца. Религиозный вопрос, из-за которого началась война, отступил на второй план. Князья разрушили при чужой помощи притязания императора и спасли свою самостоятельность, но зато теперь выдвинулись иностранные силы, шведы и французы, которые пользовались полем борьбы в Германии, чтобы отнять у обессиленной страны важные для них территории. Война про-

тянулась еще 14 лет. Северные князья Германии заключили мир с императором, но их земли не избавились от военных ужасов; почти каждый год выходили шведы из занятой ими Померании и после похода на императорские земли возвращались назад в зимние квартиры; перед ними сначала отступали, а потом за ними двигались императорские войска, проходя во второй раз по тем же несчастным странам—Саксонии, Бранденбургу. В то же время французы опустошали юго-запад Германии, земли по среднему Рейну и верхнему Дунаю.



Франция и Германия в эпоху тридцатилетней войны. Мелкими клетками показаны приобретения Генриха IV, Ришельё и Мазарини; полосками—земли, полученные шведами по Вестфальскому миру. Стрелки означают путь Густава-Адольфа. На территории Франции отмечены протестантские общины.

Такая продолжительная война была возможна лишь при особых условиях рекрутирования солдат и содержания их. Валленштейн выразил это в словах: «война питает войну». Нанимало ли солдат правительство, или частный человек, — капиталом для их вознаграждения должно было служить завоевание и добыча. С 20-х по 40-е годы XVII в. вся Германия превратилась в чудовищный по размеру военный рынок: в тридцатилетней войне служили итальянцы, кроаты, поляки и венгерцы, валлоны и голландцы, французы, ан-

тличане; шотландцы и ирландцы. Эти люди легко переходили из одного лагеря в другой, им были безразличны политические интересы, из-за которых спорили государи и владетели: от шведской армии отделился отряд веймарцев, сражавшихся на Рейне против императора и на денежные средства Франции; после смерти начальника (Бернгарда) его армию старались привлечь наперерыв император, один католический и один протестантский князь; но всех искуснее и щедрее оказался Ришельё, перетянувший этих немецких солдат на службу Франции.

Наемников было очень трудно держать в дисциплине. Они обращались после победы или взятия города в зверей. Часто они вырезывали или вешали все мужское население и, унеся добычу, передавали пламени селение. Когда Тилли взял богатый Магдебург, перед самым приходом Густава-Адольфа, в соборе нашли полсотни обезглавленных женщин, кроаты со смехом нацепляли детей на пики. Валленштейн привлекал более всего тем, что предоставлял своим солдатам полную свободу. Густав-Адольф привел из Швеции образцовое войско, набранное из крестьян и дворян; солдатам строго воспрещено было грабить; каждый день в лагере происходило богослужение, при котором присутствовал король. Но скоро он должен был принять много посторонних наемников обычного типа, и сами шведы после его смерти одичали и обратились в разбойничающую армию.

Германия по Вестфальскому миру. Единственным выходом из бесконечной войны было вознаградить иноземные державы на счет Германии и внутри признать равноправность религиозных партий. По Вестфальскому миру 1648 г. шведам отдали часть Померании с устьем Одера и устье Везера; французам—Эльзас на Рейне. Император сохранил в своих наследственных владениях полное господство и удержал всю силу католической реакции; в остальной Германии дали равноправность вероисповеданиям, включая кальвинистов (не признанных Аугсбургским миром 1555 г.), и допустили свободу католиков в землях протестантских князей и протестантов—в землях католических князей.

В других отношениях владетельные князья усилились: за ними было признано право самостоятельно вести переговоры и заключать союзы с иностранными державами; император утратил всякий авторитет в общих делах Германии. Но и рейхстаг не имел никакой силы: для решения общих дел в нем требовалось не большинство голосов, а единогласие трех курий, курфюрстов, остальных князей и городов, т.-е. нечто почти недостижимое. При этих условиях единство империи было только пустым звуком. Германия осталась обширным полем, на котором европейские державы решали свои споры, отчасти местом вербовки солдат; мелкие правители продавали своих людей на службу в чужие края, иногда даже в заокеанические колонии.

VII.

Английская великая революция.

Английская торговля. До XVI в. Англия оставалась страной земледельческой и скотоводческой по преимуществу. Ее продукты, особенно шерсть, скупали приезжие фламандцы; английские купцы ограничивались подвозом товара на ближайшие склады по ту сторону канала, отделяющего Англию от материка; у англичан в течение двух веков до половины XVI столетия был для этой цели особый спорный пункт на материке в городе Кале, отнятом у Франции. Лишь в конце XV в. составилась компания торговцев, которые пытались проникнуть в Германию и дальше по морю, в Балтику. В XVI в. торговля Англии развивается все больше. Короли из дома Тюдоров (1485—1603) энергически поддерживали купеческие предприятия. Так как первой морской державой в это время была Испания, английские короли два раза пытались сблизиться с ней заключением браков и устроить мирное торговое общение, но оба раза дело заканчивалось разрывом; впервые, когда Генрих VIII, сначала муж испанской принцессы, разошелся с ней и отделился от римской церкви, и затем, когда после смерти Марии Кровавой, недолго бывшей женою Филиппа II, ее сестра Елизавета отвергла новый брак с испанским королем.

Век Елизаветы 1558—1603 г. Обязанная вступлением на престол партии протестантов, королева Елизавета вернулась к порядкам англиканства, признала *супрематию* (верховенство государя в церковных делах) и *единообразие* веры, т.-е. утвержденные парламентом догматы согласно протестантскому молитвеннику Кранмера. Остались частью католические обряды и католическая иерархия епископов. При всем том по убеждениям Елизавета вовсе не была протестанткой: последовательная реформа в духе Кальвина была ей ненавистна. Однако имея постоянного врага в могущественной Испании, Елизавета всюду поддерживала протестантов, так как всюду они были противниками Испании. Нидерландским гёзам она помогала в их восстании против Филиппа II, французским гугенотам—против Валуа, Гизов и лиги, шотландским кальвинистам—против их католической королевы Марии Стюарт, имевшей права на английский престол. Когда Марья Стюарт, поссорившись с шотландским дворянством, бежала в Англию, Елизавета немедленно заключила ее в тюрьму. 18 лет провела Мария Стюарт в крепости; английские католики несколько раз пытались освободить ее, чтобы посадить на место Елизаветы; их явно поддерживал Филипп II. Когда начались в Испании приготовления к большой экспедиции против Англии в 1587 г., Елизавета обвинила Марию Стюарт в тайных сношениях с врагами и казнила ее

На море шла непрерывно борьба с Испанией за торговые выгоды. Ан-

глийские корсары, Дрэк, Ралей, врывались в область испанских владений и полосу их морских путешествий, нападали на серебряный флот, опустошали берега Вест-Индии. В Англии составлялись целые общества для пользования выгодами морских набегов; барыш распределялся между дольщиками, и говорят, что в числе их тайно участвовала королева. Правительство старалось поддерживать и мирную торговлю. Елизавета разрешила свободно вывозить хлеб из Англии, если цена его не превышает известного уровня, т.-е. если есть излишек его, но вывоз был допущен только на английских кораблях. Компаниям промышленников выдавались привилегии, т.-е. обеспеченные королевской подписью права на исключительную торговлю какими-либо предметами, напр., железом, сталью, мехами, солью. Самой важной из них скоро сделалась *остиндская*, образцом для которой послужила нидерландская ост-индская компания.

Английское правительство вмешивалось также в устройство рабочего класса. Мировые судьи пользовались правом устанавливать размер заработной платы в различных промыслах и принуждать к работе людей безземельных и не занятых в хозяйстве у дворян. Законом «о бедных» правительство старалось установить надзор за нищими и безработными. Число последних в Англии XVI в. было велико вследствие того, что помещики, округляя имения, сгоняли с земли множество крестьян. Лишь тех, кто был заведомо не способен к труду, должны были содержать церковные приходы. Всех здоровых нищих, всякий странствующий люд, который скитался по селениям, мелких разносчиков, фокусников, знахарей, точильщиков и котельщиков, школяров и матросов без дела, если они обращались за подаянием мировые судьи должны были сажать в работные дома.

Королевская власть принимала эти меры в согласии с парламентом, состоявшим из помещиков и крупных торговцев. Эти классы вообще были довольны правлением Елизаветы и ее главного советника, Бёрли, сорок лет стоявшего у дел: война с Испанией, морские предприятия, участие в делах материка открывали простор подвижным воинственным элементам среди дворянства. Сельские хозяева получали выгоду от свободного вывоза хлеба за границу и от хороших цен на шерсть внутри; быстро поднимались английская торговля и мореплавание.

Век Елизаветы есть также эпоха развития английского театра. Возрождение принесло новые понятия и приемы, которые вытеснили прежние мистерии и аллегории, разыгрывавшиеся на ярмарках и в большие праздники. Но в то время, как во Франции возникает классицизм, и драма наполняется греческими и римскими царями, героями и полководцами, выражающимися на искусственном языке, в Англии сохранился интерес к своей исторической старине и народный разговорный язык. При Елизавете в Лондоне и в других городах возникло несколько постоянных театров. Самый замечательный из

них, Глобус, открытый актером Борбеджем, имел очень незатейливый вид овального сарая без крыши над серединой, где помещался партер, и где публика стояла, с крытыми галлереями кругом, где находились ложи; декораций не было, вместо них меняли вывеску на шесте с надписью: «лес», «дворец», «буря», и т. д.

Крупнейший из драматических писателей, Вильям Шекспир (1654—1616), сам актер и член артистического товарищества Борбеджа, в ряде трагедий представил целый век английской истории, самую бурную ее эпоху с конца XIV в. В других пьесах Шекспира сюжет заимствован из смутных и богатых борьбой периодов римской истории, из итальянских или северных новелл (повестей), но всюду герои старинных или фантастических происшествий превращены в современников, придвинуты близко к зрителю; автор вложил в их столкновения общечеловеческие интересы, заставил их жить тем, что волнует людей всех времен.

Пуританство. Рядом с придворным и столичным увлечением театром при Елизавете началось суровое религиозное движение.

Между священниками стали появляться ревнители, отчасти ученики Женевы, которые, по собственному побуждению или желанию прихожан, изгоняли церемонии, заменяли пеструю католическую одежду черным плащом ученого, вместо алтаря ставили посредине церкви непокрытый стол и запрещали склонять голову при произнесении имени Христа. Такое опрощение, или очищение религии дало им основание называться *пуританами*. Английская церковь в их глазах полна язычества и раболепства; светская власть не должна господствовать над служителями божьими, Христос—единый глава церкви. Пуритане осуждали в окружающем обществе страсть к развлечениям, пышные светлые костюмы, веселые праздники, музыку, картины, охоту, все, что тешит глаз и ухо. Воскресенье, день отдыха и развлечения, сохранившее старинную шумливость и пестроту нарядов, пуритане превратили в подобие иудейской субботы с обязательным сиденьем дома, неподвижной монотонностью и чтением Писания. Библия заполняет все понятия пуритан и притом, главным образом, Ветхий Завет с его неумолимым законом, с грозными обличениями проповедников, выступающих перед лицом царей, с картинами истребительного мщения Божия.

В среде пуритан заметны были два направления, соответствующие германским партиям умеренных и анабаптистов. Умеренные выполняли, в сущности, учение Кальвина и составляли *пресвитерианскую* церковь, вполне сложившуюся в Шотландии; ее название—от светских выборных старейшин, пресвитеров, управляющих вместе с проповедниками приходом. Крайние признавали лишь такое устройство, при котором все отдельные церковные общины совершенно независимы (отсюда позднейшее название крайних — *индепенденты*). Притом общины должны иметь демократическое устройство·

авторитет священников и старейшин составляет тиранию; все члены общины должны быть равны, и, в сущности, всякий может быть священником, потому что проповедь и толкование слова Божия—дело вдохновения, непосредственной благости Христа, открывающего истину тому, кто ее жаждет и кто чист духом. У крайних пуритан проповедь приняла характер свободной речи, богослужение составляло только общее собрание для пения псалмов и совместного чтения Библии.

Короли и парламент в первой трети XVII в. При Елизавете пуритан было немного; проповедники их от преследований английской церкви должны были бежать в Голландию, в Америку.

Положение изменилось при ее преемниках. После ее смерти в Англии вступила новая династия шотландских Стюартов (1603—1688), родственных Тюдорам. Шотландия сохранила свое особое политическое и церковное устройство при общем с Англией короле. Король Яков (Джеме) I (1603—1625), сын Марии Стюарт, вырос в маленькой стране, где, в сущности, власть его была ничтожна. Со времен грозного Нокса, ученика Кальвина, основателя шотландской церкви, пресвитерианские священники привыкли резко критиковать светских правителей. Но у Якова сложились огромные притязания, которые он любил излагать сам в ученых сочинениях, речах и манифестах. По его мнению, Бог особенно покровительствует наследственной монархии; власть монарха по праву—деспотическая; он исполняет закон только по доброй воле; все законы, которые ограничивают королевскую *прерогативу* (так в Англии назывались права короля в законодательстве и управлении),—простые уступки милости королевской, которые король может взять назад, когда ему угодно. Яков I находил сильнейшую опору своим стремлениям в епископах английской церкви.

С самого начала правления Якова I в Англии пуританское низшее духовенство подверглось гонению: многие священники были лишены своих мест. Это вызывало недовольство парламента, в который стали все более и более проникать пуритане. Другим основанием для столкновений парламента с королем был *финансовый* вопрос. Королева Елизавета пыталась в конце своего правления извлекать особый королевский доход из развивающейся английской торговли: она стала продавать *монополии*, т.-е. права отдельных купцов или компаний на исключительную торговлю известными товарами. Но парламент поднял сильный протест, и королева, никогда не доводившая дело до ссоры, обещала отменить монополии. Стюарты при всяком новом налоге или способе взимания встречались с крайним недоверием парламента, который искал причины огромной траты денег в неумелой политике или в злоупотреблениях королевских чиновников.

Парламент 1621 г., созванный после семилетнего перерыва, требовал суда над королевскими советниками, которые обогатились при раздаче про-

мышленных привилегий, скрытой от контроля общества; между обвинявшимися был великий ученый Фрэнсис Бэкон, в своей жизни человек далеко не безукоризненный. Король выдал Бэкона: он был осужден за взятки и лишен должности канцлера. Отношения между королем и парламентом обострились: против королевской теории власти пуритане выдвигали учение о *народовластии*, доказанное на примере их церковной жизни. Обе стороны ссылались на Библию и на прошлое Англии, толкуя их указания в свою пользу. На требование короля воздержаться от обсуждения политики депутаты заявили, что «свобода парламента составляет древнее и несомненное право и наследие англичан, что при ведении и обсуждении этих дел всякий член палаты должен иметь свободу речи».

Разлад между королем и парламентом стал еще сильнее при преемнике Якова, Карле I (1625—1649). Англия вела неудачную внешнюю политику: королевский фаворит Бэкингем без успеха водил морские экспедиции, одну против Испании, другую против Франции на защиту ларошельских гугенотов. Финансовые средства правительства не отвечали большим чрезвычайным расходам. Всякий раз, как король собирал парламент, Нижняя палата соизволяла лишь небольшие суммы, но вместе с тем громко выражала ряд жалоб на управление и требовала отставки Бэкингема. Король принимался тогда действовать помимо парламента: взимал пошлины сверх годового срока, на который они разрешались парламентом, и собирал деньги с населения по способу принудительного займа: тех, кто не хотел служать короля, или забирали в солдаты, или сажали в тюрьму.

Во главе протестующих стояли два выдающиеся оратора, Вентворт и Элиот. Последний настоял на подаче в 1628 г. большого общего заявления, так наз. *петиции о праве*. Составители ее ссылались на основные положения Великой Хартии и выводили из нее ряд требований: 1) чтобы средства на государственные расходы взимались не иначе, как с согласия парламента, 2) чтобы король не ставил солдат на постой и не производил этим путем насилия для взимания податей и 3) чтобы не совершалось произвольных арестов и заключений в тюрьму без суда. Король принял петицию и обратил ее в закон, но продолжал всякого рода нарушения права; он решил распустить несговорчивый парламент. В ответ парламент принял, по предложению Элиота, следующую резолюцию: «Всякий, кто нарушает религиозный строй, всякий министр, собирающий субсидии, не соизволенные парламентом,—враг государства и общества; всякий подданный, добровольно согласившийся подчиниться противозаконным актам и требованиям,—изменник английской свободе и враг ее». Элиот поплатился за свою смелость: его обвинили в мятеже против короля и посадили в тюрьму, где он умер.

Правление без парламента. После этого Карл сделал попытку править без парламента и не созывал его последовательно в течение 11 лет (1629—1640).

На сторону короля неожиданно перешел Вентворт; возведенный в звание графа Страффорда, он предложил систему действия «напролом», беспощадного истребления противников короля; оба, и король, и его министр, находились под впечатлением успехов Ришельё. По мнению Страффорда, важным средством для утверждения королевской власти должно было служить войско. Он воспользовался восстанием в Ирландии, куда его назначили наместником, чтобы сформировать там отряды. Одновременно с ним действовал в пользу монархии первый архиепископ Лоуд: враждебный пуританству, он вместе со многими высшими прелатами старался вернуться к безбрачию священников и тайной исповеди, восстановить пышность и благолепие убранства церквей и богослужения. Учрежденная еще при Елизавета Высокая комиссия по делам церкви стала действовать против пуритан, как настоящая инквизиция. Множество пуритан начали выселяться в Америку

Страффорд хотел создать новое королевское право в противоположность парламентскому. Он посоветовал королю восстановить «корабельную подать». Так назывался налог, взимавшийся за 500 лет назад для снаряжения флота против набегов датчан. Налог был не велик, но важен для правительства, потому что существовал *до установления* парламента. Повидимому, король, не нарушая положений петиции о праве, мог бы взимать его без обращения к парламенту; таким образом удалось бы создать *прецедент*, т.-е. случай, на который впоследствии можно было ссылаться, как на совершившийся факт, не опровергнутый законами и, следовательно, ставший законом. Однако, Гемпден, провинциальный дворянин, решил на суде доказать неправильность нового налога. Он не заплатил своей доли и предстал пред обвинением. Король с своей стороны желал суда по этому делу. Из 12 судей 5 высказались за Гемпдена и 7 против. Он был осужден, но нравственно выиграл: в сущности, судили не его, а королевскую политику, и важно было то что простой гражданин выступил ее обвинителем

Королевская система рухнула в 1640 г. вследствие восстания шотландцев. Карл I и Лоуд пытались ввести строгую епископальную церковь с католическими чертами и в Шотландии, где вполне утвердилось пресвитерианство еще за 70 лет до того. Шотландцы составили *ковенант*, договор о сопротивлении королю и официальной церкви; войско шотландских мятежников заняло север Англии, а у Карла не было денег, чтобы бороться с ними. Тогда пришлось снова обратиться к парламенту.

Долгий парламент и гражданская война. В ноябре 1640 г. собрался самый знаменитый в истории Англии парламент, так наз. Долгий (он не расходился более 12 лет). Перед выборами признанный глава *оппозиции*, т.-е. противников королевского и церковного абсолютизма, Джон Пим, об'ехал почти всю Англию, развивая основные идеи своей партии и вербуя сторонников. Первым делом парламента было опрокинуть орудия абсолютной монархии.

Он уничтожил Звездную палату (суд по делам измены королю) и Высокую комиссию, об'явил незаконной корабельную подать и запретил производить какие-либо сборы без согласия парламента, признал неправильным решение суда по делу Гемпдена, освободил из тюрьмы пуританских проповедников и писателей. Общественное раздражение сосредоточилась на Страффорде. Парламент призвал его на свой суд; но обвинить министра в государственной измене не удалось, и парламент издал особый закон, об'явивший Страффорда вне защиты права. Король выдал своего министра, и он был казнен. Карл I делал одну уступку за другою: он согласился отменить епископальную церковь в Шотландии и признал, что парламент независим от королевского призыва или распущения.

До этой минуты парламент действовал единодушно: но теперь в нем произошло разделение. Большинство, с Пимом во главе, решило представить королю *Великую ремонстрацию* с изложением основной политической реформы; они настаивали: 1) на передаче верховенства в церковных делах парламенту вместо короля, или, другими словами, на введение пресвитерианского строя, 2) на установлении *ответственности министров* короля перед парламентом. Меньшинство хотя и желало ограничения господства короля, но не допускало передачи власти парламенту. Карл I не сумел сблизиться с партией умеренных; он задумал насильственный переворот вроде личного вмешательства французских королей в заседания штатов и парламента. Появившись с большой свитой в Нижней палате, король потребовал выдачи пятерых депутатов, между ними Пима и Гемпдена, обвиняя их в измене. Но их не оказалось в зале: они были предупреждены об опасности. При выходе короля, его осыпали криками «Привилегия! привилегия!» (так назывались издавна установленные права парламентских членов в противоположность королевской прерогативе). Заволновался огромный Лондон; старая торговая часть его, Сити, скрыла пятерых и об'явила себя в пользу парламента. Они с торжеством вернулись в палату, а король в виду враждебного отношения столицы покинул ее (1642).

Король и парламент были в открытом разладе; обе стороны начали собирать войска. Население Англии разделилось между ними приблизительно поровну. Аристократия большею частью стала на сторону короля, к нему устремились провинциальные дворяне из своих замков. Некоторая часть дворянства, горожане, торгово-промышленное население, мелкие землевладельцы (йомены) были за парламент. Очень ясно обнаружилось религиозное разделение; в то время как католики и англиканцы держались за короля, пресвитериане и более крайние сектанты были на стороне парламента. Враги дали друг другу клички *кавалеров* (придворных) и *круглоголовых* (опрощенных, так как пуритане восставали против модных костюмов и ношения локонов).

Вначале король пользовался большим успехом: в его войске имелись

офицеры и солдаты, побывавшие в школе тридцатилетней войны. Два обстоятельства изменили дело в пользу парламента. Ими заключил союз с шотландскими пресвитерианами. В Англии парламент ввел то же самое устройство, как в Шотландии, и уничтожил епископат. Еще важнее было вступление в парламентское войско крайних пуритан, которые получили теперь имя индепендентов (стр. 65). В среде последних сложилось понятие «о новом образце» жизни, и они считали решительную войну путем к торжеству истинного порядка и чистого богопознания на земле. Небогатый помещик, Оливер Кромвель, едва не уехавший в Америку во время беспарламентского правления Карла, составил теперь кавалерийский отряд из сектантов своей округи, большею частью йоменов, фермеров, ремесленников и мелких торговцев, все людей, начитанных в Библии, с сознанием своего достоинства и самостоятельным взглядом на вещи. Когда этот отряд «железнобоких» помог одержать первую победу над королем, Кромвель предложил парламенту реформировать всю армию, допустив в нее индепендентов и взяв ее на жалование. Новая армия разбила королевские войска, и Карл бежал к шотландцам.

Умеренные сторонники парламента и пресвитериане оказались теперь лицом к лицу с настоящими победителями, индепендентами, которые склонялись к республике и свободе совести. Между пресвитерианами и индепендентами открылась такая же вражда, как раньше между сторонниками англиканства и пуританами, при чем пресвитериане проявили не меньшую нетерпимость, чем епископальная церковь.

Между тем шотландцы выдали короля парламенту. Когда пресвитериане, поддерживаемые населением Лондона, задумали частью распустить индепендентскую армию, частью отправить под начальством пресвитерианских генералов для подавления восстания в Ирландию, вооруженные сектанты, считавшие революцию незаконченной, воспротивились. В среде солдат выработалась организация, независимая от военной дисциплины: они сходились на правильные собрания, открывавшиеся молитвой, выбирали представителей, так наз. *агитаторов,* которые составляли как бы солдатский парламент и вели переговоры с вождями. Солдаты распорядились отнять короля у парламента и взять под собственный арест. В стране началась новая междоусобная война: шотландские пресвитериане вступили в Англию на защиту короля, к ним присоединились все, кто был недоволен господством армии и тяжелыми налогами, взимавшимися для ее содержания.

Во второй гражданской войне армия опять одолела. Вступив в Лондон, солдаты потребовали от своих вождей самых решительных мер: в заседание парламента явился полковник с отрядом и «очистил» его от пресвитериан; осталось меньшинство, державшееся республиканских взглядов и индепендентства. Войско поставило далее требование, чтобы короля судили за измену перед народом. Лорды Верхней палаты высказались против суда, но палата

общин не обратила внимания на протест; она заявила себя избранной народом, а «народ после Бога составляет первоначальный источник всякой истинной власти». Назначенный Нижней палатой суд, под председательством юриста Брадшо, приговорил Карла I к смертной казни. Через неделю после его смерти была уничтожена монархия, отменена Верхняя палата, как учреждение «ненужное и вредное», и провозглашена республика (1649 г.).

Республика. Парламент назначил из своей среды для управления *государственный совет*. Против республики высказался торгово-промышленный Лондон, священники; половина судей вышла в отставку. Казнь короля должна была, по мнению противников монархии, послужить к ее подрыву, а в действительности вызвала сочувствие к казненному. Шотландские пресвитериане приняли его сына, Карла II, и опять направились на помощь английским единоверцам; поднялись ирландские католики. Но индепендентская армия, предводимая Кромвелем, везде одержала блестящие победы. Суровый сектантский генерал потопил ирландское восстание в крови. Шотландия и Ирландия должны были войти вместе с Англией в *унию трех стран,* образовать единый церковный и политический союз. Республика заняла очень воинственное положение и на море.

С конца XVI в. в торговле на севере господствовали голландцы. Парламент попытался сломить торговое преобладание Голландии *навигационным актом* (1651 г.), в силу которого ввоз товаров в Англию допускался или на кораблях английских владельцев, или на кораблях тех стран, где данные товары производились. Так как голландцы производили сами очень мало, то Акт равнялся запрету всей их торговли. Началась морская война, в которой англичане впервые завели сильный военный флот, и адмирал новой республики Блэк разбил лучших голландских моряков.

В политических вопросах индепенденты в свою очередь разделились на умеренных, или джентельменов, главными деятелями которых были Мильтон и Вэн, и *левеллеров,* «уравнителей», между которыми особенно выделялся Лильборн, офицер армии. Во время беспарламентского правления Лильборн за распространение пуританских листков был присужден Звездной палатой к бичеванию, позорному столбу и пожизненному заключению. Просидев два года в тюрьме, скованный по рукам и ногам, часто в опасности голодной смерти, Лильборн был выпущен Долгим парламентом; в войне он был захвачен кавалерами и приговорен к смерти, но бежал и выступил с памфлетом против лордов. Верхняя палата, куда Лильборн явился в шляпе, отвергая ее суд, посадила агитатора снова в тюрьму; выпущенный после отмены монархии, он тотчас повел пропаганду в армии, протестуя против новых «цепей Англии», против тирана и лицемера Кромвеля. Левеллеры хотели ввести всеобщее избирательное право, одну палату, ежегодно возобновляемый парламент

и совершенно отделить от государства церковные дела с предоставлением личной свободы совести.

В религиозных вопросах от умеренных индепендентов также отделились люди крайних направлений, которые видели в революции лишь начало великого переворота на земле, приготовление ко второму пришествию и концу мира. По пророчеству Даниила, миру наступит конец после господства четырех великих монархий; возбужденные великим ожиданием, сектанты ждали приближения последней божественной *пятой монархии*, которая будет тысячелетним царством Христа на земле. Из северных областей устремились через Лондон богомольцы, отыскивая святой град, в котором они узрят последние события мира. Все движения крайних сурово подавлялись Кромвелем, который разделял взгляды умеренных. джентльменов.

Протекторат Кромвеля. Между тем остаток Долгого парламента («Охвостье», по прозванию противников), ставший верховной властью в республике, вызвал общее недовольство.

С 1647 г., когда солдаты захватили короля, индепендентское войско направляло все реформы. В армии говорили теперь, что место одного тирана занял другой, именно парламент, что давно надо произвести новые выборы, многих депутатов обвиняли в незаконной наживе при продаже имуществ, конфискованных у короля и кавалеров. Депутат Генри Вэн предложил реформу выборов: уничтожить *гнилые местечки*, т.-е. лишить мелкие селения права посылать представителей, и передать эти права крупным городам. Реформа Вэна не прошла и в то же время депутаты «Охвостья», опасаясь низвержения республики, решили закрепить за собою места в следующем собрании парламента, а также устранить из него неугодных им новых сочленов. Но Кромвель ввел солдат в парламент и государственный совет и, несмотря на протесты Вэна и Брадшо, разогнал тот и другой. Под давлением войска созвали парламент-*конвент* (учредительное собрание) из представителей индепендентства. Противники назвали собрание Бэрбонским (Кащеевым) парламентом; «святые», сидевшие в нем, говорили ветхозаветным языком и много молились; они об'явили свободу совести, ввели гражданский брак, выбор священников мирянами и отмену церковной десятины.

Бэрбонский парламент восстановил против себя священников и юристов; так как он все-таки не удовлетворил и армию, Кромвель распустил его. С согласия войска выработана была особая конституция, в силу которой восстановили, в сущности, монархию: верховная власть передавалась Кромвелю, с титулом *протектора* (т.-е. регента); парламент из одной палаты, избираемый по реформе Вэна, получил законодательную власть, и протектор не мог отменять его решения. Но, с другой стороны, назначение на должности было поставлено в зависимость от протектора, и он получил право на взимание налогов, достаточных для содержания войска и флота.

В действительности Кромвель, опираясь на доверие большей части армии, правил неограниченно в течение 5 лет (1653—1658). Когда созванный им по новой конституции парламент заявил себя носителем верховной воли народа и захотел назначить членов государственного совета, Кромвель распустил его и снова дал перевес военным: Англия была разделена на несколько округов, поставленных под управление генерал-майоров; им было поручено подавить движения монархистов и крайних республиканцев и собрать для содержания войска чрезвычайный налог, которым обложены были сторонники короля. В то же время Кромвель в своей внешней политике одерживал один успех за другим. Правительство Мазарини во Франции, сначала помогавшее пресвитерианам и королю, искало теперь союза с протектором, и индепендентские солдаты перешли на материк, чтобы вместе с французами действовать против Испании: они отняли у испанцев опорный пункт в Бельгии против английского берега, Дюнкерк; одновременно английский флот занял Ямайку среди вестиндских владений Испании; Блэк разбил испанцев в океане у Канарских островов и впервые провел английские корабли в Средиземное море.

Но большинство населения было против преобладания пуританства и господства индепендентской армии. Поэтому протектор стал искать примирения с оттесненными классами и восстановления старого устройства. Он старался опять устроить аристократическую Верхнюю палату; была даже речь о восстановлении монархии с передачей Кромвелю королевского титула.

Реставрация Стюартов. Среди этих затруднений Кромвель умер, и протектором сделался его незначительный сын. Большинство армии отступилось от него. Всюду заметно было движение недовольных военщиной; выступили сторонники монархии, англиканцы и пресвитериане, дворянство и лондонцы. Но все еще боялись индепендентской армии, хотя в ее среде происходили большие разногласия. Решение взял на себя один из кромвельевских генералов, Монк, занявший внезапно со своим отрядом Лондон. Он предложил созвать «свободный» парламент, т.-е. без давления армии. Этот парламент, составившийся наполовину из кавалеров, наполовину из пресвитериан, решил произвести *реставрацию,* т.-е. призвать Карла II, сына казненного короля. В свою очередь претендент, находившийся в Голландии, в «декларации» обещал *амнистию* (прощение) всем врагам монархии, сохранение конфискованных имуществ за новыми владельцами и свободу совести (1660).

Пуританская революция окончилась. Армия индепендентов, вызвавшая столько недовольства в стране, получила жалованье и отставку; сектанты мирно разошлись по домам. Но реакция зашла гораздо дальше, чем ожидали сами возвратившиеся Стюарты. Все те, кто был оттеснен переворотом, сторонники епископальной церкви, аристократия и дворянство, вернулись теперь ко власти и повели борьбу против ненавистных перемен. Раздражение выразилось в самых резких формах: возвратившиеся старые собственники выго-

няли из владений новых, несмотря на амнистию; отомстили «цареубийцам», казнили Вэна, повесили тела Кромвеля и Брадшо и вырыли прах Пима и Блэка.

В церковных делах также началась сильная реакция. Опять заполнили все епископские места, не замещенные при Долгом парламенте и республике. В первом парламенте, который собрался при Карле II, партия кавалеров составляла огромное большинство (1661). Они выключили от всех должностей в городах не только индепендентов, но и пресвитериан; вступающий на службу должен был присягой *непротивления* признать, что преступно поднимать оружие против короля. Дворяне, как во Франции, отступились по большей части от пресвитерианства, и только торгово-промышленное население городов осталось верно ему. Пресвитериане выключены были вместе с сектами от господствующей церкви и не могли свободно отправлять свое богослужение.

Наиболее непримиримые сектанты уходили массами с родины и положили основание свободной Америке. Туда как бы перешла часть демократической Англии, сильной в 40-х и 50-х годах, оттесненной реакционным движением аристократии. В самом сектантстве произошла внутренняя перемена, ослабившая его первоначальный бурный характер. Лильборн примкнул после многих порывов и странствований к мирному «обществу друзей», или *квекеров* (т.-е. шарлатанов, как их прозвали противники). Квекеры не допускают, чтобы какая-либо внешняя сила могла одолеть духовно независимого человека. Квекер отрицает войну и ни за что не пойдет на службу; он видит во всякой присяге насилие и признает для себя возможным произносить только простые слова утверждения; ни перед какой властью он не сгибается и не снимает шляпы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Последнее столетие старого порядка в Европе.

I.

Реставрация и вторая революция в Англии.

Усиление аристократии. Несмотря на крушение пуританской революции, королевская власть в Англии не могла восстановиться в прежнем виде. У возвращенных Стюартов не было более коронных имуществ, так как их распродали во время революции: парламент стал выдавать королю определенную сумму содержания. Призвавшие короля аристократы и англиканцы зорко берегли свои имущества.

Карл II (1660—1685) не распускал свой первый кавалерский парламент в течение 18 лет; это был другой Долгий парламент, реакционный, в противоположность первому. При нем и при его содействии закрепились преимущества ограниченных высших кругов общества. Лорды с феодальными титулами герцогов, виконтов, маркизов и баронетов, заботясь о сохранении неприкосновенной целости своих округленных больших имений, устанавливают в своей среде обычай *первородства*. В самом начале правления Карла II опрокинули реформу, проведенную при Кромвеле, и отняли у промышленных городов право посылать депутатов, возвратив его, напротив, ничтожным по количеству населения «гнилым местечком»; в сущности, отняли избирательное право у горожан и людей среднего состояния и передали немногим крупным землевладельцам, собственникам «местечек», которые прямо назначали депутатов парламента из числа своих подчиненных. К ограничению политических прав населения вели также установленные парламентом присяги, которые требовались при вступлении в должности государственные, земские и городские и в самую палату; в присяги было включено осуждение папизма, которое отстраняло католиков, а также выражения о Причастии, которых не могли

произнести *диссентеры* (т.-е. сектанты, несогласные с англиканской церковью).

Аристократический парламент назначил очень высокую пошлину на привозный хлеб и этим закрыл ввоз его; вместе с тем он допустил свободный вывоз английского хлеба, что позволяло лордам поднимать его цену при продаже внутри страны. Аристократия поддерживала также купцов и судовладельцев Лондона и Бристоля. Акт о мореплавании 1651 г., изданный республикой, был несколько раз повторен при Карле II. Лорды и коммерсанты лондонского Сити соединялись в торговые компании по образцу голландцев. Рядом с остиндской компанией возникла африканская, главным занятием которой был вывоз негров-невольников и продажа их на плантации Антильских островов. Все эти предприятия должны были усилить и без того существовавшую вражду между англичанами и голландцами, которые старались захватить монополию океанической торговли. Соперники сталкивались особенно у берегов Америки, где у голландцев была колония Новый Амстердам (нынешний Нью-Йорк, и в Остиндии. В Европе между ними два раза при Карле II начинались ожесточенные войны; английский парламент, очень не желавший после опыта гражданской войны создавать сухопутное войско, не жалел, напротив, средств на усиление военного флота.

Виги и тори. Возвращенные Стюарты хотели устроить себе независимое положение при помощи чуждых Англии сил: папского двора и иезуитов, католической и абсолютной монархии Франции. Парламент не ограничивался соизволением сбора и назначением налога; он стал теперь точно определять *статьи расхода* на годовой срок и требовал у королевских советников отчета в употреблении данных сумм. Этот парламентский контроль стеснял расточительного Карла II. Из ассигнованных палатой сумм на снаряжение флота большие деньги уходили в королевскую частную кассу на придворные праздники, наряды, игру в карты; в это время голландский флот опустошал берега Англии, врывался в Темзу и жег английские корабли. Чтобы иметь собственные средства, Карл II продал Франции Дюнкерк, завоеванный на материке Кромвелем; потом он заключил даже тайный договор с французским королем Людовиком XIV, в силу которого обязался перейти в католичество, помогать Франции в ее завоеваниях на материке, а за это стал получать французскую пенсию.

Чем дальше, тем больше верный кавалерский парламент стал раздражаться против королевской политики. Хуже, чем тайный договор с Францией, казался предстоящий переход престола к брату бездетного короля, Якову, герцогу норкскому, открытому и ревностному католику. Водворение католицизма в Англии представлялось господством иностранной силы в стране, нарушением ее самостоятельности, всех ее обычаев. В виду этого составилась партия, решившая выключить Якова от престола. Но отвергнуть наследника

значило, несомненно, оказать королю «противление», вопреки присяге. Так далеко в свою очередь не решались итти все те, кто помнил революцию и боялся новой гражданской войны; не согласны были сторонники англиканства, духовенство государственной церкви, большая часть сельского дворянства. За «противление» были аристократические фамилии, которые добивались правления через парламент, а также торговое население лондонского Сити и все диссентеры. Во главе оппозиции стал один из бывших министров Карла II, Шэфтсбёри, богатый аристократ, пользовавшийся популярностью в Лондоне.

Три раза в течение короткого срока созывал Карл II парламент. В избирательной борьбе опять появились две клички, как в 1641 г., сначала обидные, «заговорщики» и «разбойники», но потом совершенно утратившие первоначальный смысл и сохранившийся более чем на 200 лет, почти до наших дней: *тори*—для безусловных сторонников короля и *виги*—для сопротивлявшихся.

Виги имели сначала перевес. В парламенте 1679 г. поднялся протест против произвольных арестов и задерживания в тюрьме сторонников оппозиции. Для защиты личных прав граждан был издан знаменитый в английской истории закон Habeas Corpus (по старинному выражению о выдаче «тела», т.-е. личности арестованного, суду): он требует, чтобы при аресте пред'являлся письменный приказ от судьи, в противном случае арестованный, по заявлению собственному или кого-либо из близких, может настоять, чтобы его представили в течение суток в суд или освободили из тюрьмы. Виги предложили закон о выключении Якова от престола; с каждым новым созывом парламента росло их число и их настойчивость. Наконец, король собрал парламент не в Лондоне, а в известном своим консерватизмом Оксфорде; он окружил себя стражей, и в свою очередь виги, отправляясь на собрание, захватили оружие (1681).

Опять показался призрак гражданской войны. Это и решило дело в пользу короля: близкая смута представлялась многим страшнее, чем неясная возможность допущения католичества в Англии. Карл II получил отовсюду множество сочувственных адресов; уверенный в своей силе, он стал расправляться с вигами: Шэфтсбёри бежал в Голландию, другие сторонники партии были осуждены за составление заговора и казнены.

Революция 1688 года. Карл II правил последние четыре года без парламента и умер среди полной реакции. Его преемник, Яков II (1685—1688), считал, что наступило удобное время для введения католичества. Обходя акты о присяге, он стал путем королевских *диспенсаций* (из'ятий от закона) назначать католиков на должности; в высший тайный Совет он ввел приближенного к нему патера-иезуита. Наконец, минуя парламент, он издал *декларацию свободы совести*, отменявшую стеснительные законы против католиков и диссентеров. Большинство диссентеров, не желая союза с католиками, отказались от милости, не утвержденной парламентским законом. Так как декларация грозила

господству англиканской церкви, духовенство отказалось читать ее в церквах. Первый архиепископ Англии и 6 епископов подали королю протест.

Епископов отдали под суд за «оскорбительное» заявление. Но присяжные оправдали их; приговор был встречен общим восторгом, особенно в Лондоне. В противоположность 1681 г., теперь опасность от надвигающегося католичества казалась землевладельцам страшнее, чем возможная смута от смещения короля. Поэтому большинство тори отказалось от Якова II и согласилось принять претендента вигов, зятя короля, голландского штатгальтера Вильгельма Оранского, который уже высадился в Англии; всеми покинутый король бежал во Францию.

Новый король Вильгельм (Уильям) III был принят на условии особого договора. Парламент-конвент пред'явил ему *билль о правах* (1688), и король опубликовал его содержание в *декларации прав*. Здесь были повторены и расширены главные условия петиции о праве 1628 г. 1) Запрещались всякие диспенсации и приостановки законов: в Англии этим окончательно установилось *господство права*, т.-е. безусловная сила законов, выработанных парламентом в согласии с королем. 2) Королю было дозволено держать постоянную армию лишь с особого на каждый год разрешения парламента, который устанавливал и размер ее. 3) Запрещено было взимать какие-либо подати без согласия парламента. В виду постоянного нарушения неприкосновенности депутатов за смелые оппозиционные речи была 4) об'явлена свобода речи и 5) свобода петиций. Наконец, особым актом была признана веротерпимость за диссентерами, т.-е. право их совершать беспрепятственно богослужение и выбирать своих священников и старейшин.

Англичане назвали переворот 1688 г. «славной революцией»: действительно, в ней не было пролито крови, она послужила к закреплению старинных прав. Но эта вторая мирная революция была гораздо односторонее великой революции 40-х годов XVII века, в которой выставлены были требования полной свободы совести и демократии. В перевороте 1688 г. торжествовали аристократия и англиканство; католики и диссентеры остались выключенными от должностей, от участия в парламенте и в управлении. Главное значение переворота 1688 г. состояло в том, что верховная власть перешла от короны к парламенту. Аристократия, устроившая свое господство в периоде реставрации, под видом восстановления монархии, подчинила себе теперь королевскую власть. При заключении договора с новым королем землевладельцы добились новых выгод для себя. В то время, как Вильгельм III предложил установить налог на земельные владения, парламент выговорил за это закон о *премии*, т.-е. о премиях от правительства за вывоз английского хлеба. Во время дебатов один депутат сказал откровенно: «Мы вернем с выгодой поземельный налог при продаже нашего хлеба».

С торжеством вигов связано развитие учения о политической свободе;

оно лучше всего выражено в сочинении Локка «О правлении». Локк (1632—1704) был врачом Шэфтсбёри, должен был уехать в Голландию после бегства своего покровителя и вернулся лишь после революции 1688 г. Локк считает, что в первобытном, или «естественном» состоянии люди не знали государства; однако, для разрешения споров им необходимо было установить посредников, судей. С этой целью люди и составили между собою государственный союз; *общественный договор*, который был при этом заключен, не привел к уничтожению свободы отдельных лиц; они лишь согласились общими силами охранять свои имущества. Поэтому государство может издавать законы, налагать наказания и требовать поддержки всех своих сочленов при защите от врагов; но высшая власть не может распоряжаться жизнью и имуществом подданных безгранично, не может отнимать у них больше, чем требует общее благо. Опасно поручать законодательную власть одному лицу; лучше всего, если она принадлежит собранию, меняющемуся в своем составе (т.-е. парламенту). Исполнение закона, напротив, удобнее передать одному высшему лицу (т.-е. королю); но если он начнет нарушать закон, и наступит беспорядок, тогда граждане в праве поднять сопротивление. Как билль о правах 1688 г. составляет основу *конституционного порядка* в Англии, так книга Локка—начало *конституционного учения*. Это учение ставит на первое место свободу личности, господство закона и участие народа в выработке закона. Лучшим средством для обеспечения этих условий оно считает *разделение власти* между государем и собранием представителей от народа.

Внешняя политика Англии. Последние два Стюарта искали опоры за границей, особенно во Франции. В лице Вильгельма III Англия, напротив, получила непримиримого врага Франции. Начиная с 1672 г., когда ему пришлось защищать Голландию против Людовика XIV (см. ниже стр. 79), Вильгельм Оранский неустанно устраивал в Европе воинственные союзы против Франции и сам руководил походами, как его предки в борьбе с Испанией. Вильгельм втянул в континентальную войну и Англию. Так начался целый период ожесточенных столкновений Англии с Францией (1689—1815), как бы новой Столетней войны. Смысл этой войны тот же, какой имело, начиная с королевы Елизаветы, соперничество Англии с Испанией, а в середине XVII в.—с Голландией, т.-е. вытеснение торгового соперника, господство на морях. При воцарении Вильгельм восстановил запрещение ввоза французских товаров; торговый спор решали сначала на водах, разделяющих Францию и Англию; но его перекинули также в Америку, где сталкивались предприятия французов и англичан.

Призванный землевладельческой аристократией, сделав ей важные уступки, Вильгельм III увлек в круг своей политики торговый мир Англии. При нем, наподобие амстердамского банка, возникло большое учреждение для обмена денег, покупки векселей, приема сбережений и выдачи ссуд—*лондон-*

ский банк (1694). Правительство заключило с новым банком заем на большую сумму, при чем парламент гарантировал (обеспечил) правильную уплату процентов. Раз парламент обладал верховной властью и стоял за избираемых или утверждаемых им королей, это обеспечение давало полную уверенность капиталистам и сберегателям, что они не потеряют ссужаемой через банк суммы. Владельцы бумаг, выпускаемых банком, выручали правильный ежегодный доход в виде 8%, платимых банку правительством. Сюда обратилась в постоянный *национальный долг*. Удачным ведением внешней политики, приобретением колоний и торговых выгод правительство увеличивало получения казны и, следовательно, увеличивало займы. Получился постоянный крупный *бюджет* (государственной приходо-расход); в его образовании лондонский банк служил посредником между государством и обществом.

II.

Преобладание Франции.

Меркантилизм. Всемирная торговля с конца XVI в. произвела переворот в хозяйстве отдельных стран Европы. До этого времени лишь немногие местности, Фландрия, северная Италия, работали на сбыт. Хозяева старались обеспечить себе предметы первой необходимости, по возможности, на месте. Заботой о привозе и вывозе товаров занято было не правительство страны, а местные власти, больше всего городские управления. Иначе стало дело, когда развился широкий обмен между европейскими странами, когда возникла особая торговая нация голландцев. Явилась возможность сбывать в большом количестве на отдаленные рынки и фабрикаты, и сырые продукты, и предметы питания: польский хлеб везли в Испанию, венецианские кружева и зеркала — в Англию и т. д. Мелкие городские власти не могли руководить таким движением товаров. Это способна была сделать только государственная власть крупных держав, сложившихся к началу Нового времени. Правительство большой страны само стало крупнейшим предпринимателем; оно нуждалось в капитале для своих больших оборотов, т.-е. походов, найма войска, постройки крепостей, содержания подчиненных чиновников и т. д. Поэтому оно начинает увеличивать налоги, взимаемые с промышленников и купцов, которые больше всего могли привлечь денег в страну. Вместе с тем оно принимается обогащать эти полезнейшие для казны классы, помогать торговле и производству.

Впервые настойчиво стало вмешиваться в хозяйственные дела прави-

тельство в Англии. Со времени королевы Елизаветы оно издавало законы для развития национальной торговли. Кромвель запретил вывоз сырой шерсти и допустил беспошлинный ввоз чужой шерсти, чтобы удержать низкие цены на продукт и этим доставить выгоды мануфактуристам. После второй революции главные производители, сельские хозяева, стали заправлять делами торговли через парламент. Во Франции, начиная с Генриха IV и Ришельё, королевское правительство занято заботой о руководстве торговлей. Рассуждая о способах развития промышленности, правители приходят неизменно к такой мысли: чем больше страна получает чистой выгоды от продажи своих произведений, тем богаче она, тем удачнее ее *баланс* («колебание весов»); выгодно, чтобы в стране было много денег, чтобы она была способна покупать товары и снабжать себя всем необходимым; цель эта наилучше может быть достигнута при наибольшем вывозе своих обработанных произведений и наименьшем ввозе чужих. Эта система понятий получила потом название *меркантилизма*. Самым ярким ее выразителем в XVII в. был Кольбер, главный министр Людовика XIV (1638—1715), вступивший в управление делами после смерти Мазарини (1661 г.).

Хозяйственная политика Кольбера. С середины XVII в. Франция была самым сильным государством в Европе. Истощение Испании и разорение Германии после тридцатилетней войны еще увеличивали ее перевес. В это время стала подниматься французская индустрия, особенно на юге среди просвещенного и предприимчивого гугенотского населения. Кольбер, заняв должность генерального контролера (что приблизительно значило во Франции — министр финансов, торговли, мануфактур и внутренних дел), направил главное внимание на поддержку обрабатывающей промышленности. Целым рядом распоряжений он оградил ее от иноземной конкуренции: особенно важен был составленный им в 1667 г. *тариф*, т.-е. список пошлин на ввозные фабрикаты; эти пошлины были так высоки, что ввозить большую часть товаров стало невыгодно и невозможно; в свою очередь французские производители могли поднимать цены на свои произведения без опасения, что их выбьют с рынка иностранцы.

Кольбер оказывал новым предпринимателям всяческую поддержку: предоставлял большим заведениям особые преимущества в торговле, выдавал денежные авансы и т. д. Фабриканту, приобревшему право поместить на заведении королевский герб и название «королевская мануфактура», правительство доставляло нередко рабочих: напр., передавая одному купцу привилегию на исключительную выделку вязаных чулок, Кольбер обязал городских голов и деревенских старост округи доставить ему подходящие помещения для мастерских и пригнать на дело безработных мужчин, женщин и детей с 10 лет. Для понижения трат на провоз товаров Кольбер устроил крупные шоссейные

пути и провел большой Лангедокский канал, соединивший бассейны Средиземного моря и Бискайского залива.

Особенно поддерживал Кольбер мануфактуры предметов роскоши, потребителями которых были высшие классы, огромное, все возраставшее население столицы Парижа и многочисленный двор Людовика XIV в его резиденции, Версали. Так создалась большая шелковая мануфактура Лиона, занимавшая к концу управления Кольбера 13.000 станков. В отеле гобеленов (т.-е. мануфактуре вышитых ковров и обоев) он соединил живописцев, скульпторов, ювелиров и токарей под руководством художника Лебрена, для приготовления meubles, т.-е. предметов, служивших меблировке и декорации дворцов. Выпиской мастеров из-за границы Кольбер старался привить во Франции производство зеркал и кружев по венецианскому образцу, чулок по английскому, сукон по голландскому, жестяных и медных вещей по германскому.

Оказывая всякую поддержку новым отраслям индустрии, правительство с крайней мелочностью и деспотизмом вмешивалось в ход фабричного дела: особыми ордонансами было предписано, какой длины должна быть материя, какой тонкости нить, какой окраски ткань и т. д. За нарушение регламентов грозили тяжкие наказания вплоть до смертной казни. Кольбер был убежден, что без этих «костылей» промышленники не научатся сами ходить. Во многих отраслях производства стала изменяться сама обстановка жизни рабочих. Они уже не могли оставаться в избах, где работали раньше со своими семьями, а переселились в большие казарменные мастерские. Кольбер установил строгий надзор и за жизнью рабочих. Малейшая попытка со стороны рабочего уклониться от принятых условий преследовалась полицией со всею строгостью.

Когда король отправлялся к границе, напр., во время войны, по обыкновению, с огромной свитой, по неожиданному маршруту, Кольбер приказывал сгонять тысячи крестьян, чтобы для новой королевской дороги равнять овраги, перебрасывать мосты, ломать изгороди и т. д. Если нужны были в большом количестве гребцы для королевского флота, выходило повеление, чтобы суды наказывали все проступки каторгой на галерах, где осужденные должны были проводить многие годы, иногда всю жизнь, прикованные железными цепями к скамьям, в тяжелой, часто ночной работе под нагайкой надсмотрщика, полуголые, на плохой пище и без отдыха.

Кольбер старался также усилить французскую морскую торговлю. Огромные деньги он истратил на постройку и улучшение гаваней, затем основал несколько больших компаний, вестиндскую, остиндскую, восточную, северную, которым переданы были монополии на большие районы. Правительство задумало обширные колонизационные планы в Северной Америке на Вестиндских островах, на Мадагаскаре. Еще до Кольбера французы основали несколько поселений в Канаде на север от страны великих озер и по реке св. Лаврентия.

Кольбер возымел целью утвердиться на устьях Миссисипи у Мексиканского залива, чтобы забрать в руки французов торговлю в Новой Испании, т.-е. Мексике; французскую колонию на устье громадной реки назвали Луизианой по имени короля.

Французский король и его двор. Расцветающая индустрия и торговля Франции дала казне большие доходы. Вместо обычных прежде дефицитов (недостач) у короля был теперь большой перевес получений над обычными расходами. Это богатство позволило Людовику XIV держать лучшее в Европе войско, вести шумную наступательную политику и тратить громадные деньги на свой дворянский двор.

Промышленная политика Кольбера вообще очень усилила королевскую власть. Главными посредниками в исполнении промышленных предписаний и регламентов генерального контролера служили восстановленные после Фронды интенданты. Они назначались верховною властью на неопределенный срок, могли быть всегда удалены ею при неисполнительности и потому крайне усердствовали в ее интересах. Уверенный в своей силе, король об'явил парламентам, что право издавать законы принадлежит ему одному. Он отнял у парламента в Париже надзор за порядком в столице. Большой беспокойный город очень не нравился королю; резиденция была устроена вне Парижа, а сам Париж был подчинен полицейскому генерал-наместнику, непосредственно зависевшему от государя. Ношение огнестрельного оружия было запрещено. Достаточно было тайного распоряжения (lettere de cachet) короля или его министра, чтобы посадить известное лицо в тюрьму на неопределенное время, иногда на всю жизнь. Правительство не допускало независимой печати; между 44 узниками парижской тюрьмы Бастилии в 1661 году было 12 газетных писателей. За сатирические нападки в листках полицейский суд приговаривал к галерам и виселице.

Обилие доходов и послушание многочисленного штата чиновников, бывших в распоряжении правительства, создало у французского короля преувеличенное понятие о своей власти. По словам архиепископа Боссюэта, придворного проповедника, «государь заключает в себе все государство; в его воле вся воля народа. Он образ Бога, восседающего на престоле над небесами и направляющего весь мир». Людовик XIV любил, чтобы в стихах и приветствиях его называли «королем-солнцем». Последовательно во всем проводилась та мысль, что король далеко возвышается над обыкновенными смертными: целый город, Версаль, исключительно королевский, должен был возникнуть по капризу Людовика XIV в местности, до тех пор совершенно безлюдной, на почве расчищенного леса. Огромный версальский дворец со своими мраморными лестницами и монументальными залами был приспособлен к ослепительному параду, к бесконечным приемам. На широчайших улицах, служивших для выходов, процессий, катаний короля со свитой, стояли большие отели знатных коро-

левских слуг, сеньёров, обратившихся в «тени государя», которые всюду за ним следовали.

При его вставании от сна и укладывании в постель, при его завтраке и обеде присутствовали большие группы придворных, всякий раз по особому выбору государя, в особых ливреях, держали свечи, подавали рубашку, приносили стакан свежей воды и т. д. Король требовал, чтобы вся аристократия была при нем: ни один дворянин, желавший служить, не мог уклониться от участия в придворной жизни. В ежедневно развертывавшихся рядах титулованных слуг и статистов король зорко замечал усердных; и обратно, если у него просили милости или занятия для человека, пренебрегавшего двором, он отрезывал разговор замечанием: «Я его не вижу и не знаю!».

Блестящая пора века Людовика XIV. Из 54 лет самостоятельного правления Людовика XIV (1661—1715) тридцать три прошли в войнах. Французский король вел войну в большом размере, с крупным подвозом припасов, большими инженерными работами по осаде крепостей, проведению военных дорог и мостов и т. д. То, что на хлопотливом хозяйстве сберегал Кольбер, тратил военный министр Лувуа, такой же беззастенчивый, как король. На враждебной территории война велась опустошительная: «с'есть страну»—таков был откровенный приказ короля.

В первых своих войнах Людовик при помощи выдающихся генералов и инженеров, Тюренна, Конде, Вобана, одержал большие успехи. В 1665 г. король выступил против слабой Испании с целью отнять у нее Бельгию. Но против него составилась *коалиция* (союз) из Голландии, Англии и Швеции; Людовик XIV ограничился занятием нескольких городов промышленной Фландрии. Тогда король решил отомстить Голландии, расстроившей его завоевательные планы, а вместе с тем приобрести богатый край, первый по торговле в тогдашней Европе. В походе 1672 г. он взял неприступные крепости, возведенные голландцами против испанцев, и захватил почти всю страну. В Амстердаме охваченная паникой масса народа возмутилась против господствующей купеческой аристократии и убила пенсионария (председателя голландских штатов) де-Витта, руководившего делами Голландии более 20 лет. Во главе военной защиты был поставлен Вильгельм Оранский, фамилию которого в свое время оттеснила аристократия. Снова, как против испанцев и Альбы, голландцы освободились, прорвавши плотины и наводнивши страну. Вильгельм Оранский, искусный дипломат, составил в Европе коалицию против Людовика XIV из Испании, Австрии и Бранденбурга (крупнейшего в то время курфиршества в Германии) и отвлек этим внимание французского короля от Голландии. Людовик, вынужденный отступить, вознаградил себя на счет Испании: по миру в Нимвегене он получил Франш Конте на восточной границе и несколько городов Бельгии на севере.

Нимвегенский мир (1678) представляет вершину силы Людовика XIV. В

знак преобладания Франции мирный договор написан впервые по-французски (тогда как раньше языком дипломатии была латынь). Обычаи французского двора вместе с его светским языком стали распространяться по всей Европе; всякий немецкий князь старался подражать французскому королю, заводил те же увеселительные дворцы, праздники, церемониал и т. д. Людовик XIV приобрел в это же время сильное влияние на английское правительство: король Карл II Стюарт стал как бы вассалом Франции.

Король считал себя большим ценителем науки, литературы и искусства, но требовал, чтобы ученые, художники и писатели прославляли его двор и дела его царствования. Преуспевающая, богатая, многолюдная Франция выставила около половины XVII века целую группу выдающихся писателей: Мольера, Расина, Лафонтена, Буало.

Более всего отразил в своих трагедиях салонный быт Версаля Расин. Его предшественник Корнель, современный Ришельё и Фронде, еще проникнут суровыми мотивами испанской поэзии, в нем ещё не погасло шероховатое и резкое рыцарство. У Расина все сглажено во имя требований тонкой общественности. Расиновы греки, римляне, древние иудеи, неизбежные по требованиям классической поэзии, тем не менее—настоящие придворные французы его времени; на сцене они появлялись в модных завитых париках, треуголках и при парадных шпагах. Блистательные цари Расина—Александр, Агамемнон, Тит, были идеализированными портретами Людовика XIV. Законодателем литературных вкусов придворно-дворянской среды выступает Буало. Он требует от поэзии совершенства формы, легкого полированного языка, непринужденности рифм; над фантазией должен господствовать «здравый смысл», т.-е. уравновешенность человека, воспитанного в салоне.

Отдельно от этих писателей стоит Мольер. Сын королевского драпировщика, актер странствующей труппы, Мольер отражает взгляды деятельной и наблюдательной буржуазии. У Мольера нет «правил» классицизма, нет знаменитых трех «единств» места, времени и действия, встречаются чисто народные сцены, крестьянский жаргон. Мольер осмеял претензии аристократических салонов, а также буржуа, лезущих в дворянство. В «Тартюфе», имя которого стало нарицательным, Мольер впервые разоблачает иезуита, показывает всю низость человеческой натуры, все дурные страсти, которые могут крыться под рясой благочестивца и неслышно развращать общество. «Мизантроп» представляет в форме комедии тяжелую драму благородного и искреннего человека, вынужденного вращаться в среде, где бесправие и безгласность воспитали только пустоту, фальшивые чувства и речи. Людовик XIV сначала покровительствовал Мольеру, дал место его труппе в Луврском дворце в Париже, но постепенно охладел к нему. После первого представления «Тартюфа», где автор играл главную роль, королева, клир, сановники, высшая администрация яростно требовали запрещения пьесы; Мольер должен был переделать

комедию, одеть Тартюфа в светское платье, но и в урезанном виде пьеса была запрещена.

Церковная политика Людовика XIV. С середины 80-х годов, после смерти Кольбера († 1683), в положении Франции замечается поворот к худшему. Много вреда принесла Франции отмена Нантского эдикта.

После взятия в 1629 г. Ларошели, гугеноты составляли вполне мирное население. Дворяне почти все покинули кальвинизм, так как протестантам не давали места на службе. Лучшие генералы Людовика XIV, Тюрен и Конде, по рождению протестанты, перешли в вероисповедание двора. Оттесненные от должностей, гугеноты отдались индустрии, морскому делу, торговле. Между тем, по понятиям Людовика XIV, отступление подданных от веры, исповедуемой королем, составляло акт неповиновения государю. Этим взглядом старалось воспользоваться католическое духовенство и иезуиты, чтобы добиться искоренения ереси. Сначала протестантам запретили собираться на синоды, закрыли и разрушили церкви в тех местах, которые не были оговорены в Нантском эдикте. Затем направили в дело миссионеров; духовенство получило разрешение отнимать детей у родителей и обучать их в католичестве с тем, чтобы потом устраивать новообращенных в какой-нибудь выгодной должности. Усердные интенданты старались ускорить ход обращения при помощи «миссионеров с сапогах», помещая на постой к протестантам буйных драгунов. В 1685 г., когда, по официальным докладам, осталось немного протестантов, был отменен Нантский эдикт.

Уже первые стеснения вызвали выселение гугенотов из Франции; после отмены эдикта эмиграция дошла до сотен тысяч протестантов. Все отрасли труда пострадали от этого: ушли крупные промышленники, искусные мастера и рабочие, моряки и военные, унесены были значительные капиталы, лежавшие в индустрии и торговле. Все это обогатило соседей и противников Франции: в Англии, Голландии, Бранденбурге гугеноты нашли убежище, открыли свои промышленные предприятия и привили свое мастерство. Вильгельм Оранский набрал из них несколько полков, которые бились потом против армии Людовика XIV.

Протестантские ученые и публицисты, ожесточенные преследованием, собравшись за границей, образовали оппозицию политике французской монархии. Они ссылались на счастливую Англию, которая только что сбросила с себя оковы; ее революция (1688 г.) должна возродить во французах жажду к возвращению свободы. Пьер Бэйль выступил в защиту веротерпимости. По его мнению, преследование за веру есть не только жестокость, но и дикое невежество, результат узости понятий, выражающейся в слепом убеждении человека, будто он обладает всей истиной. В «Рассуждении о комете» Бэйль, осмеивал известное суеверие о влиянии комет на земные события, изображает все зло, какое причинили люди друг другу из-за предрассудков. Он приходит к

заключению, что разумнее устроили бы государство люди безразличные к вере, потому что у них не было бы главного основания ссориться и насиловать друг друга.

Людовик XIV' тесния протестантов не только из сочувствия к католичеству, но и ради торжества своей исключительной власти. То же самовластие он проявил в отношении к католической церкви.

Король благоволил иезуитам и подвергал гонению их противников, *янсенистов*. Так называлась (по имени голландского католического богослова Янсения) группа католиков, принимавших протестантское учение о спасении верою и о предопределении. Янсенисты не имели никакого влияния в широких народных слоях: это было общество писателей, ученых и людей созерцательной жизни, примкнувшее к женскому монастырю Порройль в Париже. С 50-х годов XVII века янсенисты начали литературную борьбу против иезуитов; особенно горячо были написаны «Провинциальные письма» молодого ученого Паскаля, с резким изобличением лицемерия и безнравственности иезуитской системы воспитания. Королю не нравился янсенизм еще и потому, что идеи этого направления разделяли члены оппозиционных парламентов. В начале XVIII в. архиепископ парижский об'явил осуждение секты, полиция выгнала монахинь Порройля, монастырь был разрушен до основания и даже сломаны его надгробные памятники.

Падение внешнего могущества Франции. С отмены Нантского эдикта все резче выступают недостатки системы Людовика XIV'. Многие из талантливых деятелей первых двух десятилетий его правления (Кольбер, Тюренн, Конде) сошли в могилу, другие, как Вобан, подверглись немилости, половина интеллигентной Франции, в лице протестантов, была выброшена за границу. Между тем Людовик XIV' выставлял все новые притязания, и пользуясь слабостью и розныо других держав, совершал среди мира дерзкие захваты. После Нимвегенского мира король основал на границе империи *камеры присоединения:* здесь об'являлась претензия Франции на какие-либо чужие города и области, вызывался на суд иностранный государь или владетель, и за его неявкой чиновники Людовика XIV' присуждали намеченную местность своему владыке. Так была присоединена половина Эльзаса (другая половина приобретена по Вестфальскому миру). Без всякого повода Людовик занял важный для империи Страсбург.

В 1688 году Людовик XIV' начал (третью) войну жестоким опустошением пфальцского Пфальца. Но в это же время его энергичный противник Вильгельм Оранский стал английским королем: к прежним врагам Людовика—Австрии, Испании, Швеции, Голландии и Савойе—присоединилась Англия, в которой с избранием Вильгельма взяли верх воинственные виги, сторонники расширения морского могущества страны.

В то время, как Людовик XIV' продолжал одерживать победы на суше, по

Рейну и в Бельгии, англичане успели нанести ему несколько чувствительных ударов на море. После десяти лет войны французский король не получил ни клочка земли (1697 г.). Но у него сложился новый план захвата всей испанской монархии с ее посторонними владениями в Италии и Нидерландах и со всеми колониями. Для этого нужно было склонить бездетного испанского короля, последнего из Габсбургов, составить завещание в пользу внука Людовика XIV, и французский король, превратив испанских грандов в своих пенсионеров, успел в этом.

Но когда в 1700 г. умер последний испанский Габсбург, Карл II, и Людовик отправил за Пиренеи своего внука, Вильгельм Оранский и другие противники Франции выставили кандидатом на испанский престол австрийского Габсбурга, сына императора; Англия и Нидерланды должны были получить вестиндские колонии Испании. Началась война за *испанское наследство* (1701—1714). В самом начале ее умер Вильгельм III, но его преемница, дочь Якова II, Анна, продолжала военную политику вигов. Против Франции соединились Англия, Голландия, большая часть князей Германской империи, между ними Бранденбург, Австрия, Савойя и Португалия. Битвы происходили чуть не во всех странах Европы: в Испании, где сражались оба претендента; в Бельгии, на Рейне и в южной Германии, в Италии и в самой Франции. С этою войной соединилась другая, занимавшая восточную Европу, так наз. *Великая северная:* союзный с Францией шведский король, Карл XII, воевал против трех держав: России, Польши и Дании, а местом действий были берега Балтийского моря, Неман и Висла, Силезия и Саксония и, наконец, Малороссия.

На стороне противников Людовика XIV был перевес сил и выдающиеся вожди: принц Евгений Савойский, не принятый на службу Людовиком XIV и перешедший к Австрии, и Мальборо, представитель крупной вигской фамилии в Англии. Но интересы союзников расходились весьма сильно: император добивался всего испанского наследства, тогда как морские державы, Англия и Голландия, не хотели ни французского, ни австрийского господства, стояли за разделение испанских владений и добивались для себя морских станций, колониальных приобретений и преимуществ в морской торговле. Союзники всюду одерживали победы над армиями и флотом Людовика; но всякий раз почти после тяжелого удара на поле сражения следовала задержка, вызванная разногласием союзников, и французский король снова получал возможность собраться с силами.

Однако, к концу средства Франции стали совершенно истощаться. Флот, созданный Кольбером, был уничтожен, войско, когда-то крупнейшее в Европе, сократилось, финансы были в полном расстройстве, торговля остановилась. Правительство вынуждено было прибегать к отчаянным средствам: портить монету, продавать всякого рода сочиненные должности и титулы, насильно занимать у капиталистов. Наконец, Людовик XIV сам обратился к противникам

с мирными предложениями, соглашаясь на полный отказ от Испании. Дело повернулось в его пользу, когда в Англии свергнуто было господство вигов, Мальборо лишился влияния и королева призвала министров из партии торисв, с лордом Болингброком в главе. Болингброк не хотел окончательно принижать Францию, но в мире (*Утрехтском* 1713 г.), который был заключен при его главном участии, в пользу Англии, были выговорены важные условия: она приобрела крепость Гибралтар у единственного пролива, соединяющего Средиземное море с океаном, затем владения в Северной Америке, по обе стороны занятой французами Канады (у Гудзонова залива и около устья св. Лаврентия). Кроме того она выговорила себе *асиенто*, т.-е. исключительное право на торговлю неграми, перевозимыми из Африки в испанские и португальские колонии. За эти уступки внук Людовика XIV был допущен в Испанию, но с условием отказа от наследства французской короны, чтобы Франция и Испания не соединялись в одних руках; скоро потом к нему перешел и Неаполь. Между тем как колонии остались за Испанией, Бельгия и Миланское герцогство были отданы австрийским Габсбургам.

Утрехтский мир открыл простор океанической торговле и колониальному господству Англии. Наоборот, для Франции он отмечает падение. Долгое правление Людовика XIV (самостоятельно 54 года, всего от смерти отца 72 г.) окончилось тяжелым кризисом.

Регентство и его финансовая катастрофа. Людовик XIV умер в 1715 г. среди такого раздражения, что его поспешили похоронить без особого блеска, опасаясь враждебных народных манифестаций. Его последняя воля, выраженная в завещании, была тотчас же опрокинута. Так как наследство переходило к единственному, оставшемуся в живых потомку его, пятилетнему Людовику XV (1715—1774), то старый король об'явил королевскими принцами своих незаконных сыновей, одного из которых сделал опекуном малолетнего короля, отстраняя от престола настоящего принца крови, своего племянника, герцога Филиппа Орлеанского. Между тем как за незаконных детей Людовика XIV были двор, иезуиты и генералы армии, на сторону герцога стали янсенисты, парламент и высший промышленный класс. Парламент, которому обещано было восстановление его старинных прав, поправшихся Людовиком XIV, уничтожил завещание, отстранил от престола незаконных детей и об'явил регентом герцога Орлеанского.

Первым делом нового правительства было найти выход из финансовых затруднений, так как казна была совершенно пуста, королевские имения распроданы, и долги так велики, что невозможно было по ним даже уплачивать проценты. Регенту представился азартный игрок по профессии, шотландец Джон Ло, изучавший банковое дело в Англии и Нидерландах. Ло исходил из той мысли, что во Франции много наличных денег и богатств, которые лежат даром без обращения и могут быть привлечены в различные предприятия кре-

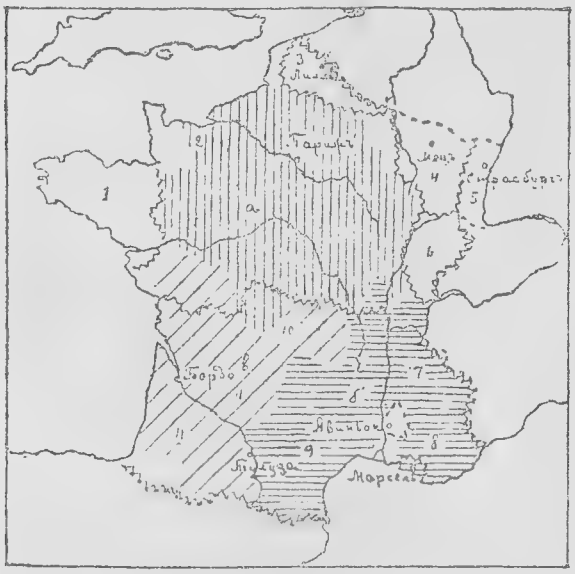
дитом (расчетом на будущие выгоды). Регент сначала позволил Ло основать частный банк для ссуды и перевода денег. Денежный фонд банка образовался из продажи *акций*, т.-е. бумаг, которые составляли пай предприятия и давали право на участие в его барышах. Банк выдавал в свою очередь ссуды в виде *билетов*, а казна принимала эти билеты наравне с деньгами. Дела банка пошли чрезвычайно хорошо, когда правительство разрешило Ло устроить также на акциях вестиндскую компанию для торговли с американскими колониями, Канадой и Луизианой, и приобрести все владения и преимущества прежней остиндской компании; новая компания стала строить корабли и рассылать их во все части света; затем Ло приобрел право чекана правительственной монеты, монополию табачной торговли и, наконец, откуп государственных податей.

Вслед за первой серией «миссисипских» акций компания выпустила их «дочерей», а потом и «внучек». Расчет на выгоду затеянных предприятий поднимал цену акций, первоначально стоивших 500 ливров, в 2, 5, 10 раз выше цены номинальной (написанной на бумаге). Их курс (продажная цена) еще более поднялся, когда компания взяла на себя уплату государственного долга, а Ло был назначен генеральным контролем. Банк сделал правительству ссуду в виде билетов, которые и были вручены кредиторам государства; чтобы получать выгоду с новых бумаг, им оставалось только обменивать билеты на компанейские акции. Масса людей продавали земли и другие имущества и вкладывали капитал в акции и билеты банка. Цена акции поднялась до 20.000, т.-е. в 40 раз больше номинальной. Компания всячески поддерживала надежды на быстрое обогащение: о миссисипском крае говорили, что это золотое дно вроде Перу. Акции жадно перекупались, и в короткое время на совершенно произвольных ожиданиях выигрывались громадные барыши. На улице, где помещался банк, кипели страсти; в биржевой игре принимали участие люди всех состояний.

Но Ло далеко переоценил силу кредита. Он выпустил бумаг на $2^1/_2$ миллиарда, тогда как в банке было немного более 200 миллионов. Доверие к банку стало колебаться; некоторые вкладчики начали обменивать свои бумаги на деньги; сначала банк платил, но потом перестал, и даже Ло выхлопотал закон, который запрещал частным лицам держать в наличности более 500 ливров: все должны были сносить деньги в банк и получать за них билеты. Действие этих мер было как раз обратное: все владельцы сразу обесценившихся акций и билетов бросились спасать обменом свои капиталы. Но банк оказался несостоятельным. Ло едва ушел от ярости массы разоренных людей и бежал из Франции (1720).

Регент, правивший 8 лет (1715—1723), не изменил приемов управления. Осталась старая система прямой подати, освобождавшая от уплаты два высшие класса и лежавшая невыносимым бременем на крестьянстве. Остались

в силе порядки сбора косвенных налогов. Вся Франция была изрезана таможенными границами; у застав взимались пошлины, как при переезде из одного государства в другое. Сбор налогов с напитков и с продажи соли был отдан крупным откупщикам, которые нанимали на свой счет целые отряды писцов, счетчиков, контролеров, сборщиков и сторожей; уплачивая правительству уговоренную сумму, они вознаграждали себя большой лихвой с плательщиков. Стараясь обеспечить себе определенную цифру сбора, правительство точно предписывало, сколько должны покупать известного товара люди тех или других областей или классов, при чем наказывало нарушителей штрафами, тюрьмой и каторгой. В областях большого соляного налога, где не было соляных варниц, население было обязано покупать в год по 7 фунтов на человека за очень высокую плату; ежедневно почти описывали имущество людей, которым не на что было купить хлеба, за то, что они не покупали соли в предписанном количестве. Напротив, в областях малого соляного налога, где были варницы и соль была дешева, власти ограничивали ее потребление и следили, чтобы не было продажи излишка в земли большого соляного налога. Ежегодно арестовывали более 10.000 человек за контрабанду и пособничество ей, из них несколько сот отправляли на галеры.



Франция Старого порядка: а—области большого соляного налога, б—малого налога, в—откупившиеся от налога. 1) Бретань, 2) Нормандия, 3) Артуа и Фландрия, 4) Лоррень (Лотарингия), 5) Эльзас, 6) Франш-конте, 7) Дофинэ, 8) Прованс, 9) Лангдок, 10) Овернь, 11) Гюэнь и Гасконь. Загзаги показывают линии главнейших внутренних таможень. 4) и 5)—области, открытые для иностранной торговли, но загороженные от остальной Франции.

Старый порядок. После того, как в общественной и государственной жизни всех почти европейских стран произошла революция в конце XVIII и первой половине XIX в., строй предшествующего времени стали называть *старым порядком*. Характерная черта его заключается в сохранившемся от средних веков различии между потомками прежнего военного и владельческого класса—с одной стороны, а с другой—класса трудового и производительного; должности, преиму-

щества передавались по наследству, так же как по наследству передавались повинности и крепостная зависимость; вследствие этого государство явно служило интересам имущих высших классов. Правительство, охранявшее интересы немногих, боялось свободной мысли и свободного слова и преследовало их. Однако, порядок этот не был одинаковым для всей Европы. Менее всего стеснений было в Англии, где не имелось бюрократии (управления посредством назначенных правительством чиновников). Старый порядок был тяжелее на материке Европы и притом, чем далее на восток и юг, тем более суровые формы он принимал, вплоть до крепостного права в Пруссии, Австрии, Польше и России и до полного стеснения умственной свободы в Испании, Италии и опять в Австрии и России. Оттого в стремлениях к большей свободе Англия служила образцом для французов XVIII в., а французские идеи этого времени служили поучением для остальной Европы.

III.

Англия в XVIII веке.

Образование кабинета. Революция 1688 г. была вызвана соединением различных интересов: аристократии, торгового класса Лондона и диссентеров. Они сходились на программе вигов, которые требовали перевеса парламента над королем, веротерпимости, расширения морской завоевательной политики. Но в стране преобладали тори, к которым принадлежало большинство провинциальных землевладельцев и английское духовенство. Часть торией, так наз. якобиты, готовы были даже содействовать возвращению изгнанной династии Стюартов. Выгода вигов была в том, что они в решительную минуту захватили власть; но они должны были употреблять особые усилия, чтобы у нее удержаться.

Вильгельм III, чужой человек в Англии, призванный вигами, нуждался в них также для своей континентальной политики. При нем прошел важный закон о *престолонаследии* (1701 г.), дополнивший постановления билля о правах (1688 г.) относительно верховной власти парламента: после смерти Вильгельма, выключая изгнанного короля и его мужских потомков, корона должна перейти к младшей дочери Якова II Анне, верной протестантизму, а затем к отдаленным родственникам Стюартов, также протестантам, владетелям Ганновера (германского княжества по низовьям Эльбы и Везера); далее в законе следовали условия, которые считались обязательными для всех последующих королей: 1) под всяким актом королевского тайного совета,

составляющего исполнительную власть, должна быть подпись отвечающего за это решение министра, и король не может помиловать министра, который подлежит суду за нарушение законов; иначе говоря, министры, призываемые королем к управлению, *ответственны* перед парламентом; 2) король не может сменять судей; только осуждение обеих палат может их лишить места, или, иначе, была об'явлена *независимость судей* от короны.

Королева Анна (1702—1714), принявшая от Вильгельма войну за испанское наследство, также должна была держаться вигов. Только под конец она образовала торийское министерство, во главе которого стоял Болингброк, устроитель мира в Утрехте. Однако, это кратковременное возвращение торпев послужило к их полному падению на долгое время. Война за испанское наследство сделала Англию первоклассной морской силой, так как Франция и Голландия потеряли в борьбе свои флоты. Таким образом опять выиграли виги. Вожди торпев замышляли призвать по смерти королевы претендента (сына Якова II), и якобиты даже подняли в пользу Стюартов восстание в горной Шотландии, где удержался старинный патриархальный народ охотников и скотоводов. Эта опасность заставила вигов поспешить с приглашением ганноверских королей в 1714 г. Болингброк и другие торийские вожди бежали во Францию и были об'явлены в опале; партия их совершенно расстроилась.

Вигские аристократические фамилии захватили теперь надолго господство. Король Георг I не понимал по-английски и мог об'ясняться со своими министрами только при посредстве переводчика. Его сын, Георг II (1727—1760) также чувствовал себя в Англии иностранцем. Мелкие германские князья, призванные в чужую могущественную и богатую страну, выдававшую им определенный доход, они были вынуждены предоставить полный простор вождям партии, которая возвела их на престол. Особенное положение ганноверских королей помогло установлению в Англии *кабинета* министров.

Король издавна приглашал в свой тайный совет заведующих отдельными частями исполнительной власти. При Стюартах парламент относился крайне недоверчиво к тем лицам из своей среды, которые соглашались итти в совет короля; когда те советники замыкались в «кабинет», их готовы были подозревать в измене, и однажды, при Карле II, прозвали *кабаль*, т.-е. шайкой изменников. Вильгельм III, король, вступивший в договор с парламентом, старался брать советников из обеих партий, вигов и торп, чтобы избежать недоверия парламента. Но каждая партия добивалась исключительного положения в королевском совете, т.-е. *однородности* его состава. При Анне министры были то все виги, то все торп. Первый ганноверский король вынужден был взять тех советников, которых выдвинула победившая партия вигов. Не понимая языка, он перестал председательствовать в совете и даже бывать в нем. С этих пор кабинет собирался без короля. Георг II говорил поэтому,

что «в Англии правит не король, а министры». Король попрежнему приглашал в свой совет тех или других депутатов, но в действительности его заставлял приглашать своих вождей парламент, или, вернее, *партия, располагавшая в нем большинством.* Партия, составлявшая большинство, становилась *министерской;* партия меньшинства была *оппозицией,* в надежде взять верх на последующих выборах и сделаться тогда министерской.

Парламент XVIII в. Вскоре после воцарения ганноверского короля виги, желая сохранить перевес в парламенте, выбранном во время восстания якобитов, сами продлили свои полномочия еще на 4 года, не обращаясь к избирателям. Избирательная система помогла им надолго удержать власть и при дальнейших выборах.

Господствующая партия извлекла главную выгоду из существования гнилых местечек. Самое знаменитое из них Ольд Сарум состояло из 5 домов с 12 жителями; дома перешли в собственность фамилии Питтов, которая с этого времени имела бесспорно обеспеченное место в Нижней палате. В известный день в местечко являлся уполномоченный собственника, представляя собою избирательное право местности, и назначал двух представителей в парламент. В то время, как Лондон с полумиллионом жителей посылал в парламент только 4 депутатов (по 1 на 125.000 человек), 30 местечек с населением в общей сложности в 375 человек посылали 60 депутатов (по одному на 6 человек избирателей). «Страна во власти герцога Рутланда, лорда Лонсдаля, герцога Ньюкестля и двадцати других сеньеров-владетелей местечек». Но и в тех округах, которые не принадлежали аристократическим фамилиям, выборы далеко не были свободны. Несмотря на все запрещения подкупов, они составляли обычное явление. Кандидаты получали голоса избирателей, напр., за обещание заплатить на свой счет долги общины, которую они должны были представлять в парламенте. Члены парламента, наполовину купленные крупными владетелями или купившие свои места, легко поддавались подкупу в самом собрании. Этим способом и могли держаться у власти немногие вигские фамилии: они проводили, сколько могли, своих сторонников на выборах, а их вожди, занимавшие министерские посты, дополняли состав своей партии, приобретая голоса в самом парламенте. Министры раздавали парламентским членам должности, пенсии и просто денежные подарки. При помощи таких раздач держался у власти в течение 20 лет министр двух первых Георгов, Уольполь (1721—1741). Олигархический и продажный парламент, очень далекий от того, чтобы быть народным представительством, держал себя, как настоящий деспот, напр., подвергал преследованию тех, кто осмеливался печатать без его согласия речи, произнесенные в собрании.

Английская литература начала XVIII века. Несмотря на все это, английское устройство представляло гораздо больше свободы, чем строй какой-либо другой европейской страны. Парламент был все-таки местом, где могло

раздаваться независимое слово: соперничество партий постоянно вело к критике действий правительства, к раскрытию злоупотреблений; общественное мнение могло высказываться, и правящие люди должны были к нему прислушиваться. Ни в чем так не видна богатая умственная жизнь Англии, как в ее литературе, в развитии журналистики и сатиры. Само правительство должно было поручать искусным ораторам и писателям защиту своих мнений; но оно ничего не могло сделать, чтобы подавить противоположные взгляды. Уольполь был бессилен против Болингброка, когда бывший вождь торнев, превратившись в талантливого писателя, в своих воззваниях и памфлетах нападал на парламентскую порчу, называя первого министра публичным миссионером порока.

Эпоха революции 1688 г. и следующих за нею 30 лет выдвинула в качестве политического писателя Даниэля Дефо, известного более всего по своему позднейшему роману «Робинзон Крузо». Родившийся в диссентерской семье, принимавший участие в восстании при Карле II, Дефо горячо защищал при Якове II права своих единоверцев и политическую свободу, которая, по его убеждению, одна только могла обеспечить им веротерпимость. При королеве Анне снова поднялось гонение на диссентеров. Дефо пишет злую сатиру, в которой предлагает действовать на отщепенцев виселицей и каторгой. Суд приговорил Дефо на выставление к позорному столбу. Народ был на его стороне, его забросали цветами и венками и приветствовали горячим сочувствием. В тюрьме Дефо продолжал писать сатиры и памфлеты и выпускал 4 раза в неделю народный листок. Но уже на следующий год новый министр освободил его из заключения, чтобы воспользоваться его литературным дарованием. Дефо послали в Шотландию устроить унию, т.-е. воссоединение ее в одно королевство с Англией (1707 г.).

Той же эпохе и тому же кругу событий принадлежит великий сатирик Свифт. Во время религиозных столкновений при королеве Анне он выпустил так наз. «Сказку о бочке», где под именем трех братьев, Петра, Мартина и Иоанна, осмеивал папизм, лютеранство и кальвинизм за их бесконечные споры, за нетерпимость и лицемерие. Свифт прошел богословскую карьеру и не принадлежал к аристократическим кругам, которые вели политику; но его спедало мучительное желание играть выдающуюся роль в государственной жизни. Его первые произведения выдвинули его сразу на место крупного писателя: главы вигской партии, министры, журналисты искали его дружбы. Неудовлетворенный вигами, он изменил им и перешел к торн, победившим в конце царствования Анны, и опять его газета «Критик» была опасной и крупной силой, а Свифт держался гордо и независимо с политиками и министрами торнев. При ганноверском короле и новом управлении вигов Свифт, в качестве декана (соборного священника) в Дублине, внезапно поднял голос на защиту страны, со времени пуританской революции подавленной пришлой английской администрацией.

В царствование Анны, богатое борьбою политических и религиозных партий, в больших кофейнях Лондона собираются ученые, политики, художники, писатели, офицеры, купцы и биржевые люди, читающие жадно новости журналов, обсуждающие вопросы войны, парламентских выборов, театра, религии и т. д. Отражением этих ежедневных встреч были периодические издания, особенно листки «Болтун» и «Зритель», выпускавшиеся Стилем и Аддисоном в 1709—1714 годах. Журналы получили большое распространение: каждый образованный человек в Лондоне привык, чтобы утром к чаю ему приносили номер «Зрителя»; в деревню листки уходили в почтовые дни и читались большею частью сразу за всю неделю по воскресеньям.

Постоянная нестесненная борьба мнений в Англии создавала большую независимость мысли. Эта свобода воззрений была подготовлена работой науки за два столетия и религиозной реформацией.

Наука в XVI и XVII в.в. Великие научные открытия Нового времени начинаются сочинением польского ученого, Николая Коперника (1473 — 1543)—De revolutionibus orbium coelestium. Коперник отстраняет учение греческого астронома Птолемея о неподвижном положении земли в середине мира и вращении около нее солнца и планет; впервые он собирает неопровержимые доказательства того, что земля в числе других планет вращается вокруг громадного, во много раз превосходящего ее светила. Из астрономической теории Коперника сделал общие философские выводы итальянец Джордано Бруно (сожжен на костре в Риме инквизицией в 1600 г.). Солнечная система кажется Бруно одним из бесконечного множества миров, заполняющих вселенную: нет небесной тверди, видимые нами звезды—также солнца, центры других бесчисленных систем. Об'яснение жизни мира Бруно находит в *пантеизме*, т.-е. он признает мировую душу, биение которой чувствуется во всем живом.

В начале XVII в. Кеплер (1571—1630) в Германии и Галилей (1564—1642) в Италии впервые стали применять телескоп при наблюдении неба; Кеплер дал прочное основание открытию Коперника, установив законы вращения земли и других планет вокруг солнца. Около того же времени возникает физика, начинается исследование анатомии и физиологии человеческого тела. В последней области особенно важно открытие кровообращения, сделанное сначала Серветом (стр. 37), потом англичанином Гарви (в начале XVII в.).

Научные открытия произвели великий переворот во всем складе мысли образованных людей. Приемы новой науки ярко изложил Фрэнсис Бэкон (1561—1626) в сочинении Novum Organum. Он осуждает старую схоластику; натуралист, изучая природу, не должен итти путем отвлеченных рассуждений. Наиболее важный научный прием, по Бэкону, *индукция*, восхождение от массы фактов, наблюденных и проверенных опытом, к общим заключениям. Иначе понимал общие задачи науки французский математик Декарт

(1596—1650). Он искал прочного обоснования для мысли не в наблюдении внешней природы, а во внутреннем опыте человека; в разуме имеется ряд несомненных истин, которые дают возможность строить заключения и проверять их. Декарт положил таким образом, начало *рационализму* (т.-е. рассуждениям от разума). Согласно тому и другому приему изучения, в глазах научно-мыслящих людей мировые явления представлялись сцеплением естественных причин и следствий; здесь нет места волшебству и чудесным переменам.

Деизм. К религии, согласной с разумом, приближались реформационные секты, особенно английские индепенденты. Они часто выражали мысль, что нельзя замыкаться в раз усвоенном учении и слепо итти за руководителями и основателями церквей. Как бы ни были велики Лютер и Кальвин, но «они не проникли во всю глубину мудрости Божией». Надо открывать свой разум новому озарению.

По мнению провозвестников *разумной* религии, первоначальная вера, согласная природе человека, была чиста и возвышенна, но ее затемнили потом своекорыстные или невежественные священники, старавшиеся приобрести власть над массой народа; религия заменилась суевериями и вместе с тем наполнилась разногласиями, которые и привели к существованию множества ожесточенно нападающих друг на друга исповеданий.

Эти взгляды сильно распространились в эпоху второй революции 1688 г. с об'явлением веротерпимости и свободы печати. Людям, искавшим разумной религии, дали имя «свободных мыслителей» или «деистов» (т.-е. сводящих религию к чистому познанию Бога—Deus—без остальных догматов). Деизм отразился особенно ярко в литературной деятельности Толенда. Ирландец и католик по рождению, перешедший 16 лет в протестантизм, Толенд неутомимо распространял новые идеи. В книге «Христианство без тайн» (1696) он об'ясняет, что истинная религия должна быть удобопонятна рассудку. Если есть вещи, которых мы не можем сразу понять, то нет основания об'являть их таинственными.

Около того же времени в Англии возник просветительно-благотворительный союз, широко распространившийся потом по всей Европе. Это было общество «свободных каменщиков», франкмасонов, или *масонов*. В 1717 г. в Лондоне основана была большая ложа, т.-е. ветвь общества. Масоны усвоили себе символы средневековых ремесленных союзов, начинали и кончали свои собрания торжественными и мерными ударами молота. Новые «каменщики» строили «по образцу Соломонова храма»—храм человечества. Во взглядах масонов отражается деизм; сходясь на беседы и собрания, «братья» ставят задачею *филантропию;* они хотят создать, вне стеснений церкви и государства, общечеловеческое соединение на началах полной веротерпимости и деятельной любви к ближнему.

Научное мировоззрение. Одновременно в Англии распространяется новое

научное мировоззрение. В XVI в. главный интерес направлен на древнюю литературу и языки греков и римлян. С середины XVII в. все более развивается интерес к естественным наукам, поддерживаемый крупными открытиями в области астрономии, физики, физиологии. В 1645 г. среди гражданской войны несколько ученых составили «невидимую коллегию», т.-е. небольшое натуралистическое общество, сходившееся раз в неделю. Позднее Карл II взял под свое покровительство коллегию и утвердил ее под названием «Королевского лондонского общества для развития естественных наук». При возникновении лондонского общества опыты были вещью весьма необычною; оно избрало «опыт» своим главным знаменем. Вкус времени во второй половине XVII в. совершенно изменился; как прежде в салонах рассуждали о Цицероне и Плутархе, так теперь джентльмены и леди считали хорошим тоном говорить о воздушных насосах и телескопах, о химии и магнетизме.

Самым выдающимся научным произведением эпохи является книга Исаака Ньютона, члена лондонской Академии, «Математические принципы философии природы» (1687 г.). Ньютон (1643—1727) примыкает к открытию Коперника и Кеплера; он об'ясняет вращение земли и других небесных тел вокруг солнца посредством *закона тяготения*, того же самого, в силу которого брошенный камень падает на землю, и все предметы на земной поверхности притягиваются равномерно к ее центру. Открытие Ньютона установило незыблемо основы астрономии и механики. Мир перестал казаться соединением загадок и чудес; все в нем как бы получило разумный вид, все, крупное и малейшее, стройно подчинилось простым и неизменным законам.

Развитие колониального могущества Англии. В 1713 г., после первой большой войны с Францией, Англия положила основание своего господства в Америке. В середине XVIII в. начинается вторая крупная война, из которой Англия выходит главной колониальной и торговой державой Европы, а колониальное могущество Франции, возникшее в XVII в., напротив, разрушается. Борьба эта связана с именем крупного политика и оратора, Уильяма Питта.

Король Георг II не любил Питта, но вынужден был обращаться к его таланту и принимать его в свои министерства, когда этого требовала господствующая группа в парламенте. Питт как нельзя более отражает энергическое движение английских моряков, торговцев и колонистов к захвату новых территорий, которое представляет много общего с торгово-политическими походами и экспедициями римлян. В самой натуре и манере Питта, всегда театрального, исполненного пафоса, высокомерного и нетерпимого, были черты, напоминающие патриция римского сената. Главною целью Питта было отвоевание у французов Северной Америки и Индостана. Но он вмешался и в европейские дела, чтобы ослабить здесь французов и отвлечь их внимание и силы от заокеанских владений.

В 1756 г. составилась большая коалиция из Австрии, России, Франции,

Швеции и Саксонии против прусского короля Фридриха II, незадолго до того отнявшего у Австрии Силезию. Началась так называемая *семилетняя война* (1756—1763). В следующем году Питт вступил в министерство и соединил в своих руках заведование военным делом и флотом. Имея в виду только одно— принижение Франции, Питт решил энергически поддержать Фридриха II, увлек парламент к ассигнованию больших субсидий самому королю и к поддержанию на счет Англии немецкого войска в Ганновере для отражения французов. Одновременно он старался блокировать французские берега, бомбардировал порты и разрушал их доки. Но главная борьба кипела в колониях. В Америке Англия имела перед собой двух врагов, кроме Франции, еще Испанию. Питт умел выбрать выдающихся офицеров и моряков. Важную поддержку оказали правительству английские колонисты в Америке, которые числом значительно превосходили французских. Их силами, главным образом, была завоевана вся страна, занятая до тех пор французами, т.-е. Канада вдоль течения св. Лаврентия и земли между этой рекой и Атлантическим океаном.

Очень важны были также успехи, одержанные англичанами в Остиндии. Обширная страна, населенная различными племенами, была в значительной части об'единена в XVI в. мусульманскими султанами, так наз. великими Моголами. В 1700 г. это единство расстроилось, и Индостан открылся европейским завоевателям, которые, однако, пользовались местными военными силами и забирали то, что уже было подчинено управлению Моголов. В 40-х годах XVIII в. французы имели перевес в Индии. Франция выставила ряд даровитых офицеров и администраторов; но французское правительство плохо поддерживало завоевателей и не давало им свободы действий. Энергичного Дюплэ, занявшего южную оконечность полуострова (Декан), отозвали в самый разгар его удачных и обширных предприятий и отдали под суд. Напротив, английские предводители, состоявшие на службе Остиндской компании, пользовались большим простором; особенно выделился своими победами Клейв, сначала простой приказчик компании, ставший потом лордом. Англичане захватили важные пункты на обоих берегах, Бомбей и Мадрас, а также Калькутту в устьях Ганга. Компания завладела доходами тех владений, которые прилегали к завоеванным крепостям, торговым и складочным пунктам: местным владетелям, раджам и султанам, оставляли их власть, а компания брала у них на откуп сбор податей; выгоды от этого управления вместе с барышами развивающейся торговли и составляли доход пайщиков Остиндской компании. Но чиновники компании и нанимаемые ею офицеры доставляли далеко не все приходившиеся на ее долю суммы. Замечательные по своему мужеству, энергии и предприимчивости завоеватели Индии, Клейв и Гастингс были вместе с тем корыстолюбивы и бессердечно жестоки к туземному населению.

В 1763 г. был заключен с Францией Парижский мир, закрепивший все приобретения, которые были сделаны за время воинственного управления

Питта, хотя он уже ушел в это время в отставку из-за несогласия с новым королем Георгом III (1760—1820). Англия получила Канаду и все земли на восток от Миссисипи; Испания уступила ей Флориду. В Индостане французы удержали немногие пункты, сохранившие лишь значение торговых складов. Колониальная держава их, основанная Ришельё и Кольбером, рушилась

IV.

Франция в XVIII веке

Упадок монархического правления. Все шестидесятилетнее царствование Людовика XV (1715—1774) прошло без изменений в политическом строе Франции. Это была прежняя система Людовика XIV, приходившая все более и более в ветхость. Франция вела ряд войн (1741—1762), то принимая участие в дележе австрийского наследства и помогая Пруссии, то, напротив, поддерживая Австрию против Пруссии (в Семилетней войне); а в то же время Англия отнимала у нее колонии одну за другой и уничтожала ее морскую торговлю. Внутри страны держались тех же приемов управления и надзора за обществом, которые стесняли всякое самостоятельное проявление мысли: большая часть замечательных произведений политической и научной литературы XVIII в. могли появиться в печати только за границей, в Голландии, Англии, Швейцарии.

В среде администрации время от времени появлялись сторонники реформ. Маркиз д'Аржансон, бывший одно время министром иностранных дел, оставил обширную записку «об управлении Франции», где предлагал подчинить дворянство уплате налога, уничтожить систему откупов, выгодную для капиталистов, и предоставить раскладку и сбор податей самому населению; а для этого завести в провинциях выборные земские собрания, где будут представлены все сословия. Другой министр Людовика XV, Машо, решился провести (1750) ряд мер против привилегированных. Во-первых, он ограничил владения духовенства, запретивши церкви приобретать новые земли. Во-вторых, Машо ввел общий налог «двадцатой доли», т.-е. пятипроцентный сбор со всех имуществ, не исключая земель, принадлежавших дворянству и духовенству. Эта мера вызвала крайнее раздражение, особенно среди духовенства, и налог скоро пришлось отменить, а энергичный министр получил отставку.

Еще более, чем духовенство, поднимались против всех королевских реформ парламенты. Палаты различных областей Франции утверждали, что они составляют общефранцузский парламент: «одушевленный единой силой, про-

никнутый одними принципами, занятый одною целью». Когда король силою принуждал вносить указ в протоколы парламента, все члены палаты об'являли забастовку, и судебные разбирательства прекращались: защитники и обвиняемые должны были терпеливо дожидаться окончания судебной стачки. В конце правления Людовика XV была сделана попытка сломить бесповоротно оппозицию парламентов. Министр Мопу издал решительный указ в 1770 г., которым запрещалось говорить о «французском парламенте» и его обязанностях перед народом. Члены парламента в Париже ответили, как это не раз уже было, стачкой. Тогда Мопу послал ночью ко всем советникам парламента солдат с требованием немедленно ответить, готовы ли они вернуться к своим обязанностям. Более полутораста судей ответили отрицательно и были отправлены в ссылку. Министр пошел еще дальше: должности парламентских членов, составлявшие их собственность, были конфискованы, и сами парламенты закрыты. Отменялась наследственность судейского звания, судьи должны были назначаться правительством.

Враждуя с высшими классами, монархия не умела, однако, привлечь на свою сторону буржуазию и крестьянство.

Крестьянство во Франции. В дневнике, который вел для себя д'Аржансон, помечалось постоянно, что народ переживает нищету и голод, что там и здесь поднимаются в провинции голодные бунты. Один епископ из середины Франции писал главному министру, кардиналу Флери: «Народ в деревнях наших живет в ужасной бедности, в пустых избах, без постелей и столов; у большинства в течение полугода нехватает даже ржаной муки и овса, составляющих их единственную пищу: они вынуждены отказываться от нее и отнимать ее у своих детей, чтобы заплатить налоги. Негры-рабы на наших островах счастливее их, потому что за свою работу они накормлены и одеты со своими семьями, тогда как наши крестьяне, самые работящие во всем государстве, при своем необычайно тяжелом труде, не имеют пропитания, да и подати не могут отдать».

Помимо тяжелого налога, на земледельце лежала еще *барщина:* его отрывали от хозяйства для починки казенных дорог и мостов, заставляли подвозить материал для построек и содержания войска, при чем услуги оставались без вознаграждения. Затем французский крестьянин нес *повинности* на помещиков, оставшиеся от крепостного времени: платил помещику особую пошлину, когда продавал свое владение, платил за судебную власть помещика, хотя по большей части тот сам не судил крестьян, а только назначал судей и приставов; крестьянин обязан был везти зерно на господскую мельницу и печь хлеб в господской пекарне, хотя это было дорого и неудобно, потому что исстари эти заведения могли стоять только на господской земле; он платил за дороги и мосты, хотя сеньер и не думал их исправлять, и т. д.

Эти повинности казались тем более несправедливыми, что сеньеры боль-

нею частью не жили в поместьях, нередко не имели никакого хозяйства. Они брали себе только доход, по вековому обычаю, дошедшему из тех времен, когда еще не было другого крупного получателя подати, государства. Особенно трудно было положение крестьян малоземельных или безземельных, которые были вынуждены *арендовать* землю у сеньеров. Эта аренда по-старому была испольная: *полувник* отдавал часть сбора с полей собственнику земли. Поместье распадалось на множество мелких ферм, где работа малоимущих арендаторов шла первобытным способом.

Салоны. Крестьянский вопрос был очень важен для Франции, но им почти не занимались до средины XVIII в. В литературе речь шла, главным образом, о том, что интересовало городское общество, в особенности в Париже. Это общество было настроено враждебно ко двору. Аристократия составляла только часть его; попрежнему сеньеры и крупные сановники двора оказывали покровительство литераторам, как напр., д'Аржансон Вольтеру, но в то же время в городе образовались кружки из людей интеллигентных и промышленных профессий, или «ротюры» (мещанства), как презрительно говорили представители высших классов. Они отчасти переняли беседы и развлечения двора, изысканную вежливость и находчивость, постоянную привычку быть на людях, но внесли много своего: интерес к искусству, споры на разнообразные темы, бо́льшую простоту и непринужденность. «Ничто несравнимо,—говорит Вольтер,—с тою приятною жизнью, которую ведешь в Париже в лоне искусств и спокойных изящных удовольствий; иностранцы, короли предпочитают своему отечеству и трону этот покой, столь приятно занятый и полный очарования». Париж становится школой общественности для всей Европы, куда едут молодые люди всех стран для того, чтобы приобрести светский лоск и просвещение.

Французские писатели по большей части были направителями разговоров и прений в парижских салонах. Это делало французскую литературу необыкновенно гибкой и подходящей для дела *популяризации*. Оригинальные идеи XVIII в. все принадлежат Англии; деизм, свобода совести и свобода исследования, идеи подчинения мировых явлений незыблемым физическим законам, понятие о народовластии и о разделении властей—все это впервые было высказано английскими публицистами, учеными, романистами и сатириками. Французские писатели усвоили эти идеи и стали проповедниками, «переводчиками» их для остальной Европы. Англия привлекает внимание и удивление всех мыслящих французов. Им кажется, что это—край наилучших порядков, где наиболее может раскрыться природа человека.

Вольтер и Монтескье. Читающая публика во Франции добивалась не только верных и точных сведений об общественной жизни свободной страны; еще сильнее было желание понять связь изучаемых явлений, приобрести рациональный научный взгляд на вещи. Такое мировоззрение называлось

философия (у немцев *просвещением*), а распространителей его звали *философами*.

Особенно выдавался Вольтер (1694—1778), ученик иезуитов, возненавидевший их систему. Замечательна его поездка в Англию, после того, как он два раза успел посидеть в Бастилии за стихи на короля и за насмешку над сеньером, герцогом Рогапом. Вольтер посещает заседания королевского общества и в своих «Философских письмах» знакомит соотечественников с «важнейшим явлением новой умственной жизни в Англии, ньютоновской теорией». Главной задачей Вольтера была борьба с предрассудками и заблуждениями ума, с нетерпимостью, узкими и лицемерными понятиями, которые поддерживали старые руководители воспитания и политики, особенно католическое духовенство, иезуиты, но также и их противники, янсенисты. Вольтер хочет разрушить «старое, основанное 17 веков назад строение обмана (он разумеет католическую церковь), которое разорвало своими когтями Францию, раздробило людей своими зубами и загубило в муках 10 миллионов человек». В его глазах самое ценное в человеке—критическая мысль, самое важное для общества—умственная свобода. В поэме «Генриада» он представляет идеал веротерпимого государя (Генриха IV), в драме «Магомет»—бессердечность духовенства. В «Философии истории» сделана первая попытка изобразить, вместо обычной картины войн и судьбы королей, движение культуры, науки и искусства в прошлые века. Везде проходит тот взгляд, что масса человечества была и будет долгое время погружена в невежество, что опорой этой грубости служат суеверия, в которых держат народ ради дурных побуждений жрецы (т.-е. духовенство) и их союзники, правители. Но установления умственной свободы Вольтер ждет все-таки от просвещенного, гуманного государя. Вольтер вступил в переписку с молодым наследным принцем прусским, Фридрихом, и когда тот сделался королем, поехал на его лестное приглашение в Берлин.

Сильно расходился с Вольтером другой почитатель Англии, его современник Монтескьё (1689—1755). Монтескьё происходил из парламентской аристократии, был долго членом суда в Бордо и смотрел глазами парламентской консервативной оппозиции. В «Рассуждениях о причинах величия и падения древнего Рима» отражаются его взгляды. Он высоко чтит древних римлян и особенно стойкие республиканские характеры в их среде: его герой—Брут; Цезарь ему ненавистен. По взгляду Монтескьё, Франция, вследствие произвола своих королей, близка к тому, чтобы стать деспотией, подобной восточным государствам. От деспотии надо отличать монархию, где государь правит в пределах законов, в согласии со старинными привилегиями высших классов. «Где нет аристократии, там нет и монархии».

Монтескьё очень долго работал над своей главной книгой («О духе законов», вышедшей в 1748 г.), «всю жизнь», как он говорит, собирал наблю-

дения, частью полученные из путешествий по Европе. Он думал, что в жизни отдельных народов, в строении государств сказывается действие постоянных сил, прежде всего естественных условий, климата и почвы, затем характера нации. Желая быть об'ективным, автор тем не менее не может скрыть предпочтения, которое он отдает Англии. Главной и самой счастливой особенностью ее устройства он считает *разделение властей*, при котором только и может быть обеспечена истинная свобода: законодательная власть должна быть в руках народных представителей, исполнительная—в руках наследственного монарха, судебная—выборных судей. Нельзя, чтобы законодательная власть соединилась с исполнительной, потому что один и тот же монарх или один и тот же парламент будут создавать тиранический закон и приводить его тираническим образом в исполнение.

Монтескьё неверно описывал современный ему английский строй, так как в Англии не было разделения властей, и верховенство сосредоточивалось в руках *законодательного* парламента, откуда выходила *исполнительная* власть в лице кабинета министров. Тем не менее его учение о необходимости разделения властей имело большое влияние во Франции и в других европейских странах.

Энциклопедисты. Вольтер и Монтескьё принадлежали к поколению, которое помнило еще времена Людовика XIV'. Их младшие продолжатели, родившиеся в первые десятилетия XV'III в., были свидетелями распадения системы абсолютной монархии. Во многих вопросах они были резче своих учителей и предшественников. Они хотели дать полное торжество научному мировоззрению: с этой задачей связано огромное предприятие, задуманное Дидро (1713—1784) и начатое при содействии большинства выдающихся писателей Франции в 1746 г.: «Большая энциклопедия наук, искусств и ремесл». Судьба Энциклопедии очень характерна для Франции того времени. С выхода первых ее томов начались нападки иезуитов и янсенистов: аббаты, писавшие в Энциклопедии, должны были или бежать из Франции, или попадали в Бастилию. По требованию духовенства, королевский совет постановил уничтожить первые два тома Энциклопедии, так как они заключают в себе учения, противные религии и королевской власти. Через 6 лет, когда сотрудник Энциклопедии, Эльвесиюс выпустил отдельно книгу «О духе», было поднято дело против всего издания в парламенте, а королевский совет запретил продавать уже вышедшие томы Энциклопедии и печатать новые. Несмотря на все трудности, в 1765 г. вышли зараз последние томы огромного издания; на заголовке стояло вместо «Париж»—«Нёшатель»; экземпляры пришлось раздавать тайно.

Общая идея Энциклопедии выражена во вступительной статье д'Аламбера: ученый предостерегал от преклонения перед авторитетами и ставил на первое место самостоятельное исследование и обстоятельную критику во всех вопросах знания. В статьях Дидро открывается еще другая сторона научного

мировоззрения, именно тот взгляд, что знание составляет великую силу для материального и нравственного улучшения общества. В числе сотрудников Энциклопедии был натуралист Бюффон (1707—1788), которому принадлежит впервые мысль—представить в одном большом сочинении, под заглавием «Естественная история», всю совокупность явлений природы. Бюффон стремится об'единить громадный материал, согласно новым научным теориям, освобожденным от фантастических представлений арабской и схоластической науки Средних веков.

Руссо. До середины XVIII в. во французском обществе мало кому приходило в голову заявлять о правах народа. Исправления недостатков в общественном и государственном строе ждали сверху, от властного просвещенного реформатора.

С конца 40-х годов в литературном мире Парижа появился горячий проповедник демократии, женевец Руссо (1712—1778). Он происходил из кругов мелкой буржуазии, в аристократической республике Женевы писал в защиту массы неполноправных, нападал на нетерпимое правительство своего родного города. Но в то же время он сохранил крепкую привязанность к быту своей родины, горной Швейцарии, с простотой и независимостью ее крестьян. Руссо казалось, что этот тихий, удаленный от шума событий угол сохранил истинные естественные черты человечности; вообще счастливее первобытный строй, люди наивных понятий; культура, успехи наук и искусств, жизнь в больших городах создают лишь новые потребности, развращают людей, увеличивают между ними неравенство. Но люди могут вернуться к здоровым первоначальным чувствам. В романе «Эмиль» изображено воспитание человека, поставленного в непосредственное общение с природой, далеко от утонченной светской жизни, развивающегося на началах самостоятельности. Руссо кажется, что естественный носитель благородных качеств души—простой народ, тогда как высшие классы испорчены ложными отношениями и ложными вкусами.

Руссо старался изобразить идеальный строй человеческой жизни в «Общественном договоре» (1762). Он обращается здесь к учению XVII века о *естественном праве*. Английские писатели, особенно Локк, учили, что люди вышли из первоначального состояния, заключивши договор, где отказывались ради общего порядка от своей личной свободы. Руссо прибавляет, что, при заключении договора, все и каждый в отдельности должны были отказаться от своих личных прав в пользу всех; таким образом люди вышли из договора *равными*, а носителем верховной власти должен был стать *весь народ*. В идеальном устройстве весь народ имеет безграничную силу над отдельными личностями: сто власть неотчуждаема (т.-е. не может быть передана одному или немногим лицам), неделима, непогрешима. «Общая воля всегда права и постоянно стремится к общественной пользе». Руссо стоит очень далеко от учения Монтескьё о разделении власти; он не думает вовсе об обеспечении свободы отдельных

граждан. Говоря о религии в государстве, он устанавливает основные догматы, между прочим веру в загробное воздаяние, и требует изгнания из государства неверующих, как людей непригодных к общественной жизни. Руссо не хочет парламента, а представляет себе *демократическую республику*, в которой непосредственно правит весь народ, сходящийся на собрания.

Общественное значение литературы. В литературе XVIII в. было много споров и противоречий, но писатели и ученые тем не менее сознавали, что образуют влиятельную силу, «литературную республику», как тогда выражались. Вольтер в начале 60-х годов заговорил о двух возмутительных, но вполне обычных для того времени судебных приговорах Франции. В обоих случаях вполне ложно обвинили протестантов в совершении убийства, хотя единственным основанием для обвинения была религиозная ненависть: один из осужденных (Калас) был казнен, другой (Сирвен) успел бежать к Вольтеру, жившему у французской границы на женевской территории. Вольтер написал по этому поводу сочинение о веротерпимости, заинтересовал в деле парижское общество, дружественных с ним государей Европы, между ними Екатерину II, добился пересмотра обоих процессов, восстановления чести казненного Каласа и выдачи его семье пенсии.

Правители не только старались украшать свои дворы светилами науки и поэзии, как Фридрих II, вызвавший Вольтера, или Екатерина II, которая приглашала Дидро в Петербург и купила его библиотеку, чтобы оказать ему поддержку; они пытались сами занять известное место в этом мире, выступая в качестве писателей, добиваясь одобрения законодателей литературных вкусов. Фридрих II, еще принцем, заявил свои политические мнения в сочинении, которое он озаглавил «Антимакиавель». Впоследствии просветители звали его королем-философом. Принято было также поддерживать с литераторами переписку, просить у них совета по различным государственным вопросам, составления проектов. В течение последних 20 лет своей жизни Вольтер, живя в Ферне подле Женевы, получал множество таких обращений; у Руссо просили совета относительно реформ в Польше.

V.

Пруссия в XVII и XVIII в. в.

Военно-крепостная восточная Европа. Открытие в XVI в. океанических путей и приобретение отдаленных колоний выдвинули в Европе на первое место страны западной ее окраины: Испанию, Францию, Голландию, Англию.

Страны середины, лежавшие на старинном, теперь покинутом промышленном пути, Германия и Италия, пришли в упадок, обеднели; эти явления были еще усилены тем, что области крайнего запада образовали сплоченные государства, тогда как центральная Европа осталась при своем прежнем раздроблении. Но к XVIII веку в Европе получила значение еще третья группа земель, расположенных на ее востоке, за чертою, образуемой приблизительно Балтийским морем, Эльбой и верхним Дунаем. Это были: Австрия (с Венгрией) по Дунаю, Пруссия по нижнему течению рек, впадающих с юга в Балтийское море, Польша по Висле, Неману и западным притокам Днепра и Московское государство по Волге, Оке и Северной Двине.

Области, занятые этими государствами, по большей части были колониями, т.-е. первоначально пустырями или слабо населенными пространствами, которые захватили пришлые переселенцы. Так, Московское государство, до 70-х годов XV в. не превышавшее размера нынешних 6 средних губерний вместе взятых, увеличилось в следующие два века втрое и вчетверо вследствие присоединения Поволжья, Северного края, Приуралья, Заокской земли; в эти области, слабо занятые инородцами, частью кочевниками, устремилась военно-земледельческая колонизация. Таким же краем колонистов-выходцев из Москвы и Польши была обширная страна по р.р. Днестру, среднему и нижнему Днепру и Дону, т.-е. Малороссия и то, что позднее получило название Новороссии. Как в XV—XVII в.в. поляками и русскими, так раньше, в XIII—XIV в.в., немцами были колонизованы земли по восточному и южному берегу Балтийского моря (прибалтийские губернии России и Пруссия), по Карпатам и Дунаю (части Австрии и Венгрии). Во всех этих странах города были слабо развиты, не было обширной индустрии на сбыт. Главным занятием было земледелие, притом экстенсивное: забирали обширные пространства земли, которые плохо вспахивали и мало удобряли, а затем забрасывали или оставляли под пар.

Этим характером хозяйства об'ясняется строй и политика восточно-европейских государств. Они постоянно чувствовали нужду в земле, и вели войны за приобретение новых территорий. У них выработалась иная военная система, чем на Западе. Франция и Голландия, напр., защищали свои границы поясом крепостей, держали на жаловании массу наемных солдат. Восточные государства, Австрия, Польша, Москва, устраивали широкие полосы *военных границ*, т.-е. поселяли на вновь захваченной земле вооруженных людей, чтобы наблюдать за действиями врага и быстро давать ему отпор. Земля была главным вознаграждением за службу: военного не держали на жаловании, не нанимали на срок; его испомещали, наделяли участком с определенным доходом, по возможности, недалеко от вероятного поля новой борьбы. Устройство крестьян в восточных государствах также зависело от характера завоеваний. Прежде всего правители заботились о привлечении земледельца на пустыри или в отнятые у врага, не вполне замиренные и неспокойные области, наделяли его богато

землей, помогали при первоначальном обзаведении. Но потом государство более всего старалось о том, чтобы снабдить своих военных людей постоянными рабочими для обработки земли: поэтому оно помогало помещикам задерживать на своей земле перехожих земледельцев и пользоваться барщиной соседних крестьян, другими словами, помогало установлению *крепостного права*.

Восточно-европейские государства далеко не соблюдали мирных отношений между собою. Те из них, которые лежали на обеих окраинах, восточной и западной, Москва—с одной, Австрия и Пруссия—с другой стороны, напирали с успехом на средние: Швецию, Польшу и Турцию. В начале XVIII в. Московское государство отняло у Швеции прибрежную полосу, отделявшую его от доступа к Балтийскому морю; в то же время Пруссия завладела устьем Одера (западной Померанией), отняв его также у Швеции. На юге, частью в совместных войнах, Россия и Австрия в течение XVIII в. отнимали у Турции земли по Дунаю, южнорусским рекам и побережью Черного моря. Наконец, все три державы, Пруссия, Австрия и Россия, пользуясь смутами в Польше, в ряде последовательных разделов (1772, 1793, 1795) разобрали по частям всю большую территорию Польского государства.

Возникновение Прусского государства. Самой новой из восточных держав была Пруссия. Она образовалась из соединения Бранденбурга (по среднему Одеру с г. Берлином) и собственно Пруссии (между Нижней Вислой и устьем Немана с г. Кёнигсбергом), когда-то земли Тевтонского ордена, обратившейся в светское герцогство, зависимое от Польши. В начале XVII в. курфюрст бранденбургский из дома Гогенцоллернов получил Пруссию по наследству, так же как еще небольшое владение по обе стороны нижнего Рейна (Клеве). Эти разрозненные три куска территории обозначают всю линию позднейшего государства, которое заполнило потом пробелы между ними.

Бранденбург принадлежал к числу германских областей, наиболее пострадавших в тридцатилетнюю войну. Нигде не было такой массы заброшенных местностей, лишенных населения. Для хозяйственного под'ема страны много сделал Фридрих Вильгельм, прозванный «великим курфюрстом» (1640—1688), современник Людовика XIV и родственник Вильгельма Оранского. После разорения Бранденбург нуждался в колонизации; поэтому его правители заняты были привлечением поселенцев, хотя бы из других стран. Они охотно принимали протестантов, гонимых в Австрии и Франции. Увлекаясь меркантилизмом, они старались во что бы то ни стало привить в стране мануфактуру. В этом отношении курфюрсту оказала важную услугу отмена Нантского эдикта; масса гугенотских эмигрантов, большею частью люди промышленных профессий, были им приняты после 1685 г. и составили значительную колонию в Берлине и других местах.

Промышленные цели указали прусским правителям характер и направление их войн и захватов. Главные реки средней Европы имеют однообразное

направление к северу, впадая в Северное и Балтийское моря: Прусское государство образовалось из клочков на всех этих реках, Немане, Висле, Одере, Эльбе, Везере и Рейне, но везде почти прусская территория лежала на средине реки, между тем как устьями владели другие, частью шведы, получавшие доход с вывозных пошлин. Политика Пруссии состояла в том, чтобы овладеть низовьями и выходами к морю ради сбыта своих продуктов и прямых сношений с морскими государствами. Там, где Пруссия не могла надеяться на военные успехи, на далеком Рейне, она искала дружбы и союза с торговой Голландией. Курфюрст помогал сначала шведам против Польши, потом полякам против Швеции; этим способом он освободил свою восточную область от вассальной зависимости и развязал себе руки в Кёнигсберге. Затем он принимал участие в больших европейских войнах, поднимавшихся из-за притязаний Людовика XIV, в качестве союзника Голландии и Австрии, но готов был безразлично получить вознаграждение за помощь от голландцев или отступное от французского короля. Опять он имел против себя шведов, угрожавших с померанского побережья. Только его внуку удалось отнять у шведов устье Одера.

Для всех этих предприятий надо было располагать большим войском. Курфюрст зависел во всем, что касалось набора солдат и содержания армии, от *земских чинов* (ландтага) отдельных областей, состоявших из дворян и богатых горожан. Особенно он был стеснен в Пруссии, окруженной польскими владениями. Когда местное дворянство вступило в сношения с польской аристократией, курфюрст должен был обещать, что не будет начинать войны, вводить в страну чужих солдат, установлять новые налоги иначе, как с согласия ландтага, при чем собрания его должны происходить каждые два года и даже в том случае, если сам курфюрст не будет его созывать. Однако, курфюрст постоянно нарушал это обещание и распоряжался самовольно, не справляясь с ландтагами.

Воюя с дворянством на собраниях чинов, курфюрст давал ему полный простор в деревне над крестьянами. В восточно-немецких областях, на колонизованной окраине Германии, рыцарь-помещик, «юнкер», был непохож на французского сеньёра. Он сидел в самой деревне, владел землею чересполосно с крестьянами и не имел других доходов, кроме сельского хозяйства: по большей части он сам энергически распоряжался работами и заправлял именем. Еще до тридцатилетней войны здесь постарались прикрепить крестьян к земле. Небольшая старинная барщина, 6—8 дней в году, разрослась до нескольких дней в неделю. Были местности, в которых крестьяне работали на собственной земле в лунные ночи. В деревню запрещено было принимать свободных людей; крестьяне обязаны были отдавать младших детей в дворовую службу, а сами, на своих лошадях и телегах, справлять полевую работу и отвозить зерно в господские амбары. Многие крестьяне не имели наследственного права на занимаемую землю, получали ее по усмотрению помещика, большею частью в

пожизненное пользование. Со смертью такого крестьянина помещик часто оставлял участок незамещенным и присоединял землицу к своему имению, снося при этом строения крестьянского двора. Эти «прикапчивания крестьян» стали очень часты после тридцатилетней войны. От ужасов солдатских грабежей и насилий крестьяне разбегались, и в стране всюду оставались пустыри. Когда после замирения владельцы и рабочее население опять возвращались на старые места, помещики большею частью присоединяли себе пустыри, не обращая внимания на то, что на них раньше были крестьянские дворы. Забранные мелкие участки они складывали в большие отделения своего поместья, *форверки,* которые отдавались в аренду.

Прусская бюрократия. Преемники курфюрста Фридриха Вильгельма *короли прусские* (этот титул был получен с согласия императора в 1700 г.), держались и во внешней, и во внутренней политике указанных им приемов: лавировали между европейскими державами, на законном основании поддерживали своего императора, т.-е. Австрию, против Франции, а при случае без всякого закона и права опирались на Францию против Австрии, и в моменты общих усложнений отрывали себе новый кусок территории. Для таких моментов имелось наготове войско, непомерно большое сравнительно с общим количеством населения и доходами небогатой страны. Внук великого курфюрста, король Фридрих Вильгельм I (1713—1740), при общем составе населения в два миллиона, держал под ружьем 80.000 солдат, из них около 30.000 иностранцев. Фридрих-Вильгельм образовал одну «высшую финансовую, военную и вотчинную Директорию», которая должна была заведовать расходами и доходами государства. Так как доходы с бранденбургских «песков» скудны, и каждая выколоченная копейка должна стоять на счету, король сам хотел подать пример своей жизнью; бережливый до скупости, он был беспощадно требователен к подчиненным. Чиновникам положено небольшое жалованье, но они должны неотступно работать. Присутствие в Директории начинается с раннего утра, за опоздание полагается большой штраф. Общее правило службы—«не рассуждать».

Сам король работал без устали и старался везде поспеть со своим неумолимым надзором: каждый день он проводил 4—5 часов в кабинете за докладами и писанием резолюций, потом отправлялся ходить или ездить по улицам Берлина, при чем и тут спутники должны были говорить с ним о делах; между тем он зорко высматривал, как идут работы в столице, которую он хотел видеть обстроенной большими домами, стоят ли на месте часовые, нет ли на улице праздных фланеров, а если встречал таковых, то бивал немилосердно палкой. Время от времени король совершал внезапные наезды по провинциям, чтобы захватить врасплох какого-нибудь полковника или судью, или вотчинную контору.

Та же система личного вмешательства короля во все части управления,

неумолимой строгости к подчиненным продолжалась и при его сыне, знаменитом Фридрихе II (1740—1786). В молодые годы он сильно повздорил с отцом, хотел бежать, был посажен в крепость, и страшный король чуть не казнил сына. Они разошлись из-за несколько легкомысленной жизни молодого принца и его сочувствия к французской литературе, которой не терпел отец. Но они были родственными натурами: сын гораздо способнее, великий полководец, искусный дипломат; как современник французских просветителей, он окружил себя другой обстановкой и вызвал к себе Вольтера. В армии король требовал безусловного повиновения; самостоятельность у офицера ему казалась почти таким же преступлением, как отсутствие дисциплины у солдата. В войске Фридриха II все выучились слушаться, никто не научился командовать. Фридрих сам просматривал все доклады по управлению, вычислял доходы и проверял расходы. Страна давала немного дохода, не более 17 миллионов; несмотря на несколько войн, он сумел сберечь 60 миллионов и в то же время содержать армию до 200.000, одну из самых больших в Европе.

Внешняя политика Фридриха II. В первый же год своего правления (1740) Фридрих II воспользовался затруднением Австрии, где по смерти императора Карла VI, последнего мужского представителя Габсбургов, наступило полное распадение областей, лишь внешним образом сшитых между собой династией. Венгрия не хотела признавать права его дочери, Марии-Терезии, императорскую корону старался захватить баварский курфюрст, его поддерживали французы, завладевшие Нидерландами и Богемией. Фридрих II занял в этой общеевропейской войне за *австрийское наследство*—Силезию, мануфактурный край по верхнему Одеру и Судетам. Он и удержал эту область, несмотря на то, что со всеми остальными противниками Австрия заключила выгодный мир, при чем возвратила себе другие владения. Скоро австрийской дипломатии удалось заключить союз со своим недавним противником, Францией, привлечь Россию и выработать план уничтожения небольшого прусского государства. Против Фридриха была также Швеция и саксонский курфюрст (одновременно занимавший польский престол, при чем Польша не участвовала в войне). Он был таким образом окружен врагами и получал помощь только от Англии, где Питт, из-за вражды с Францией, решил посылать ему субсидию.

В *семилетней войне* (1756—1763) вполне раскрылся военный гений Фридриха. Все спасение его заключалось в быстроте действий на разных флангах, так как взятые вместе его противники имели громадный перевес сил. Война началась удачным вторжением Фридриха в Богемию. Но нападение русских с востока, французов с запада заставило его отступить вглубь своих владений. Стараясь предупредить соединение врагов, он нанес им всем по сильному поражению (русским при Цорндорфе в Восточной Пруссии, французам при Росбахе в Саксонии). Но русские, под начальством Салтыкова, все же соединились с австрийцами и разбили Фридриха при Кунерсдорфе. На четвертый год войны,

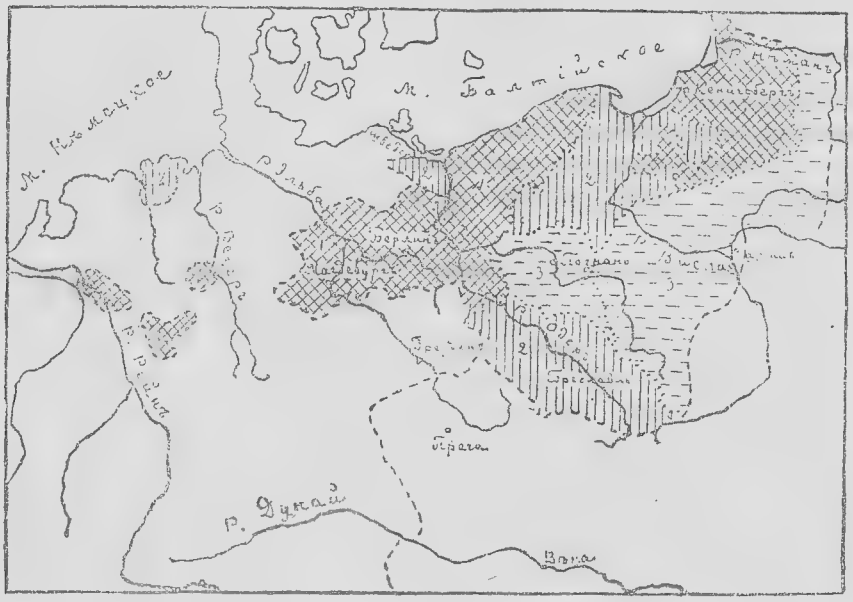
когда осталась лишь треть прежней армии, положение Фридриха было критическое; русские заняли Восточную Пруссию, австрийцы—Силезию, король был замкнут в истощенном центральном крае. Его спасли два обстоятельства: смерть враждебной ему императрицы Елизаветы Петровны (1761 г.) и воцарение Петра III, большого поклонника прусского короля, а затем отступление от союза Франции, которая заключила отдельный мир с Англией. Фридрих, правда, потерял субсидии, получавшиеся от Англии, но зато остался лицом к лицу с единственным врагом, Австрией. В 1763 г. они помирились, и Силезия окончательно была предоставлена Фридриху.

Менее чем через 10 лет он уже сумел войти в соглашение со своими недавними врагами, Австрией и Россией, побудил их к (первому) разделу Польши и взял себе при этом важную долю (1772); полученная им Западная Пруссия по левому берегу нижней Вислы соединяла Восточную Пруссию с Померанией и Бранденбургом; главные области королевства приобрели, наконец, сплоченную форму.

Внутренняя политика Фридриха II. Управление и после этих крупных приобретений оставалось то же самое. О равенстве прав не было и речи в государстве Фридриха II. В его войске, державшемся на палочной дисциплине, офицеры могли быть только из дворян. Поэтому король не затрогивал владельческих прав дворянства, и особенно крепостного права. Он боялся, что крестьяне, будучи освобождены, станут уходить с земли в города, в промыслы, в другие страны; он боялся даже решительных действий на собственных коронных землях, чтобы не взволновать крестьян помещичьих и не вызвать этим недовольства дворян. Только одно соображение перевешивало этот страх. Разоренные деревни не могут кормить военной силы государства. Напротив, если крестьяне будут обеспечены в своем владении и зажиточны, они могут больше давать солдат в армию, а их дома—служить для расквартирования войска. Поэтому, когда после разорительной семилетней войны помещики воспользовались опустением деревень и опять начали сносить крестьянские дворы, Фридрих II взял крестьян под свою защиту. Он запретил, под каким бы то ни было видом, присоединять крестьянские участки к господской земле или соединять вместе несколько мелких дворов. Всюду, где находили у помещика фольварк, получившийся из соединения нескольких крестьянских участков, его тотчас же опять разбивали и требовали помещения на месте прежнего количества крестьян.

Эта защита крестьян не принесла большой пользы, король не дал права крестьянам защищать свои владения перед судами: чиновники спрашивали только о количестве крестьянских участков в имении и требовали удержания этого количества, невзирая на то, что делает помещик с наличными крестьянами, а он нередко перемещал их с хорошей земли на худшую, вынимал этим способом чересполосные участки и все-таки округлял свое владение.

Старый король бессильно бился против злоупотребления. Он был убежден в негодности и продажности чиновников, беспощадно бранил их, но верил в силу внезапных расправ и устрашений. Поповоду процесса мельника Арнольда, обиженного соседом-помещиком, который был также местным ландратом (исправником), король вмешался лично, отдал приговор судебной палаты пересмотреть полковнику, посадил судей в крепость, а министра юстиции прямо с аудиенции отрывистым возгласом отправил в отставку.



Возрастание Пруссии в XVIII в. 1—Бранденбург и Восточная Пруссия при смерти великого курфюрста (1688). 2—приобретения Фридриха II (и его отца): часть шведской Померании, Силезия и Западная Пруссия. 3—приобретения по второму и третьему разделу Польши (Познань, Великая Польша, Мазовия и часть Литвы).

После смерти Фридриха II от двух новых разделов Польши (1792—1795) Пруссия увеличилась вдвое, но государство было слабо. Созданное непрерывными усилиями своих суровых, исполнительных правителей, чисто бюрократическое, оно не допускало ни малейшего участия общества в управлении. Когда умер страшный владыка чиновников, при его ничтожном преемнике Фридрихе-Вильгельме II (1786—1797) в администрации начались беспорядки и распущенность.

VI.

Австрия в XVII и XVIII в. в. Католическая церковь.

Государство Габсбургов в XVII и XVIII в.в. Австрия была так же военно-земледельческим государством, как и Пруссия, но представляла известные отличия от нее. Она была гораздо крупнее и населеннее, и ее составные части были еще более разбросаны. Главная масса лежала по среднему Дунаю и его притокам между восточными Альпами и Карпатами: собственно австрийское герцогство, Тироль, Штирия, Богемия, Венгрия, Трансильвания и Кроация. Но затем были отделенные от этой группы владения в южной Германии, тянувшиеся до самой границы с Францией; отрезаны были Бельгия, Милан. С 30-х годов XVIII в. австрийский принц сидел в Тоскане, области прежней флорентийской республики, обмененной на Лотарингию, которую уступили Франции. Пруссия не составляла отдельной нации, а в австрийских землях, напротив, было несколько весьма чуждых друг другу наций: бельгийцы, итальянцы, немцы, венгры, румыны, несколько славянских племен, между ними чехи, словаки и хорваты (кроаты), позднее поляки и русины. В каждой стране господствовал свой язык и особые учреждения. Управление было раздроблено; для каждой области имелся свой канцлер, или главный министр, который ведал только ее интересы; насчитывалось 20 отдельных государственных касс.

Между тем как Франция угрожала австрийским Нидерландам, на другом, восточном фронте у Австрии был постоянный враг в лице турок, обычных союзников Франции. До конца XVII в. турки имели перевес, и владения их простирались до Будапешта и карпатских отрогов, занимая большую часть Венгрии. Они не раз угрожали Вене. В 1683 г. по соглашению с Людовиком XIV большое турецкое войско осадило столицу Габсбургов и отошло только потому, что на выручку Вене явился польский король Ян Собеский. Но после этого австрийцы успешно двинулись вперед и в течение 15 лет отвоевали Венгрию и Трансильванию. В XVIII в. эти войны с турками, отчасти в союзе с Россией, продолжались; они имели ту же цель, как и русско-турецкие войны: приобрести новые территории, для Австрии, главным образом, по течению Дуная, и придвинуться к южным морям, Адриатическому и Черному.

Австрии приходилось защищать чрезвычайно длинную и извилистую военную границу. Она постоянно вооружала огромные армии, пользуясь, главным образом, крестьянством своих отсталых восточных областей. Но чтобы собрать военные средства, надо было столковаться в отдельности по областям с земскими чинами, в среде которых преобладали крупные землевладельцы. Из этого же сильного по влиянию класса императоры набирали состав служащих при дворе, в войске, в администрации. Другой опорой австрийских

Габсбургов было католическое духовенство, располагавшее земельными владениями и массой монастырей. В интересах католичества Габсбурги истребили в Австрийском герцогстве и в Богемии протестантское учение. Но розыск и гонение на сектантство помогли также помещикам установить строгий надзор за крестьянами и увеличить их повинности; настоящее крепостное право установилось в Богемии, Моравии и Силезии как раз благодаря тяжелой тридцатилетней войне, после которой помещики стали так же, как в Пруссии, забирать пустыри, пользуясь разорением, и умножать свою господскую долю земли. Находясь в союзе с косными силами аристократии и католического духовенства, Габсбурги составляли одно время самое неподвижное правительство во всей Европе. Сложился какой-то особый тип государя и двора, чопорный и мрачный, застывший в скучных церемониях, который более всего выразился в лице императора Леопольда (1657—1705).

Крепостное право в австрийских землях. Войны, однако, вызывали постоянно один вопрос, который выводил даже австрийское правительство из его апатии. В половине XVII в. было решено ввести правильную подать, *контрибуцию,* для военных нужд. Со всех деревенских угодий уже брал свою бо́льшую долю землевладелец, взимая с крестьян оброки и еще пользуясь барщинным трудом того же рабочего люда, прикрепленного к земле. Новый получатель,— правительство старалось выкроить теперь новую долю для себя из того же труда и дохода. Оно не могло при этом не обратить внимания на то, что помещики уже сильно обременили крестьян. О том же самом наглядно напоминали частые мятежи крестьян, избиения помещиков, многочисленные побеги сельского населения в Польшу и Венгрию, образование из его среды разбойничьих шаек.

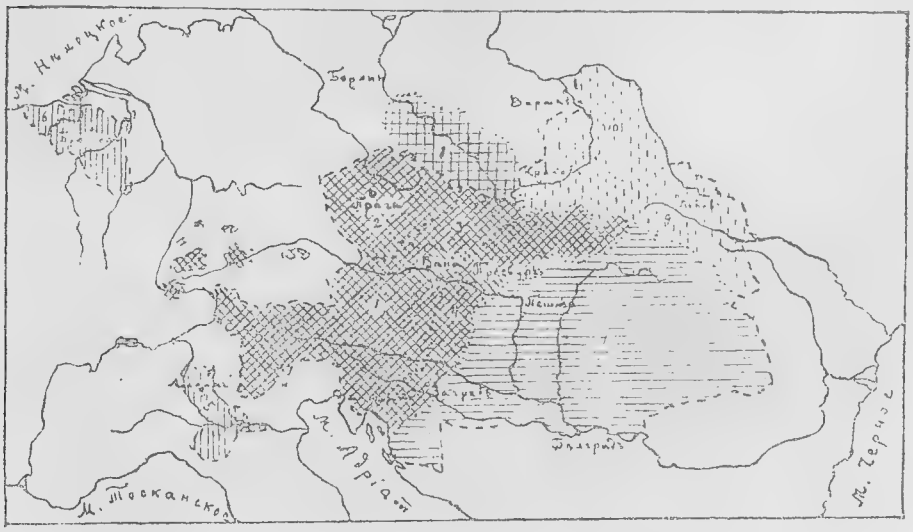
При Леопольде I жестоко наказывали мятежных крестьян, но правительство также решило ограничить произвол помещиков *указом о работе* (барщине). Указом запрещалась работа по праздничным дням, барщина допускалась три дня в неделю; владелец не должен был возвышать оброков, не должен был платить за работу господскими продуктами, захватывать крестьянские наследства и налагать тяжелые наказания. Указ остался мертвой буквой; никто не следил за его выполнением; владельцев приглашали «по-христиански кротко» обращаться с крепостными, за что им было обещано «благословение Божие». Вместе с тем уничтожили право крестьян жаловаться на помещиков, и крепостной порядок в Австрии достиг самой тяжкой степени.

Внешние затруднения заставили австрийское правительство приняться за решительные реформы. Императрица Мария-Терезия (1740—1780 г.г.) чуть не потеряла всех австрийских земель. Она спасла западные области (кроме Силезии, отнятой Фридрихом II) только тем, что на востоке уступила возмутившимся венграм и вернула венгерскому дворянству его старые вольности; а в их числе было постановление сейма 1514 г., которое установило полную кре-

постную зависимость крестьян. Габсбурги предоставили Венгрию самой себе и пожертвовали ее крестьянами.

Зато в западных, собственно австрийских землях были предприняты важные изменения, чтобы сплотить их в настоящее государство. Учредили общеавстрийский государственный совет, общую придворно-государственную канцелярию, общие министерства. Области были разделены на округа, в которых появились правительственные чиновники для сбора податей вместо прежних выборных комиссаров от землевладельческой аристократии. Окружные начальники получили полномочия принимать от крестьян жалобы, разбирать их столкновение с помещиками, уничтожать приговоры вотчинного (помещичьего) суда, если он присуждал крестьян к телесному наказанию.

Реформы Иосифа II. В комиссиях, которые назначала Мария-Терезия для расследования крестьянского вопроса, появились люди, весьма далекие от



Возрастание Австрии в XVIII в. 1, 2, 3, 4, (собственно австрийские земли, Богемия, Моравия, западная Венгрия)—владения Габсбургов в конце XVII века, 5 и 6 (Милан и Бельгия)—приобретения в войне за испанское наследство. 7—восточная Венгрия и Трансильвания, отнятые у Турции. 8—Силезия, потерянная Австрией в войне с Пруссией. 9 и 10—Галиция и Малая Польша, полученные по первому и третьему разделу Польского государства.

помещичьих интересов, которые указывали на то, что крестьянство, как трудовой и платящий класс, важнее для государства, чем сеньеры и дворянство. Мысль об увеличении платежной силы крестьянина привела правительство к более широкому вопросу об *освобождении крестьян*. Сын Марии-Терезии, будущий император Иосиф II, ее соправитель в последние 15 лет, ученик французских философов, считал, что во имя «естественного права» каждый труди-

щийся на земле должен иметь необходимый уровень достатка. В его глазах крепостные порядки были «холопством, подлыми узами, связывающими человека».

Через год после воцарения Иосиф II (1780—1790) провел *личное освобождение крестьян* для Богемии, Моравии, Крайны и Галиции (приобретенной по первому разделу Польши). У помещиков отняли те сборы и пошлины, которые взимались с крестьян при их вступлении в брак, при перемене ими места или выборе нового занятия, напр., переходе к ремеслу; крестьяне получили свободу передвижения.

Но еще оставались барщины и повинности на помещиков. Считая крестьян самым производительным классом, Иосиф предполагал две реформы: 1) подвести помещиков под одинаковые с крестьянами условия подати, ввести *равный для всех налог* без из'ятий и 2) перевести работу и повинности крестьян на деньги, обратить их в известный налог, платимый помещиками, иначе говоря, *выкупить повинности,* чтобы высвободить время, труд и средства крестьян на собственное хозяйство. Однако, придворная канцелярия и государственный совет в торжественной форме высказались против намерений императора. Тогда Иосиф об'явил, что оба высшие учреждения не способны «видеть свет истинного блага государства сквозь темные предрассудки и эгоистические понятия». Почти одинокий, проводил император свои решения. Сначала вышел указ об уравнении податей для всех классов, а потом о выкупе барщины и натуральных оброков, или о так наз. *регулировании рабочих отношений.*

Указы Иосифа II вызвали сильное раздражение землевладельцев. Высшие классы были также встревожены другими его мерами. Проникнутый идеями просветительной литературы, Иосиф II хотел установить веротерпимость в Австрии. В самом начале правления своего он отменил стеснения для протестантов, православных и евреев. Иосиф II был также прямым врагом влияния католического духовенства. Когда папа, встревоженный реформами императора, приехали в Вену, его встретили с большим почетом, но не сделали ему ни малейших уступок. Иосиф II закрыл из 2000 монастырей до 1300 и обратил их доходы на пользу благотворительных и просветительных учреждений, уменьшил содержание епископов, отнял у иезуитов школы. Он запретил отсылать из страны деньги в виде уплаты за папские диспенсации (разные освобождения от церковных правил) и об'явил себя управителем всех светских дел церкви.

В реформах Иосифа II, задуманных во имя начал равенства, справедливости и человечности, был один большой недостаток. Император хотел просветить массу и улучшить материальный быт ее, но он был уверен, что сам знает лучше всего, как это сделать. По его мысли, земли австрийской короны, несмотря на все различие национальностей и старинных учреждений, должны были составить одно неразрывное целое, управляемое однообразными способами. Управление поручалось комиссарам, назначенным от правительства; для императора как бы не существовали областные конституции и собрания. Ради одно-

образи в государственных делах Иосиф вводил всюду, в качестве делового языка, немецкую речь, чем крайне восстановил против себя венгров.

Совершая крупную ломку внутри, Иосиф II вместе с тем повел широкую завоевательную политику. В иностранных делах он также не стеснялся обычаем, стариной, интересами народностей; это была та же политика захвата, что у Фридриха II. Иосиф II выработал вместе с Екатериной II так наз. греческий проект, т.-е. план разделения Турции, с передачей России всего черноморского берега и водворением в Константинополе русского великого князя, между тем как Австрия должна была получить другую часть Балканского полуострова, прилегающую к Адриатическому морю. Выполнение этих планов требовало большого военного напряжения: турки сами вторглись в Венгрию; лишь после больших усилий их оттеснили и взяли у них Белград.

Вместе с тем начались внутренние неудачи. Особенно трудно было положение в отдаленной Бельгии. Пользуясь отозванием большей части имперских войск для борьбы с Турцией, две патриотические партии, католическое духовенство и демократы, начали восстание: на голландской границе собрался отряд эмигрантов. Иосиф II двинул австрийскую армию в Бельгию и предписал ее начальнику неумолимую строгость. Все жители должны быть обезоружены; у эмигрантов отбираются владения; поддержка восстания наказывается смертью; доносчики получают полное прощение и большую награду.

Однако же, австрийские войска были разбиты восставшими, и в Брюсселе провозгласили независимую республику. Иосиф II, давно уже прихварывавший, потрясенный этими событиями, умер. Его преемник Леопольд II, чтобы спасти целость государства, пошел на уступки: главным образом, он оставил без применения указ о регулировании повинностей в северной части Австрии (Богемии, Моравии и Галиции), т.-е. повернул назад все дело освобождения крестьян.

Закрытие ордена иезуитов. В конце XVIII в. старая Европа с ее сложившимся порядком, привилегиями высших классов, с различными стеснениями, тяготевшими над обществом и отдельными личностями, была накануне общего переворота. В числе расшатанных старых сил была католическая церковь, когда-то самая крупная держава в Европе, урезанная реформацией наполовину своей территории, но в другой половине, состоявшей, главным образом, из романских стран, сохранившая часть своих доходов и своего влияния.

В XVII в. иезуиты работают еще во всех областях науки, посеевают за умственным движением, стараются примирить требования науки с интересами церкви. В XVIII в. они уже далеко отстали от хода просвещения: новые наставники общества, «философы», частью их бывшие ученики, как Вольтер, превосходят их без сравнения блеском языка, тонкостью мысли, свободой критики.

По отношению к этой ослабевшей церкви государственная власть стала гораздо решительнее. Людовик XIV не мог потерпеть, чтобы авторитет папы

считался выше власти его, государя. На той же точке зрения стояли и другие короли в XVIII в., особенно Иосиф II. Более всего раздражал светские правительства орден иезуитов, который подчинялся только своему тайному закону и слушался неуловимого, как бы невидимого главы своего, генерала в Риме. Он имел богатые плантации в Америке, в его распоряжении были крупные капиталы, частью вложенные в торговлю, были свои банкирские дома. Их обороты ускользали от обложения налогами и не приносили никакой пользы государству.

В средине XVIII в. в романских странах, Франции, Испании и Неаполе, правили представители бурбонской династии, державшиеся известного соглашения между собою. Они потребовали пересмотра правил иезуитского ордена и изменения тех из них, которые расходились с интересами государства. Генерал ордена, Риччи, оказался непримиримым и ответил: «Пусть они останутся такими, как есть, или пусть их вовсе не будет». Тогда бурбонские правительства начали закрывать дома иезуитов, отбирать их торговые заведения и изгонять членов ордена из пределов государства. Всего резче поступал в Португалии министр Помбаль, притянувший всесильных при дворе и в стране иезуитов по обвинению в заговоре на жизнь короля (1759 г.) и применивший к ним все ужасы инквизиционных допросов, пыток и наказаний. Наконец, романские правительства настоятельно потребовали у папы отмены и распущения ордена. Враждебный иезуитам, бывший францисканец папа Климент XIV в 1773 г. уничтожил общество Иисуса.

Это был шаг очень важный для католичества. Всюду в католических странах закрытие общества сопровождалось реформами, при помощи которых государственная власть старалась взять верх над церковью. Помбаль сократил права инквизиции, отменил сожжения еретиков и подчинил приговоры духовных судов светским. Особенно важны были попытки преобразования школы, до тех пор находившейся в исключительном распоряжении монахов. Помбаль, большой поклонник нового просвещения, настойчиво хлопотал о приглашении новых светских учителей, взамен воспитанников иезуитских коллегий, о введении новых учебников и новых способов преподавания. То же самое повторил несколько позднее Иосиф II.

Просвещенный абсолютизм. Новые просветители, государи и их министры, вообще невысоко ценили самобытность подданных и имели преувеличенное понятие о своей воспитательной роли. Неограниченная монархия провела немногие реформы в судопроизводстве, в церковном строе, в школьном деле; из всех правителей только один Иосиф II затронул крестьянские отношения. Но и этот самый решительный реформатор не предполагал предоставить освобожденному классу общества самоуправление. Основные черты всех действий просвещенных правительств XVIII в.—самовластие, канцелярская

тайна, исполнение через чиновников, исключительно зависящих от назначения и контроля верховной власти.

В середине XVIII века направители общественного мнения, напр., Вольтер, ожидали реформы от государей и министров, «друзей просвещения». Иные настроения заметны в среде нового общества, которое сложилось к концу XVIII в.: его деятели принесли с собою *демократические* идеи и осуществили *революцию,* начавшуюся в Америке в 70-х годах XVIII в. и прошедшую в течение 60—70 лет через бо́льшую часть европейских стран.

VII.

Северо-американская революция.

Новое демократическое общество сложилось впервые не на почве старой Европы, где трудно было пробить веками укрепившиеся сословные различия и подчиненность рабочих классов, а в Америке, стране, которая не имела истории, где люди начинали строить свою жизнь заново. Наилучшие условия для развития демократии и свободы личности представляла английская Америка. Ее пример оказал сильное действие и на Европу.

Английские колонии. Англичане позже других наций Европы обратились к колонизации Нового Света, но далеко превзошли в ней всех остальных европейцев. Они не искали в колонизуемых странах, как испанцы, золотых и серебряных рудников или, как португальцы и голландцы, рынков для покупки и перевоза в Европу редких и ценных товаров; английские колонисты добивались более всего свободных земель для обработки. Северная Америка вместе с тем гораздо доступнее для европейцев, чем центральная и южная области, куда направились испанцы; у нее тот же умеренный климат, что в Европе, обилие лесов и травянистых степей, большие пресно́водные озера и реки. Середина Северной Америки расположена против Англии, и переезд через Атлантический океан составляет здесь кратчайший путь из Евро́пы в Новый Свет. Вместе с тем ближайший к Европе американский берег открывает множество безопасных бухт и гаваней. К нему прилегает обширная страна, в глубь которой движение может итти легко и беспрепятственно: две огромные водные системы, Миссисипи и св. Лаврентия, сплетаясь вместе, образуют из восточного угла ее как бы большой остров, отовсюду доступный и прорезанный судоходными реками во всех направлениях. В то время, как юг Америки богат драгоценными металлами, север изобилует железом, каменным углем, строительным материалом, т.-е. важными средствами для развития индустрии.

В Южной и Центральной Америке испанцы встретились с густым оседлым туземным населением и основали свое господство на захвате чужого богатства и чужой культуры; они проявили большую энергию при завоевании, но потом опустились в апатию. Колонисты Северной Америки нашли редкое полукочевое население охотничьих племен, у которых нечего было взять; они впервые своей работой и искусством поднимали естественные богатства страны и заново создавали культуру.

Прочные колонии англичан начинаются со времени Якова I, в двух местах, у глубокой Чизапикской бухты в Виргинии и на берегу нынешнего штата Массачусетс, в местности, получившей название Новой Англии. К ним присоединились в течение XVII в. другие колонии, расположенные между этими двумя пунктами и южнее Виргинии, до испанской Флориды. Все эти колонии, позднейшие штаты великой северо-американской республики, возникли независимо друг от друга, каждая со своим самостоятельным выходом к морю. Сначала право основывать колонии передавалось торговым компаниям, которые брались перевозить колонистов и устраивать их на новом месте, и крупным собственникам, покупавшим у короля или получавшим в виде подарка территорию. Нетерпимые и склонные к деспотизму дома, Стюарты, уже вследствие дальности расстояния и невозможности отправлять большие военные силы в колонии, должны были предоставлять им простор. В 1620 г., при Якове I, когда теснили пуритан, английские сектанты, бежавшие в Голландию, получили позволение устроиться на компанейской земле в Америке.

Колонисты сразу вступали в условия гораздо большей свободы, чем в самой Англии: здесь не было права первородства, земля могла свободно переходить из рук в руки, пользователи платили лишь небольшую аренду. В дикой стране, где всякому приходилось упорно работать, не было места для особых отличий и привилегий. Колонисты с самого начала, или очень скоро, становились в положение, независимое от владельческих компаний и лордов-собственников: сходились на собрания, обсуждали распоряжения собственников или поставленных ими наместников, сопротивлялись налогам и ограничивали губернаторов определенным жалованьем.

В строе колоний были также заметны большие различия. Во время религиозных и политических столкновений XVII в., происходивших в Англии, американские колонисты в своей среде воспроизводили все партии родины: виргинские табачные плантаторы были преимущественно кавалерами и англиканцами, в Новой Англии были сторонники парламента и республики, пресвитериане и индепенденты. В Виргинии и других южных областях (Сев. и Южн. Каролине и позднее основанной Георгии) с самого начала стали применяться в тяжелой работе на плантациях невольники-негры, ввозимые из Африки. В пуританских колониях существовал только свободный труд, но кальвинисты Массачусетса воспроизвели у себя всю ветхозаветную суровость: беспощадно

истребляли краснокожих туземцев, преследовали всякие развлечения и игры, чтили строго субботний день и массами казнили мнимых колдунов и ведьм. От них ушли и образовали самостоятельную колонию в Род-Эйленде люди более свободного направления: в новой колонии *церковь была отделена от государства*, т.-е. проповедникам было предоставлено только обучение и увещание, и проведена свобода совести. Основатель Пенсильвании, богатый банкир-квакер Пенн, установил в стране начала своей секты: присяга была заменена честным словом, церковный брак—чисто гражданским утверждением, в школах должны были изучаться законы страны; людям всех наций были предоставлены одинаковые права.

Английские колонии в Северной Америке. А—земли, уступленные Францией по Парижскому миру 1763 года. Колонии, образовавшие позднее Соединённые Штаты: 1—Массачусетс, 2—Нью-Йорк, 3—Род-Эйлен, 4—Пенсильвания, 5—Виргиния, 6—Северная, 7—Южная Каролина, 8—Георгия.

Резко расходясь, нередко враждуя между собою, американские колонисты проникнуты были одинаковым чувством независимости по отношению к ро-

дию, и притом безразлично, каково бы ни было в ней правительство: неограниченная монархия, парламентское правление или республика. Когда революция 1688 г. обеспечила в Англии конституционное правление, за колониями была признана самостоятельность. Всюду установился порядок, похожий на Англию того времени: губернатор колонии, ограниченный подобно королю, при нем совет и законодательная палата народных представителей.

Почти не вмешиваясь в управление колоний, метрополия старалась извлечь из них для себя все торговые и промышленные выгоды. В силу навигационного акта воспрещалось вывозить продукты колоний (табак, рис, меха и др.) куда-либо, кроме Англии; точно также все необходимые колониям товары они должны были получать на английских кораблях из метрополии или при ее посредстве. Вполне рассчетливо в Англии не хотели раздражать колонистов назначением прямой подати. Так поступал Уольполь, державшийся убеждения, что весь недобор английской казны с избытком вернется благодаря успеху английской индустрии. Действительно, Англия получала огромную выгоду от дешевой покупки сырья у колоний и от сбыта в Америку своих фабрикатов по ценам, которые назначались произвольно высоко, за неимением конкурентов.

Но чем богаче и многолюднее становились колонии, тем труднее было удержать их в этой промышленной зависимости. Обходя навигационные законы, колонисты привозили бо́льшую часть товаров контрабандой, против которой правительство английское было бессильно: $^{9}/_{10}$ чая, потреблявшегося в Америке в большом количестве, покупали незаконно из других стран.

Американская революция и отпадение колоний. Между тем в Англии с воцарением Георга II (1760) и падением Питта политика относительно колоний изменилась. Новые министры решили перенести долю огромного долга, созданного войной, на Америку и с этою целью строже следить за выполнением навигационного закона, ввести в колониях постоянное войско и заставить колонистов содержать его. В парламенте эти планы встречали большею частью поддержку; лишь немногие его члены, в том числе лорд Чатам (Питт, перешедший в Верхнюю палату) были против стеснения колоний и в особенности против обложения их.

Когда английское правительство ввело пошлины на некоторые ввозные продукты, американцы ответили отказом покупать товары, привозимые из метрополии; народ не давал арестовать контрабандистов и вступал в стычки с солдатами. В Англии не хотели понять движения и решили увеличить власть губернаторов; они получили право назначать всех чиновников, судей и присяжных, а крупные уголовные дела должны были разбираться в Англии. Новый губернатор Бостона, желая сломить упорство пуританского Массачусетса, перенес его парламент в другой пункт. Но бостонский парламент успел выбрать

делегатов, которые сошлись вместе с представителями других колоний на первый *конгресс* в Филадельфии (1774).

Здесь было решено протестовать против присылки войска и ограничения суда присяжных; чтобы оказать давление на метрополию, запретили во всей Америке покупку товаров у Англии, рабов и чая у остиндской компании. Между тем английское правительство об'явило колонии на военном положении; по мнению губернаторов и чиновников, служивших в Америке, колонисты не смогут выдержать столкновения с английскими войсками. Летом 1775 г. инсургенты осадили в Бостоне губернатора с его войском, а в Филадельфии сошелся второй конгресс делегатов, который решил прекратить всякие сношения с Англией, выпустить 3 миллиона бумажных денег и вызвать ополчения; во главе американского войска был поставлен виргинец, Джордж Вашингтон. Когда в Америку пришло известие, что английское правительство вербует наемников для подавления мятежа (у мелких князей Германии было куплено 18.000 человек в солдаты), сторонники полного отделения от Англии взяли верх и провозгласили летом 1776 г. независимость.

В «Декларации независимости», составленной Джефферсоном, говорилось: «Мы считаем очевидной истиной, что все люди родились равными и получили от Творца известные неотчуждаемые права, в их числе право на жизнь, свободу и стремление к счастью; правительства установлены для того, чтобы обеспечить людям эти права, и власть их может быть признана справедливой лишь при одобрении управляемых; всякий раз, если какая-либо форма правления начнет разрушать эти права, народ в праве изменить или отменить ее и установить новое правление, основавши его на общих началах и устроив органы власти в той форме, которая ему покажется наиболее способной обеспечить его безопасность и счастье»...

Война за независимость шла долго неудачно для американцев. Ополченцы, являвшиеся к Вашингтону, большею частью согласны были служить лишь короткий срок; среди похода многие убегали, уходили даже целые полки; их плохо кормили и одевали. Это неопределенное, то нараставшее, то таявшее войско выбирало вначале само своих офицеров, не слушалось общего правительства, которое представлял конгресс. Нужно было необыкновенное терпение и такт Вашингтона, чтобы орудовать с этой милицией; несмотря на непрерывные неудачи, он умел всякий раз вновь собирать силы. Исход войны определился тем, что американцы нашли союзников, угрожавших морским сношениям англичан. Господство англичан на морях вызвало во всей Европе раздражение, в особенности во Франции, потерявшей большие свои колонии, затем в Испании и в Голландии; эти государства ждали случая, чтобы воспользоваться затруднениями Англии. В то же время дело американцев вызывало горячие симпатии в европейском обществе. Особенно сильно было увлечение Америкой среди французского общества. Личность Франклина из квекерской Пен-

сильвании, посланного конгрессом для переговоров в Париж, производила обаяние. В Америку отправлялись сторонники демократических идей: 20-летний маркиз Лафайет, будущий деятель французской революции; Сен-Симон, впоследствии социалистический писатель; Косцюшко, позднейший диктатор Польской республики.

Франция отправила в Америку войско, но, главным образом, она привела в затруднение англичан посылкой флота, угрожавшего вестиндским владениям Англии; в это время испанцы осадили Гибралтар. Враждебное положение заняли и другие державы. Екатерина II предложила невоюющим заключение «вооруженного нейтралитета» с тем, чтобы препятствовать англичанам производить осмотр чужих кораблей и задерживать их под предлогом военной контрабанды. Бессильная против восставших колоний, Англия показала большую энергию в борьбе с остальными противниками. В *Версальском* мире (1783) она признала независимость американских колоний, или штатов, как они теперь стали называться, но удержала все другие свои владения.

Конституция Соединенных Штатов. Война за независимость Америки повела к образованию большого своеобразно устроенного союзного государства из отделившихся от Англии американских колоний. До филадельфийского конгресса они были разрознены и не имели никакой определенной связи. Конгресс впервые соединил их для борьбы. Но он не имел авторитета: он не мог установить общий налог, для этого требовалось согласие каждого отдельного штата. Конгресс не имел средств расплатиться с войском; небольшой отряд мятежных солдат заставил однажды депутатов бежать из Филадельфии. Между отдельными штатами происходили резкие столкновения. Спор шел, главным образом, об устройстве торговых отношений к Европе. Северные штаты, колонии Новой Англии, главная сила которых была в торговле, хотели воспроизвести навигационные акты Англии и этим способом изгнать с рынка только что побежденного на войне противника; южные, плантационные штаты, напротив, были за свободное допущение чужих торговцев, потому что более, чем иностранцев, они боялись северян, которые сбьют цены на производимые на юге предметы: хлеб, хлопок, табак.

Слагая должность главнокомандующего, Вашингтон обратился к законодательным собраниям штатов с посланием, в котором указывал, что вся будущность страны зависит от создания крепких союзных учреждений. Под влиянием этой мысли в 1787 г., через 4 года после окончания войны, сошелся *конвент* делегатов от 12 штатов и занялся под председательством Вашингтона выработкой *федеральной конституции Соединенных Штатов*. Задача была трудная: надо было сохранить независимость штатов с их особыми учреждениями и обеспечить в то же время совместную защиту интересов большинства населения. Чтобы примирить то и другое, законодательную власть передали двум учреждениям, составившим вместо *конгресс* штатов. Из них: 1) *сенат* пред-

ставляет равенство штатов в союзе: независимо от своей величины и количества населения, каждый штат избирает в сенат двух представителей на 6 лет; 2) *палата депутатов* выражает общие интересы всей нации в целом; поэтому штаты участвуют в ней в количестве представителей (избираемых на 2 года), пропорциональном их населению: от маленького Род-Эйленда было положено избирать одного депутата, от Пенсильвании и Массачусетса по 8, от Виргинии 10 (в настоящее время, вследствие неодинакового роста населения, отношение еще более изменилось). Те и другие выборы должны производиться всеобщей и прямой подачей голосов. В то время как отдельными штатам предоставлено ведать местные интересы и постановлять по ним законы, конгресс определяет все, что касается армии и флота, торговли, пошлин, денежного обращения, почты и дорог.

Американцы воспроизвели монархическую власть в лице *президента республики,* избираемого на 4 года всеобщей, но двойной, или косвенной подачей голосов: сначала население по штатам обозначает выборщиков, которые затем, собравшись вместе, избирают большинством одного из кандидатов. Американский президент, могущий быть переизбранным на следующее четырехлетие, получил бо́льшую власть, чем английский король XVIII в.: он не зависит от палат в назначении министров.

Конституция Соединенных Штатов вошла в силу в 1789 г. с избранием первым президентом Вашингтона. Президент временно жил в Нью-Йорке и Филадельфии, но ему решено было отвести место в особом округе Колумбии, вне территории штатов (резиденцию потом назвали Вашингтоном в честь первого президента). Американская конституция осуществила политическое равенство и народное верховенство и обеспечила личную свободу граждан. Она была как бы практическим применением двух отвлеченных теорий, распространенных на материке Европы: учения Монтескьё о разделении властей и учения Руссо о народном верховенстве.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Новейшее время.

I.

Промышленный переворот в Англии.

Общественные порядки, образовавшиеся в Америке с самого начала, в старой Европе могли пробиться только после упорной борьбы. Сильным толчком к их развитию послужил промышленный переворот, который унес старые способы работы и создал новые классы. Резче и раньше всего этот переворот произошел в Англии.

Аграрный переворот в юго-восточной Англии. В первой половине XVIII в. большая часть населения Англии сидела в южных земледельческих ее областях. Всюду преобладала старая трехпольная система обработки; сельские продукты в большом количестве потреблялись в самих хозяйствах, в имениях, фермах и крестьянских дворах. На земле было много мелких хозяев. Большие поместья разделялись на участки, отдававшиеся преимущественно некрупным арендаторам. Для мелких помещиков, крестьян, также и для сельских батраков, которые жили в собственных избах, большим подспорьем были общинные земли, т.-е. пустоши и леса, принадлежавшие всем соседним владельцам сообща, где можно было брать дрова, пасти скот, распахивать полоски. Участки пахотной земли, принадлежавшие разным владельцам прихода, большею частью лежали вперемежку небольшими узкими полосами. Все хозяева должны были держаться одинакового севооборота; после жатвы снимались изгороди, разделявшие участки, и все поле обращалось в общий выгон.

В деревне же большею частью помещалась и *мануфактура*. Шерстяная пряжа, сукно, чулки, обувь, металлические вещи и т. п. приготовлялись кустарями, которые работали в своих избах, всей семьей, своими инструментами. Мастера принадлежали к деревенскому обществу и находили себе подспорье в своем огороде или пахотном участке. Большинство деревенских кустарей, однако, не имело независимого положения. Часто они не могли закупать сами

сырой материал, нужный для обработки, и получали его в кредит от скупщиков, которые увозили потом из деревни готовые вещи. Перевоз товаров на большие августовские ярмарки внутри Англии или в Лондон и к морским портам совершался своеобразно: по узким глинистым дорогам, усеянным камнями, тянулись гуськом караваны вьючных лошадей, каждая с двумя большими тюками на боках.

Этот старинный строй жизни был уничтожен теми самыми классами, которые приобрели силу с 1688 г. Лорды, заинтересованные в увеличении сбыта хлеба и шерсти за границу, стали усиленно скупать землю, расширять свои пастбища и улучшать свое хозяйство; добиваясь почета и влияния, покупали землю крупные промышленники, разбогатевшие в заморской торговле. Ученые сторонники *рационального* хозяйства усиленно рекомендовали посевы кормовых трав, разнообразный плодосмен (многополье), сильное удобрение, улучшенные плуги; они доказывали, что никакие улучшения невозможны, пока всех соседей связывает чересполосица, и пока множество земли пропадает даром в виде пустошей. Следуя этим советам, крупные владельцы обменивали свои чересполосные участки на другие так, чтобы составить сплошные пашни и луга, а главное—старались склонить всех остальных хозяев округи к окончательному *разделу общинных земель с тем,* чтобы потом *огородить* свои округленные владения и ни от кого не зависеть в ведении своего хозяйства. Раздел общинных земель и огораживания были очень невыгодны для мелких владельцев, которые теряли право на запасную землю и отодвигались в неудобные углы или на худшую почву; им оставалось уходить со своих земель, продавать их.

Вместе с вытеснением крестьянина-собственника в Англии так же стал исчезать и мелкий фермер, снимавший землю обыкновенно на срок трех жизней за невысокий годовой взнос. Крупный владелец, огородив имение, старался получше пустить землю в оборот и брать более высокую арендную плату; он удалял мелких фермеров, заменял их на своей латифундии (большом имении) одним или немногими крупными, которые уговаривались на короткие сроки, приносили с собой капитал, производили улучшения и выплачивали ему значительную ренту. Иногда 4—5 крупных фермеров завладевали всем приходом, вытесняя 30—40 мелких арендаторов и столько же мелких самостоятельных хозяев.

Наконец, переменилось положение *рабочих* в деревне. При разделе общинных земель у них отнимали участки, так как они не считались владельцами, их избы сносили и их самих выселяли. Лорду нового типа и его крупному фермеру не годились рабочие прежнего положения, как люди слишком самостоятельные; им нужны были наемники, которые бы не занимали места в имении, а являлись только на горячее рабочее время летом в нужном количестве.

Индустриальный переворот в северо-западной Англии. Часть прежних крестьян и мелких арендаторов обратилась в сельских рабочих. Другая часть ушла в колонии и в городские промыслы. В то время, как деревня стала отдавать городам множество свободных рабочих рук, расширилась и сама индустрия.

С конца XVII в. Англия вела войны, чтобы вытеснить из Америки и Азии своих торговых соперников. Скоро она стала главным поставщиком на Европу азиатских, китайских и индийских товаров, особенно фарфора и хлопчатобумажных тканей. Китайская посуда и обои, индийские раскрашенные ситцы сделались модными предметами в придворных и зажиточных кругах европейского населения. Выгода от продажи привозных хлопчатобумажных материй послужила приманкой для подражания, и в Англии скоро возникла совершенно новая индустрия бумагопрядильного и ситценабивного дела.

Старая шерстяная мануфактура была подчинена множеству стеснительных правил: надзиратели и проверщики наблюдали, чтобы ширка была определенной тонкости, а куски материи определенной ширины; мастера не могли держать более известного числа подмастерьев; не было возможности применять какие-либо усовершенствования. Перед новой хлопчатобумажной индустрией не было этих препятствий; здесь открылось широкое поле для *изобретений*. Изобретатели, большею частью самоучки, стараются прежде всего придумать способы для ускоренного приготовления пряжи. Ткач и плотник Харгривс в 1765 году заменил прялку ручной машиной, при помощи которой один рабочий мог приводить в движение несколько валиков. Предприимчивый Аркрайт, бывший парикмахер, искусно уловлявший чужие мысли, приспособил к валькам Харгривса действие водяной силы и завел первую большую бумагопрядильню, настоящую *фабрику*, в которой работало несколько сот человек. Скоро в северной Англии по течению быстроходных рек, водопадами и стремнинами сбегающих с Пеннинского хребта, возникло множество крупных бумагопрядилен.

Машина произвела переворот в устройстве труда. Скупщик, который прежде забирал пряжу у кустарей, превратился теперь в *фабриканта* и сосредоточил их работу в своей большой казарменной мастерской; множество мелких мастеров-прядильщиков, которые были не в силах соперничать с обладателем водяного двигателя, располагавшим большим количеством машин, переходили к нему на фабрику и обращались в его *наемных рабочих*. Но ткачи продолжали еще работать по избам кустарным способом. Между тем бумажные материи стали носить все классы, спрос на ситцы, коленкор и т. п. все возрастал, и явилась необходимость в новом изобретении. Врач и агроном Картрайт придумал (1785 г.) механический ткацкий станок, ускорявший в той же мере приготовление материи, как раньше машина Харгривса ускорила прядение. Тогда мелкие мастера-ткачи, не имея средств завести себе станок, стали поступать в наемные рабочие к обладателям больших ткацких машин.

К концу XVIII века наряду с водяным двигателем стали применять новую

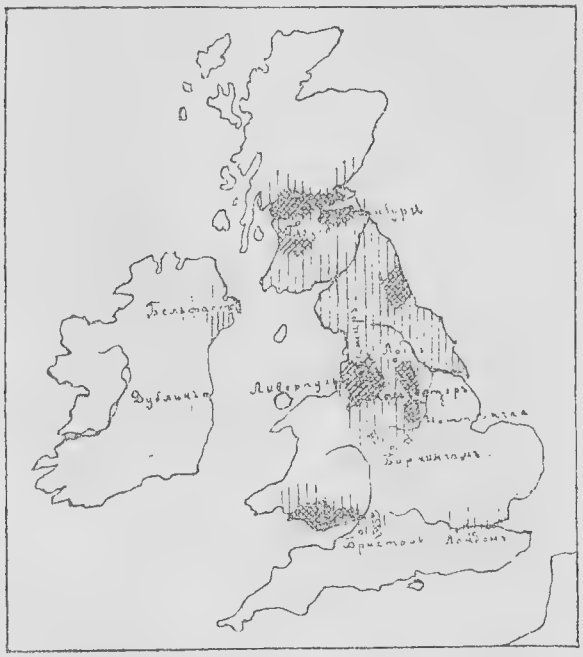
силу, паровую. Еще в 1769 г. ученый химик Джемс Уатт построил первую паровую машину. Но ее распространение задерживалось тем, что она требовала много топлива, а в Англии леса уже были сведены. Много горючего материала нужно было также для ковки металлических частей, из которых составлялись прядильные и ткацкие машины. Поэтому успехи мануфактуры были невозможны без крупной перемены в добывании *каменного угля* и в *выделке металла.* Богатые залежи каменного угля и железа в Англии, до XVIII в. мало известные, подверглись усиленной разработке. Сначала не умели плавить железо в печах, растапливаемых каменным углем; но скоро изобретатели придумали способы устранять вредные газы угля. Английские железоделательные и сталелитейные заводы становятся первыми в свете; особенно выдавался в 70-х и 80-х годах XVIII в. огромный машинный завод в Сохо около Манчестера, руководимый капиталистом Боультоном в компании с изобретателем Уаттом.

Так же, как в сельском хозяйстве, и в индустрии всюду наметились *новые классы.* Лишь очень немногие мастера прежнего вида были в силах расширить свое дело, нанять большое количество рабочих, построить фабричные здания. Изобретатели, выходившие из среды кустарей, большею частью не имели средств, чтобы пустить в дело придуманные ими машины, и должны были продавать или уступать свой секрет. Преуспевали люди с капиталом, бывшие скупщики или искусные спекулянты, присвоивавшие себе чужие проекты, вроде Аркрайта. На другой стороне составлялась большая серая однообразная масса наемных рабочих. Сначала аграрный переворот, раздел общинных земель изгнал множество кустарей из деревень; потом введение машин убило их медленную работу и заставило остатки их пойти на фабрики.

Новая промышленная Англия. Увеличение английского производства, которое работало на внутренний сбыт и на вывоз за границу, потребовало совершенно новых средств сообщения. С середины XVIII в. ухабистые грунтовые дороги начинают заменять шоссейными. Еще важнее было проведение системы каналов по всей Англии, что облегчалось обилием недлинных, но многоводных рек. Первый крупный канал был проведен между Манчестером и Ливерпулем, торговые круги которого были заинтересованы в соединении главного порта, ввозившего хлопок, с центром бумажной индустрии. Благодаря целому ряду новых каналов и канализованных рек были соединены с серединой страны важнейшие выходы Англии, расположенные у разных морей: Лондон, Гулль, Ливерпуль, Бристоль.

Аграрный и промышленный перевороты в Англии начались около середины XVIII в. и с особенной силой совершались в конце XVIII в. и в начале XIX в. Между тем как прежде значительно преобладало сельское население, вследствие переворота стало возрастать население городов, пока в XIX в. оно не получило решительного перевеса. Вместе с тем выдвинулся новый край Англии, до тех пор бедный и малолюдный, население как бы передвинулось с

юго-востока на северо-запад. Новая фабричная промышленность возникла и развилась вблизи хлопкового порта Ливерпуля, около больших каменноугольных копей, прозванных «Черной Индией». Бо́льшая часть новых хлопчатобумажных городов (Манчестер и его округа) приходится на Ланкашир, до XVII в. бывший пустырем, покрытый лесами и болотами. Население Ланкашира в течение 80 лет возросло в 10 раз. К хлопчатобумажному району примыкают в соседнем графстве другие промышленные округа, центр железного производства Бирмингам, средоточие новой шерстяной индустрии Лидс и др. Точно также фабричным краем сделалась южная низменная Шотландия около двух крупных городов, Глэзго и Эдинбурга, и южный Уэльс, то и другое— местности, богатые каменным углем.



Промышленный переворот в Англии. Полосками отмечена область развития индустрии. Среди нее выделяются местности, добывающие каменный уголь.

Идеи свободного обмена. Переворот совершался чрезвычайно быстро; на глазах у всех возрастало богатство страны, увеличивалась ее торговля. Отпадение северо-американских колоний в 70-х г. XVIII в. не принесло Англии вреда; ее торговля с Новым Светом продолжалась, и по мере того, как росло население Америки, еще увеличивалась. В то время как Англия теряла колонии, гений ее изобретателей и энергия ее фабрикантов создали в самой стране Новую Америку.

Казалось, в возникновении фабрик с машинным производством, в проведении каналов и дорог, в разработке каменного угля и железа государство не принимало участия: все это было делом предприимчивости, искусства и сметки, риска и жертв со стороны частных лиц и частных компаний. Создание богатств составляет как будто бы *дело самой природы*, работающей в тысячах и миллионах человеческих существ; этой работе надо дать наибольший простор; лучший победитель ее—свободное соревнование и соперничество людей. Эти мысли положены в основу книги глэзговского профессора Адама Смита «О бо-

гатстве народов», вышедшей в год декларации независимости Америки (1776). Весь земной шар представляется Смиту великой мастерской со сложным распределением труда и всюду проникающим обменом. Производство, обмен и распределение богатств подлежат особым законам, которые подобны законам природы. Изучая их, Адам Смит кладет основы новой науки—*политической экономии*. Один из важнейших законов состоит в том, что цена всякого предмета, а также всякой работы определяется *спросом* и *предложением*, т.-е. зависит от степени нужды в вещи или в услуге лица и от количества предлагаемых товаров или предлагающих свою работу лиц. Лучше всего предоставить людям полную свободу искать приложения своих дарований и сил там, где они, по условиям продажи и купли, найдут свою наибольшую выгоду. Все, что мешает свободному соперничеству, заслуживает полного осуждения: всякие остатки средневековых стеснений и привилегий, барщины, право первородства на землю, цеховые порядки, которые определяют количество занятых в мастерстве лиц, и т. д.,—все это должно исчезнуть.

Высказанные впервые в отчетливой форме у Смита, эти мысли получили впоследствии в Англии общее обозначение *фритреда* (free trade—свободный обмен). Они были отрицанием *протекционизма* (покровительства), т.-е. системы опеки, полицейского вмешательства и регулирования промышленности, применявшихся в эпоху меркантилизма.

Торговая политика Питта Младшего. Господство парламента было делом нескольких фамилий аристократических вигов державших в руках власть в течение 50 лет с 1714 г. и навязывавших пришлым королям министров из своей среды. Третий король ганноверского дома Георг III (1760—1820) чувствовал себя в Англии прочнее тем более, что вымерла враждебная династия Стюартов. Король пытался составлять кабинеты по собственному выбору, не только «царствовать», но и «править»; он искал сближения со старой монархической партиейториев, которые были долгое время отодвинуты от власти вследствие приверженности к прежней династии, а теперь вполне примирились с новой. Но у короля не было определенных целей политики; он составлял преданную себе группу в парламенте теми же способами, какими в свое время действовал Уольполь, т.-е. раздачей синекур и пенсий. Все попытки Георга III составлять министерства «королевских друзей» кончились неудачей. Одно из этих министерств нажило войну с колониями и было виною отпадения Америки.

В 1783 году король поставил в главе управления сына Чатама, 24-летнего Уильяма Питта (Младшего). Не имея в парламенте большинства. Питт распустил его и обратился к воле страны. Новые выборы дали Питту огромное большинство; с этого времени он оставался у власти непрерывно 17 лет (1784—1801). В Англии уже не поднималось более вопроса о королевском будто бы внепартийном управлении. *Конституционная* монархия окончатель-

но обратилась к *парламентарной* форме, т.-е. такой, где исполнительная власть, кабинет министров, зависит от преобладающей партии в парламенте. Питт принадлежал к старой вигской фамилии и в начале своего министерства предложил отменить права гнилых местечек. Но во внимание к парламентскому большинству, состоявшему из торнев-землевладельцев, он отказался от реформы.

Во внешних делах Питт, великий поклонник Адама Смита, энергично защищал интересы английской индустрии и торговли. Промышленный переворот дал английской индустрии огромный перевес над остальной материковой Европой, где работали старыми способами. Питт старался настойчиво открыть простор новой силе, созданной английским капиталом. В 1786 г., несмотря на недавнюю войну с Францией, Питт заключил с ней торговый договор и обеспечил сбыт английских фабрикатов через канал. Но положение изменилось со времени революции 1789 г., когда французская промышленная буржуазия вышла из-под опеки правительства и захватила власть. Скоро Франция отвоевала у слабой Австрии Бельгию, служившую как бы мостом для английского сбыта на материк.

Под впечатлением этих успехов соперника Англии Питт из провозвестника мира делается сторонником войны. В начале 1793 г., под предлогом мщения за казнь французского короля, Питт об'явил войну французской республике и присоединился к коалиции европейских держав. Цель этой войны, тянувшейся с небольшими перерывами 22 года (1793—1815; Питт умер в самом ее разгаре в 1806 году), состояла в том, чтобы уничтожить конкуренцию французской индустрии и торговли и сохранить для Англии рынки в отсталой средней Европе. Ради этой цели Англия не жалела больших сумм, которые платились в виде субсидий Австрии и Пруссии на вооружения против революционной и наполеоновской Франции. Таким образом борьба, начатая Питтом, была продолжением тех коммерческих войн, которые велись в течение всего XVIII в. для обеспечения первенства Англии на море.

II.

Великая французская революция.

Французская буржуазия перед революцией. Увлечение Америкой, охватившее французское общество, показывало, что в нем совершается великая перемена: оно само прониклось демократическими идеями. Буржуазия, класс зажиточный, интеллигентный, энергичный, потребовала себе участия в поли-

тической жизни. Крупные и мелкие мастера и предприниматели в торговле и индустрии, а также люди «свободных» профессий, ученые, техники, врачи, адвокаты привыкли противополагать себя привилегированным, по преимуществу владевшим землей, и считали их «праздными и бесплодными» классами. Правда, королевское правительство притягивало буржуазию к делам: сбор налогов находился в руках откупщиков из ее среды, и это были богатейшие люди в стране; интендантов назначали охотно из не-дворян. Правительство не могло шага ступить без материальной поддержки буржуазии. Его финансы давно уже держались не на поступлении податей, а на непрерывно возраставшей ссуде, которую оно добывало продажей процентных бумаг: бумаги («рента») покупались преимущественно буржуазией и особенно парижской; это был способ помещения сбережений.

Но буржуазия была недовольна хозяйничаньем правительства. В финансах не было порядка: масса денег тратилась на блеск двора, на бесчисленные подарки и пенсии дворянству, составлявшему свиту короля и заполнявшему бесполезные должности; постоянно оказывались недочеты, приостанавливались большие сооружения.

Между тем за несколько десятков лет французская буржуазия чрезвычайно разбогатела и усилилась. Это было особенно заметно на крупных приморских городах, Марселе, Бордо, Нанте, больших индустриальных пунктах, как Лион, и на самой столице, Париже, представлявшей громадный центр потребления. Марсель вела оживленные сношения по всему Средиземному морю и особенно с Востоком, Константинополем, Малой Азией, Сирией, Египтом. Западные порты Франции, Нант и Бордо, вывозили французские фабрикаты, мануфактуры и вина на вестиндские острова и привозили колониальные продукты, рис, сахар, табак, красильные вещества; много выгоды получалось от торговли неграми, массы которых доставлялись в главную французскую колонию С.-Доминго (о. Гаити). Освобождение американских штатов от Англии обещало необыкновенное усиление французской торговли, получившей новый рынок в Соединенных Штатах. Французские промышленники выказывали также вкус к искусствам и интерес к науке; университеты были заполнены молодежью из среды буржуазии.

С 60-х годов XVIII в. выступают во Франции ученые и писатели, близкие к идеям Адама Смита. Купец Гурнэ, врач Людовика XV Кенэ, будущий министр Людовика XVI Тюрго на разные лады развивали учение о необходимости предоставить свободу и простор действию природных сил (отсюда название их теорий—*физократия*, что значит «господство природы»). В числе стеснений, лежащих на труде и промышленности, буржуазные публицисты чаще всего указывают на тягости *феодализма*, т.-е. тех повинностей, которые лежали на крестьянах, и требуют их отмены, полного освобождения земли и личности земледельца. В литературе продолжали говорить по-старому об интересах и

понятиях всего *третьего сословия* (tiers état), разумея под этим словом всех непривилегированных, как одно целое, хотя в действительности третье сословие распадалось на несколько слоев, очень отличных между собою по имущественному положению и образованию.

Неудача умеренной реформы. Среди возраставшего недовольства буржуазии прошли первые 15 лет правления Людовика XVI (с 1774). Этот добрый и вялый человек, которому досталось опасное наследие абсолютной монархии, не был противником реформ; но все хорошие начинания разбивались о противодействие двора, королевы и братьев короля, которые оказывали на него вредное влияние. При своем вступлении Людовик XVI восстановил отмененные его предшественником парламенты и вернул сословных судей. Генеральным контролером он назначил Тюрго, показавшего в качестве интенданта области Лимузен гуманность и энергическую заботу о нуждах населения.

Тюрго задумал широкие реформы, без изменения, однако, общего политического устройства. Власть короля должна была остаться неограниченной. Перемены должны были касаться общественного устройства, т.-е. прав и положения классов, и управления. Тюрго отменил цехи, стеснявшие свободу действий промышленников, уничтожил таможни, разгораживавшие отдельные французские области, точно враждебные государства, и об'явил свободную торговлю хлебом во всей стране, тогда как она раньше подлежала различным стеснительным правилам. Он отменил также государственную барщину крестьян по проведению и починке дорог. Далее, для того, чтобы поднять самодеятельность общества, Тюрго предлагал устроить совещательные собрания *(муниципалитеты)* из земле- и домовладельцев, начиная от самых мелких приходских советов, восходя к городским, окружным и провинциальным: над всеми ими должно было стать *национальное совещательное собрание;* местные собрания будут заведовать распределением налогов, общественными работами, попечением о бедных; общее собрание вместе с министрами будет распределять налоги между провинциями и разрешать главные расходы внутри страны. Все собрания должны иметь право восходить с ходатайствами к королю.

Проекты Тюрго не были выполнены. Против него интриговали придворные, так как он требовал сокращения бесполезных трат. Тюрго после неполных двух лет управления получил отставку (1776), и даже меры, которые он успел провести, были отменены. Хуже того, двор усилил реакцию: всем не-дворянам закрыли доступ к офицерским чинам в армии, к крупным церковным должностям и в парламенты. Однако, и с привилегированными правительство не умело поладить: восстановленные парламенты сопротивлялись всякому изменению в положении крестьян и в распределении налогов; они были опять разогнаны, как при Людовике XV. Но теперь уже вся масса общества была на стороне гонимых, не взирая на то, что они сами стояли за отсталые порядки.

Созвание генеральных штатов. Между тем положение правительства ухудшилось и в другом еще отношении. К старому долгу прибавились огромные затраты, сделанные в американской войне. Преемник Тюрго в управлении финансами, бывший женевский банкир Неккер, искал популярности у буржуазии, и, чтобы осведомить ее о положении государственного хозяйства, впервые во Франции опубликовал бюджет. Для всех открылось то, что до тех пор только предполагали: огромный *дефицит*, который немыслимо было поправить при существующем порядке. Король дал Неккеру отставку за несвоевременное открытие тайны, но и его преемники должны были искать средств против угрожающего финансового кризиса в поддержке самого общества.

Пришлось сменить одного за другим нескольких министров финансов. Один из них, Калонн, готовый вполне угождать двору в его тратах, в отчаянии указал Людовику XVI на необходимость обратиться к обществу и пригласить *нотаблей*, не призывавшихся со времен Ришельё. Нотабли, т.-е. сословные представители, назначенные по королевскому усмотрению, тем не менее подвергли управление резкой критике. На этом собрании впервые маркиз Лафайет выразил требование созвать генеральные штаты, совершенно забытые абсолютной монархией с 1614 г. Скоро это требование созвать штаты стало всеобщим. Его заявил и парижский парламент перед своим распущением и особенно настойчиво местные штаты провинции Дофинэ, собравшиеся самовольно без разрешения короля, также после полуторавекового молчания. В Дофинэ, области, где было много мануфактур и металлических заводов, прошло еще одно важное изменение. Третье сословие потребовало себе в штатах двойного количества голосов, которое равняло бы его дворянству и духовенству, вместе взятым.

Людовик XVI обещал созвать генеральные штаты через пять лет; но срок пришлось сократить, и снова ставший министром Неккер назначил созыв их на весну 1789 г. Граф Мирабо, выступивший сторонником идей равенства и свободы, писал по этому поводу: «Нация в одни сутки сделала шаг, равный целому столетию». По его мнению, теперь нужно было бы королевской власти соединиться с народом против привилегированных; наступило время образования демократической монархии.

У правительства не было, однако, никаких определенных планов. Оно предоставило свободу выборов, к которым допустили всех французов, достигших 25 лет и плативших налог. Выборы происходили по сословиям, по третьему сословию, по примеру Дофинэ, было предоставлено двойное число голосов (600, остальным двум по 300). Однако, вопрос о том, будут ли подавать голоса в собрании поголовно, или посословно (что уничтожило бы всякий смысл удвоения голосов), остался нерешенным. Совершенно неясно было также, что̀ будет предоставлено решать собранию: только ли вопрос об изыскании финансов, беспокоивший правительство, или и другие вопросы?

В обществе, напротив, мнения были очень определенны. На выборах в Провансе Мирабо, отвергнутый дворянами, появился в качестве «народного трибуна» и кандидата от третьего сословия. Газеты были тогда мало распространены, и их роль заменяли брошюры, в которых авторы излагали политические программы. Особенную известность приобрела брошюра демократического аббата Сиэса, сущность которой выражена на трех вопросах и трех ответах: «Что такое третье сословие?—Все. Чем оно было до сих пор?—Ничем. Чем оно хочет быть?—Чем-нибудь». Последний ответ был преувеличению скромен; в той же брошюре указывалось, что третье сословие—весь народ, 96 процентов всей нации; его интересы должны покрыть все остальное. В нескольких брошюрах речь шла о положении простого народа, крестьян и городских рабочих, и эта масса названа была впервые *четвертым сословием*. Однако, сами крестьяне, так же как городские рабочие, не прошли в депутаты. Депутаты привезли врученные им избирателями *наказы*, т.-е. подробные изложения желаний. В очень многих наказах стояло требование *конституции*, т.-е. ограничения абсолютной монархии, но каждое сословие разумело такое ограничение в свою пользу; в наказах третьего сословия упоминалось об отмене *феодальных повинностей*, т.-е. тягостей, лежащих на крестьянах.

Национальное собрание. 5 мая 1789 г., среди величайшего напряжения всей Франции, сошлись в Версале депутаты и выслушали неясные речи короля и его министров. Собрание было предоставлено самому себе. По-старому сословия разошлись по отдельным залам для разрозненных совещаний. Но третье сословие, считая себя истинным представителем всей нации, пригласило два другие присоединиться к нему. Несколько недель прошли в пререканиях по этому поводу, пока, наконец, Сиэс не предложил «обрезать канат» и дать последний срок остальным двум чинам. Большинство дворян и духовенства решило перейти в заседания третьего сословия, и соединенное собрание провозгласило себя *национальным*.

Двор принял это неожиданное для него решение за открытое неповиновение и попробовал старые средства, применявшиеся против непослушных генеральных штатов и парламентов; залу заседания заперли на замок, но собравшиеся в парке Версаля депутаты вошли в случайно открытый гимнастический павильон и здесь, стоя, так как сидений не было, приняли торжественную клятву собираться непрерывно, где бы то ни было, и не расходиться до тех пор, пока не выработают для Франции конституцию. Немного позже собрание решило принять имя *учредительного*. Людовик XVI между тем назначил «королевское заседание», чтобы личным появлением и присутствием подействовать на непослушных. Но и это не помогло: депутаты третьего сословия остались молча на местах, а когда церемониймейстер, с уходом короля, повторил требование разойтись, Мирабо ответил, что собрание сошлось по воле народа и может быть разогнано только военной силой.

На это последнее средство и решились при дворе. Король дал отставку Неккеру и приказал стянуть к Парижу войска, большею частью состоявшие из иностранцев. В огромном городе было множество безработных, после жестокой зимы грозил голод; имущие, особенно владетели государственных обязательств, были встревожены тем, что с распущением Национального собрания правительство замышляет банкрот. Массы народа собирались в саду Пале-Рояля, дворца популярных Орлеанских принцев, и здесь выступали перед огромными сходками импровизированные ораторы. В здании средневековой городской думы собралось несколько сот горожан, которые выбрали новое управление, принявшее старинное гордое название *Коммуны*. Новая дума решила образовать милицию из граждан для защиты города от королевских войск. Через два дня, 14 июля, огромная толпа захватила арсенал, вооружилась ружьми и пушками и взяла приступом укрепленную Бастилью, в которой видели символ всей прошлой эпохи произвола.

Король подчинился событиям, окончательно признал Национальное собрание и даже приехал в Париж; здесь он утвердил городским головой депутата Бальи, а начальником *национальной гвардии* (милиции из горожан) Лафайета и в знак единения с народом принял новую трехцветную кокарду (красный и синий—цвета Парижа белый—королевской династии). Но некоторые королевские принцы и придворные не хотели примириться с новым порядком и выехали за границу Франции. Так началась *эмиграция*. Между тем 14-е июля отозвалось во всей Франции; в некоторых городах, напр., в Бордо, народ также взял королевские крепости, но, главным образом, поднялись *крестьяне:* они отказались отдавать положенную по обычаю часть жатвы и десятину, врывались в усадьбы сеньеров, отыскивали и уничтожали грамоты с обозначением феодальных повинностей, жгли замки и местами совершали насилия над сеньерами. Толпы голодных останавливали и грабили хлебные обозы.

Это было напоминание и для Национального собрания, состоявшего из высших классов и горожан. В ночном заседании 4 августа герцог де Ноайль и другие титулованные дворяне наперерыв стали предлагать уничтожение феодальных тягостей. Сеньеры, однако, отказывались безвозмездно только от немногих повинностей крестьян, которые они называли *личными,* т.-е. остатками старинного закрепощения (барщина, плата сеньерам за суд, за мельницы и т. д.). Остальные, самые важные и доходные феодальные повинности они называли *реальными,* т.-е. платой крестьян за землю, когда-то будто бы целиком принадлежавшую сеньерам, и требовали за их выкуп большого вознаграждения. Депутаты буржуазии согласились с этой теорией, выгодной для дворян. Собрание отменило без выкупа личные повинности и поручило особому Феодальному комитету выработать условия для выкупа реальных повинностей.

Считая, что для успокоения сельского населения сделано достаточно, собрание опять вернулось к обсуждению конституции. Но в Париже волнения не прекращались, в особенности, когда король опять начал стягивать войска вокруг столицы. К осени голод и безработица вызвали сильное возбуждение в парижском простонародье. 5 октября многотысячная масса, в которой было много женщин, двинулась из столицы в Версаль, чтобы взять с собой и увезти «хлебопека», как называли короля. Лафайет с национальной гвардией, составленной из зажиточной буржуазии, направился за толпой, но и он мог только посоветовать королю подчиниться и переехать в Париж, переведя туда и Национальное собрание.

В Париже образовались политические общества для об'единения людей одинаковых взглядов: основателями и главными деятелями этих «клубов» были депутаты, встречающиеся здесь со своими единомышленниками, которые не входили в состав собрания. Наибольшее значение приобрел клуб «Друзей конституции» в доме упраздненного якобинского монастыря, которых короче называли *якобинцами*. Парижский клуб якобинцев образовал несколько сот отделений в провинциях.

В Учредительном собрании на крайней правой стороне сели сторонники сословных преимуществ, между ними многие дворяне, шумевшие перед революцией против произвола монархии, а теперь, когда ясно начиналось торжество третьего сословия, бросившиеся защищать королевскую власть, на крайней левой заняли место демократы, разделявшие теории Руссо о народовластии, между ними молодой провинциальный адвокат Робеспьер.

Главную массу образовали в центре *конституционалисты*, делившиеся в свою очередь на умеренных и более решительных. Вторые, с Барнавом во главе, добивались более всего ограничения королевской власти, считая ее важнейшей преградой свободе. Между умеренными выдвигался Мирабо. На выборах и в первые месяцы работы генеральных штатов он выступал с резкой критикой одинаково против высших сословий и двора. Но когда разрушен был старый общественный порядок, Мирабо изменил свое поведение и стал указывать на опасность народных движений; он хотел укрепить монархию на новых началах равенства и национального представительства. Беспорядочный в своих денежных делах, он стал брать субсидию от двора, за что обязался давать королю советы. При дворе, однако, не доверяли Мирабо и пренебрегали его советами, а в обществе и в собрании создалось представление об измене самого крупного и талантливого деятеля революции.

Церковная и крестьянская реформы. Собрание начало выработку конституции с *декларации прав* человека и гражданина. В первом пункте декларации говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе».

Исходя отсюда, собрание уничтожило все сословные преграды и преимущества, титулы и привилегии рождения, изъятие дворян и духовенства от налога и т. д. В качестве основных прав была признана веротерпимость и отменены все стеснения, тяготевшие над протестантами и евреями. Вводилась свобода печати и уничтожалась цензура. Суд был преобразован на началах равенства: он стал общедоступным и бесплатным, судопроизводство об'явлено гласным, и решение по уголовным делам предоставлено присяжным заседателям, избираемым из среды граждан.

Но в важнейших реформах начала равенства и свободы были урезаны, и в этих ограничениях обнаружились понятия и интересы просвещенной и зажиточной буржуазии, преобладавшей в Собрании.

Озабоченное тяжелым положением финансов, Учредительное собрание принялось за реформу церкви, владевшей $^1/_6$ всей территории Франции. Господствующий взгляд во французском обществе, унаследованный у просветителей XVIII в., был тот, что не дело духовенства заведовать огромным богатством, когда в нем нуждается государство. Достаточно обеспечить священников жалованьем и отобрать всю церковную собственность на общую пользу. Согласно этому, Собрание об'явило владения церкви *национальными имуществами* и назначило их в продажу на сумму 400 миллионов. Выручка должна была пойти на уплату государственного долга, и под ее обеспечение были выпущены *ассигнации*, т.-е. кредитные бумаги. Но в 1790 г. Собрание пошло еще дальше: оно издало *гражданское положение о клире*, которым отменило архиепископства и сократило число епископов; отныне само население должно было выбирать епископов и священников. Избранный епископ не подлежал утверждению папы, а лишь извещал его «как видимого главу церкви»; духовные, в качестве «общественных чиновников», должны были присягать на верность конституции и обещать полное повиновение нации, закону и королю. Это был, в сущности, разрыв с Римом и отмена католичества; Собрание нарушило провозглашенную им же свободу совести. Папа отказался признать новое положение и вновь избранных епископов. В среде духовенства, и притом также низшего, до тех пор преданного делу революции, произошел раскол; оно было поставлено в тяжелое положение между подчинением родной стране и своему духовному главе: одни согласились принять присягу, другие отказались и в качестве неприсяжных получили отставку и потеряли права гражданства.

В мае 1790 г. прошел закон о *выкупе феодальных повинностей*. Напрасно летом 1789 г. крестьяне надеялись уничтожением феодальных грамот добыть себе свободу от взносов. Собрание признало, что сеньер не обязан доказывать свои притязания; напротив, крестьянин может освободиться без выкупа лишь в том случае, если пред'явит документ в доказательство своей давнишней свободы от взносов, что было почти невыполнимо. Выкуп был установлен на условиях очень тяжелых: крестьянину приходилось откупаться от всех

повинностей разом, а это было дорого: чтобы выкупить одни только ежегодные взносы, платимые сеньёрам, нужно было заплатить сумму капитала в 20—25 раз бо́льшую. В виду этого крестьяне большею частью отказывались от выкупа, но не хотели платить и старых повинностей. *Аграрные беспорядки*, т.-е. разорение помещичьих экономий, насильственный захват жатвы, повторились летом 1790 г. после издания закона о выкупе.

Собрание отнеслось также невнимательно к городским и индустриальным рабочим. Имея в виду полное освобождение личности, оно запретило *всякие соединения граждан* одного и того же состояния и занятия, так как подобные общества заключают в себе «покушение на свободу и декларацию прав человека». Таким путем уничтожились старые цехи, союзы мастеров, которые мешали рабочим пробиваться в хозяева; но Собрание вместе с тем воспретило рабочим составлять *союзы* между собою для защиты своих интересов против предпринимателей.

Те же понятия зажиточной буржуазии отразились в конституции, выработанной Учредительным Собранием за два года его деятельности.

Конституция 1791 года. Декларация принимала учение о народовластии, выдвинутое английской и американской революциями: «основа верховной власти заключена в нации». В то же время было прибавлено, согласно теории Монтескьё, что ради обеспечения свободы и прав личности необходимо разделение властей. Между тем как королю и его министрам оставили только исполнительную власть, законодательную решили передать единственной палате народных представителей (*законодательному* собранию). Участие короля в законодательстве лишь отрицательное; он может налагать veto (запрет) на постановления собрания; но если дважды сменившиеся собрания настаивают на том же решении, veto теряет силу, и постановление становится законом без королевского согласия. Разделение доведено было, однако, до *разобщения:* из боязни, как бы старая власть не стала оказывать давление на депутатов, несмотря на протест Мирабо, было решено, чтобы министры ни в каком случае не принадлежали к палате и не присутствовали в ее заседаниях.

Король и министры были ограничены еще в другом отношении: они не имели в своем распоряжении подчиненных чиновников. Старое деление Франции на провинции было уничтожено вместе с отменой их особенных прав и устройства. Все преграды внутренней торговли, таможни, соляной налог и т. д. пали. Королевство было об'явлено «единым и нераздельным». Для удобства управления Францию разрезали на равные приблизительно по размеру и количеству населения 83 департамента, с названиями, взятыми большею частью от рек, горных цепей и террас, мысов и т. п. Из недоверия к прежней бюрократии, было введено полное *самоуправление*. В департаментах, в их подразделениях, округах и общинах все власти, судьи, головы, старосты, сборщики налога и т. д. должны были избираться самим населением; высшая власть

не могла ни утверждать, ни смещать их. Вместо косвенных налогов на продажу предметов потребления вводился один *прямой налог* на земли, дома, торговые и промышленные заведения.

До революции могло казаться, что третье сословие об'единено в своих интересах, что буржуазия лишь идет вождем всего народа в стремлении к общему равенству. Однако, события 1789 г., грозное выступление масс произвели впечатление не только на правительство, но также и на собрание, в котором преобладала зажиточная буржуазия. В декларации было сказано: «Все граждане имеют право лично или через представителей участвовать в издании законов». В противоречии с этим началом Учредительное собрание провело в среде граждан важное разделение на *активных* и *пассивных*. К первым были отнесены те, кто уплачивал прямой налог не менее, как в размере трехдневной рабочей платы, и только они пользовались политическими правами, т.-е. участием в выборах; для того, чтобы быть избранным, надо показать еще больший достаток *(ценз)*. Масса бедных, в их числе большинство рабочих, была под названием пассивных выключена от всякого участия в политической жизни и в местном управлении.

Паденке монархии. Король соглашался на все реформы с явной неохотой; он не был искренен в своих решениях, считал их вынужденными и втайне дожидался случая, чтобы выйти из своего плена, сбросить опеку и опрокинуть конституционное устройство, которому присягнул. Еще более поддерживала его в том королева Мария Антуанета, его родство и остатки придворной партии, рассчитывая на вмешательство иностранных дворов (Мария Антуанета была сестрой Иосифа II). Об этом вмешательстве явно хлопотали и принцы и сеньеры-эмигранты, представляя в особенности австрийскому и прусскому двору, как опасна для всех монархических правительств Европы революция, происходящая во Франции.

Весною 1791 г. умер Мирабо, который, правда, желал освободить короля из Парижа, но решительно отсоветовал ему искать помощи за границей против своей нации. Людовик XVI возымел несчастливую мысль бежать из Франции, чтобы присоединиться к эмигрантам. Но его узнали недалеко от границы Бельгии и вернули в Париж (летом 1791 г.). Попытка бегства вызвала в народе сильное раздражение; теперь открыто стали высказываться в клубах, в печати, на сходках противники монархии. Собрание, правда, взяло короля под стражу и временно отрешило его от исполнительной власти, но выступило в то же время резко и сурово против республиканцев.

Через месяц после бегства короля должен был происходить праздник *федераций*, т.-е. общего об'единения всех французов. Противники монархии составили петицию о низложении Людовика XVI и предложили желающим подписать ее на «алтаре отечества», воздвигнутом на Марсовом поле, где народ должен был собраться на праздник. По распоряжению Собрания, на поле

явились, однако, городской голова Бальи и Лафайет с войсками и национальной гвардией. Толпа стала бросать в солдат каменья, а те дали залп в массу, скученную на ступенях, убили и ранили несколько человек. Произошло первое кровавое столкновение между двумя большими группами старого третьего сословия. Наиболее деятельный из политических клубов также разделился. Барнав и другие сторонники конституционной монархии вышли из состава якобинцев; с их уходом якобинский клуб сделался главным средоточием крайних демократических идей.

В сентябре 1791 г. Учредительное собрание закончило свою работу и уступило свое место новому Законодательному собранию, выбранному согласно конституции. Депутаты Учредительного собрания решили единодушно отказаться от участия в следующей за ними палате, и Законодательное собрание составилось из людей вполне новых, большею частью молодых, другого поколения, настроенного в пользу демократии. В новой палате сторонники конституционной монархии уже составляли консервативную правую сторону. Левую образовали демократы, склонявшиеся к республике; в их среде большинство принадлежало партии, получившей потом имя жирондистов (от департамента Жиронды с г. Бордо, пославшего несколько талантливых ораторов). Партия составилась отчасти из купечества провинциальных городов, отчасти из журналистов и ученых, между которыми выдавался Кондорсе, близкий к старику Вольтеру и участник министерства Тюрго.

Жирондисты не имели опоры в большинстве парижского населения. Мелкая буржуазия, лавочники, ремесленные мастера, рабочие мануфактур, необеспеченная интеллигенция, примыкали к деятелям более *радикального* направления, не занимавшим места в Законодательном собрании. Из них наиболее выдавались адвокат Дантон, бурное красноречие которого сильно действовало на массы, Робеспьер, очень популярный в обновленном Якобинском клубе, и Марат, неутомимо обличавший в своей газете скрытых противников революции и всякого рода спекулянтов, искавших наживы в новом управлении.

Толчком к дальнейшему развитию революции послужило вызывающее поведение эмигрантов, которые скопились на рейнской границе и грозили демократической Франции военной расправой. В ответ Законодательное собрание об'явило конфискацию имуществ и смертную казнь эмигрантам, которые не вернутся на родину после известного срока. Король положил veto на декрет собрания. Это только усилило раздражение против него; стали говорить о его тайных сношениях с иностранными дворами, готовыми вмешаться во внутренние дела Франции. Жирондисты считали нужным предупредить врагов и ответить им народной войной, которая должна была вызвать общее восстание народов против королей. Людовику XVI казалось со своей стороны, что война поможет ему выйти из затруднения; он составил министерство из жирондистов и об'явил войну Австрии; в армию начали записываться массами добро-

вольцы из молодежи. Сложились революционно-патриотические песни, между ними знаменитая марсельёза Руже де Лиля, обошедшая потом всю Европу.

Но движение повернулось прежде всего против монархии. Стали приходить вести о вторжении врага, пруссаков, в пределы Франции. Начальник армии на границе, Лафайет, говорил вызывающим тоном с Собранием и обещал королю поддержку войска. До последней крайности довел встревоженных парижан манифест, изданный главнокомандующим прусскою армией, герцогом Брауншгейгским, и составленный, вероятно, кем-либо из эмигрантов: в нем содержались угрозы произвести казни, сжечь дома, разрушить Париж. Для парижан было ясно, что во дворце скрывается измена, сговорившаяся с внешним врагом. Пока жирондисты устами своих ораторов предлагали об'явить «отечество в опасности» и колебались, что предпринять, радикальные якобинцы стали действовать решительно. Они вооружили рабочих в предместьях Парижа, захватили здание Думы и заменили выбранную в 1789 г. Коммуну новым демократическим составом. 10 августа восставшие под звуки набата двинулись на королевский дворец, охраняемый наемной швейцарской гвардией. Началась ожесточенная перестрелка, во время которой Людовик XIV бежал с семьей в Законодательное собрание: здесь в его присутствии королевская власть была «приостановлена», сам он отведен в тюрьму. Лафайета, пытавшегося увлечь войско к походу на революционный Париж, встретили негодованием, и он бежал за границу. Министерство жирондистов должно было принять в свою среду одного из организаторов восстания, Дантона.

Под впечатлением внешней опасности, чтобы поднять патриотическое настроение народа, Законодательное собрание решило сделать что-нибудь для крестьян. В разрез со взглядом Учредительного собрания, требовавшего от крестьян документального доказательства свободы, было постановлено, чтобы, обратно, помещики пред'являли документы в доказательство своих прав, иначе повинности отменяются без вознаграждения. Так как многие помещики были в эмиграции, и массы феодальных грамот были уничтожены, решение Законодательного собрания означало в действительности *освобождение крестьян без выкупа.*

Конституция 1791 года с падением монархии рушилась. Законодательное собрание решило разойтись, чтобы дать место *Национальному Конвенту* (в сентябре 1792 г.), который должен был определить форму правления. Первым делом Конвента было провозглашение республики. Основание республики во Франции было решено признать началом новой эры и следующий год считать первым годом революционного календаря. Накануне открытия Конвента новый главнокомандующий Дюмурье отбил нападение пруссаков при *Вальми* и скоро потом перешел в наступление. Французы заняли Бельгию, левый берег Рейна и отняли на юге у сардинского короля Савойю и Ниццу. В Конвенте центр тяжести передвинулся еще более влево сравнительно с Законо-

дательным собранием. Жирондисты занимали в Конвенте уже правую сторону. Более решительные группы якобинцев образовали партию *монтаньяров* (т.-е. Горы, по положению на высоких местах амфитеатра сидений).

Якобинская республика. Положение Франции в конце 1792 и начале 1793 г. было очень тяжело. Вновь народившаяся республика получила по наследству от монархии банкротство финансов. Продажа национальных имуществ далеко не могла покрыть долг: выпущенные под их обеспечение ассигнации крайне упали в цене, и их никто не брал. Разорение продолжалось, кредита не было, и масса людей находились в отчаянии.

Монтаньяры требовали энергического ведения наступательной войны и устрашения внутренних врагов революции. Наибольшую опасность, в их глазах, представлял пленный король, на освобождение которого подвигались войска реакционных правительств Европы; в железном шкапу Тюильрийского дворца была найдена переписка его с эмигрантами. Так же, как в свое время индепендентская армия, радикальные якобинцы хотели казнью короля совершить непоправимый разрыв с прошлым. Жирондисты хотели спасти короля; они согласились на суд Конвента в надежде, что приговор будет отдан на окончательное решение народа, и что народ отвергнет казнь. Но большинство Конвента, под давлением парижан, грозно шумевших на улицах и в галлереях самого собрания, голосовало против апелляции к народу и за казнь, которая и была исполнена в январе 1793 года.

Между тем росла внешняя опасность. К числу врагов Франции после казни короля присоединилась Англия. На Дюмурье, главнокомандующего армии, завоевавшей Бельгию, нельзя было положиться. Он явно враждовал с монтаньярами, и собирался восстановить монархию. Разбитый австрийцами, Дюмурье вступил с ними в переговоры и, подобно Лафайету, бежал к врагу. Внутри также поднималось восстание. Когда Конвент об'явил усиленный набор солдат, в *Вандее*, т.-е. местности около устьев Луары и в Бретани, самых отсталых областях Франции, крестьяне отказались итти на службу; они вооружились и под именем «Христова воинства» собрались вокруг неприсягнувших конституции священников; к ним присоединились дворяне и начали войну на защиту монархии.

В виду надвинувшейся грозы монтаньяры предлагали увеличить меры строгости против врагов революции (террор) и создать сильную центральную власть для организации обороны. По предложению Дантона Конвент установил чрезвычайный *революционный трибунал* для суда и наказания изменников, заговорщиков против республики, недобросовестных поставщиков в армии, подделывателей бумажных денег и т. д. В ответ на вандейское восстание Конвент об'явил смерть всем эмигрантам и неприсяжным священниками, которые будут найдены во Франции; во всех общинах должны были образоваться революционные комитеты для наблюдения за «подозритель-

ными». Надо всем был учрежден высший надзор *Комитета общественного спасения,* которому Конвент передал чрезвычайную исполнительную власть. В провинции посылались *комиссары* Конвента; распоряжаясь здесь полновластно, вмешиваясь в управление общин, они являлись как бы повторением прежних интендантов абсолютной монархии. В виду недостаточности действующей армии, Конвент предписал собрать к оружию все молодое поколение страны от 18 до 25 лет. Решено было назначить чрезвычайный налог на военные нужды, который должен был пасть преимущественно на богатых.

Все эти меры исходили от группы радикальных якобинцев. Жирондисты видели себя оттесненными от власти. В качестве провинциальных депутатов они негодовали на политическое преобладание Парижа, который, по их словам, не должен значить больше $^1/_{83}$ всей Франции. Жирондисты потребовали низвержения демократической Коммуны. Этим нападением на соперников Жиронда вызвала их месть. Коммуна подняла мелких мастеров и рабочих парижских предместий; вооруженные их отряды два раза врывались в залу заседаний Конвента и добились исключения и ареста 29 выдающихся жирондистских депутатов (в начале июня 1793 г.). Они были отправлены в тюрьму и через несколько времени казнены в числе массы осужденных революционным трибуналом.

Некоторые из жирондистов успели бежать и подняли восстание против Конвента в провинциях. В больших городах, Бордо, Лионе, Марсели, Тулоне, Тулузе, якобинцев изгнали из городских советов и заменили жирондистами. Во многих местах среди восставших появились *роялисты* (сторонники монархии), которые в Лионе даже захватили власть. Корсика отложилась, Тулон принял в свою гавань англо-испанский флот. Был момент, когда против Конвента и Парижа бунтовали 60 департаментов, а верными оставались едва 20. В этом критическом положении руководящие монтаньяры не потерялись. Член Комитета общественного спасения, выдающийся военный организатор Карно создал из рекрут несколько армий и направил их к угрожаемым окраинам. Против внутренних врагов приняли самые суровые меры: Лиону пригрозили разрушить до основания, в Нанте комиссар Конвента расстреливал и топил сотни людей, против вандейцев были отправлены истребительные «адские колонны».

В 1793 г. Конвент принял новую конституцию, в силу которой впервые признавалось *политическое равенство* всех французов. Конвент признал также необходимым обязательное для всех и даровое обучение. Мужчины и женщины стали носить темные костюмы, лишенные всяких украшений, в противоположность яркой пестроте и позолоте прежнего века, говорили друг другу «ты», «гражданин», «гражданка». Демократы, занявшие место в городском управлении Парижа, пытались помочь бедноте, которая испытывала сильную нужду во время нашествия неприятеля и восстания в департаментах,

затруднявшего подвоз припасов. Коммуна установила *максимум* (таксу) на хлеб, за нарушение которого торговцам грозили суровыми мерами.

К концу 1793 г. внешнее положение изменилось. Войска Конвента всюду стали одерживать победы под начальством молодых офицеров, выдвинутых революцией: Гош выбил пруссаков с Рейна, Бонапарт удачной осадой заставил сдаться Тулон; в Вандее, Лионе и других местах восстание было сломлено. Но среди победителей-монтаньяров произошел раскол. Дантон находил, что пора прекратить террор. Робеспьер, подчинивший себе Комитет общественного спасения, требовал новых жертв. Будучи сторонником религии в духе Руссо, Робеспьер восставал также против рационалистов, которые хотели отменить христианское богослужение и заменить его *культом Разума*. Робеспьер представил и Дантона и «атеистов» врагами революции и вынудил у напуганного Конвента согласие на их арест.

После казни тех и других Робеспьер достиг неограниченного господства; своим положением он воспользовался для того, чтобы ввести в Париже поклонение *Высшему Существу*, напоминавшее католический культ. Его подозрительность стала, наконец, страшна его товарищам во всесильном Комитете общественного спасения. Против него составился заговор, и в Конвенте Робеспьера арестовали. На другой день он подвергся казни с сотней приблизительно сторонников, среди которых было большинство членов Коммуны и ее мэр (27 июля 1794 г., или 9 термидора II года по республиканскому календарю).

Начало реакции. С падением Робеспьера в Париже началась реакция якобинству. Конвент уничтожил революционную Коммуну, вернул оставшихся в живых жирондистов, и закрыл Якобинский клуб. Когда остатки якобинцев вооружили рабочих против Конвента с требованием «хлеба и конституции 1793 года», нападение было отбито вооруженной силой. Зажиточные круги парижского общества снова вернулись к нравам, напоминавшим старый порядок; в беседах считалось хорошим тоном смеяться над республикой и санкюлотами (простонародьем).

Республика, основанная в 1792 г. под впечатлением страха иноземного нашествия, через два года существования оказалась очень непрочной; у нее мало было сторонников. Против нее, помимо дворян, вооружилось все почти духовенство; она ничем не расположила в свою пользу крестьян; зажиточная буржуазия была напугана произволом конвентских комиссаров. Оставалось одно ремесленное и рабочее население Парижа, которое своими восстаниями (14 июля и 5 окт. 1789 г., 10 августа 1792 г.) давало главную силу делу революции. Но Конвент, уничтожив остатки партии монтаньяров, оттолкнул от себя рабочие группы и мелкую буржуазию Парижа.

Напротив, роялисты стали поднимать голову, и притом в самом Париже. Осенью 1795 г., через 5 месяцев после последнего якобинского восстания,

на Тюильрийский дворец, где сидело собрание, напали роялисты, но Конвент был спасен войсками, под командой Бонапарта. Между тем Конвент приготовил новую конституцию, менее демократическую, чем якобинская конституция 1793 г. Опять ввели ценз, как в 1791 году. Законодательная власть должна была перейти к двум палатам: Старейшин и Пятисот. Опасения, что республика будет опрокинута, были настолько велики, что Конвент решил заранее заместить $^2/_3$ мест в новых палатах членами своего собственного состава и только для $^1/_3$ допустить выборы. Исполнительная власть была передана не одному президенту, как в Америке, а коллегии пяти директоров.

Директория, в сущности, тоже держалась войском, к вождям которого скоро и перешла настоящая власть. В 1793 г. преобразованная в духе демократии Франция была в большой опасности; в ряды войск стали уходить люди, одушевленные новыми идеями или недовольные внутренними смутами; уходили бедные от плохих заработков и нищеты. Общему энтузиазму отвечало преобразование армии в демократическом духе: тогда как раньше офицерство составляло аристократическую касту, теперь все должности были открыты для людей любого звания: знаменитые генералы республики и империи все почти вышли из мелких буржуазных кругов, а сам основатель империи, Бонапарт, был иноплеменником, уроженцем завоеванного в его детстве острова Корсики; все эти люди выдвинулись благодаря демократическому строю очень быстро, в возрасте 24—30 лет.

Результаты революции. Между тем, как правительство новой республики было весьма непрочно, общественные перемены, совершенные революцией, напротив, оказались очень устойчивы. Земли, отобранные у церкви, у дворян-эмигрантов были скуплены буржуазией, крупной и мелкой, а также крестьянами; многие безземельные батраки сделались мелкими владельцами. Новые владения отличались существенно от прежних. Прежде почти на всех крестьянских участках лежали многочисленные (феодальные) повинности: уплаты сеньеру, работы на него и т. д.; на одну и ту же землю имели право несколько владетелей. Теперь у каждого владения был только один собственник; право его на землю было безусловное. Он обязан был лишь одним видом повинности на государство, именно уплатой прямого налога.

III.

Революционные войны, империя во Франции и начало реформ в Германии.

Французская революция застала правительство старой Европы врасплох, но не могла не вызвать великого сочувствия в образованных кругах европейского общества. Особенно заметно это в Германии, стране, крайне отсталой в политическом устройстве и очень передовой по своему просвещению.

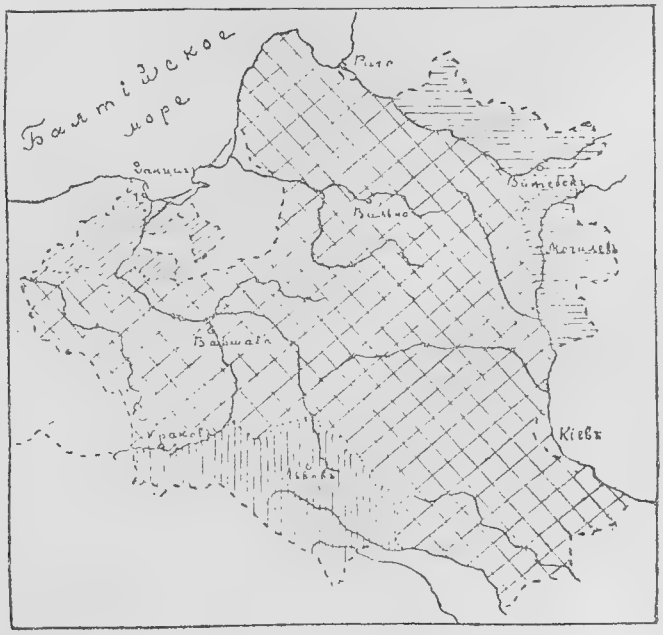
Культура Германии в конце XVIII в. В Германии можно было насчитать до 360 самостоятельных тел, включая сюда владения независимых имперских рыцарей. Среди них имелись два крупных государства, Австрия и Пруссия, со значительными частями, лежавшими вне пределов империи, несколько княжеств средней величины (Бавария, Саксония, Ганновер), духовные владения с пожизненными государями (архиепископами, епископами и аббатами), небольшие городские республики с аристократическим строем. Германия была большой военной ареной, на которой решались европейские споры; она кроме того составляла постоянный запасный лагерь, где набирались солдаты для всей Европы, продаваемые мелкими владетельными князьями. Германские князья привыкли, особенно от Франции, ждать субсидий и рассчитывать на ее поддержку при захвате владений своих более мелких соседей. Интересы не только крупных правителей, австрийского и прусского, но и других, средних отвлекались за пределы империи: ганноверский курфюрст был английским королем, а саксонский—королем польским; они жили, один в Лондоне, другой в Варшаве, а последний даже, ради своих новых подданных, принял католицизм. Наконец, частями империи владели иноземные государства, Швеция и Дания.

Раздробление не мешало Германии проявлять большую энергию в просветительной работе. Каждый владетельный князь среднего размера старался иметь на своей территории университет; благодаря этому образовалось множество соперничающих между собою умственных центров. В конце XVIII в. при одном из мелких дворов, Саксен-Веймарском, стараниями герцога возник литературно-научный кружок, в котором соединялись крупнейшие писатели Германии—Гердер, Гёте и Шиллер.

Германская наука отличалась по содержанию и характерным приемам от англійско-французской: на первом месте были не столько занятия по естественным наукам, сколько по древней литературе, истории Рима, Греции и раннего христианства. Предметы занятий имели мало отношения к современности. Поэтому наука германская отличалась отвлеченностью. Ее выводы были иногда очень смелы, но оставались на недоступной высоте умозрения.

Такова деятельность великого кёнигсбергского философа Канта. Характерна сама жизнь этого всестороннего ученого и мыслителя, затерянного в одиночестве далекого восточно-прусского городка: за весь ее продолжительный срок (1724—1804) Кант не выезжал далее 7 миль от места рождения; вся жизнь его прошла в педантическом однообразии; это—полная противоположность многосторонней наблюдательности и жизненным испытаниям Монтескьё, Локка, Вольтера.

С середины XVIII в. просветительное движение приняло в Германии новый характер—*возрождения национальной самобытности.* Впереди всей

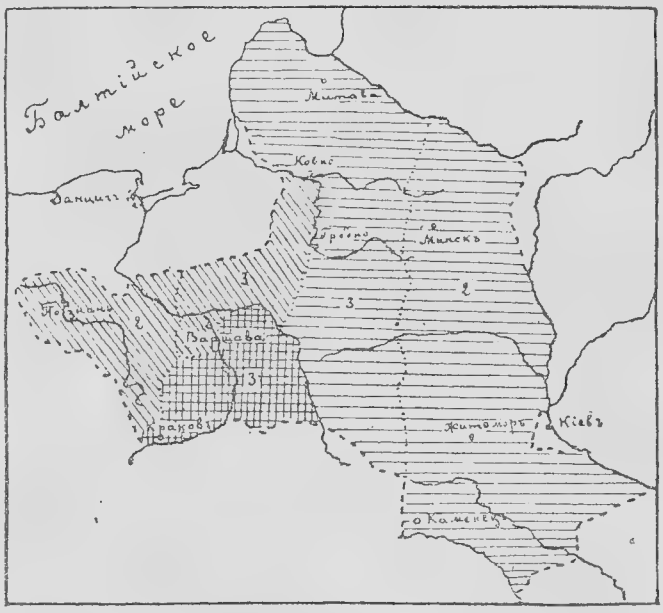


Польша после первого раздела. Полосками показаны области, уступленные России, Пруссии и Австрии.

работы стоит Лессинг (1729—1781), крайне разнообразный писатель, философ, критик и драматург. Одна из главных задач Лессинга—борьба с французским классицизмом, заполонившим германскую литературу. Философ и историк Гердер предлагает искать мудрости в творчестве больших групп, *народов.* Надо собирать «голоса народов», мифы, поверья, песни, обычаи, чтобы открыть ступени умственного развития человечества. Германские образованные круги преимущественно составлялись из *бюргерства,* среднего класса городского населения, похожего на французскую буржуазию.

Накануне французской революции молодое поколение литераторов, отдаваясь «бурным увлечениям» (так была озаглавлена одна драма), горячо

протестует, вместе с Руссо, во имя свободы и святости непосредственного чувства, старается вызвать в жизни сильные и оригинальные характеры. Сюда относятся ранние произведения Гёте (1749—1832): «Страдания молодого Вертера», «Эгмонт» и др. В первой драме Шиллера (1759—1805) «Разбойники» группа студентов, возмущенных неправдой и апатией остального общества, обуреваемых жаждой великого дела, уходит в леса и образует общину идеальных разбойников, которые не признают собственности, жгут и теснят злодеев и богачей и помогают бедняку. Они сокрушают установленный порядок, потому что высшее начало и право заключены в их свободном влечении.



Второй (2) и третий (3) разделы Польши.

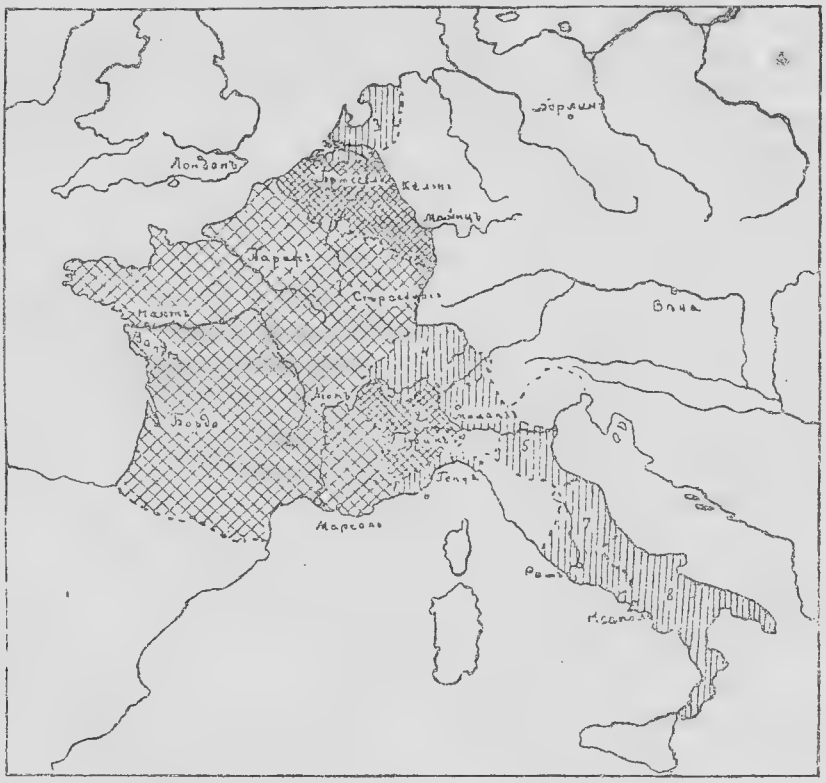
Весь этот бурный протест, однако, отличается очень неопределенным содержанием. В одной из последующих драм («Дон-Карлос») Шиллер удовлетворился идеалом правителя-философа и филантропа, облеченного неограниченной властью. Гёте и Шиллер, оба в своей совместной деятельности при веймарском дворе, искали проявления свободы, главным образом, в началах искусства и науки, в нестесненном исследовании и творчестве. Гёте в «Фаусте» старался представить весь свой век в двух символических фигурах: ученого Фауста, ищущего источника жизни и ключа к счастью, и беса Мефистофеля, духа отрицания и сомнения. Фауст не останавливается на разрушающем разборе, которому Мефистофель подвергает все стремления человека; он находит удовлетворение в широкой деятельности на благо масс.

Войны французской республики. Всюду вдоль границы Франции настроение было в пользу революции. В 1792 году небольшое французское войско легко завладело городами вдоль берега Рейна; французы вошли в крепость Майнц, ключ империи, всюду они водружали «деревья свободы», об'являли отмену привилегий и феодальных повинностей и перелагали подати на высшие классы. Особенно успешно пошла война с 1794 г., когда после временных неудач французы отбили армии европейской коалиции. С занятием Бельгии, духовных курфюршеств и западных владений Пруссии границы французской республики продвинулись до Рейна; завоеванные германские и нидерландские области были, подобно Франции, разделены на департаменты. Успехи Франции об'ясняются в значительной мере тем, что ее противники на востоке были отвлечены разделами Польши. После *первого* раздела (1772 г.) в Польше появилась партия патриотов-реформаторов. Выработанная ими так наз. майская конституция 1791 г., одновременная с работой Учредительного собрания во Франции, подняла беспокойство Пруссии и России, опасавшихся нового усиления Польши. Обе державы приступили к *второму* разделу (1793 г.), при чем Россия заняла Курляндию и литовские области, а Пруссия—Познань и Великую Польшу. Эти успехи двух восточных государств вызвали зависть со стороны Австрии. Когда русские войска подавили польское восстание, во главе которого стоял Костюшко, Австрия присоединилась к окончательному *третьему* разделу Польши (1795 г.).

Пруссия отозвала свои войска с французской границы еще после битвы при Вальми, чтобы держать их наготове для Востока. Удовлетворенная своими восточными приобретениями на счет Польши, Пруссия отстала от коалиции и первая заключила мир (*Базельский* 1795 г.) с новой Французской республикой, признавши ее таким образом за державу. В 1795—1796 г.г. французы всюду идут победоносно вперед. Генерал Пишегрю завоевал Голландию, генерал Бонапарт занял северную Италию, отнял у сардинского короля Савойю, Ниццу и Пьемонт и вытеснил австрийцев из Ломбардии. Успехи Бонапарта в Италии сопровождались захватом больших контрибуций с итальянских государств, между ними Генуи, Венеции и папской области, что дало возможность не только вознаградить солдат, но составило большой запас сумм для республиканского правительства во Франции. Войска республики заняли Рим и папский дворец Ватикан; без малейшего почтения к сану папы из его комнат унесли все предметы, сняли с его руки кольцо, самого папу, Пия VI, 80-летнего старика, увезли во Францию, где он и умер. Из Ломбардии Бонапарт направился через тирольские Альпы прямо к Вене и вынудил Австрию на мир (в *Кампо-Формио* 1797 г.), в силу которого она предоставила Италию в полное распоряжение французской республики. Так окончилась большая *первая* коалиция 1793 года.

Только один противник Франции сохранил перевес,—Англия. Директория

решила поддержать восстание в Ирландии против англичан и послать туда генерала Гоша. По предложению Бонапарта, он сам был отправлен с большой экспедицией в Египет (1798), где предполагалось нанести Англии решительный удар; Бонапарт мечтал о завоевании Востока вместе с Индией, наподобие второго Александра Македонского



Французская республика, ее завоевания и республики союзные, образованные при содействии Франции. 1 и 2—приобретения Франции (Бельгия, рейнские земли Германии, Пьемонт), 3, 4, 5, 6, 7, 8,—республики: Батавская, Гельветская, Цизальпинская, Лигурийская, Римская, Парфенопейская.

В завоеванных странах французы помогали демократам производить революции и устанавливать новое правление на началах гражданского равенства; всюду возникали республики, похожие на Францию и союзные с нею. Первою была основана в Голландии (Батавская) республика «единая и нераздельная» вместо старого федеративного и аристократического правления самостоятельных штатов. В Швейцарии также, вместо союза самостоятельных кантонов с аристократическими советами, была провозглашена единая демократическая (Гельветская) республика. Из отнятой у австрийцев Ломбардии вместе с поло-

винной бывших папских владений образовали Цизальпинскую республику. Наконец, Неаполитанское королевство с изгнанием оттуда Бурбонов было обращено также в республику.

В начале войны с Европой Конвент заявлял, что завоеваний не будет, что свободная Франция лишь протягивает братскую руку другим народам. Но по мере успехов во Франции забывали обещания; войска хотели славы и вознаграждения на счет покоренных, генералы требовали тяжелых контрибуций, как в старинных войнах, ведомых абсолютными монархами. Они сознавали себя как бы римскими консулами или императорами. Внутри Франции для них открывалась возможность переворота наподобие тех перемен, которые осуществили Цезарь и Август.

Переворот 18 брюмера. В управление Директории все сильнее развивалась реакция против революции. От идеала равенства, который так выдвигали якобинцы 1793 г., общество ушло как нельзя более далеко. Создавалась явно новая аристократия богатых; капитал входил при воинственной республике еще больше в силу, чем раньше. Война открывала новые промышленные выгоды; можно было выиграть на поставках в армию; добыча, контрибуции, собираемые с покоренных стран, служили для основания крупных предприятий. Сильный поворот был заметен и в религиозных чувствах. Равнодушие республиканцев Конвента к религии заменилось ревностным посещением обрядов, совершаемых неприсяжными, т.-е. верными старой церкви священниками.

Однако, ошиблись и те противники революции, которые распространяли «манифесты Людовика XVIII» (это имя принял старший брат казненного Людовика XVI, считая Людовиком XVII умершего малолетнего дофина). Против возвращения старого порядка было большинство буржуазии: его боялись владельцы имуществ, отобранных у церкви и эмигрантов, боялись все те, кому равенство прав открыло службу, должности и почести; почти все генералы республики при старом порядке оставались бы в низших чинах. Большинство соглашалось теперь помириться с такой властью, которая дала бы спокойное обладание новыми правами и владениями, хотя бы при этом была утрачена политическая свобода.

Республика держалась только содействием военной силы. В 1797 г. в палатах большинство было из роялистов; на их стороне были двое директоров. Когда обнаружилось, что роялисты готовы на реставрацию монархии, остальные директора сообщили об опасности командирам победоносных армий. Бонапарт из Италии прислал подчиненного генерала, который арестовал роялистических депутатов. Само республиканское правительство готовило передачу власти в руки военного диктатора. В 1799 г., между тем как Моро, начальник рейнской армии, медлил, Бонапарт внезапно покинул Египет и вернулся во Францию. За него были два директора, между ними популярный

среди зажиточной буржуазии Сиэс. Бонапарт был назначен комендантом Парижа, а палаты, под предлогом избавления от якобинского заговора, переведены в городок Сен-Клу, под Парижем. Девятого ноября 1799 г. (по республиканскому календарю 18 брюмера VIII года) директора-сторонники Бонапарта добровольно отказались от должностей, остальных вынудили к отставке и двоих взяли под арест. На другой день генерал ввел солдат в залу заседаний совета Пятисот и изгнал народных представителей.

Строй консульства и империи. По плану Сиэса, считавшегося особым мастером в составлении конституций, был выработан новый строй (четвертый, за 10 лет со времени начала революции). Эта конституция VIII г. была полной противоположностью самоуправлению, установленному конституцией 1791 г., и верховенству Конвента 1793 г. Она сохраняла имя республики и для утверждения ее был произведен *плебисцит*, т.-е. всенародное голосование. Но это была только демократическая декорация. Народ не выбирал ни депутатов, ни должностных лиц. Настоящего парламента не было, а было несколько странно разделенных законодательных учреждений: *государственный совет* только предлагал проекты, первая палата *(трибунат)* только обсуждала эти предложения, вторая *(законодательный корпус)* только голосовала, т.-е. произносила «да» или «нет» и санкционировала налоги; наконец, высший орган *(сенат)* утверждал или отменял закон, судя по тому, был ли он согласен с конституцией или нет. Сенат, с Сиэсом во главе, был назначен по усмотрению Бонапарта и в свою очередь назначил депутатов двух палат по списку граждан. В действительности все решалось волею главы государства, «гражданина Бонапарта», который был только по имени членом коллегии 3 консулов, а на самом деле в качестве *первого консула*, избранного на 10 лет, состоял единственным начальником всех военных сил и всей администрации, с правом полного распоряжения в делах войны и мира; назначая министров, послов, членов государственного совета, судей, он мог издавать указы, равные законам.

При помощи нескольких изменений Бонапарт еще более усилил свою власть: через два года сенат об'явил его власть пожизненной, а еще через два (1804) превратил ее в *императорскую:* в качестве «императора французов» правитель назвался по личному имени Наполеоном I. Вместе с неограниченной властью ожили и многие учреждения старой монархии: в департаментах были назначены послушные верховной власти *префекты*, преемники интендантов и конвентских комиссаров; в каждой общине, городе и деревне правительство назначало *мэра*, голову. В столице была устроена многочисленная, очень бдительная и придирчивая полиция. Политическое дело революции внутри Франции было совершенно уничтожено Наполеоном. Молодым офицером он держался демократических идей, был одно время членом якобинского клуба; благодаря монтаньярам, он получил командование итальян-

ской армией, которое выдвинуло его на первое место между генералами республики. Но со времени переворота Наполеон выражал нескрываемое презрение к «идеологам», т.-е. людям республиканских и конституционных принципов.

Общественные перемены, произведенные революцией, напротив, большею частью удержались в силе. Хотя многие эмигранты могли теперь вернуться, однако, национальные имущества и конфискованные владения остались в руках новых собственников, которые купили их во время революции. Сохранилось также проведение в реформах Учредительного собрания гражданское равенство. Его положения были соединены в большой свод комиссией юристов; под названием *кодекса Наполеона* свод вошел в силу для всех земель на запад от Рейна и Альп.

Осталась в силе также свобода исповедания. Но в положении церкви все же произошла перемена. Государство в начале революции легко отняло у обессиленной церкви ее привилегии и владения; но оно само потерпело неудачу, когда стало проводить реформы в церковном устройстве и учении: оказалось очень много верующих, которые вышли из спокойствия, когда затронуты были религиозные обычаи; неприсяжные священники, державшиеся союза с Римом, тем более вызывали сочувствие, что им пришлось не мало пострадать во время революции. Первый консул и его советники в церковных вопросах, совершенно равнодушные к религии, считали выгодным устроить соглашение. В свою очередь папа Пий VII, с которым они имели дело, держался примирительного направления. По *конкордату* 1801 года, католицизм был признан лишь религией «большинства французских граждан», свобода богослужения и публичных обрядов—ограничена полицейскими распоряжениями, какие найдет нужным ввести правительство. Епископы должны были получать сначала назначение от главы государства, потом уже утверждение от папы.

Люди, окружавшие Наполеона, подчинившиеся ему прежние коллеги-генералы, гражданские чиновники, частью бывшие деятели Конвента, тянулись составить новую аристократию, так же как их глава не хотел оставаться президентом республики, а желал войти в круг европейских сеньеров-государей. Наполеон завел поэтому настоящий двор с пышными приемами и праздниками, нарядил недавних демократов и якобинцев в яркие шитые золотом кафтаны и страусовые перья, стал раздавать титулы баронов, графов, герцогов.

Внешняя политика Наполеона. Во время переворота 18 брюмера Франция была в войне с новой, *второй* коалицией, в которой к непримиримому врагу, Англии, присоединились Россия (император Павел I), Австрия, Германская империя и Турция. Вслед за экспедицией Бонапарта к Египту пустился по Средиземному морю английский адмирал Нельсон и сжег фран-

цузский флот около устьев Нила. Русские в союзе с австрийцами, под начальством Суворова, вытеснили французов из Италии; в Неаполе и других частях полуострова были восстановлены прежние правительства (1799). При консульстве Франция вернула свой перевес. Император Павел, недовольный тем, что Австрия, вместо восстановления прежних итальянских государей, ищет собственных приобретений, отозвал свои войска и отступился от коалиции. Первый консул снова завоевал северную Италию, а другая французская армия вступила в Германию и открыла дорогу к Вене. Оставшиеся союзники, Австрия и Англия, заключили мир с Францией (1801—1802). В Англии главный сторонник войны Питт вышел в отставку; большинство английского общества горячо приветствовало мир.

Наполеон придал теперь Италии более упрощенный вид и об'явил себя президентом Итальянской республики. Но особенно важные перемены были произведены в Германии. Под предлогом вознаграждения тех германских князей, которые потеряли владения на левом берегу Рейна, Франция приобрела себе союзников, особенно в южной Германии. Материалом для расплаты должны были послужить владения духовных курфюрстов, вольные имперские города и земли, принадлежавшие имперским рыцарям: эти *секуляризации* и *медиатизации* (превращение вольных членов империи в подданных княжеств) помогли Бадену, Вюртембергу и Баварии значительно увеличить и округлить свои владения; баварский и вюртембергский князья приняли от Наполеона королевские титулы. Но и Пруссия воспользовалась в сильной степени милостями Франции и выгодами раздела Германии: за потери на левом берегу она получила почти вчетверо на правом, забравши земли епископов, аббатов и вольных городов.

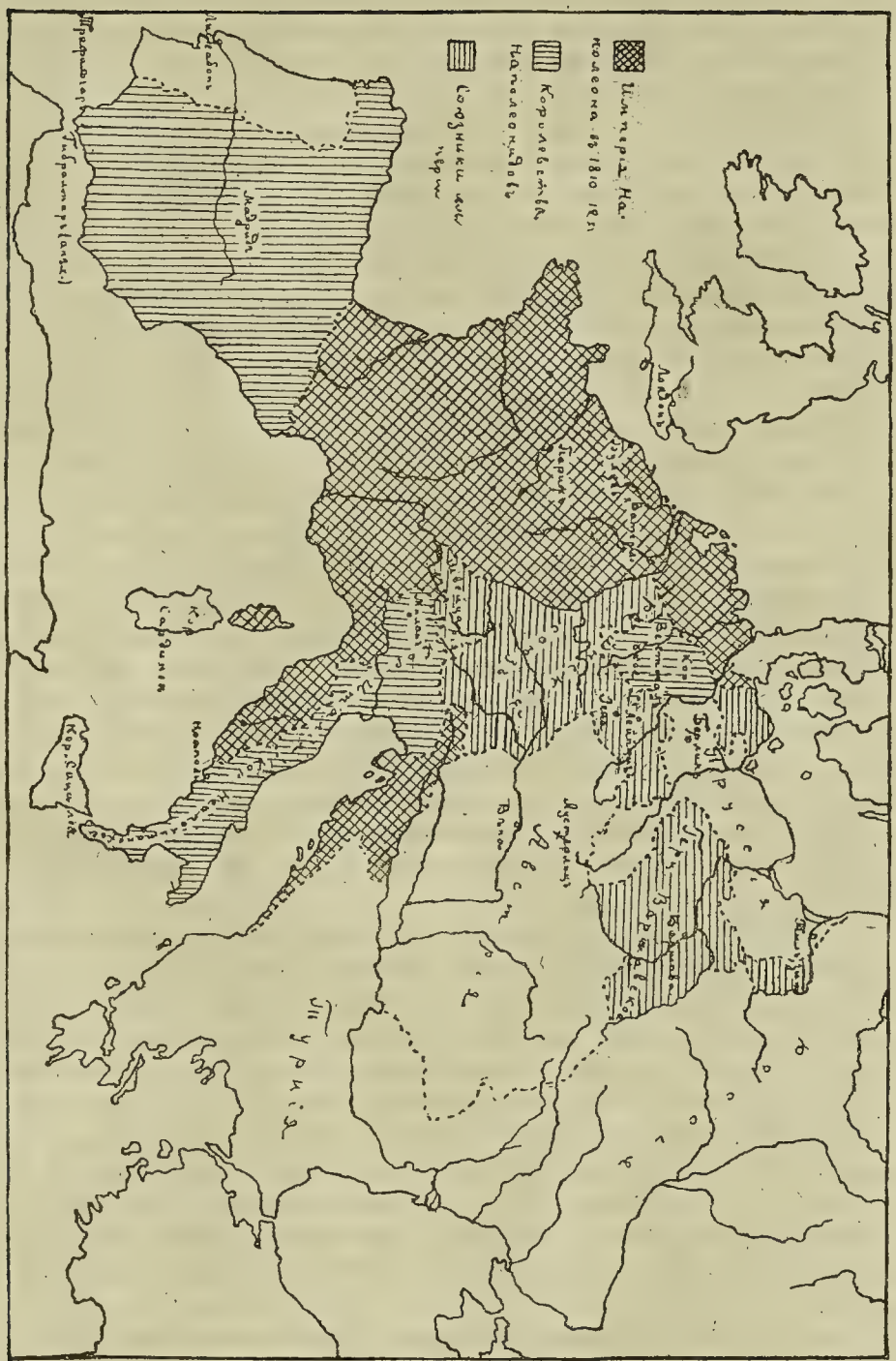
Наполеон не хотел остановиться на этом крайне выгодном для Франции положении. С принятием титула императора он связывал представление о господстве над всей Европой наподобие Римской империи. Но у Франции остался один непобежденный соперник на море и в колониях—Англия. Наполеон стал готовить высадку против Англии в Булони; с французским флотом совместно должен был действовать испанский. Питт, с 1804 вновь во главе министерства, сумел отвлечь опасность, грозившую Англии. Он устроил в Европе *третью* коалицию, привлекши против Наполеона Австрию и Россию (имп. Александра I). При поддержке южно-германских князей Наполеон быстро надвинулся и разбил главные силы австрийцев вместе с русскими в большом сражении при Аустерлице в Моравии (1805). Австрия должна была отказаться от всех владений в Италии и в Германии. Но в то же время флот Наполеона вместе с испанским был уничтожен его старым противником Нельсоном у берегов Испании (при Трафальгаре), и Англия была спасена от высадки. Победитель, Нельсон, был убит во время сражения. Скоро умер от нервного напряжения другой противник Наполеона, Питт, организатор коалиций против Франции.

На суше в следующем году (1806) Наполеон одержал новые успехи. Пруссия до сих пор мирилась со всеми французскими завоеваниями и даже извлекала из них выгоду. Но когда Наполеон стал распоряжаться территориями, раньше ей обещанными, Пруссия об'явила ему войну. Ее ждала полная и скорая катастрофа. Наполеон, по обыкновению, прошел очень быстро через южную Германию и разбил прусскую армию при Иене. После этого позорно сдались одна за другой крепости на пути к столице, и через две недели Наполеон был уже в Берлине. Прославленная военная сила Пруссии оказалась обманчивым призраком, не было и тени той энергии, дисциплины и выучки, которые считались неот'емлемым достоянием государства Фридриха II. Преследуя бегущую королевскую семью, Наполеон вступил в области, присоединенные по разделам Польши за 10—13 лет до того, и об'явил независимость Польши. Обеспокоенный за свои польские владения, Александр I двинулся на защиту Пруссии и во второй раз вступил в борьбу с Наполеоном, но и в этой восточно-прусской кампании русские не имели успеха. Наполеон не хотел, однако, доводить до крайности и предложил Александру I свидание в *Тильзите,* где между ними устроился мир (1807).

Главное условие состояло в дележе круга действий в Европе: Россия выговорила себе свободу относительно Швеции и Турции, Наполеон—в остальной части материка. Пруссия должна была принять те условия, которые выработали оба императора в Тильзите. Она потеряла большую часть территории: все земли на запад Эльбы, и области, полученные по двум последним разделам Польши. Из последних вместе с долей Австрии по третьему разделу Наполеон составил герцогство Варшавское с передачей его саксонскому курфюрсту, наделенному королевским титулом. Пруссия обязалась выдать большую контрибуцию, сделать огромные поставки и сократить свою армию до 40.000; она обратилась в державу третьего разряда, вроде Баварии или Саксонии.

Несколько раньше и позже Наполеон распорядился еще целым рядом территорий. Республики, образованные Директорией, были превращены в королевства и розданы наполеонидам: Батавская стала королевством Голландией; в северной Италии вице-королем был посажен пасынок Наполеона. Из прежних прирейнских земель Пруссии выкроили королевство Вестфальское для брата императора; Наполеон поставил его во главе остальных германских князей, образовавших *Рейнский союз.* Бурбонов из Неаполя Наполеон удалил, об'явив, что «они перестали царствовать», и посадивши там своего зятя Мюрата, сына трактирщика. Таким же заявлением он лишил папу светской власти и сместил династию в Португалии. Наконец, он заставил отречься от престола своего верного союзника, короля испанского, и заменил его своим братом.

В кругу этих захваченных владений происходили постоянные переме-



Западная Европа в эпоху господства Наполеона.

щения. Так, Наполеон взял в свое личное управление Голландию и присоединил к Франции северную Германию до западного угла Балтийского моря, а также северо-западную Италию. Франция далеко вышла за свои естественные границы, вытянувшись двумя полосами вдоль обоих морей, омывающих среднюю Европу; господство ее, если прибавить наполеонидов и немецких князей, доходило до Эльбы и Дуная, куда были оттеснены ослабленные и уменьшенные Австрия и Пруссия; кроме того еще, позади них и в виде передового поста наполеоновской империи, стояло на Висле герцогство Варшавское. Непрежнему невозможно было сладить только с Англией. Бессильный против нее на море, Наполеон решил убить ее торговлю на материке, и с этой целью провел во Франции и заставил всех вассалов принять *континентальную систему*, т.-е. запрещение покупать какие-либо товары, привозимые на английских кораблях.

Во время революции Франции пришлось впервые в Европе поднять народную войну: против наемных войск коалиции в 1793 г. сражались французские добровольцы и ополчение, призванное из всех классов населения на защиту отечества. В последующих войнах республики дело шло, правда, уже о завоеваниях, но солдат продолжали призывать массами из всех классов и выработали систему *общей воинской повинности*. Наполеон вполне воспользовался этой системой в устройстве своей Великой армии, служившей в непрерывных походах для расширения империи; он требовал также больших вспомогательных отрядов из подчиненных стран и от вассалов—голландцев, немцев, итальянцев, поляков. Наполеон воспользовался еще одной чертой, оставшейся в армии наследием от революции: в ней не было классовых различий, не было палочной дисциплины, она была демократизована, люди высших классов начинали службу с низших чинов, простые солдаты могли надеяться на повышение всякого рода. Республиканский дух мало-по-малу уступил в этой армии место понятию о воинской чести, сознанию славы непобедимого народа. Наполеон искусно подхватил увлечение, окрестил Францию именем «великой нации», всячески поддерживал честолюбие своих солдат и офицеров, щедро раздавал военные пенсии, подарки, аренды, отличия; его маршалы получили миллионные доходы, иные дошли до «королевского чина».

Против Наполеона сражались не народы, а дворы, опиравшиеся на старую систему управления, на привилегированные классы, на армии, наполовину составленные из крепостных. В то время, как французская буржуазия составляла с 1789 г. главную деятельную силу нации, стремившейся вперед, бюргерство в Пруссии встречало завоевателя равнодушно, а крестьяне, может быть, даже с тайной радостью, особенно когда в отнятых у Пруссии польских областях Варшавского герцогства Наполеон об'явил освобождение крепостных. Эта великая разница в пользу Франции, однако, должна была исчезнуть под

влиянием самого толчка, созданного ее завоеваниями. Война ускоряла в европейских странах наступление перемен, отчасти похожих на революцию французского общества.

Реформы в Пруссии. Всего раньше произошла перемена в Пруссии. В то время, как близилась катастрофа государства, в среде самих чиновников появилась группа сторонников реформы: Гарденберг, Вильгельм Гумбольдт приветствовали французскую революцию, в которой видели «освобождение личности»; основное убеждение их состояло в том, что «каждый гражданин легче сам откроет свой истинный интерес, чем это может быть ему предписано правительством». Отсюда получили вывод, что нужно покинуть систему опеки, вмешательства правительства во все стороны жизни; должны быть разбиты рамки между классами, уничтожены привилегии, отменено «позорное пятно» крепостничества, и обществу следует предоставить самодеятельность. Недалекий, вечно колеблющийся, медлительный король Фридрих-Вильгельм III (1797—1840), доведенный до крайности падением Пруссии, поневоле заменил своих старых советников людьми более решительными, которые настаивали на коренных реформах, чтобы «возродить общественный дух».

Во главе дел был поставлен сначала враг революции, Штейн. По своему происхождению из имперских рыцарей, Штейн был далек от сторонников равенства во французском духе и держался старозаветных взглядов. Однако, поднимая борьбу против нового цезаря, Штейн думал воспользоваться средствами революции для под'ема народа и отвоевания независимости. Через несколько дней после вступления в министерство, Штейн подписал уже готовый проект реформ, которыми думали возбудить патриотизм общества. Этот эдикт 9 октября 1807 г. уничтожал сословные преимущества, устанавливал свободный переход земли и позволял бюргерам и крестьянам покупать дворянские имения; затем он отменял *личную* зависимость крестьян от помещиков, т.-е. давал им право уходить с земли и выбирать занятие. Работы и повинности помещичьих крестьян остались в полной силе. Далее Штейн предложил реформу управления городов и областей. Наполеон, предполагая в нем сторонника отпадения Пруссии, потребовал его отставки.

Преемник Штейна Гарденберг отменил цехи, стеснявшие свободную деятельность промышленников, и ввел налоги, одинаковые для всех сословий. Два раза созывали в его министерство «народных представителей», т.-е. немногочисленных депутатов от провинций, при чем дворяне имели полный перевес над бюргерами. В 1812 г. депутаты единогласно потребовали введения конституции; но на их адрес правительство не дало ответа. Властный и высокомерный, когда дело шло о политических требованиях, Гарденберг, напротив, вполне уступал юнкерству в его сословных желаниях.

В министерстве Гарденберга были сторонники освобождения крестьян с землею за денежный выкуп. Но помещики вовсе не желали подобной реформы.

В собрании депутатов изменили проект правительства, и Гарденберг был в этом отношении настолько слаб, что согласился на все требования юнкерства. В силу *эдикта 1811 г. о регулировании* выкуп допускался только при обоюдном желании помещика и крестьянина, но не был обязателен, как сначала предполагалось в проекте. Крестьяне должны были выкупать барщину землей, а не деньгами: наследственные—отдавать $^1/_3$ владеемой земли, пожизненные и срочные (арендаторы)—½. Таким образом сторонники освободительных реформ начала XIX века уступили в самом существенном вопросе, где не поддавалась даже абсолютная монархия, оберегавшая крестьянскую землю от перехода в руки рыцарей.

Но и это еще было не все. Дворяне настаивали на полной отмене «защиты крестьян», которую ввел Фридрих II. Вследствие надвинувшейся освободительной войны 1813 года, дело выкупа пришлось остановить. Когда война окончилась в 1815 году, множество крестьянских дворов оказались покинутыми и разоренными. Помещики добились, чтобы по *закону 1816 года* им было позволено забирать все крестьянские участки, владетели которых вынуждены были хоть на некоторый срок покинуть свои дворы. В силу того же закона 1816 года, выкуп был очень ограничен. Помещики согласились лишь на отмену повинностей упряжных, которые отбывались более зажиточными, лошадными крестьянами; барщина остальных, более бедных, крестьян не была отменена, и они не могли выкупаться; в их лице помещики сохранили обязанных работою батраков.

Национальные движения в Европе. Завоевания Наполеона вызвали в населении разных стран Европы отпор в виде национального чувства. В Пруссии главным центром патриотического настроения стал новооснованный (1810 г.) Берлинский университет. В числе его профессоров был философ Фихте, в свое время космополит и почитатель французской революции. Под впечатлением завоевания он печатает свои «Речи к германскому народу», проникнутые враждой к чужеземцам и их культуре. Фихте с негодованием обрушивается на философию XVIII в.; в ней отражается «бездушное, мертвящее» просвещение французов и других романских народов. Общество распадается и гибнет от нравственной порчи. Спасение миру принесет народ непропутый, германцы, носители великой нравственной идеи. Лишь германцы обладают языком истинно живым, проникающим до глубины души.

В это время на другом конце наполеоновской империи, на Пиринейском полуострове, уже поднималось сопротивление. В Португалии и Испании никогда не было полного повиновения Наполеону: в горных местностях собирались партизаны и вели герилью, мелкую войну, против отдельных отрядов французской армии. Это народное восстание стали поддерживать англичане, и в год похода Наполеона в Россию (1812 г.) английский главнокомандующий, Веллингтон, одержал несколько важных успехов и стал вытеснять французов

с полуострова. В Кадиксе, на юго-западной оконечности Испании, собрались в кортес народные представители и выработали конституцию, которую предполагалось ввести после изгнания французов.

Падение империи Наполеона I. Одновременно с этим империя начинает колебаться внутри Франции. Высшие и средние классы, приветствовавшие Бонапарта в 1799 г., как установителя порядка и спокойствия, проникаются враждой к империи из-за ее непрерывной воинственной политики. В народе еще не слышно прямого протеста, но все растет недовольство беспощадной рекрутчиной, которой требуют войны; массы людей убегают в горы, в леса; правительству приходится рассылать облавы и устраивать военные экспедиции внутри страны для захвата солдат.

С 1812 года начинается окончательное военное крушение империи. Наполеон был недоволен тем, что Александр плохо соблюдает континентальную систему против Англии; русский император, обратно, был недоволен существованием герцогства Варшавского, грозившего восстановлением прежней Польши. Наполеон задумал смирить последнюю державу на материке, которая еще не подчинялась ему; за походом на Москву он мечтал о дальнейшем движении на восток для отвоевания у англичан азиатских колоний. Были сделаны большие приготовления, со всех подвластных стран собрали армию свыше полумиллиона солдат. Вслед за большой перешительной битвой под Бородиным Наполеон занял Москву, но встретил всюду опустошение. Приближение зимы заставило Наполеона двинуться из Москвы на юг; русская армия, однако, оттеснила его на старую разоренную дорогу, и отступление французов превратилось скоро в беспорядочное бегство. Близ польской границы Наполеон бросил остатки Великой армии и поспешил во Францию, чтобы набрать и организовать новое войско для отпора грозившей ему теперь коалиции.

Европейская война последующих двух лет 1813—1814 не похожа на предшествующие войны с республикой и империей. Государи должны были обращаться к той самой народной силе, которую они старались побороть во французской революции. Соединяясь с Александром I, Фридрих-Вильгельм III издал «Призыв к народу», в котором говорил, что народы имеют право на определение своей судьбы. Это было понятно не только, как приглашение к борьбе против иноземного господства, но и как обещание дать народу свободные представительные учреждения.

В восстании против Французской империи была, однако, еще совершенно иная черта. Главная роль в патриотическом движении Пруссии принадлежит юнкерам. Разгромленные в 1806 году, они собрались в 1813 году с новыми силами и воспользовались уроками революции, особенно введенной Конвентом в 1793 году всеобщей воинской повинностью. Прусское дворянство, после крушения Великой армии Наполеона, действует вполне самостоятельно, увлекая за собою короля почти насильно. Не дожидаясь разрешения из Берлина,

дворяне сходятся на ландтаг в Кёнигсберге и постановляют созвать *ландвер* (народное ополчение). Набором ополченцев всюду руководят дворяне; в офицеры они допускают только людей своего звания. В это же время они добиваются крайне выгодных для себя условий в крестьянской реформе (замечательное совпадение: война 1813—1815 г.г.; реформа 1811—1816 г.г.). Таким образом те самые классы, которых революция во Франции лишила земли и влияния, с Пруссии поднимаются против демократических перемен, пользуясь, однако, средствами, созданными революцией.

Врагами Наполеона в начале 1813 года были—Россия, Пруссия и Англия; большинство германских князей осталось на стороне Наполеона, который успел собрать новую армию и сам напал на союзников. Положение его стало затруднительно, когда к коалиции присоединилась Австрия. В трехдневной битве под Лейпцигом (в октябре 1813 г.) Наполеон был разбит и отступил за Рейн. Германские князья отстали от него, но присоединились к коалиции только под условием, что за ними будут признаны все приобретения, сделанные ими при помощи Наполеона.

В следующем 1814 г. русские, пруссаки и австрийцы вступили с востока во Францию, в то время как из-за Пиринеев надвигался Веллингтон. Франция была слишком истощена, чтобы защищаться, как в 1793 г.: войско Наполеона состояло большею частью из совсем молодых людей. Соединенные армии открыли себе путь к столице и взяли Париж, между тем как Наполеон подписал свое отречение. Союзники решили сделать его владетельным князем небольшого итальянского острова Эльбы, а во Франции, которая должна была сократиться до пределов 1792 г., восстановить династию Бурбонов (Людовика XVIII) с тем, чтобы она дала стране конституцию. Для решения других вопросов, касавшихся распределения европейских территорий, возвращения изгнанных правителей и внутреннего устройства стран, захваченных революцией и войной, государи-союзники созвали Венский конгресс.

Еще прежде, чем конгресс успел принять решения, во Франции произошло восстановление наполеоновской империи. Это было собственно восстание армии против порядка, принесенного Бурбонами и вернувшимися с ними эмигрантами. Наполеон воспользовался военной революцией и высадился на юге Франции (весной 1815 г.). Бурбоны бежали, Наполеон опять вернулся в Париж, на этот раз уже вынужденный сблизиться со сторонниками политической свободы и обещать конституцию, значительно ограничивавшую его власть. В Бельгии собрались английские и прусские войска (Веллингтон и Блюхер). Наполеон двинулся против них, не смог их раз'единить и был разбит их соединенными силами при Ватерлоо. После этих «Ста дней» он пытался бежать в Америку, но был захвачен англичанами и с согласия союзников отправлен на остров св. Елены в южной части Атлантического океана, где и оставался в английском плену 6 лет до своей смерти (1821).

Союзники опять вошли в Париж и снова водворили Бурбонов. Франция должна была выплатить контрибуцию, а для обеспечения ее в течение 5 лет содержать на своей территории 150.000 войска союзников. Венский конгресс продолжал свою работу. В его решениях так же, как в событиях последующих 10—15 лет, отразились настроения, вызванные самой революцией и борьбою с нею. Те интересы различных владетелей, которые были опрокинуты или задеты революцией, соединились в *реакцию,* т.-е. в требования вернуть старину и расправиться с мятежной демократией, поднявшейся вверх.

IV.

Общеевропейская реакция.

Реакционные учения и либерализм. До революции 1789 г. нигде в литературе нельзя было найти прямых возражений религиозным и политическим идеям просвещения. И высшие классы, и государи относились к ним равнодушно или даже сочувственно, считая их очень отвлеченными и далекими от осуществления. Совершенно иначе стали к ним относиться, когда во Франции произошла революция, и проповедь освобождения стала распространяться в других странах Европы. Все, кого затронул переворот, стали говорить о разрушительном, ядовитом действии тех самых принципов, которые раньше беспрепятственно высказывались в салонах и в литературе. К прямым врагам революции, каковы были французские эмигранты, мелкие владетели Германии, лишенные владений, высшее католическое духовенство и т. п., стали присоединяться бывшие участники революции, напр., значительная часть буржуазии, задетая слишком бурным характером переворота. В понятиях всех этих раздраженных, сбитых с места и положения, испуганных или разочарованных людей происходит перестановка. Они начинают восхвалять исчезнувшее время, проклинать «холодный» разум, внушивший перемены, и противопоставлять ему непосредственное чувство, веру.

Первое место среди французских писателей, враждебных революции, принадлежит Жозефу де Местр. Эмигрант из Пьемонта, довольно долго живший в Петербурге, де Местр в «Мыслях о французской революции» осмеивает «сочиненные» конституции французов. Только та конституция крепка, которая выросла, как дерево, которая составляет дело самой природы, а между тем естественный порядок заключает в себе неравенство, господство одних и подчинение других; бесполезно об'являть освобождение тех людей, которые родились и призваны быть рабами. Основа незыблемого строя общества—

религия; но религия не есть дело совести каждого отдельного человека, это— грозный общий закон. В сочинении «О папе» де Местр доказывает, что на земле должен быть высший безапелляционный авторитет, который бы говорил людям: «вы заблуждаетесь». Людям нужна не свобода, а суровые, жестокие сдержки, оковы, наказания; оттого де Местр прославляет инквизицию.

Галлер, изгнанный швейцарскими демократами патриций старинной бернской семьи, в книге «Реставрация государственной науки», восстает против идей равенства и свободы личности, потому что это—ухищрения, придуманные просветителями XVIII в., а он хочет восстановить «честь бога и природы». На земле существует только право сильного, а из него вытекает право частной собственности. Государь владеет государством, как помещик усадьбой; он свободен от всяких обязанностей. Верховенство народа не имеет смысла, потому что народ, как целое, существует только тогда, когда его призовут выслушать приказ.

Идеалом реакционеров были Средние века, по их определению,—эпоха веры, воинственного рыцарства, подчинения рабочего класса, крепкого патриархального строя. Против требований разума они выставляли *исторические права*, т.-е. то, что освящено давностью: таковы права династий на наследственную и неограниченную власть, права собственников на доход с земли и на крепостную работу, преимущества сословий, исключительные права старинных корпораций.

В рассуждениях их противников, *либералов* (это название впервые появилось в испанском восстании 1812 г.) были черты новые сравнительно с XVIII в. Просветители XVIII столетия говорили о правах *человека* и человечества, были *космополитами*. В революционной Франции и в борьбе европейских обществ против наполеоновского господства ярко выступили силы отдельных наций. Было ясно, что отдельная личность может достигнуть свободы только при совместных усилиях тех, кто разделяет с ней одинаковые чувства и понятия, говорит с ней одним языком. Так возникла чуждая XVIII веку *национальная* идея. Либералы и демократы становятся националистами, особенно в раздробленных странах, как Германия и Италия. Либералы так же, как реакционеры, обращались к историческому оправданию своих требований. По учению либеральных историков, настоящую свободу знали германцы в лесах, описанные Тацитом; из-за свободы бились несокрушимые горожане средневековых коммун.

Оба противника идеализовали старину, отдавались *романтике*, но каждый по-своему: была романтика реакционная и романтика либеральная.

Решения Венского конгресса и восстановление абсолютизма. В борьбе Европы против Наполеона участвовали очень различные силы. Эмигранты 1789 г., изгнанные владетели и династии толкали европейских государей на войну, следовали за армиями и появились потом на большом европейском

конгрессе, чтобы напомнить о своих правах. Но в то же время массы населения поднялись в Германии, Италии и Испании, в ожидании политического освобождения. Старые руководители европейской политики, монархи, были теперь в затруднении, когда возник вопрос о восстановлении порядка после великого разрушителя. Они должны были исполнить свои обещания, данные нациям, но боялись вновь пробужденной силы народов, которая грозила ограничить их власть; они хотели восстановления законных старинных прав, стояли за *легитимизм*, но они также участвовали сами в дележах, производившихся во время войны, приобрели земли согнанных владетелей и не хотели их отдавать.

В работе Венского конгресса, на котором участвовала большая часть европейских государей и дипломаты всех стран, и выразилось это противоречие. Александр I, воспитанный республиканцем Лагарпом, в молодости поклонник французской революции, видел теперь в себе избранное оружие Провидения против злого гения Наполеона, но еще сохранил некоторые черты прежнего своего либерализма: он настоял на том, чтобы восстановленные во Франции Бурбоны дали стране конституцию (по Хартии 1814 г.), и сам в отданном ему Варшавском герцогстве обещал ввести конституцию. Мелкие правители юга Германии (короли баварский и вюртембергский, великий герцог баденский) сохранили свои увеличенные владения также под условием, что введут у себя конституцию.

Но эти изменения распространялись на меньшую часть Европы. При дележе добычи каждый из союзников хлопотал о том, чтобы не дать другим чрезмерно усилиться; сильные державы, Россия, Австрия, Пруссия, Англия, а также Франция, которую союзники приняли в свою среду, стали поэтому наблюдать *политическое равновесие*. При этом большею частью избирали путь, прямо противоположный национальным интересам. Польшу оставили разделенной между тремя государствами: Познань возвратили Пруссии; остальную часть Варшавского герцогства, под названием царства Польского, получил Александр I. Бельгию насильственно соединили с Голландией в Нидерландское государство с передачей власти в руки Оранского дома. В Италии восстановили династии, но оставили уничтоженными старые республики: Геную отдали сардинскому королю, возвратившему себе Пьемонт, Савойю и Ниццу; северо-восточные области (Ломбардо-Венецианское королевство) отдали Австрии, которая получила таким образом преобладающее положение на полуострове.

В Германии признали всех правителей Рейнского союза с их приобретениями на счет изгнанных князей, духовных владетелей и вольных городов (38 владений вместо прежних 360 территорий) и сохранили таким образом ее раздробление. По типу Рейнского союза теперь был образован *союз Германский;* кроме мелких владений, в него включены были Пруссия и Австрия

западными половинами своих владений: на союзный сейм во Франкфурте-на-Майне должны были являться чиновники, уполномоченные всех германских правительств при преобладании голосов Австрии и Пруссии. Сама составленная из различных народностей, опасаясь проявленной ими самобытности, Австрия стала в средней Европе охранительницей неподвижного порядка, главным врагом всяких национальных движений. Ее первый министр, князь Меттерних, управлявший иностранными делами до 1848 г., основой своей политики ставил противодействие всяким нововведениям.

Такой мысли вполне соответствовал задуманный Александром I *Священный союз*. Русский император все более склонялся к религиозности. Под влиянием окружавших его мистиков он предполагал найти в христианстве основу для поддержания порядка в Европе и для остановки международных войн. Он сам составил акт Священного союза, в котором ставилось в долг государям, в качестве уполномоченных Провидения, братски помогать друг другу и отечески управлять своими подданными. В союз вошли: Россия, Австрия, Пруссия и Франция; Англия отказалась от участия, ссылаясь на свое парламентское устройство. Три первые державы в особом секретном договоре решили созывать в правильные сроки общеевропейские конгрессы для охраны мира.

Первый такой конгресс был созван через три года после Венского (1818 г.) в *Ахене*. Дело шло об удалении союзных войск из Франции. Меттерних склонил Александра I, Фридриха-Вильгельма III и австрийского императора Франца II к обещанию подавить во Франции революцию, если бы она там вновь возникла. Этим настроением правительств Меттерних воспользовался для своей главной цели—уничтожения либерализма в Германии.

Реакция в Германии. Борьба против иноплеменной силы, французов, вместе с религиозным настроением, создала особый идеал германско-христианского быта: его последователи мечтали о каком-то восстановлении старинной германской жизни, несокрушимых характеров и физической силы в соединении с благочестием; в действительности они занимались гимнастикой, носили длинные неостригавшиеся волосы и костюм из грубой материи с открытым воротом. Понятие о чисто-германском молодечестве выразилось в образовании среди студентов общегерманской *дружины буршей*. Она должна была служить, главным образом, развитию национального чувства. Ее центром был университет в г. Иене, находившийся в небольшом герцогстве Саксен-Веймарском, где просвещенный владетельный князь, покровитель Гердера, Гёте и Шиллера, ввел первый в Германии конституцию и свободу печати.

Очень незначительны количеством были среди молодежи политические кружки, так наз. «серые» и еще более радикальные «черные». Они предполагали составить заговор, истребить врагов единства и свободы Германии и выработали проект конституции в республиканском духе. Но у этой группы

не было ни определенного плана действий, ни средств для того, чтобы даже начать какое-нибудь движение. Убийство мелкого немецкого писателя, бывшего советником Александра I, и демонстрации студентов в Вартбурге на празднике трехсотлетия реформации (1817 г.) послужили для Меттерниха придиркой, чтобы принять стеснительные меры. Германские правители согласились ввести выработанные им в *Карлсбаде* постановления: предполагалось распустить союзы буршей и установить предварительную цензуру для просмотра каждой выходящей газеты или брошюры (1819 г.).

Король Фридрих-Вильгельм III, обещавший перед битвой при Ватерлоо «даровать прусской нации конституцию посредством писанного акта», и не думал созывать парламент. Все управление осталось в руках чиновников. В лице Гегеля (Hegel) берлинское правительство обладало профессором философии, который давал полное оправдание существующему порядку.

Гегель (1770—1831), как и его друг философ-поэт Шеллинг, были уроженцами южной Германии и в 90-х годах XVIII в. переживали увлечение французской революцией. Шеллинг перевел на немецкий язык марсельезу. Гегель сажал древо свободы в Тюбингене и говорил якобинские речи. Оба философа после великой европейской войны отдаются реакции. Шеллинг видит во всей материальной чувственной жизни отпадение от Бога и ставит человеку целью очищение от греха и зла. Гегель в «Философии права», вооружается против революционеров, разрушивших государство и вместо него поставивших произвольный союз отдельных лиц. Государству надо поклоняться, как земному богу: отдельная личность получает всю свою цену, все свое духовное существование от государства.

Учение Гегеля имело, однако, еще другую сторону, в которой он остался продолжателем просвещения XVIII в.: Гегель высоко ставил человеческий разум. Вся история культуры в его глазах есть работа непрерывно проясняющейся мысли. Неподвижных догматов не может быть; анализ и критика идут неотступно, находя силу в самом существе человеческого духа. Всемирная история составляет развитие идеи свободы.

Революция в Испании. Более бурный характер носили движения на юге Европы. Испания дожила до XIX в. с учреждениями, которые установились благодаря католической реакции XVI в. В ней было всесильное духовенство, располагавшее огромными имениями, массой монастырей, свободное от налогов, державшее в своих руках инквизицию, цензуру всех изданий; представители сословий не собирались, и страна управлялась *камарильей*, т.-е. королевой, духовником короля и каким-либо королевским фаворитом. Вторжение французов впервые вызвало Испанию из этого онемения. В стране уничтожили инквизицию, установили равенство перед законом, одинаковое подчинение налогам всех классов. Патриоты, не желавшие господства иностранцев, в свою очередь должны были проявить самодеятельность при устройстве восстания;

в вооружаемых против французов ополчениях офицеры привыкли самостоятельно распоряжаться.

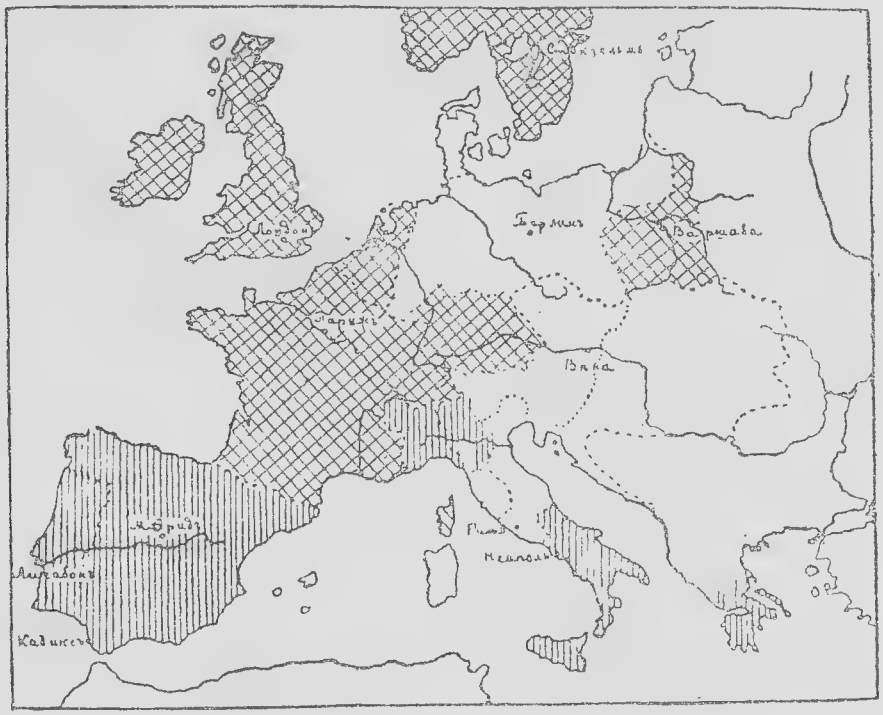
Когда англичане после победы над французскими войсками вернули в Испанию изгнанного бурбонского короля Фердинанда VII, к нему устремились сторонники неограниченной власти и господства духовенства. Король об'явил конституцию 1812 г., выработанную в Кадиксе (стр. 158), недействительной велел арестовать вождей либералов, и сам, не читая судебного расследования, осудил их на каторгу и заключение по монастырям. Он восстановил затем камарилью, инквизицию, монастыри и привилегии; по вечерам духовники короля собирались и составляли вместе с ним указы и распоряжения об арестах. Но правительство было бессильно, чтобы предпринять что-либо против восставших и отделившихся колоний южной и средней Америки, Перу и Мексики. На защиту политической свободы выступили кружки офицеров, которые об'единялись в масонских ложах, распространившихся в Испании с приходом французов и англичан. В 1820 г. Риего, начальник небольшого отряда войск, стоявших близ Кадикса и ожидавших отплытия в Америку, провозгласил конституцию 1812 г. Никто не хотел сражаться против восставших; испуганный король согласился на все, присягнул конституции и призвал ко власти либералов.

Итальянские революции и освобождение греков. Государи Священного союза не захотели устраивать в Италии даже того подобия связи владений, какое было установлено в Германии. Австрия потребовала вместе с тем, чтобы восстановленные династии не вводили у себя учреждений, непохожих на австрийские, т.-е. свободы личной и политической. Сардинский король отменил веротерпимость, поручил цензуру книг духовенству, вернул церкви отобранные имущества, положил смертную казнь за святотатство. Папа устранил светских чиновников и разделил страну для управления между кардиналами; духовная администрация отменила оспопрививание и освещение римских улиц, потому что это были французские нововведения. Сильные в преследовании разрозненных либералов и националистов, правительства итальянские были беспомощны, когда дело шло о поддержании порядка: разбойники грабили в папской области окрестности Рима, а в Неаполе король нанял на службу одну шайку для преследования других. Особенно тяжело было положение в северо-восточной австрийской Италии; здесь итальянцев отстранили от управления, уничтожили суд присяжных; действовала суровая цензура, и тайная полиция выслеживала убеждения и вскрывала письма.

В 1820 году, под влиянием испанской революции, поднялось движение в Италии. На нем отразилась деятельность тайных обществ *карбонаров* (угольщиков), устроивших отделения своего союза в военных полках. В Неаполе несколько офицеров провозгласили популярную на юге Европы конституцию 1812 г., и король согласился ее принять. В Сардинском королевстве

произошло то же самое, но кроме того восставшие подняли национальное, зелено-бело-красное знамя и об'явили восстановление итальянского королевства в пределах, занимаемых итальянским народом.

Все эти движения крайне обеспокоили реакционные правительства Европы. Затронутые в Италии непосредственно, австрийцы хотели добиться вооруженного подавления революций. На созванном вновь общем конгрессе в *Троппау* (1820 г.), Англия об'явила, что она стоит только за неприкосновен-



Время Венского конгресса и реакции. Клетками показаны государства с конституциями старыми или введенными около 1815 года; полосками—страны, в которых произошли революции в 20-х годах XIX века.

ность территорий в Европе, но не хочет никакого вмешательства во внутренние дела других стран. Меттерниху удалось убедить Александра I в пользу вмешательства, и оно было решено голосами Австрии, Пруссии и России против Англии и Франции.

Посланная в Неаполь австрийская армия быстро рассеяла неорганизованное войско конституционалистов, водворила короля, отдавшегося Австрии, и восстановила его неограниченную власть; также скоро австрийцы совладали и с сардинским движением: король, согласившийся присягнуть конституции, отрекся в пользу своего брата, и тот восстановил абсолютизм; так как в

борьбе против австрийцев участвовали студенты, король закрыл оба сардинские университета. Через год общеевропейский конгресс в *Вероне* (1822 г.) поручил французам произвести такую же экзекуцию над Испанией: и здесь французская армия, перешедшая Пиренеи, не встретила военного сопротивления; пройдя по всей стране до Кадикса, она помогла восстановить абсолютизм (1823 г.).

Во второй половине 20-х годов согласие реакционных правительств нарушилась. Англия, и без того нерасположенная к вмешательству, сделала еще шаг: министерство Каннинга согласилось вступить в сношения с южно-американскими республиками и этим признало их независимость от Испании. На Балканском полуострове европейские державы сами помогли восстанию против правительства.

В XVIII в. Оттоманская империя, основанная турками, вследствие войн с Россией и Австрией, начинает разрушаться. Среди подчиненных ей славян и греков пробуждается стремление к независимости. Население горных областей юга (Морея и средней Греции), бедное и воинственное, затем разбойники с островов Эгейского моря, нанимавшиеся на турецкую службу для охраны морской торговли, стали нападать на землевладельцев и чиновников-мусульман. Около 1820 г. началась истребительная жестокая резня между двумя разноверными и разноплеменными группами населения.

В Европе, среди либеральных кругов, увлекались возрождением славной древней нации; почитание античной культуры греков соединилось с сочувствием к их потомкам, ищущим освобождения, в *филэллинизме*, своего рода идеально-республиканском настроении. Грекам отправляли пособия, к ним ехали волонтеры, между прочим английский поэт Байрон. Меттерних боялся, что восстание греков вызовет общий революционный пожар в Европе, и убедил Александра I не принимать греческих делегатов, обратившихся за помощью к христианским державам. Турки, располагая регулярным войском и флотом, стали одолевать восстание. Между тем Англия решила вмешаться с целью заставить турок дать грекам особую администрацию. Тогда преемник Александра, император Николай I, не желая предоставлять Англии первую роль на Балканском полуострове, вступился сам, а с ним и Франция: соединенный флот трех держав при Наварине уничтожил флот турок (1827) и заставил их согласиться на признание независимости южных греков.

V.

Англия в первой половине XIX века.

Реакция в Англии и положение рабочего класса. В Англии раньше, чем где-либо в Европе, начался промышленный переворот, который выдвинул новые трудящиеся классы и настоятельно требовал свободы обмена. Но когда французская революция выставила идеи народного верховенства, гражданского равенства и личной свободы, высшие правящие классы в Англии отнеслись враждебно к движению. Аристократия, и без того не расположенная к реформам, вступила на путь реакции. Устарелый английский строй удержался в неподвижности еще долгие годы, до парламентской реформы 1832 г.

Эта задержка совпала с самым сильным развитием промышленного переворота и наиболее тяжелым положением рабочего класса в Англии. Рабочие были оторваны от земли и поставлены в исключительную зависимость от найма и заработка в больших предприятиях. Между тем сами предприятия руководились спросом на больших, нередко отдаленных, рынках. Спрос этот подлежал очень сильным колебаниям, особенно вследствие войн, которые закрывали крупный сбыт в ту или другую страну: происходили *промышленные кризисы*, т.-е. фабрики и заводы должны были сокращать свое производство или вовсе закрываться и распускать массы рабочих, впадавших в полную нищету. Новый многочисленный рабочий класс должен был кроме того подчиняться устарелым и суровым законам о труде времен королевы Елизаветы (стр. 70). Заработную плату устанавливали в отдельных местностях мировые судьи, которые принадлежали к составу крупных земельных собственников и промышленников: обыкновенно фабриканты и землевладельцы, искавшие батраков, могли обойти и эту низкую плату, заявив, что они хотят иметь рабочих из числа призреваемых в приходе бедняков. По *закону о призрении*, из приходской кассы для бедных выдавали рабочим «дополнительное» пищенское содержание, сообразованное с ценой на хлеб и числом членов рабочей семьи: так как плательщиками в кассу были, главным образом, фабриканты и землевладельцы, то выходило, что они, под видом призрения, сводят своих рабочих на самое низкое содержание, какое только возможно.

Никогда рабочие не были так стеснены в борьбе за улучшение своей участи, как именно в эту пору реакции. В средние века существовали союзы мелких мастеров и подмастерьев, которые оказывали известную поддержку своим сочленам; остатки этих союзов пытались бороться с крупными предпринимателями. Но в 1800 г. прошел *закон о союзах*, который воспрещал не только стачки, но и всякого рода соединения рабочих с целью добиваться повышения заработной платы, или уменьшения рабочего дня, или даже взаимо-

помощи и поддержки безработных, больных и престарелых. Высшие классы старались оградить свои интересы. Нищета вела к крайнему развитию бродяжничества и воровства; парламент выступал против преступлений с системой бесчеловечных наказаний; за 200 слишком различных деяний положена была смертная казнь, напр., за кражу вещи с окна магазина.

Ирландия. Особое место в бедствиях низшего класса занимал ирландский вопрос. Ирландия была областью завоеванной, и потому над ее крестьянским кельтским населением поместился слой посторонних господ. Собственно Ирландия была присоединена с XII в., но настоящее ее подчинение относится к XVII в., столетию английской революции. Ирландия осталась верной католичеству, и вся воинственная сила английского пуританства обратилась против нее. Кромвель подавил с крайней жестокостью восстания ирландских католиков, отобрал северо-восток острова у туземного населения и заселил его пуританскими колонистами.

Позднее, во время торжества английской аристократии и особенно при Вильгельме III, земли в остальной Ирландии стали переходить в руки крупных английских владельцев (лэндлордов), а туземное крестьянское население сошло на положение мелких зависимых арендаторов. Сроки аренды в Ирландии не определялись, землевладелец, по усмотрению, мог оставить участок за тем же пользователем или передать его другому и выгнать прежнего без всякого вознаграждения. В Ирландии распространилась самая дешевая и неприхотливая культура картофеля; скученное население жило крайне бедно и грязно. Тяжесть положения обострялась еще тем, что религия большинства считалась воспрещенной законом: католики должны были содержать чуждых им английских священников и епископов, которые не имели прихожан и жили в качестве богатых помещиков, тогда как католическое духовенство не имело никаких доходов и существовало на пожертвования народа.

До 1800 г. Ирландия имела собственный парламент, в котором имели право заседать только протестантские депутаты. Во время войн Англии с революционной Францией в стране поднялась патриотическая партия, которая пыталась с помощью французов начать восстание. Но французская экспедиция 1797 г. не удалась, и Питт поспешил отменить отдельный парламент и перевести ирландских депутатов в общий английский парламент (ирландская уния 1800 г.). Питт хотел обеспечить католическому населению Ирландии избирательные права, но король Георг III решительно воспротивился; таким образом для большинства ирландцев доступ в английский парламент был закрыт.

Хлебный закон и оппозиция промышленного класса. Все эти тяжелые вопросы, оставшиеся от XVIII в., были обострены продолжительной войной с Францией. Война велась в интересах английской промышленности; Англия приобрела себе ряд важных колоний, между прочим отняла у голландцев край

южной Африки (Капскую землю). Но в то же время расходы на войну были крайне велики: государственный долг за 25 лет увеличился почти вчетверо; потребовались чрезвычайные налоги, чтобы покрыть одни проценты с него; во время войны и благодаря континентальной системе, запиравшей доступ английским фабрикантам на материк, поднялась цена на хлеб и уменьшилась заработная плата.

Очень характерно было при этом поведение землевладельческой аристократии, державшей в руках власть. Парламент отменил неприятный для помещиков подоходный налог, который был введен Питтом для покрытия военных издержек, и торжественно обещал не допускать его более никогда. Он ввел вместо того косвенные налоги на предметы первой необходимости, т.-е. обложил более многочисленные бедные классы; особенно важен был изданный тотчас же после окончания войны так наз. *хлебный закон*. Лэндлорды боялись, что большой ввоз хлеба (особенно из России) понизит цены на производимый ими хлеб; иностранное зерно решили допускать вообще к продаже лишь в том случае, если английский хлеб поднимется до высокой цены 4 фунтов (около 40 рублей) за четверть пшеницы и брать с ввозного хлеба пошлину, которая поднимала его цену еще дороже. При помощи этого закона 1815 г. землевладельцы обеспечили себе при всяком урожае и при всяком спросе на хлеб твердую его цену.

Фабриканты и торговцы были недовольны хлебным законом, так как он заставлял их повышать заработную плату и затруднял иностранную торговлю; рабочие были им недовольны, так как он создавал дороговизну. Среди рабочих недовольство выражалось иногда крайне бурно: они жгли амбары, разбивали фабрики и лавки, ломали машины, которым приписывали свое нищенское положение; 1816 год отличался особенно тяжелым кризисом. Оба промышленные класса, трудовой и капиталистический, лишенные представительства в парламенте, протестовали против узкой и эгоистической аристократии.

Рикардо и Оузн. Интересы класса крупных промышленников всего ярче выразились в сочинениях лондонского банкира-миллионера Давида Рикардо (1762—1823). Убежденный в благотворном конечном результате промышленного переворота, Рикардо находил, что осталось еще слишком много препятствий, мешающих свободному обмену, личной предприимчивости и соперничеству; в число этих препятствий первое место занимает хлебный закон. Рикардо был уверен, что рабочие не должны ожидать особых благ от повышения заработков. Существует роковой уровень платы: это—ее *минимум*, нужный для содержания семьи. Как только заработная плата поднимется выше уровня, рабочее население начинает сильнее размножаться, увеличиваются его браки и рождаемость. Но тогда увеличивается и соперничество рабочих, или предложение труда; и заработная плата опять падает, пока не дойдет до

минимума. Это положение Рикардо считал естественным законом (его назвали потом «железным законом»).

Последователи Рикардо должны были признать, что ради справедливости надо, однако, дать свободу рабочим организоваться для улучшения своей участи. Еще более необходимо предоставить промышленным классам участие в политической жизни. В парламенте эти взгляды разделяли немногочисленные виги, во главе которых попрежнему были старые аристократические фамилии. Еще меньше в нем было *радикалов*, которые требовали общего избирательного права, тайных выборов и ежегодно сменяемых парламентов.

Но уже теперь высказывался, хотя и немногими, взгляд, что причина бедствий—в устройстве общества, в неправильном распределении капитала и труда; основная реформа должна состоять в изменении условий производства; оно должно из *индивидуального*, направляемого капиталистом-предпринимателем, обратиться в *общественное* с равномерным участием всех трудящихся в управлении предприятием и в его выгодах. Это *социалистическое*, или как его чаще называли в первое время, *коммунистическое* учение было в Англии впервые определенно выставлено Робертом Оуэном (1771—1858).

Владелец большой фабрики ситцевой мануфактуры в Нью-Ланарке (около Глэзго), Оуэн в первое десятилетие XIX века привлек общее внимание образцовым устройством жилищ своих рабочих и заботой об их просвещении. После окончания войны, во время тяжелых бедствий рабочего класса, Оуэн выступил впервые с резкой критикой господствующих экономических взглядов. Промышленный переворот, по его мнению, принес только несчастия. Всеобщее соперничество нисколько не благотворно, потому что вызывает ненужную и вредную трату сил во взаимном истреблении. Спасение в том, чтобы сами рабочие воспользовались новой техникой, безгранично увеличивающей производительные силы и соединились в *кооперации;* такие товарищества будут работать на свой капитал, для удовлетворения собственных потребностей; то, чего нехватает каждой группе, он могли бы обменивать между собою, не прибегая к посредничеству и, следовательно, устранивши несправедливую торговую прибыль.

Исключительные законы и реформы 20-х годов. Тяжелый 1816 г. вызвал особенно острое политическое движение. Богатые промышленники Сити, т.-е. центрального Лондона, с лордом-майором во главе, подали регенту (сыну сошедшего с ума короля Георга III) адрес, в котором указывали, что страна не может более выносить лежащие на ней тягости и что существует лишь один выход: уничтожить злоупотребления в избирательной системе. Радикальная партия начала агитацию среди рабочих, созывая огромные *митинги* под открытым небом и стараясь подействовать на общество массовыми процессиями. Парламент решил принять насильственные меры для подавления революционного духа. Когда министры доложили в палате о заговорах, союзах и собра-

ниях, служащих к «ниспровержению учреждений королевства и подрыванию начала собственности», парламент об'явил приостановку Habeas corpus и дал правительству полномочие сажать в тюрьму всякое лицо, заподозренное на основании доноса в опасных для государства действиях.

Так как в новом парламенте, сошедшемся в 1819 г., большинство осталось за тори, враждебными всяким изменениям, радикалы снова устроили громадный митинг в Манчестере с тем, чтобы голосовать петицию о реформе. Собралось до 60.000 человек; среди толпы развевались знамена с надписями: «права человека», «всеобщая подача голосов», «долой хлебные законы!». Но только что начал речь популярный оратор, как полиция потребовала его выдачи; толпа стала его защищать, тогда на нее направили местную милицию и гусар. Манифестантов рассеяли, но на месте остались несколько убитых и раненых, между ними женщины и дети. Напуганный движением, находясь под впечатлением революций на материке, парламент принял 6 пунктов, прозванные «законами для зажимания ртов». В силу них мировые судьи получили право домашних ночных обысков при подозрении, что где-либо скрывается оружие. Газеты и брошюры были обложены гербовым сбором, а издатели их должны были пред'являть залог. «Мятежные и богохульные» книжки подлежали конфискации, а при вторичном проступке издателю и составителю грозил штраф, тюрьма и ссылка.

После победы над Наполеоном, министр иностранных дел лорд Кэстльри действовал в полном согласии с государями Священного союза. В течение 20-х годов (король Георг IV 1820—1830) произошла некоторая перемена во внешней и внутренней политике Англии. Непримиримых торие в министерстве сменили политики более умеренные, между ними Пил, происходивший из семьи разбогатевших в XVIII в. хлопчатобумажных фабрикантов, и Каннинг, который после смерти Кэстльри согласился признать независимость южноамериканских колоний, отделившихся от Испании. Благодаря этому открылись оживленные сношения с Южной Америкой, и Англия извлекла из них большую выгоду. На вновь открывшиеся рынки направились английские фабрикаты; английские капиталисты составили компании для разработки рудников и других естественных богатств Южной Америки. Торговля крайне оживилась, и во многих промыслах поднялись заработки. Одновременно Пил провел отмену суровых уголовных законов, грозивших смертью за мелкие проступки. В 1824 г. отменили закон, запрещавший союзы рабочих.

В конце 20-х годов вновь усилилось движение к избирательной реформе. Первый успех был достигнут отменой законов XVII в. о присяге, выключавших католиков и диссентеров от парламента и должностей. *Эмансипация католиков*, составлявших большинство населения в Ирландии, прошла, главным образом, благодаря агитации О'Коннеля.

Популярный в Ирландии адвокат, богатый потомок старого кельтского

клана, О'Коннель соединил умеренных сторонников независимости Ирландии в католическую ассоциацию; ее большие митинги оттеснили деятельность тайных обществ, до тех пор влиятельных в Ирландии. Реформа, проведенная в 1829 г. в парламенте, была мало удовлетворительна: вместе с передачей католикам политических прав, в Ирландии повысили избирательный ценз с тем, чтобы устранить от участия в выборах беднейший разряд фермеров, наиболее нуждавшихся в защите своих интересов. Но ее значение было в том, что допущение католиков послужило брешью в старой конституции XVII века; общая избирательная реформа надвигалась неудержимо.

Парламентская реформа. Июльская революция 1830 г. во Франции, составлявшая победу буржуазии, подняла надежды промышленных классов Англии: в Бирмингаме образовался большой политический союз наподобие католической ассоциации, чтобы агитировать в пользу избирательной реформы. Хотя глава торийского министерства, Веллингтон и заявил в Верхней палате, что английская избирательная система представляет совершенство, но в виду растущего возбуждения должен был выйти в отставку.

Новый король Вильгельм IV (1830—1837) поручил составить министерство лорду Грею, старому вигу, за 40 лет перед тем, во время первой французской революции, выступившему с проектом парламентской реформы (т.-е. преобразования выборной системы). Новое министерство соединило в своей среде вигов и умеренных тори. В начале следующего года Россель выступил с биллем реформы; в то время, как он произносил речь среди напряженного молчания палаты, на улице тревожно ожидала исхода огромная толпа. Проект вигов был совсем не похож на радикальные предложения десятых годов XIX в. о всеобщем и равном избирательном праве. Это был *компромисс;* имелась в виду лишь известная перестановка парламентских мест. Но тори, сидевшие теперь в оппозиции, встретили министерское предложение иронническим смехом и об'явили его революционным. При втором чтении (билль читается три раза) министерство получило большинство лишь одного голоса и в виду нерешительности этого голосования распустило парламент.

В новом парламенте виги были в перевесе, и билль прошел во второй раз, но лорды отвергли его. На митинге бирмингамского союза решено было отказать в уплате податей, если лорды будут продолжать упорство. Но, в сущности, билль был вынесен на плечах рабочими. Со времени закона 1824 г. многие из них стали открыто соединяться в *трэды,* т.-е. союзы по ремеслам. Рабочие решили поддержать средний класс в его борьбе за умеренную реформу с тем, чтобы потом добиться более радикальной. В Бристоле произошло восстание, войска стреляли в течение нескольких дней на улицах в толпу и сожгли много домов. В других местах рабочие держали наготове оружие, чтобы итти на Лондон, в случае крушения билля. Вигские министры предложили королю оказать давление на палату лордов назначением в нее новых членов, ко-

торые бы дали желаемое большинство. Но до этого не дошло: лорды уступили, и билль прошел.

Реформа 1832 г., проведенная с таким трудом, была очень не полна. Она уничтожала избирательные права более полусотни местечек с населением меньше 2.000 человек, оставила 30 другим местечкам, с населением меньше 4.000, право посылать только одного вместо двух депутатов. Эти места были отданы 42 крупным городам, большею частью в северо-западной Англии, которые до тех пор вовсе не имели представителей (между ними Манчестеру, Бирмингаму, Лидсу). Но столько же мест было отдано графствам (сельским округам) для того, чтобы получить противовес городам и не дать усилиться демократии. Избирательные права были предоставлены лишь владетелям недвижимости: в графствах собственникам с доходом не ниже 10 фунтов и арендаторам не ниже 50, в городах владельцам или нанимателям дома с доходом выше 10 ф. В лице последних и вступил в парламент средний класс, промышленные предприниматели; рабочие остались совершенно выключенными от представительства.

Но реформа тем не менее имела огромное значение: она ломала исторические права и заменяла их порядком, основанным на практических соображениях; она уничтожала исключительное господство землевладельческого класса и открывала политическое влияние коммерческой и индустриальной Англии.

Возвышение торгово-промышленного класса. С 1832 г. аристократическая Англия, сложившаяся в XVII в., начинает уступать первое место Англии буржуазной, образовавшейся вследствие промышленного переворота XVIII в. В управлении, в общественной жизни заметно выдвигаются другие понятия, другие приемы.

Развитие индустрии вызывало все новые технические изобретения. С десятых годов XIX в. в Англии появились пароходы, сначала речные, потом морские, с конца 20-х годов паровозы. Первая железная дорога была выстроена в промышленном крае между Манчестером и Ливерпулем (1829). Постройка железных дорог отдельными предпринимателями и частными компаниями пошла очень быстро.

В среде возвысившегося делового класса наибольшую популярность приобрели учения Смита и Рикардо: представители его требовали фритреда, разумея невмешательство государства в хозяйственные отношения, отсутствие стеснений и поощрений для торговли, простор для приложения частного капитала и свободу найма; они ценили практическую подготовку, знание «фактов», т.-е. полезных технических сведений, они привыкли высоко ставить самодеятельность, «самопомощь». Эти взгляды очень сходились с политическим учением либерализма, который во имя интересов личностей также хотел ограничить государственную власть. Под влиянием вновь вступившего в пар-

ламент класса, старая партия вигов приняла название *либеральной,* тогда как торийские землевладельцы обратились в *консервативную* партию.

После избирательной реформы либералы с небольшим перерывом правили до 1841 г. (С 1837 г. начинается долгое царствование королевы Виктории—до 1901 г.). Они провели еще ряд изменений в строе английского управления, разрушивших влияние аристократии в местных делах. В городах были введены однообразно устроенные *городские советы,* избиравшиеся всеми плательщиками налогов. Затем либеральная партия изменила *законодательство о бедных* в духе фритрэда: основная мысль была в том, чтобы отказаться вовсе от подачи общественной помощи неимущим рабочим, предоставив свободу естественному ходу вещей. Реформу провели весьма суровую для бедного класса: приходы освободились от обязанности выдавать пособия бедным на дому, за исключением стариков и неспособных к труду; здоровые рабочие, обращающиеся к общественной помощи, должны помещаться в работном доме, где им дают прокорм и держат в строгой дисциплине. В эти новые «бастилии для бедных» рабочие не соглашались итти, но и предприниматели лишились возможности сводить своих наемников на нищенское содержание от прихода, вследствие чего должны были повышать заработную плату.

При либеральном министерстве прошло освобождение негров в вестиндских колониях. Первый толчок дала французская революция, провозгласившая свободу черных. Английскому правительству еще в 1808 г. пришлось запретить торговлю неграми. Но в обращении плантаторов с рабами, особенно на о. Ямайке, сохранились все черты жесточайшего произвола. В 1833 г. во имя идеи свободы личности английский парламент об'явил волю цветным рабам и уравнял их в правах с белыми.

Немыслимо было после этого оставлять без внимания быт рабочих классов у себя дома. Выгода рабочих была в том, что в парламенте с 1832 г. стояли лицом к лицу два соперника: лэндлорды и торгово-промышленные капиталисты. Каждая из борющихся между собою сторон старалась ослабить противника. В то время, как землевладельцы открывали недостатки в положении фабричных рабочих, промышленные предприниматели находили темные стороны в жизни сельских батраков. Консервативные филантропы об'езжали фабричные и рудниковые районы северо-западной Англии и требовали в парламенте энергичных мер, чтобы остановить эксплоатацию труда слабейших рабочих, особенно женщин и детей. Благодаря отчасти их усилиям возникло *фабричное законодательство.* Первая мера ограничивала детский труд на фабриках 8 часами и запрещала применять детей и подростков в ночной работе. Позднее, после доклада в парламенте, который обнаружил, что в угольных копях работают 5-летние дети, что женщины ползком тащат тележки с углем и т. п., были запрещены подземные работы для женщин и детей; за

исполнением новых правил на фабриках и в копях должны были наблюдать впервые учреждённые фабричные инспектора.

Народная Хартия. Сами рабочие возлагали надежды на новую избирательную реформу. Когда радикальные депутаты выступили с предложением расширить избирательное право, либеральный министр Россель заявил, что дело закончено «навсегда», и его поддержало 500 голосов против 72. После этого радикалов пригласили в основанное в Лондоне «рабочее» общество, где совместно с ними были выработаны шесть пунктов, составивших *Народную Хартию*. Все движение последующих десяти лет (1838—1848) получило отсюда название *чартизма* (по-английскому произношению от charter)

Чартисты требовали: 1) всеобщего избирательного права (сначала для всех взрослых, т.-е. также и для женщин, но потом ограничили для одних мужчин); 2) ежегодно возобновляемых парламентов; 3) тайного голосования; 4) уничтожения ценза для избрания в депутаты; 5) вознаграждение парламентских депутатов; 6) разделение страны на равные избирательные округа. В обращении англичан к материковым рабочим было сказано: «Высшие классы создали себе учреждения, чтобы заковать нас и держать в подчинении... Но препятствия, поставленные тиранами мира потоку просвещения, сорваны, и мы сознали несправедливость, которую нам оказывают... Мы должны понять наше действительное положение в обществе и почувствовать, что, будучи производителями богатств, мы имеем преимущественное право на пользование ими».

Движение чартистов усиливалось несколько раз во время промышленных кризисов и безработицы и всякий раз выражалось в массовых митингах и подаче в парламент петиции о реформе, подписанной более миллиона имен. В 1839 г. в Лондоне сошелся под названием Национального конвента парламент рабочих, открывший заседания рядом с государственным парламентом, где рабочие не были представлены. Когда петиция была отвергнута парламентом, в рабочем собрании произошел раскол. Часть его хотела продолжать мирную агитацию; сюда принадлежали более самостоятельные, лучше организованные рабочие; другая, получившая название «партии физической силы» и состоявшая из более бедных групп, ткачей, прядильщиков, думала действовать насилием и начать с проведения «священного месяца», т.-е. общей стачки. Хотя в среде чартистов много говорилось о восстании, но не было ни плана, ни средств для его устройства; произошло только несколько столкновений с войсками и полицией, большая часть вождей партии «физической силы» была арестована, и Конвент разошелся.

Отмена хлебного закона и торжество свободного обмена. Одновременно с движением чартистов поднялось другое, которое шло, главным образом, из буржуазных торгово-промышленных кругов. Представители английского фабричного дела находили, что обмену не дано полного простора; еще остается в силе

старая система запрета и покровительства; в ней первое место занимает хлебный закон. В 1838 году в Манчестере Кобден, сын фермера, сначала коммивояжер, потом самостоятельный владетель фабрики, основал *лигу против хлебного закона*. Кобден доказывал, что покровительственная система неизбежно ведет к вмешательству в чужие дела и к войнам; свободная торговля была бы выгодна для Англии, так как открыла бы простор сбыту ее растущего производства, но она будет также выгодна для других стран, продающих Англии сырье для обработки или предметы питания, особенно хлеб: поэтому всеобщее установление свободной торговли само собою приведет к всеобщему миру. Кобден считал фритрэд благотворным и для рабочего класса; государство не должно вмешиваться в положение рабочих, а предоставить простор свободному соперничеству или соглашению; рабочие, у которых есть сбережения, могут эмигрировать в Америку; раз они в состоянии грозить отказом работы, они независимы от хозяев и, следовательно, могут добиваться улучшения своей участи, напр., сокращения рабочего дня.

Лига повела пропаганду своих идей в неслыханных дотоле размерах, пользуясь разрастающимися железными дорогами и удешевлением почты. Она собирала взносы со своих многочисленных членов и на эти средства издавала журналы, брошюры и статьи, устраивала непрерывно крупные собрания и кружковые беседы с лекциями и прениями, старалась доставить каждому сочлену экономическую библиотеку. Кобден разъезжал по всей Англии и на собраниях выступал против всякого, желающего ему возражать. Большие театры в Лондоне были обращены в политические арены. В трех столицах—Лондоне, Эдинбурге, Дублине—и крупных мануфактурных центрах лига скоро добилась больших успехов. Чартисты были враждебны движению. «Людям среднего класса,—говорил один из вождей рабочих,—нужны только ваши голоса. Потом они скажут: ступайте на все четыре стороны! Они кричат об удешевлении хлеба, а разумеют под этим низкую заработную плату».

В 1841 г. либералы потеряли власть, и во главе консервативного министерства стал Пил. Этот политик не отличался упорством в раз усвоенных воззрениях: после реформы 1832 г. он признал разумность и неоспоримость нового порядка. Теперь, убежденный в пользе свободной торговли для Англии, он стал расходиться с большинством своей партии, крепко защищавшей интересы землевладельцев.

Решительным толчком к отмене хлебного закона послужил ирландский голод 1845 г., который получился от болезни картофеля, единственной пищи бедного населения страны. Лига потребовала немедленного открытия гаваней для свободного ввоза иностранного хлеба. Либералы в парламенте заявили себя в пользу свободной торговли. Тогда Пил предложил отменить хлебный закон и вместе с тем распространить свободную торговлю на все мануфактуры. Половина кабинета резко разошлась с ним, и он вышел в отставку. Но так как

у либералов не было большинства, Пил вернулся в министерство. Дебаты по его предложению шли в течение 12 ночных заседаний, и было произнесено 103 речи. Министерство получило большинство, при чем за его предложение голосовали либералы, а бо́льшая часть консерваторов высказалась против своего вождя (1846).

С устранением хлебного закона торгово-промышленный класс, вступивший во власть в 1832 г., достиг полного торжества. Его сила обнаружилась особенно в 1848 г., когда вспыхнуло в Англии еще раз движение чартистов. Под впечатлением февральской революции в Париже, вожди чартистов потребовали отставки министерства, распущения парламента, принятия хартии. Снова в Лондоне собрался Национальный конвент, который вступил в переговоры с временным правительством только что провозглашенной Французской республики. Решено было снова подать петицию в парламент и организовать для поддержания ее огромную демонстрацию. Предполагалось собраться на окраине Лондона, чтобы потом в военном порядке итти к парламенту.

Правительство об'явило, что допустит митинг только при условии, если народные массы откажутся от шествия к парламенту. По этому поводу в среде чартистов произошел раскол. Более радикальные отказались участвовать в мирной демонстрации. Собралось немного народа, и один из вождей отвез петицию в виде громадного свертка в парламент. Между тем старый герцог Веллингтон, которому было поручено начальство над военными силами Лондона, принял усиленные меры охраны, увеличил войско, укрепил общественные здания, особенно английский банк, устранил повозки и все, что могло служить для возведения баррикад; на его приглашение записались в констэбли (полицейскую охрану) до 150.000 лиц средних классов в защиту существующего порядка. Но до столкновения дело не дошло. Конвент, раз'единенный враждой партий, не принял решения.

Общественное движение в Англии и на этот раз, как раньше около 1820 г. и около 1830 г., не перешло в революцию. Масса бедствующих ирландцев, составлявших наиболее беспокойную группу, а также много английских рабочих выселились после 1847—1848 годов в Америку.

VI.

Франция в первой половине XIX века.

Франция в 1814 году. Французское общество со времени революции 1789 года совершенно перестроилось. В нем исчезли всякие привилегии и перегородки между сословиями, составлявшие отличительную черту старого порядка; в сознании людей прочно утвердилось понятие равенства прав. Огромные слои народа вышли из темноты и бесправности положения. За 25 лет от начала революции до падения Наполеона (1789—1814) Франция пережила много катастроф, была конституционной монархией, республикой со всеобщим и с ограниченным избирательным правом, военно-чиновничьей империей. Среди всех этих резких смен, одно из приобретений революции, *гражданское равенство,* стояло вне сомнения; в этом отношении нельзя было вернуться к старине. Другое приобретение, *политическая свобода,* совсем еще не было обеспечено. Но даже европейские союзники, враги Наполеона, водворившие во Франции Бурбонов, понимали, что восстановить абсолютную монархию в стране невозможно.

Людовик XVIII также понимал, что необходимо помириться со многими переменами, происшедшими за те 22 года (с 1792), когда Бурбоны, в качестве изгнанников, были основательно забыты в стране; он гарантировал новым собственникам владение национальными и конфискованными имуществами, принял наполеоновский кодекс и оставил на местах наполеоновскую администрацию. Изданная им хартия 1814 года заключала в себе *октроированную* (соизволенную королем, но не учрежденную народом) конституцию. Людовик XVIII опубликовал ее в старинных выражениях «даруем и жалуем» и назвался «королем Божией милостью». Но в то же время он обязался присягнуть на верность конституции и обеспечил в ней основные права: свободу личности, печати, совести, представительный образ правления в виде двух палат, голосующих налоги и законы по предложениям правительства, ответственность министров и несменяемость судей.

Новый политический порядок, однако, вовсе не соответствовал общественному строю Франции. Было об'явлено равенство перед законом и одинаковый для всех доступ к должностям, а между тем избирательное право распространили лишь на ничтожное меньшинство населения. Избирателями считались только плательщики налога в размере выше 300 франков, имеющие более 30 лет от роду. Их число было менее 100.000 при 25 миллионах населения. Для того, чтобы быть выбранным в депутаты, требовался еще более высокий ценз, уплата налога свыше 1.000 франков и 40-летний возраст; таких лиц было всего 15.000 во Франции.

От политической жизни устранялись таким образом крестьяне, масса буржуазии, средней и мелкой, промышленной, служащей и интеллигентной, а также индустриальные рабочие. Политическими правами могли воспользоваться только два немногочисленных богатых слоя общества: крупные землевладельцы, отчасти старые дворяне, особенно на юге и западе Франции, и крупные предприниматели, владетели железных заводов и мануфактур севера и востока Франции. За время войны с Англией и господства континентальной системы те и другие привыкли пользоваться хорошим сбытом своих произведений, первые — хлеба, вторые — фабрикатов, без конкуренции иностранного подвоза.

Между двумя аристократиями, старой дворянской и новой буржуазной, к которой присоединились сановники империи и крупные владетели национальных имуществ, существовала вражда. Дорогой хлеб стал невыгоден для фабрикантов, так как заставлял их поднимать заработную плату, отсюда — их раздражение против землевладельцев; люди, пожалованные при империи, выдвинувшиеся в армии или гражданской администрации, а также владетели национальных имуществ, боялись, что вернувшиеся с Бурбонами эмигранты отнимут у них землю и положение. В свою очередь эмигранты, которые «ничего не забыли и ничему не научились», присоединились к старому землевладельческому дворянству. Они находили поддержку в наследнике престола, брате бездетного короля, графе д'Артуа; к нему тяготели также тайно возвратившиеся во Францию иезуиты.

Эмигрантская реакция. Франция как бы разделилась на два враждебные лагеря при *реставрации* Бурбонов (это название «возвращения» распространили потом на всю эпоху 1814—1830 г. г. до свержения Бурбонов). Появление Наполеона в 1815 году еще более усилило эту вражду. Император нашел поддержку не только среди демократически настроенного войска, но и в либеральной буржуазии, которой он обещал конституцию. Все, кто присоединился к Наполеону, должны были опасаться мщения со стороны Бурбонов и эмигрантов, снова вступавших под прикрытием военной силы союзников. Личность Наполеона приобрела теперь как бы новую окраску вследствие последних событий: стали забывать о деспотизме и огромных жертвах империи и, напротив, начали связывать в представлении о ней славу, могущество и богатство Франции с демократическим строем; так возникла легенда о Наполеоне—республиканском герое, о друге народа—маленьком капрале.

С другой стороны, реакционеры горели желанием немедленной расправы с революционерами и мятежниками. Образовалась партия *крайних*, оказавшихся «более роялистами, чем король». Они составили подавляющее большинство в новой палате, выбранной в 1815 году вслед за второй реставрацией. Сам король назвал палату бесподобной. Она приняла исключительный закон, отменявший личную свободу, и установила чрезвычайные суды по департа-

ментам для наказания за «призыв к мятежу»: под председательством офицеров, без участия присяжных, судьи могли присуждать к ссылке и казни и приводить приговоры в исполнение в 24 часа. Закону дали обратное действие, чтобы притянуть всех участников Ста дней. Людовик XVIII при втором возвращении обещал амнистию, но палата выключила из нее множество лиц и осудила на изгнание сановников Ста дней и «убийц короля», т.-е. оставшихся в живых членов Конвента. Помимо этих неистовств по закону, в разных местах, особенно на юге Франции, совершались кровавые расправы и погромы частными лицами: сторонники *белого террора* (они действовали под белым знаменем Бурбонов) перебили арестованных генералов и офицеров, убивали и грабили владетелей национальных имуществ, либералов и протестантов.

Бесподобная палата хотела «восстановить все, что низвергло Учредительное собрание 1789 года», отменила развод, допущенный революцией и кодексом Наполеона, собиралась уничтожить ведомство народного просвещения и потребовала возвращения национальных имуществ. Сам король, больше всего желавший покоя, не согласен был итти так далеко. Получилось своеобразное положение: крайние роялисты были сначала противниками конституции, но, раз овладев выборами и войдя в палату, они почувствовали, какое важное средство для их господства составляет парламентарный порядок. Заявляя себя выразителями народной воли, они стали требовать у короля применения английского обычая, в силу которого он должен брать министров из господствующей в палате партии. Король вынужден был искать опоры в партии умеренных либералов: профессор истории Гизо доказывал, что палата призвана только подавать советы, и король свободен в выборе министров. Внезапно, вопреки ожиданиям эмигрантов и не известивши своего брата, Людовик XVIII распустил бесподобную палату.

В новой палате, выбранной под давлением префектов, которым поручено было отстранять крайних, большинство состояло из сторонников хартии и министерства Ришельё, эмигранта (бывшего правителя Новороссии при Александре I), но человека умеренных взглядов. В течение 4 лет король управлял, опираясь на умеренных: французы уплатили контрибуцию союзникам, и иностранные войска были выведены с ее территории.

Управление реакционеров. В 1820 г. был зарезан одним парижским ремесленником сын графа д'Артуа, будущий наследник престола. Крайние роялисты воспользовались этим, чтобы свергнуть ненавистное им министерство, слабости которого они ставили в вину это убийство. Одряхлевший и уставший от политики Людовик XVIII поставил во главе управления вождя крайних, Виллеля. В палате приняли закон о порядке выборов, создавший двойную привилегию богатых избирателей: люди с цензом в 1.000 франков налога и свыше получили право выбирать еще особый состав депутатов сверх прежнего общего числа, и эти депутаты составили около двух пятых палаты.

При помощи таких средств крайние опять получили огромное большинство. Они провели затем законы о печати. Проступки, совершенные «путем печати», призыв к мятежу, возбуждение недовольства в населении, отнимались у суда присяжных и передавались суду полицейскому; установлялась предварительная цензура: для издания газеты нужно получить общее разрешение правительства и кроме того разрешение цензора на выпуск каждого номера. Епископам поручили надзор за школами, либеральным профессорам, между ними Гизо, запретили читать лекции в Сорбонне. Наконец, крайние настояли на отправке французского войска для подавления испанской революции, согласно постановлению одного из общеевропейских конгрессов.

Реакция пошла еще сильнее, когда со смертью Людовика XVIII в лице графа д'Артуа воцарился «король эмигрантов» (1824). Крайние ждали от Карла X давно обещанного вознаграждения. Виллель нашел способ удовлетворить их требование, не отнимая земли у обладателей национальных имуществ. Правительство выплатило эмигрантам миллион, добывши сумму путем займа и *конверсии,* т.-е. понижения процента по государственным бумагам с 5 до 3.

Торжество крайних вызвало недовольство различных слоев общества. Вмешательство духовенства в школьное дело, таинственная деятельность иезуитов и образованные ими *конгрегации* раздражали множество людей, вовсе не враждебных религии, но не желавших также, чтобы церковь выходила из подчинения, в которое ее поставили революция и наполеоновский конкордат. Они присоединились к оппозиции так же, как владельцы государственных бумаг, потерявшие на конверсии в пользу эмигрантов. Когда король производил смотр национальной гвардии, состоявшей из зажиточных буржуа, ему кричали из строя: «Да здравствует хартия! долой Виллеля!» Раздраженный король распустил гвардию.

Виллель после 7-милетнего управления должен был выйти в отставку, король составил министерство из умеренных, и оно предложило облегчить печать уничтожением предварительной цензуры, обеспечить свободное избрание депутатов в палату без вмешательства префектов, отнять у духовных орденов право завоевания школами. Королю не нравились, однако, эти уступки, и его стесняло то, что он вынужден опираться на общественное мнение; он говорил: «Лучше пилить дрова, чем владеть короной на манер английского короля!»

Сен-Симон и Фурье. В то время, как либералы в парламенте и печати защищали интересы состоятельных классов, занятых в торговле и промышленности,—среди замкнутых небольших кружков возникли *социалистические* учения, которые имели в виду, главным образом, участь многочисленного рабочего класса, сложившегося вследствие промышленного переворота.

Граф Сен-Симон (1760—1825), в молодости участник американской войны, демократ разбогатевший на скупке национальных имуществ, близкий

с учеными новооснованной Политехнической школы, скоро разорившийся, при Наполеоне и реставрации тревожил правительство и ученые общества своими обращениями, планами, брошюрами и сборниками. По его мнению, современный порядок с его взаимной борьбой людей, войнами, несправедливым распределением благ жизни ненаучен и неразумен. Богатство должно соединиться со знанием, и управление обществом должно принадлежать не завоевателям и дипломатам, а ученым, техникам и индустриалам. Сен-Симону кажется, что интересы предпринимателей и рабочих не расходятся между собою; напротив, банкиры, фабриканты, купцы, ставши во главе всего трудящегося народа, сумеют улучшить его участь. Главная задача состоит не во введении лучшей политической конституции, а в решении *социального вопроса,* т.-е. в устроении наилучшего общественного порядка.

Фурье (1772—1837), купеческий приказчик и конторщик по профессии, близок по идеям к своему современнику Оуэну. Фурье был поражен несправедливостью торговой прибыли, обманом и спекуляцией, а также огромной потерей сил вследствие службы массы посредников, без которых можно было бы обойтись при другом устройстве обмена. И спекуляция, и монополия, и раздробление сил происходят, по его мнению, от свободного соперничества. Следует изъять обмен товаров из рук частных лиц и обратить торговлю в общественное дело. Огромная энергия, которая тратится теперь даром во множестве мелких хозяйств, сбережется при устройстве общих производительных учреждений. Но тогда вообще потеряет смысл частное хозяйство и частное жилище. Разделенные на рабочие фаланги, массы людей всего практичнее и удобнее устроятся в огромных фаланстерах с залами для собраний, библиотеками, читальнями, театрами, школьными помещениями и т. п.

Идеи сенсимонистов и Фурье, враждебные либерализму, распространялись вначале только среди образованного слоя буржуазии. Рабочие во Франции были еще чужды определенных учений о новом общественном порядке. Но среди них поднималось сильное движение. В перевороте 1830 года, свергнувшем Бурбонов, они играли выдающуюся роль.

Июльская революция. Разлад между династией и обществом становился все сильнее. Карл X очень охотно дал отставку умеренным министрам и поручил управление князю Полиньяку, человеку узких взглядов, члену католической конгрегации, вполне готовому совершить государственный переворот в интересах монархии. Журналисты либеральной партии, особенно Тьер, заговорили, что настало время мирной революции, наподобие английской 1688 г.; надо сменить династию, сделавшую себя невозможной во Франции; как средство поставить правительство в безвыходное положение, они рекомендовали отказ в уплате налогов. Люди капитала, финансисты и банкиры, наметили себе кандидата в лице принца Орлеанского, Луи Филиппа, во время первой революции принадлежавшего к якобинскому клубу. Из среды студентов и

парижских рабочих составилась республиканская партия, готовая на вооруженное восстание; она группировалась около генерала Лафайета, деятеля первой революции.

Весною 1830 года выборы в палату дали огромный перевес либералам. Тогда Карл X решился на переворот. Рядом указов правительство распустило только что избранную палату, изменило избирательный закон с передачей преобладания землевладельцам и устранением промышленников и уничтожило свободу печати. В тот же день (26 июля) журналисты 10 больших газет, которые подверглись запрещению, подписали и разослали по провинциям протест, составленный Тьером. Призывая к сопротивлению, печать, а с нею депутаты и вожди буржуазии, не имели, однако, никаких средств для действия. На улицы вышли наборщики, лишившиеся заработка вследствие закрытия газет, и фабричные рабочие, которых хозяева отпустили с обещанием заплатить за потерянные дни, если они вступят в бой. В то время как буржуазные депутаты и журналисты совещались у либерального банкира Лафитта, настроением рабочих воспользовалась небольшая отлично организованная и вооруженная республиканская партия. Узкие извилистые улицы рабочих кварталов Парижа были загорожены баррикадами, и восставшие повели оттуда нападение на немногочисленные королевские войска. Сам король находился вне Парижа и не принимал никаких мер. Часть солдат не хотела вовсе сражаться и братались с народом. На третий день боя был взят королевский дворец Тюильери, и этим все кончилось.

Буржуазия воспользовалась победой, добытой парижскими студентами и рабочими. Образовалось временное правительство, которое водворилось в Думе и поручило военную команду Лафайету. Карл X думал вступить с этим комитетом в переговоры, но было поздно. Большинство депутатов высказалось за Луи Филиппа, который был провозглашен сначала наместником королевства. Он отправился в Думу, на глазах народа обнял Лафайета и поднял трехцветное знамя. Карл X отрекся в пользу своего внука. Но палата вовсе отстранила бурбонскую династию и провозгласила королем Луи Филиппа. Благодушный Лафайет об'явил, что Луи Филипп—«лучшая из республик», а борцы июльских дней, молодые героические республиканцы, хотя и не согласные с таким оборотом, вынуждены были допустить монархию, тем более, что в Париже опять вооружилась распущенная при Карле X национальная гвардия из зажиточных буржуа.

Палата изменила лишь немного хартию 1814 г.: к титулу короля присоединила слова «волею народа»; цензура была уничтожена «навеки», проступки печати так же, как политические дела, были подчинены суду присяжных. Однако, что было всего важнее, огромное большинство населения осталось выключенным от участия в политической жизни; избирательный

ценз с 300 франков был понижен до 200, и число избирателей увеличилось лишь на 100.000 приблизительно.

Переворот 1830 г. дал полное торжество крупной буржуазии, которая в свое время, при реставрации 1814 года, должна была уступить первое место землевладельцам и эмигрантам. Главные правительственные должности заняли обладатели капитала (банкир Лафитт, после него представитель большой купеческой фирмы Казимир Перье) или умственные силы среднего класса, которые сочувствовали интересам крупной промышленности (Гизо и Тьер). Сам король новой династии (по имени июльской революции его правление, 1830—1848 г.г., назвали *июльской монархией*) примыкал по своим вкусам и понятиям к тому же общественному слою. Он воспитывал своих детей в светской гимназии: отличаясь расчетливостью коммерсанта, он в день коронования перевел все свое имущество на сыновей и в течение своего правления старался всячески приумножать их достояние, выпрашивая у палаты пенсии и подарки.

Во время реставрации Франция, несмотря на конституционную хартию, держала руку реакционных правительств Европы. Революция 1830 г., осуществленная во имя прав народа, изменила и внешнюю политику Франции, и отношение к ней Европы. Под впечатлением этого переворота поднялись народные движения в Бельгии, Польше, Германии и Италии. Бельгия отказалась подчиняться нидерландскому королю и об'явила себя независимой; в Царстве Польском произошло восстание сторонников отделения от России. Во Франции многие требовали поддержки европейских революционных движений и завоевательной войны с целью пропаганды, как в 1793 г.

В свою очередь Николай I, Меттерних и Пруссия отнеслись очень недоверчиво к новому правительству во Франции. Это заставило его искать сближения с Англией, единственной крупной страной Европы, где был проведен парламентский порядок. Два западных государства составили как бы особый союз, противоположный реакционным восточным. Начала, на которых строился Священный союз, были нарушены: Англия и Франция стали проводить свой принцип *невмешательства* во внутренние дела тех стран, где поднимались народные движения. Это оказалось выгодным для бельгийской революции: западные правительства поддержали самостоятельность Бельгии и обеспечили новому королевству нейтралитет. Но в приложении к Польше невмешательство привело к тому, что ее предоставили собственной участи, и русская монархия справилась с движением.

Господство крупной буржуазии. Во внутренних делах большинство крупной буржуазии хотело остановки революционного движения. Между тем сказались тяжелые последствия переворота для промышленности. Многие дела приостановились, особенно вследствие обострения иностранных отношений. Лафитт разорился и закрыл свой банк; масса рабочих лишились заработка и

заявили об этом манифестациями; многие покинули столицу. В Лионе торговый застой 1830 г. вызвал понижение заработной платы ткачей шелкового дела; многие потеряли всякий заработок. Префект попробовал устроить соглашение между ткачами и хозяевами, но последние нарушили условие. Тогда рабочие вышли из предместья Красного креста, где жило большинство их, с черным знаменем, на котором стояла надпись: «Жить трудом или умереть в бою!» Они захватили в свои руки город и в течение нескольких дней господствовали в нем. Но затем движение было подавлено войсками и буржуазной гвардией.

Луи Филипп дал отставку Лафитту и другим либеральным министрам. Новый глава министерства Казимир Перье, назвавший свою политику «золотой серединой», провел закон против вооруженных сборищ на улицах и запретил чиновникам участвовать в политических союзах. После смерти Перье его преемники в министерстве, Гизо, Тьер и другие, продолжали его политику сопротивления реформам. В свою очередь противники июльской монархии, *легитимисты*, т.-е. сторонники Бурбонов, и особенно республиканцы, поднимали одно восстание за другим. Во время похорон популярного генерала Ламарка, летом 1832 г., все улицы Парижа были наполнены необозримой толпой; всюду раздавались речи оппозиционных ораторов; на возвратном пути кричали: «Долой Луи Филиппа! да здравствует республика!» Руководимые республиканцами рабочие забаррикадировались в восточной тесно застроенной части города. Лишь после двухдневной битвы, стоившей нескольких сот убитых, войска и буржуазная национальная гвардия подавили восстание.

В 1834 г. повторилось восстание в Лионе, Париже и других городах. Опять произошли кровопролитные битвы на улицах. Наконец, правительство произвело до 2.000 арестов и передало Верхней палате суд над массой лиц, обвинявшихся в нарушении государственного порядка. Затем, при содействии огромного большинства палаты, были проведены стеснительные так наз. *сентябрьские законы* (1835), которые, в сущности, ограничили обещанную в 1830 г. политическую свободу. Особенно стесняли свободу печати: строгие наказания были положены за нападение в газетах на особу короля, за осуждение существующей формы правления и за восхваление республики, за возбуждение одного класса против другого и за нападение на принцип собственности.

В сентябрьских законах обнаружился тесный союз между июльской монархией и высшим слоем буржуазии. Новая династия всеми средствами старалась поддерживать класс капиталистов. В то время, как налог падал, главным образом, на земледельца, крупные фабриканты получали, напротив, поддержку от государства благодаря крайне высоким пошлинам на многие ввозные товары, хотя от этого сильно терпели потребители. Резко отделялся этот слой от остальной массы и в отношении военной службы. Богатый откупался

от рекрутчины, и повинность падала на классы менее состоятельные. По отношению к интересам рабочих предприниматели были крайне невнимательны. Когда королю однажды представилась депутация от рабочих, раскрывшая тяжелое положение их, он сказал: «Я могу только горько вздохнуть с вами!» Власти и парламент не задумывались над реформами. На представления рабочих отвечали, что «не дело палаты приискивать работу». В то время, как в Англии начиналось фабричное законодательство, во Франции почти ничего не было сделано даже для охраны женского и детского труда. К первому слабому закону (1841), который ограничил работу подростков до 12 часов, было прибавлено: «не должно настаивать на строгом и безусловном применении». К услугам господствующего класса была национальная гвардия, состоявшая из горожан среднего достатка; она исполняла в городах роль полицейской охраны, и ей-то преимущественно приходилось биться против восставших рабочих

В результате получилось полное отчуждение страны от правительства; оно чувствовалось особенно в последние 8 лет июльской монархии (1840—1848), когда первым министром непрерывно состоял Гизо. При нем вошло в обычай оказывать давление на выборы посредством префектов; в палату старались также провести побольше чиновников. Послушная министерству палата—«удовлетворенные», как прозвали податливых депутатов в журналах,—необычайно усиливала высокомерную уверенность Гизо. О всеобщем избирательном праве он говорил, как о «нелепой системе, которой нет места на свете». Во внешней политике Гизо стал отклоняться от Англии и сближаться с консервативной Европой, с Меттернихом.

Демократические идеи 40-х годов. В обществе стали усиливаться течения, враждебные июльской монархии. В среде мелкой буржуазии и небогатой интеллигенции поднимается протест против узкого коммерческого духа и бессердечия промышленного и делового класса, банкиров, торговцев, нотариусов, достигших власти. Городское население среднего достатка, выключенное от участия в политической жизни, требует расширения избирательного права. Даже на парадах национальной гвардии король услыхал возгласы: «Да здравствует реформа!» В литературе замечается интерес к великой революции. Ламартин написал «Историю жирондистов», Луи Блан в «Истории революции» изображал якобинцев и партию Горы выразителями великой идеи братства, идущей на смену индивидуализму. Молодые литераторы и художники, «богема» (т.-е. цыгане), как их зовут в Париже, студенты Латинского квартала воспроизводили демократический якобинский тип. На мещанский этикет и лицемерные приличия демократы отвечали требованием свободы чувства; они говорили, что искренность, правдивость чувства — лучший направитель морали. Самым горячим выразителем этого направления в 30-х и 40-х г.г. была г-жа Дюдеван, выступавшая в литературе под именем Жорж

Занд. В ее романах отражается также идеальное представление о народной массе, хранящей в себе тихую и глубокую правду.

К этой вновь нарождающейся французской демократии примыкали эмигранты из различных стран Европы, особенно из Польши, Италии и Германии. Париж был международным центром республиканской пропаганды в Европе; здесь сходились вожди изгнанных и преследуемых партий, сближаясь вместе с тем с французскими республиканцами; здесь печатались издания на немецком, итальянском и др. языках, имевшие целью подготовку революции в европейских странах.

Вместе с развитием индустрии во Франции появились новые социалистические учения. Прудон (1809—1865) резко восстает против существующего экономического строя, в котором нет и тени справедливого распределения богатств. Но он не хочет, подобно Фурье, уничтожать личное хозяйство, семью, частное жилище, чтобы замкнуть всех в общественные фаланстеры. Прудон думает, что рабочие могли бы соединяться в производительные товарищества; обеспечить за каждым вознаграждение сообразно труду можно посредством системы «взаимных услуг»; с уничтожением денег и процента следует учредить народные банки, которые руководили бы обменом, выдавая кредитные знаки, соответствующие рабочим часам и оплачиваемые работой; государственная власть при этом окажется ненужной. Иначе относится к государству Луи Блан (1811—1882). В своей «Организации труда» он рекомендует воспользоваться огромной силой капитала, орудующего крупными предприятиями. Как ни сильны отдельные предприниматели, они не могут выдержать конкуренции с государством, если оно возьмет в свои руки большие отрасли производства. Управление всею хозяйственною жизнью будет сначала в руках государственных агентов, а затем, когда воспитание подготовит общество к новому строю, руководство перейдет к самим рабочим. Такой порядок возможен лишь при установлении демократической республики, в которой все интересы будут равномерно представлены.

Возрождение католичества. Одновременно с усилением демократии поднималось движение противоположного характера.

В 1814 г. папа, тот самый Пий VII, которого Наполеон лишил светской власти, восстановил орден иезуитов. Папа опять потребовал безусловного повиновения верующих, как будто ничего не случилось: он осудил конституционную хартию 1814 г. за то, что в ней «не упоминается имя божие», за провозглашение свободы совести, ставящее наравне с ересями и иудейством святую церковь, вне которой нет спасения, и особенно за свободу печати, которая «грозит чистоте веры и правов». С этой поры папы не переставали в своих энцикликах (окружных посланиях) громить освободительные идеи и науку Нового времени: они восставали против конституционного устройства, против научного опыта и исследования. Множество людей образованного

класса, испуганных ходом или идеями революции, искали в церкви защиты или ставили в образец ее устройство, основанное на слепой покорности.

Католическая церковь вновь стала собирать силы, захватывая колеблющихся, нуждающихся в утешении и поддержке и обещая горячо, но неопределенно, заступничество темным массам народа. Духовенство в XIX в. гораздо более подходило к этой цели, чем в XVIII в. Исчезли старые прелаты, важные ленивые господа из высших классов общества, в роскоши проживавшие свои доходы. Епископы и священники выходили теперь из семинарской среды, знали труд и бедность; в их распоряжении, помимо проповеди, была печать, и духовенство, скоро овладев новым средством, выставило талантливых публицистов. Главной целью католической партии было получить в свои руки школу, чтобы влиять на подрастающие поколения. В борьбе против правительств католики разных стран почувствовали необходимость соединить свои силы и сосредоточить общее руководство ими: власть папы, весьма слабая в XVIII в., очень усиливается в XIX в.

Католичество искало сближения с демократией. В числе новых ревнителей были искренние народники. Во Франции Ламенэ (1782—1854) после июльской революции основал со своими друзьями журнал «Будущее», где требовал вместе с отделением церкви от государства всеобщего избирательного права и свободы общественных союзов. Когда папа выразил по этому поводу неудовольствие, Ламенэ поехал в Рим для оправдания. Сначала Ламенэ подчинился и закрыл свой журнал. Но через два года, среди рабочих восстаний, он не выдержал и напечатал необычайно горячее воззвание «Слова верующего». В библейских выражениях напоминает он, что Христос возвестил освобождение бедных, но теперь «земля стала опять мрачной и холодной, и народ из его бедственного состояния не могут спасти ни светская, ни духовная власть». Папа осудил книгу Ламенэ, как особенно вредную. Тогда Ламенэ окончательно разорвал с Римом, снял рясу и обратился в энергического сторонника республики.

Друзья Ламенэ не пошли так далеко, как он сам. Они хотели помирить папу с демократией, но сами видели в демократии только средство для установления нового высшего духовного авторитета над обществом: они хотели собрать все испуганные новыми идеями консервативные круги и вести борьбу с новым просвещением.

Февральская революция. В то время как во Франции росли радикальные и консервативные партии, монархия Луи Филиппа теряла почву под ногами. Небогатая буржуазия стала требовать избирательной реформы, распространения прав на служащих в национальной гвардии и на людей с высшим образованием, а также выключения чиновников из палаты. Когда сошлась палата в 1847 г., положение во Франции было тревожно. В стране был неурожай, между тем подвоз иностранного хлеба запретили; это вызвало вздо-

рожание цен. В различных местностях произошли восстания, в которых приняли участие рабочие и крестьяне.

Сторонники умеренной реформы соединились с республиканцами. Политические ораторы той и другой партии стали об'езжать провинции и устраивать большие банкеты, на которых произносились речи в пользу расширения избирательного права. Между тем правительство продолжало оставаться в поразительном ослеплении. Гизо запретил назначенный на 22 февраля 1848 г. в Париже банкет сторонников реформы, в котором должны были принять участие многие депутаты и национальные гвардейцы. Умеренные вожди подчинились и отказались даже от процессии на улицах, которая должна была двинуться к месту банкета. Но массы рабочих из предместий и студентов из Латинского квартала, с востока и юга Парижа, прошли в западную, аристократическую часть Парижа, требуя отставки Гизо. Король уступил, назначил других министров, но было поздно; группы республиканцев начали, как в 1830 году, строить баррикады. Король призвал войска и национальную гвардию. Так как они действовали очень неохотно против восставших, Луи Филипп решил бежать и отрекся в пользу своего внука. В то время, как об этом старались известить палату депутатов, в нее уже взошла группа восставших; большинство депутатов разбежались; оставшиеся, между ними Ламартин, об'явили себя в пользу республики. Здесь же был составлен список членов *временного правительства*. С этим списком, по обычаю, отправились в здание городской думы, где водворилась тем временем другая группа восставших республиканцев, более решительных и склонявшихся в пользу социалистических идей; у них был свой список временного правительства, который присоединили к первому, введя в него Луи Блана и рабочего Альбера, в знак обеспечения интересов четвертого сословия.

Во временном правительстве резко разделились две партии: умеренные, с Ламартином во главе, хотели только установить всеобщее избирательное право, не изменяя положения собственности, отношений капитала и труда; в партии *социальной республики*, принимавшей «красное знамя», Ледрю Роллен хотел возрождения якобинства 1793 г., Луи Блан считал возможным приступить к организации труда. Так как рабочие, победившие в февральские дни, оставались при оружии, то сами умеренные признавали нужным прежде всего удовлетворить их: временное правительство об'явило, согласно требованиям социалистов, *право на труд*, т.-е. обязанность государства обеспечить всякому заработок. Затем была назначена правительственная «комиссия о рабочих» под председательством Луи Блана, и вызваны делегаты от рабочих для обсуждения желаний всего класса. Комиссия издала правила об уменьшении рабочих часов, предложила третейский суд между хозяевами и рабочими, но предприниматели не обращали никакого внимания на ее распоряжения.

Между тем умеренные республиканцы ободрились от страха перед радикалами: новой национальной гвардии из рабочих они противопоставили старую буржуазную и стали разгонять при ее посредстве манифестацию рабочих. Они решили удовлетворить одно из выставленных социалистами требований, именно устроить *национальные мастерские*, т.-е. общественные работы для незанятых. Но способ, к которому прибегли, явно указывал на то, что устроители хотят только оттянуть время.

Революция 1848 г. создала, как и предшествующие перевороты, безработицу; массы незанятых людей устремлялись в Париж искать заработка. Вместо того, чтобы распределить их по специальностям и предложить им производительную работу, их поставили всех без различия на землекопные работы, в сущности ненужные, на Марсовом поле. Но так как в казне не было наличных средств, и правительство не имело кредита для устройства займа, пришлось установить добавочный налог для покрытия издержек на национальные мастерские в размере 45% с каждого 1 франка существующих податей. В среде крестьян этот новый налог вызвал с самого начала вражду к республике и неопределенный страх перед социализмом, как будто с ним вместе приближалось отобрание у них земельной собственности. Еще резче был этот страх у буржуазии, которая видела пред собою вооруженных рабочих. Поэтому всеобщая подача голосов при выборах в Учредительное собрание не дала результатов, ожидавшихся республиканцами: в палату вошло много консерваторов, именно сторонники двух низложенных династий (Бурбонов и Орлеанов) и католики, которые требовали реакции.

Учредительное собрание решило уволить рабочих, пришедших из провинций, и закрыть национальные мастерские: оно предложило рабочим вступить в армию или отправиться на землекопные работы в провинцию. Тогда рабочие забаррикадировались в восточных кварталах Парижа. Собрание поручило неограниченную власть над Парижем и начальство над войсками вместе с буржуазной национальной гвардией генералу Кавеньяку. Произошло жестокое кровопролитие: с 22 июня бились 4 дня, около десяти тысяч человек было убито с той и другой стороны. Кавеньяк вел штурм рабочих предместий по всем правилам военного искусства: после победы пленных рабочих расстреливали, как изменников; предполагаемых руководителей предали военному суду и сослали на каторгу в нездоровую колонию Кайену. Луи Блан бежал за границу. Партия социалистов была совершенно разгромлена.

Вторая республика и социальная реакция. Учредительное собрание выработало республиканскую конституцию 1848 г. Всеобщей подачей голосов избирается единственная палата, имеющая законодательную власть. Власть исполнительная передается президенту, избираемому на 4 года посредством прямого и всеобщего голосования; ему подчинена военная сила страны, и от него зависит назначение министров, без внимания к распределению партий

в собрании. Умеренные республиканцы выставили своим кандидатом Кавеньяка. Но у него совершенно неожиданно оказался противник, на котором сошлись многие из недовольных переворотом 1848 г.,—принц Луи Бонапарт, племянник Наполеона I, принявший его имя. Сторонники изгнанных династий, считая Наполеона ничтожеством, видели в нем средство для восстановления монархического устройства; он вызывал надежды всех, кто боялся социализма и желал реакции. Тьер, бывший враг *клерикализма* (влияния духовенства), примкнул теперь к католикам и привлек их партию на сторону нового неопределенного кандидата. В результате президентских выборов, осенью 1848 года, Наполеон получил огромный перевес.

Новый президент пригласил министров из консервативных партий, которые доставили ему победу. Тотчас же реакция пошла полным ходом. Католики настояли на отправке французской армии в Италию на помощь папе против возмутившихся его подданных образовавших Римскую республику. Это была прямая противоположность поддержке революционных движений в Европе, которую провозгласили радикалы в начале революции 1848 г. Далее католики провели в свою пользу новый школьный закон (1850 г.). Правительству предоставлено право удалять учителей без об'яснения причин; священники получили надзор за народной школой; под видом *свободы преподавания* было ограничено право государства заведовать учебными заведениями; частные лица приобрели право открывать гимназии и низшие школы. Этим правом воспользовались богатые конгрегации, т.-е. духовные ордены, среди которых выступили и иезуиты. Франция быстро покрылась католическими школами; все женское образование перешло в руки монахинь.

Бонапартистский переворот и вторая империя. Сторонники реакции действовали в течение 2 лет в согласии с президентом против республиканцев. Между тем Луи Наполеон старался заполнить должности своими сторонниками и расположить к себе армию. Во время его поездок по провинциям устраивались манифестации, участники которых кричали: «Да здравствует император!» Конституция воспрещала переизбрание президента республики на второе четырехлетие. Когда бонапартисты предложили отмену этой статьи, в палате не оказалось в пользу них такого значительного большинства, которое требовалось для изменения конституции. Тогда Наполеон об'явил себя в пользу всенародного голосования по этому вопросу и стал готовить переворот.

2 декабря 1851 г. он приказал арестовать и выслать 80 враждебных ему депутатов, между ними Тьера, Кавеньяка и нескольких радикалов; Париж и окрестности были приведены в осадное положение. Трехлетняя реакция расстроила демократические группы, и сопротивления с их стороны не было. Наполеоновские солдаты беспрепятственно прошли по улицам и стреляли в безоружную толпу. В некоторых городах юга и востока пытались выступить

под красным знаменем члены тайных обществ составлявшиеся из мелких ремесленников, виноделов, батраков, низших служащих.

Эти движения были подавлены правительством; вся армия направляемых из центра чиновников оказалась послушным его орудием: префектам было предписано задерживать членов тайных обществ: их судили на месте комиссии, составленные из самого префекта, прокурора и военного генерала; в закрытых заседаниях этих судов не было ни защитников, ни свидетелей; из арестованных более 25.000—почти половина—были отправлены в Кайену, которой боялись хуже смерти. Состоятельная буржуазия и землевладельцы, все, кто избавились от страха перед тайными союзами и социализмом, были довольны и приветствовали благодарственными адресами Наполеона за «спасение общества». Крестьяне стали злейшими врагами социализма, в котором они видели страшный для них «предел земли».

Под впечатлением этих событий и при усилении давления со стороны администрации производился плебисцит. Множество людей воздержалось от голосования; 7½ миллионов высказались за переворот против 650.000. Плебисцит означал вместе с тем принятие новой конституции, которую скопировали с так наз. конституции VIII года. Опять вводились законодательный корпус, сенат и государственный совет; первый, без права вносить предложения и изменять законы, лишь голосующий предложения правительства, составлялся из небольшого сравнительного числа депутатов; правительство выставляло официальные кандидатуры, т.-е. рекомендовало избирателям своих людей, взявши на себя расходы по их избранию. Всякое избирательное собрание для выяснения программ и личности кандидатов было запрещено, как «посягательство на свободу избирателей», т.-е., иначе говоря, избирателей и независимых кандидатов осудили на полное молчание. Газеты были вообще крайне стеснены; для их издания требовался высокий залог; статьи, вредные, по мнению правительства, вызывали предостережение, за двумя предостережениями следовало закрытие. Для того, чтобы следить за общественным настроением, пресекать заговоры и улавливать выражения недовольства, было учреждено министерство полиции; нити его проникали всюду, его тайные агенты, набранные большею частью из корсиканцев, выслеживали самые интимные стороны частной жизни. Через год после переворота, 2 декабря 1852 года, президент получил от сената титул императора французов Наполеона III (Наполеоном II считался рано умерший сын Наполеона I).

VII.

Революция 1848—1849 годов в Италии, Германии и Австрии.

Национальное движение в Италии. Одновременно с французской революцией 48-го года и отчасти под влиянием данного ею толчка произошли перевороты в Италии, Германии и австрийских землях.

В Италии, после неудачных попыток карбонаров в начале 20-х годов, наступило затишье. Жизнь, протекавшая в кругу мелких государств, с их придирчивой полицией и цензурой, отличалась бедностью и узостью содержания. Людям таланта, знания и энергии негде было приложить силы: итальянские университеты были полны живой массы студентов, но, по выходе, им была закрыта всякая сколько-нибудь самостоятельная деятельность: местного самоуправления и парламентов не существовало, журналы и газеты были до крайности стеснены, крупных общественных работ не возникало.

Самые различные интересы приводили к одному общему желанию: Италия должна быть об'единена, должна принадлежать себе, а не служить выгодам иностранцев, должна иметь свободные учреждения. Движение к этой цели, выражавшееся в итальянской литературе 30-х и 40-х годов, получило название «воскресения». В более образованных северных областях, Пьемонте, Ломбардии, Тоскане, возникли с'езды ученых, натуралистов и техников. Здесь предлагали устройство общеитальянского таможенного союза, в который вошли бы все государства, при чем должны были исчезнуть пошлины, отгораживавшие их одно от другого; указывали, как важно провести железные дороги, которые бы связали различные местности, разделенные протяжением и естественными преградами. Ученые, литераторы, художники хотели распространить просвещение, любовь к общему итальянскому языку, национальной поэзии, искусству. Желанное об'единение казалось святым делом, великим заветом, который дала Италии ее история. Всего более горячо религиозное одушевление высказалось у генуэзца Мадзини, сидевшего в пьемонтской тюрьме и бежавшего за границу: для него свобода—самый святой и дорогой дар, какой только человек получает от Бога; бороться за свободу—значит исполнять Божью волю.

Национально-освободительное движение в Италии охватывало средние зажиточные классы: профессоров, адвокатов, врачей, техников, офицеров, частью промышленников и менее землевладельцев. Рабочие и крестьяне не примыкали к нему; среди низших классов только более подвижные моряки и портовое население Генуи и Ливорно, а также Сицилии принимали участие в восстаниях. Вообще север Италии занял выдающееся место во всем движении

до полного об'единения страны в 1870 г. Здесь находилось самое сильное государство, Пьемонт, или Сардинское королевство, с крупной армией, которое могло взять в свои руки борьбу с иностранцами. Все деятели об'единения, политики, литераторы, военные, Мадзини, Кавур, Гарибальди, Джоберти и др., были родом с Ривьеры (берег Генуэзского залива), из Пьемонта или Тосканы.

Пьемонтский священник Джоберти, бежавший во Францию, доказывал, что Италия самим Провидением предназначена быть средоточием человечества; страна должна быть об'единена для этого, и во главе нее станет папа, который будет вождем Италии и всего мира. Другие представляли себе об'единение Италии в виде федерации, с сохранением самых сильных государств и проведением в них либеральных реформ. Наконец, более горячие примкнули к Мадзини, который видел спасение в полном об'единении Италии и обращении ее в демократическую республику. С целью вербовки сторонников демократии Мадзини образовал за границей общество Молодой Италии. Он стал побуждать эмигрантов из других стран к устроению подобных же обществ, Молодой Германии, Молодой Польши и т. п. Все они соединились в Молодую Европу,—общество, которое ставило себе целью освободить все страны от монархических правительств и устроить всюду демократические республики; из республик должен был образоваться братский союз.

Итальянские правительства относились к движению очень недоверчиво; они боялись сильной Австрии, не хотели вводить конституционного устройства. В 1846 г. умер суровый реакционный папа Григорий XVI. Преемником его выбрали Пия IX, который был известен за врага Австрии и вызывал надежды националистов, разделявших идеи Джоберти. Пий IX дал амнистию осужденным за политические проступки, смягчил цензуру, завел в Риме национальную гвардию, но не решился итти дальше.

Революция в Италии. Пока правительства колебались, начались движения революционные. В Сицилии сторонники конституции призвали народ к оружию, выстроили в Палермо баррикады и заставили войска отступить с самого острова: было образовано временное правительство и провозглашена конституция 1812 года. В Милане и Венеции произошли восстания против австрийцев (начало 1848 г.). Это послужило окончательным толчком и для правительств больших государств Италии: короли сардинский и неаполитанский и герцог тосканский ввели у себя конституции, похожие на французскую хартию. Затем сардинский король Карл Альберт отправил свою армию в Ломбардию, чтобы поддержать восстание против австрийцев. К нему примкнули отряды из Тосканы, Рима и Неаполя. Ломбардцы произвели у себя всенародное голосование и высказались огромным большинством за присоединение к сардинскому королевству.

Но скоро обнаружилось непримиримое противоречие умеренных и республиканцев. В Риме и Тоскане республиканцы потребовали Учредительного со-

брания и заставили бежать папу и герцога. Рим стал республикой с временным правительством из трех лиц, между ними Мадзини; он обратился ко всей Италии с предложением избрать депутатов в общее Учредительное собрание и провозгласить итальянское единство. Папа в то же время обратился с протестом и просьбой о помощи к европейским державам.

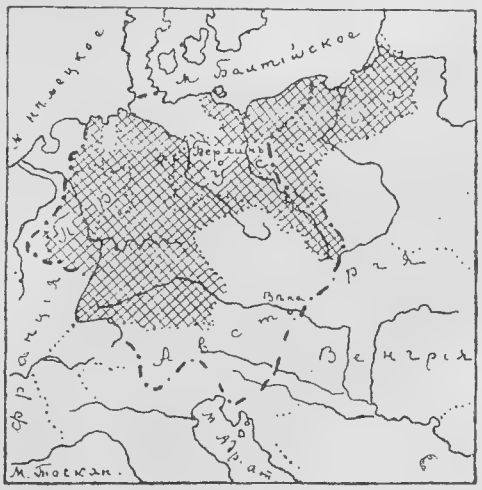
Иностранные силы в свою очередь оказали главную поддержку реакции в Италии. Австрийский генерал Радецкий разбил войско Карла Альберта и восстановил господство Австрии в Ломбардии и Венеции; отряды австрийцев вступили в Тоскану и другие области середины Италии. Все конституционные приобретения были уничтожены; австрийцы устроили военные суды над восставшими, отняли у бежавших революционеров имущества, восстановили телесное наказание. Французские клерикалы побудили президента Луи Наполеона отправить отряд для восстановления власти папы. Некоторое время римские добровольцы под начальством Гарибальди отбивали осаду; но их было мало, французы взяли город и восстановили папу, который уничтожил все дарованные раньше вольности. В то же время неаполитанский король, при помощи швейцарского наемного отряда, сломил сицилийское восстание и также уничтожил конституцию в своих владениях.

В разгроме 1849 г. только одно Сардинское королевство сохранило конституцию. Нерешительный Карл Альберт после неудачной войны отрекся от престола. Его преемник, Виктор Эммануил II, передал управление вождю умеренных, графу Кавуру, много лет прожившему за границей и проникшемуся взглядами французской либеральной буржуазии. Кавур старался развить вывоз северной Италии; с этою целью он вошел в торговые соглашения с другими странами и усилил генуэзский флот. Армия была увеличена и преобразована по образцу Пруссии. Чтобы покрыть траты, Кавур решил обложить налогом церковные имущества и, главным образом, забрать в казну огромное количество совершенно бесполезных монастырей. Папа грозил королю отлучением, но это не помешало закрыть более 330 монастырей. Кавур в то же время ставил целью вдвинуть небольшое Сардинское королевство в среду влиятельных держав: он принял участие в затеянной Наполеоном III войне против России (крымской кампании), а затем в Парижском конгрессе, созванном в 1856 г. для общеевропейского замирения.

Общественное движение в Германии. До 40-х годов либеральные и демократические партии в Германии не имели силы. Два выдающихся писателя, евреи по происхождению, Бёрне и Гейне, вынуждены были уехать за границу. Они поселились в Париже, сблизились с французскими демократами и республиканцами и осмеивали узкое немецкое филистерство (мещанство). Под впечатлением июльской революции 1830 г. в нескольких мелких государствах, Саксонии, Ганновере, Брауншвейге, Гессен-Касселе, были даны конституции. Но когда на празднике «германского мая» в Гамбахе (1832 г.) жур-

нальсты и студенты подняли знамя об'единенного германского народа, Меттерних опять, как в 1819 году, заставил союзный совет во Франкфурте принять стеснительные меры против печати и политических обществ. Гамбахские ораторы попали в заключение или должны были бежать во Францию, Швейцарию, Англию.

Несмотря на узость интересов в пределах мелких государств, одно обстоятельство очень живо чувствовалось людьми, стоявшими близко к торговле: это именно множество таможенных границ, разделявших разбросанные и отчасти переплетенные между собою государства. Реформа здесь исходила от Пруссии, владения которой пересекались в середине мелкими самостоятельными областями. В 1834 г. она заключила с соседями *таможенный союз*, к которому примкнули постепенно все германские государства, кроме Австрии, внутренние пошлины при переезде из одной страны в другую были отменены; одна общая таможенная граница охватила всю Германию.



—.— Германский союз после 1851 года. Клеточками показан таможенный союз к началу 50-х годов (заключающий в себе почти всю будущую об'единенную Германию).

Сторонники широкого промышленного развития Германии хотели дальнейших мер на этом пути. Фридрих Лист (1789—1846), бывший профессор и депутат в Вюртемберге, сидевший в тюрьме и высланный за оппозицию правительству, потом живший в Америке и Франции, настоятельно заговорил о необходимости развития *национальной германской промышленности*. Он восставал против учения фритредеров о свободном международном обмене. Благосостояние нации не оттого возрастет, что она накопит много богатств обменом, а оттого, что она разовьет свои производительные силы. Эти силы зависят не только от трудолюбия, образованности отдельных лиц, от наличности капиталов в стране, но также от политического устройства, которое создает самостоятельность и могущество нации. Лист горячо рекомендовал постройку железных дорог и введение пошлин на привозные товары.

Такое изменение могло бы провести только сильное государство, об'единивши всю нацию. На Австрию нечего было рассчитывать: ее интересы лежали большею частью на востоке, далеко за пределами Германии; вся ее политика была направлена на поддержание раздробленности и слабости герман-

ских областей. Оставалась Пруссия, у которой были к тому же крупные военные силы, чтобы заставить несогласных войти в союз и защитить потом единую Германию. Но либералы и демократы не могли примириться с отсталым строем этого государства; весь юг, где уже с 1815 г. действовали конституции, был против Пруссии.

Учение Гегеля служило при жизни его оправданием существующего строя и господствующих понятий. Но после его смерти приверженцы разделились. В то время, как *правые* гегельянцы находили, что «абсолютный дух», т.-е. сознание человечества, достиг высшей точки развития и дальше ему итти некуда, *левые* считали период критики неоконченным. В самом *диалектическом* методе Гегеля они находили орудие дальнейшей критики: ни одно убеждение не может иметь притязания на вечность, понятия постоянно развиваются. Всякая ступень развития, всякая форма общества необходима и оправдывается условиями своего времени; но она должна пасть перед высшими требованиями, которые постепенно вырабатываются в ее собственном существе. Один из левых гегельянцев, Руге, просидевший 6 лет в крепости за участие в студенческом союзе, применил диалектику Гегеля к учению о развитии политических форм. Тогда как Гегель видел в прусском государственном строе высшую ступень развития духа, Руге считал таковым демократическое устройство со свободой слова, судом присяжных и т. д. Руге основал немецкий радикальный журнал в Париже и старался привлечь к участию в нем французских республиканцев.

В 40-х годах в Германии начинается промышленный переворот, запоздавший сравнительно с Англией на 60 лет, с Францией—на 30 лет. Как и всюду, переворот сопровождался болезненными, тяжелыми явлениями в народной жизни. Большие заводы и фабрики развивались, главным образом, в двух областях с особенно густым населением и вблизи каменноугольных залежей: в Рейнской области и в Силезии, в первой—железное и стальное производство, во второй—мануфактура, прядильная и ткацкая. Уже раньше силезские кустари, наполовину крестьяне, обязанные повинностями пан помещиков, не могли выдерживать конкуренции иностранной, особенно английской мануфактуры, работавшей машинами. Введение машин в Германии с 40-х годов быстро и окончательно расстроило быт массы мелких деревенских работников. К тому же хлопчатобумажное производство вытеснило в значительной степени старое полотняное, которым кормились прежние прядильщики и ткачи. По Силезии несколько раз проходил жестокий голод, сопровождавшийся эпидемией голодного тифа, от которого люди умирали тысячами.

Доведенные до отчаяния дороговизной хлеба, страшной смертностью детей, безвыходностью условий работы, силезские рабочие, так же как их соседи в Богемии, поднимались в бесплодных восстаниях, ломали машины, разрушали фабричные здания, уничтожали деловые книги. Прусское и австрийское пра-

вительство подавляли беспорядки военной силой. В городах, куда во время безработицы и голода стекалось много бездомного, бесприютного люда, администрация оберегала состоятельные классы от этого «опасного элемента», очищала улицы от скопления его выстрелами, сажала захваченных в тюрьмы.

Мартовская революция в Пруссии. С 1840 г. в Пруссии правил Фридрих-Вильгельм IV, со склонностью к красивым речам и данными для психического расстройства (он кончил сумасшествием). В то время, как к нему обращались с напоминанием о созыве народных представителей, он выражался презрительно о верховенстве народа, о «бумажных конституциях», тогда как сам он получил «корону в лен от Бога». Однако, после обычного в Пруссии долгого обсуждения в комиссиях, Фридрих-Вильгельм IV решился на некоторую реформу и составил из депутатов от провинциальных собраний Соединенный ландтаг (1847). Это общее собрание сохраняло сословный характер; над ним была еще поставлена палата господ из принцев и аристократии. Ландтагу предоставлялось только обсуждать новые налоги и подавать петиции. Запоздалая и слабая уступка правительства никого не удовлетворила. Собравшийся в Берлине ландтаг требовал признания за ним права проверять бюджет, свободы печати и отказал в займе, которого просил король. Ландтаг распустили, и пока король колебался относительно новых уступок, произошла революция.

В городе вооружились учащаяся молодежь, группы рабочих и иностранных эмигрантов, главным образом, поляков. Когда они стали собираться на митинги под впечатлением парижской февральской революции, против них начались военные приготовления. Внезапно король сам обратился с воззванием к народу, признавая необходимость введения конституционного устройства. Толпа собралась перед дворцом и благодарила короля, вышедшего на балкон (18 марта 1848 года). Случайные выстрелы привели, однако, к столкновению между вооруженными горожанами и войсками. В Берлине произошло то же, что было несколько раз в Париже: баррикады и уличный бой. Войска уже стали одерживать верх, когда король, под влиянием умеренно-либеральных бюргеров, решил остановить кровопролитие. Он удовлетворил требование восставших, чтобы были удалены солдаты из города, согласился на образование из граждан национальной гвардии и вышел с обнаженной головой почтить умерших борцов за свободу, которых толпа проносила мимо дворца. Затем он согласился принять настоящую конституцию с парламентом, избираемым всеобщей подачей голосов, ответственными министрами, гласным судом присяжных, равенством прав и отменой сословий, свободой личности и печати; вместе с тем он высказался за национальное об'единение: «Пруссия отныне принадлежит Германии».

Избранное всеобщей подачей голосов, Национальное собрание в Берлине состояло из трех партий: радикалов, преимущественно из западных областей по Рейну, «феодалов» из среды землевладельцев более отсталого востока, и

умеренно-либеральной партии, которая надеялась связать конституцию в Пруссии с национальным об'единением Германии. Собрание закончило реформу освобождения крестьян в восточных областях Пруссии, остановленную в 1816 г. Решено было «регулировать» все оставшиеся повинности, т.-е. произвести их выкуп для тех беднейших крестьян, на которых они еще лежали. Но землевладельцы не пропустили даром тридцати двух лет реакции: где только возможно было, они успели отобрать у крестьян земли и перевести их на положение наемных рабочих. Таким образом в большей части Пруссии сохранился земельный строй, который стал слагаться в XVIII в. и более всего напоминал Англию: крупные и средние поместья с наемным трудом безземельных людей.

Франкфуртский общегерманский парламент. Революция в Пруссии была только частью общегерманского движения. Во всех германских государствах вслед за февральской революцией в Париже стали собираться митинги, требовали свободной печати и общего парламента. Союзный сейм уполномоченных, заседавший во Франкфурте, должен был назначить общие выборы по всем германским областям, включая сюда почти всю Пруссию и западные части Австрии. Правительства, испуганные движением, не препятствовали выборам.

Во Франкфурте сошелся парламент почти из 600 членов для выработки общегерманской конституции. По характеру это собрание было похоже на французское учредительное 1789 г. В большей части германских областей не было до тех пор политической жизни, и в депутаты преимущественно выбирали людей, выступавших в литературе за об'единение и свободу, профессоров, писателей. Собрание начало с установления «основных прав германских граждан». Германское единство хотели основать на праве нации быть независимой от других, составлять одно целое, признавая в то же время права других наций; но как раз два самых больших государства, Пруссия и особенно Австрия, заключали в себе области, населенные совершенно другими народностями—славянами, венграми; большинство немецких патриотов желали их выключения, австрийское правительство, напротив, их введения в новую империю. Другой трудный вопрос состоял в том, какую форму примет новое государство. В парламенте было много республиканцев, но они не имели большинства; перевес принадлежал умеренным, которые хотели устройства союза с центральной властью в руках императора, избранного народными представителями, но с наследственным положением. Трудность здесь заключалась в том, что при выборе нельзя было обойти двух самых сильных государей Германии, прусского короля и австрийского императора; всякий иной не имел бы над ними авторитета. Но выбор одного из двух означал бы конец влиянию другого в Германии и, следовательно, с неизбежностью приводил к столкновению между Австрией и Пруссией.

Парламент решил избрать императором прусского короля в виде меньшего из двух зол. Новое препятствие поставил сам король прусский: он желал

получить императорскую корону от «равных себе» германских правителей и отклонил власть, предложенную ему народными представителями. Вместе с тем южно-немецкие государства и Австрия отвергли выработанную парламентом конституцию. Множество депутатов, отчаявшись в мирном решении общегерманских дел, раз'ехались; оставшиеся решили, вопреки правительствам, обратиться к народу и пригласить его к новым выборам; республиканцы в южной Германии подняли восстание в пользу единства и конституции.

Революция в Австрии и Венгрии. В Австрии не было одной народности, которая бы имела численное и культурное преобладание; по количеству в ней первое место занимали славянские племена, но они были совершенно разрознены. Прежде всего они разделялись на две большие группы, северную и южную, раз'единенные вдоль Дунайской равнины немцами и мадьярами; но каждая группа распадалась еще на несколько чуждых друг другу народностей: на севере были чехи, словаки, поляки и русины; на юге—хорваты, словенцы, сербы. Поляки и русины в Галиции были резко разделены по своим интересам в качестве двух классов: первые были землевладельцами и горожанами, вторые—крестьянами, оставшимися в подчиненном быту. Кроме всех названных народностей, в состав Австрии входили румыны в Трансильвании и итальянцы в ломбардо-венецианской области.

Империя разделялась на две основные части: собственно Австрию, занимавшую запад и север, и Венгрию, охватывающую восток и юг. В каждой из них перевес принадлежал народностям, не имевшим большинства, в Австрии—немцам, в Венгрии—мадьярам. Те и другие населяли сплошь лишь небольшие области; в остальных они были землевладельцами (напр., мадьяры в Трансильвании) при иноплеменном рабочем населении, славянском и румынском, и чиновниками. Национальное возрождение вело в Австрии к результатам, обратным его действию в Италии и Германии. Там дело шло о соединении раздробленных частей, здесь, напротив, под'ем наций должен был вести к раз'единению, а, может быть, к распадению государства. Поэтому Меттерних считал основой сохранения Австрии неподвижность порядков, отсутствие публичности, управление посредством чиновников и крепостное право. В Австрии вовсе не печатали книг политического содержания и не допускали либеральных сочинений из Франции и Англии.

1848 год сразу опрокинул этот строй. В Вене произошли манифестации в пользу свободы; так как прежний порядок не допускал никаких политических союзов, то с заявлениями выступили торговые общества, книгопродавцы, частные клубы, студенты. Меттерних, правивший беспрепятственно около 40 лет, должен был выйти в отставку. Венские брюгеры и студенты захватили в свои руки власть; император бежал из столицы, согласившись перед этим созвать Учредительное собрание на основании всеобщей подачи голосов.

Оно сошлось летом, имея в своей среде депутатов со всей империи, кроме

Венгрии. Главным делом этого собрания, просуществовавшего три месяца, было *освобождение крестьян*. Во время недавнего польского восстания в Галиции крестьяне не только не пошли за помещиками, но даже, получив оружие, бросились на их усадьбы. Всюду они отказывались платить повинности и отбывать барщину. Настроение их было очень возбужденное. В собрании самый младший из депутатов, Кудлих, сын силезского крестьянина, предложил отменить «работу», т.-е. все существующие виды подданства крестьян, и зависимости от помещиков. Когда предложение было принято, крестьяне-депутаты бросились к скамьям своих коллег, пожимая всем руки и шумно выражая благодарность. Прошел закон, который устанавливал выкуп повинностей; часть их крестьяне выкупали своими средствами; треть выкупной суммы взяло на себя правительство, выступивши посредником между землевладельцами и крестьянами и вручив первым государственные процентные бумаги на сумму, равную капиталу, в который были оценены повинности. При таком характере освобождения, крестьяне, в противоположность прусским, получали полностью всю землю, которой пользовались до тех пор. Таким способом была проведена крестьянская реформа в северных славянских областях Австрии, т.-е. в Галиции, Богемии, Моравии и Силезии.

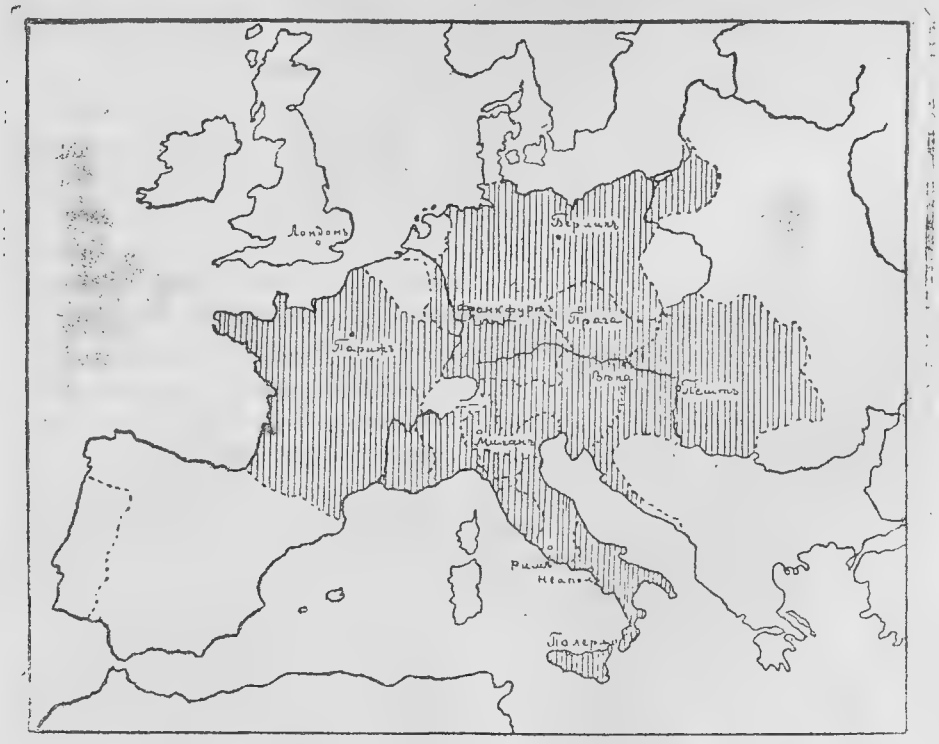
Одновременно произошла революция в Венгрии. Мадьяры составляли в течение нескольких веков отдельное государство и подчинялись Габсбургам лишь под условием сохранения самостоятельных учреждений. Но венское правительство пыталось постоянно навязать Венгрии свою власть и вытеснить национальный язык. Во время борьбы с Наполеоном мадьярам было обещано восстановление общего сейма. Когда сейм стал собираться, в нем оказалось много сторонников дворянских привилегий и сохранения крепостных повинностей; но появилась также партия демократическая, которая требовала свободы печати и отмены дворянских преимуществ относительно подати и власти над крестьянами; во главе ее стоял с 30-х годов адвокат Кошут, основатель первой мадьярской политической газеты. Обе партии согласно требовали отделения Венгрии, признания мадьярского языка господствующим и избрания особого национального правительства.

В 1848 году среди общего затруднения мадьяры легко достигли цели: сейм был перенесен из пограничного города Пресбурга в центр Венгрии, Пешт, собралось Учредительное собрание. Образовалось особое венгерское министерство, которое считало себя независимой властью, завело самостоятельные дипломатические сношения с европейскими державами и особое венгерское войско.

Обе революции, германская в Вене и мадьярская, вызвали протест славянских народностей. До тех пор движение среди славян было чисто литературное, направленное к восстановлению национальных памятников, очищению и распространению народного языка. Теперь, угрожаемые двумя деятельными

народами, славяне обратились к политике. Мадьяры хотели распространить свой язык и своих чиновников на всю территорию прежнего венгерского королевства; на это хорваты отвечали требованием полной самостоятельности своей области. Чехи составили сейм, потребовали уравнения с немцами и образования независимой славянской державы из трех северных областей; в Праге собрался общеславянский конгресс из сторонников *панславизма,* т.-е. об'единение всех славян.

Реакция в Германии и Австрии. Движения всюду были начаты небольшими радикальными группами, которые проявляли большую решительность в



Страны, охваченные революционным движением в 1848—1849 годах.

первых столкновениях, но не имели такого влияния в стране, чтобы приобрести власть; умеренно-либеральные партии были плохо организованы и, желая поскорее примириться с правительством, слишком легко ему уступали; консерваторы, напротив, чтобы спасти свое общественное положение, поддерживали правительство очень энергично. Крестьяне в Австрии, добившись свободы и земли для себя, отступили вовсе от движения. Правительства, в начале движения испуганные, потерявшие голову, скоро оправились и принялись отнимать сделанные уступки.

Раньше всего реакция произошла в Австрии. Венский двор стал опи-

раться на победоносных генералов (Радецкий в это время отвоевал у итальянских националистов Ломбардию) и на вражду славян против немцев и мадьяр. Чешский магнат, князь Виндишгрец, получив диктаторскую власть, бомбардировал Прагу, рассеял конгресс панславистов и чешский сейм; затем подступил к Вене и в уличных боях истребил революционную милицию. Правительство перенесло Учредительное собрание из столицы в провинциальный городок, а затем изгнало депутатов из залы заседаний военной силой, об'явив в манифесте, что собрание «противоречит истинным основам монархии». Венский двор отказался, после этих успехов, признать конституционный строй в Венгрии; он передал военные полномочия на востоке врагу мадьяр, хорватскому бану (наместнику). С мадьярами было, однако, труднее сладить, так как они имели войско; сейм в Пеште об'явил полную независимость от Австрии, провозгласил Венгрию республикой и выбрал Кошута ее президентом (весной 1849 г.). Австрийский император (только что поступивший Франц-Иосиф, который правил с 1848 г. до 1916 года) просил у Николая I помощи против революции. Большая русская армия, перейдя Карпаты, заставила сдаться менее сильную венгерскую, Кошут бежал в Турцию. Австрийское правительство проявило необыкновенную жестокость; военные суды приговорили к повешению многих офицеров и к расстрелу бывшего первого министра в Пеште.

Под впечатлением венских событий стал действовать и Фридрих-Вильгельм IV. Он запретил всякого рода политические сходки, ввел осадное положение, обезоружил гвардию бюргеров, и когда национальное собрание протестовало и решило отказать в уплате налогов, велел занять зал заседаний военной силой и разогнал его. Затем он заменил конституцию, принятую народом, новой, жалованной, подобно французской хартии 1814 г. Путем указа король изменил избирательное право: уничтожил тайную подачу голосов и внес значительный перевес богатых над остальным населением. Собравшаяся в силу этого закона палата состояла кроме того более, чем наполовину из чиновников; она согласилась на все изменения и даже отказалась от общего контроля (проверки) бюджета (1850 г.).

Еще раньше прусское правительство подавило общегерманское движение. Прусские войска помогли рассеять республиканские вольные дружины в южной Германии, сражавшиеся за единство; с плёнными поступали так же, как в Австрии, полевые суды присуждали их к расстрелянию, многие бежали в Америку, Францию, Англию. Вновь усилившаяся Австрия восстановила в Германии старое устройство слабого союза. Опять во Франкфурте сошелся сейм уполномоченных от германских государств: он отменил «основные права германского народа», принятые парламентом 1848 г. Всюду, как в наполеоновской Франции после 1851 г., стали «устранвать» выборы с официальными кандидатами, стеснять печать, высылать независимых людей. Никогда эмиграция из Германии не достигала такой высокой цифры, как в начале 50-х годов.

VIII.

Объединение Италии и Германии.

События 1848—1849 г.г. были большим уроком для радикальных партий в европейских странах. В среде буржуазии увлечение республиканскими идеями ослабело. Но национальный вопрос, выдвинутый радикалами, был подхвачен умеренными. В последующие 50-е и 60-е годы еще более разрастается крупная промышленность, особенно в Германии. Правительства, наученные опытом революционного года, должны были теперь искать опоры не только в дворянстве и землевладельцах, но и в среде промышленной буржуазии. Они взяли на себя дело об'единения посредством внешней силы, но в то же время согласились на конституционные уступки новым деятельным классам общества.

Образование в Европе новых больших политических тел должно было вызвать соперничество и страх старых государств. Франция боялась об'единения Германии; для Австрии об'единение Италии и Германии означало выключение ее самой из той и другой страны. Борьба об'единяющихся наций с этими препятствиями привела к кровопролитным войнам; войны эти были окончательным расчетом между европейскими силами и установили новое равновесие в Европе. В промежуток 16 лет, от 1854 до 1870 года, в средней Европе произошло 6 крупных войн, в результате которых обе'динились две большие нации.

Внешняя политика империи во Франции. Национальные войны в Европе получили сильный толчок от образования империи. Наполеон III уверял, что «империя знаменует собою мир», и старался успокоить этим крестьян, но в то же время ему нужно было отвлечь французское общество сторонними предприятиями от внутренних вопросов: в качестве наследника великого Наполеона он считал необходимым вернуть Франции ее прежний военный перевес в Европе; он надеялся также примирить французов с внутренней реакцией, пускаясь в предприятия, как бы прикрашенные освободительными идеями.

Сначала Наполеон III, в союзе с Англией, решил напасть на Россию, управляемую императором Николаем I. Франция и Англия поддерживали Турцию в ее столкновении с Россией и послали соединенный флот ко входу в Черное море, а затем и сухопутное войско, высадившееся в Крыму. К союзникам присоединились сардинцы и турки. Война затянулась обороной Севастополя. В это время умер Николай I, и новый император Александр II, по взятии крепости союзниками, вступил в мирные переговоры. Сложный *восточный* вопрос затрагивал разнообразные интересы: дело шло о судьбе христианских народов, подчиненных туркам, о сохранении или разделе турецкой империи, о размежевании круга действий европейских промышленных сил в Малой Азии, у Чер-

ного моря и Леванта. Для решения этих затруднений был созван *конгресс в Париже* (1856). На этом собрании французским дипломатам несомненно принадлежало первое место. Вместе с тем большая парижская выставка 1855 г., которую посетило множество иностранцев, показала блеск и силу французской индустрии.

Наполеон III задумал воспользоваться перевесом Франции для другой популярной цели: поддержки итальянского национального движения. В 1858 г. стараниями Кавура был заключен договор, по которому Наполеон обещал сардинскому королю Виктору Эммануилу свою помощь против Австрии и за отвоевание северной Италии до Адриатики выговорил себе уступку Савойи и Ниццы. Когда Австрия потребовала разоружения сардинцев, Наполеон двинул на помощь свою армию. Австрийцы были вытеснены из Ломбардии после двух крупных битв, при чем вместе с сардинским войском бился республиканец Гарибальди во главе отряда добровольцев (1859). Наполеон не исполнил условий договора. Он вел переговоры с Австрией независимо от итальянцев и, получив от сардинского королевства свою долю, Савойю и Ниццу, отдал ему только Ломбардию; Венеция осталась за Австрией. Этим он вооружил против себя национальную партию в Италии. Поэтому об'единение Италии с 1859 г. пошло самостоятельным путем.

Об'единение Италии и Ватиканский собор. Во всех областях средней Италии, в Тоскане, Модене, Парме, в Романье, принадлежавшей папе, население отрекалось от своих правителей и через посредство собраний депутатов или путем плебисцита высказывалось за присоединение к Сардинскому королевству. На юге Италии произошла революция против правящей династии Бурбонов. Гарибальди высадился в Сицилии со своей «тысячей», набранной преимущественно из ломбардцев. И в Сицилии, и в Неаполе армия короля не сопротивлялась. Гарибальди с торжеством в'ехал в Неаполь и был провозглашен диктатором всего юга. Но республиканцы составляли и здесь меньшинство. Когда произведен был плебисцит, он дал подавляющее большинство сторонников присоединения к сардинскому королю, и Гарибальди сложил диктатуру. Тем временем папская армия была обезоружена, и папе оставили только Рим со старой вотчиной св. Петра. Весною 1860 года сошелся в Турине парламент от всех областей Италии и признал Виктора Эммануила *королем Италии*. Настоящий об'единитель полуострова, Кавур, умер внезапно, вслед за рядом неожиданных успехов.

Оставались Венеция в руках австрийцев и Рим под защитой французов. Масса итальянцев требовала, чтобы Рим стал столицей Италии, и чтобы была отменена светская власть папы. Между тем папа Пий IX более чем когда-либо проявлял непримиримость. В энциклике Quanta cura (папские послания называются по своим первым словам), он высказался против «заблуждений и чудовищных мнений нашей глубоко печальной эпохи», т.-е. против всего но-

вого европейского просвещения и общественного строя. К энциклике был приложен *силлабус*, список современных заблуждений. Их было насчитано 80, и они были распределены по рубрикам: осуждались все философские учения под обозначениями: пантеизм, натурализм, рационализм; осуждалась свобода совести, равная в глазах папы равнодушию к вере, осуждалось подчинение духовенства гражданским законам и, помимо социализма, также либеральные учения.

Непримиримость Пия IX лишь обостряла борьбу за национальное об'единение Италии. Гарибальди три раза пытался вторгнуться со своими добровольцами в папскую область. Но его останавливали французы, охранявшие светскую власть папы. В третий раз при Ментане (1867) почти вся его тысяча, цвет итальянской молодежи, была перестреляна французским отрядом при безучастном присутствии сардинской армии.

Между тем в 1866 году решилась судьба Венеции и опять, как в 1859 г., при участии посторонней помощи. Союзником итальянцев теперь была Пруссия, которая вела войну с Австрией, чтобы окончательно вытеснить ее из Германии. Итальянцы напали на знаменитый четырехугольник крепостей, составлявший с давних пор защиту австрийских владений. Хотя австрийцы разбили их в том же месте, где в 1848 году победил Радецкий, хотя флот итальянский был разгромлен в Адриатическом море, но в результате всего итальянцы выиграли, так как их противники потерпели полную неудачу в Германии. Опять Австрия уступила Венецию Наполеону, а он передал ее Италии с условием, чтобы был произведен плебисцит о присоединении. Относительно Рима, однако, французский министр заявил, что Италия «никогда» не войдет туда.

Чувствуя себя безопасным под прикрытием французского отряда, папа созвал вселенский собор в Ватикане (зимой 1869 года). Обращаясь к этой торжественной форме собрания, которой не было в течение трех веков со времени Тридентского собора (1549—1563), Пий IX имел в виду закончить восстановление католической церкви; до сих пор непогрешимой называли церковь, теперь предполагалось признать *непогрешимость папы* и возвести это учение в догмат.

На соборе участвовало одно духовенство; речи и прения были на латинском языке; папа определил содержание вопросов и их очередь. Противники папской непогрешимости, большею частью духовные из предальпийских стран, несколько раз пытались убедить папу, чтобы он снял с обсуждения этот неудобный вопрос. Папа, обиженный тем, что ему противопоставляют церковное предание, заявил: «Церковное предание—это я!» Прения были прекращены на середине, и несогласное с догматом меньшинство уехало до голосования. Папа распустил собор, но догмат непогрешимости, единственное дело, которое на нем разобрали, был провозглашен; епископы всех стран подчинились и признали новый догмат.

Ко времени конца Ватиканского собора Франция об'явила войну Пруссии

и отозвала из Рима свой гарнизон. Когда империя Наполеона сокрушилась вследствие сдачи французской армии при Седане, итальянское войско заняло Рим (в сентябре 1870 года). Этим закончилось *политическое об'единение Италии*. Папу признали неприкосновенным государем в пределах Ватикана и ассиг-

Об'единение Италии. 1—Сардинское королевство. 2—Ломбардия, приобретенная Сардинским королевством в 1859 г. 3—Савойя и Ницца, в том же году уступленные Франции. 4—Неаполь, часть церковной области, Тоскана, соединившиеся с Сардинией в итальянское королевство в 1860—1861 годах. 5—Венеция, приобретенная в 1866 году. 6—Римская область, занятая в 1870 году. □ □—крепости.

новали сумму на содержание его двора, но король перенес столицу в Рим. Папа протестовал против лишения его светской власти и отказался брать «чудины деньги» и входить в какие-либо сношения с правительством. Он решил, в качестве «ватиканского узника», никогда не выходить из своего дворца и вос-

претил духовенству и верующим католикам принимать участие в политической жизни.

Либеральное бюргерство и начало рабочего движения в Пруссии. Пятидесятые годы в Пруссии, как и всюду после неудавшейся революции 1848—1849 г.г., были временем реакции. У власти стояла «феодальная» партия, опиравшаяся на землевладельцев восточных областей Пруссии. Либеральные бюргеры, считая бесполезным участие в парламенте при стеснительной системе избрания, большею частью воздерживались от выборов. Между тем индустрия, торговля, развитие путей сообщения во всей Германии шли быстрыми шагами. За 15 лет от 1846 до 1861 добывание железа возросло больше, чем вдвое, применение паровой силы на фабриках увеличилось в 6 раз, количество механических ткацких станков—в 4 раза. Длина железных дорог в 1840 году была менее 500 километров, а в 1860 году—более 11.000. Промышленные предприниматели настолько усилились, что правительство должно было относиться к ним более внимательно. Заменивший Фридриха-Вильгельма IV его брат Вильгельм I (регент с 1857 г., король 1861—1888) был раньше, в 1848 году, сторонником реакции и бежал от раздражения народа; теперь он заявил себя в пользу конституции и отстранил министров феодальной партии. Либеральное бюргерство вышло из своего пассивного состояния, приняло участие в выборах и скоро составило в ландтаге большинство.

Вильгельм I считал основой прусской политики поддержание большого войска и с этою целью ввел трехлетнюю службу, увеличив вместе с тем состав действующей армии и запаса. Это вызвало чрезвычайное усиление бюджета в Пруссии. Палата решительно отказала возвысить налоги. Всего настойчивее сопротивлялись правительству депутаты промышленных областей на западе у Рейна и на востоке в Силезии. Так возник четырехлетний *конфликт* (1862—1866). Король ссылался на то, что он—неограниченный начальник армии, и что палата обязана давать ему средства на ее содержание. Ландтаг находил, напротив, что это требование нарушает его основное право обсуждать налоги; оппозиция образовала большую партию «германских прогрессистов», которая стояла за «правовое государство», т.-е. за полное осуществление парламентских начал в Пруссии. Партия заключала в себе цвет прусской интеллигенции, между прочим историка Моммзена и натуралиста Фирхова. Вильгельм I был готов отказаться от престола, но в самый тяжелый момент кризиса призвал в министерство Бисмарка, бранденбургского дворянина, представителя Пруссии в союзном сейме. Бисмарк, еще во время революции 1848 г., заявил себя резким противником конституционного порядка и сторонником неограниченной монархии. Он предложил действовать напролом и собирать налоги помимо воли палаты. Бисмарк определенно выражал свою программу: «Единство Германии осуществится не речами и не решениями парламентского большинства, а железом и кровью».

Во время конфликта впервые выступила *рабочая партия* в Германии. Она стала складываться в округах больших индустриальных предприятий, в Рейнской области, в Саксонии и Силезии.

Важнейший ее организатор, Лассаль (1825—1864), соединил учение Рикардо о железном законе заработной платы и мысль Луи Блана о государственной организации труда. Рабочие, по мнению Лассаля, могут выбиться из-под гнета неумолимого закона, который держит их на нижайшем уровне существования, лишь в том случае, если станут сами предпринимателями: тогда падет разделение на заработную плату и прибыль капиталиста, и рабочие получат полное вознаграждение за труд. Но для этого нужно, чтобы государство дало им средства. Ведь государство само—не что иное, как великая ассоциация трудящихся классов, так как рабочие составляют 97% населения. Государство не в силах будет уклониться от помощи рабочим, когда они завоюют себе голоса соответственно своему числу. Поэтому первой задачей рабочих должно быть достижение *всеобщего и равного избирательного права.*

В 1863 году в Лейпциге сошлись депутаты от рабочих центров Рейна и Саксонии и выбрали Лассаля несменяемым президентом рабочего союза на 5 лет. Лассаль хотел воспользоваться конфликтом, вступил в переговоры с Бисмарком и обещал ему поддержку рабочих масс против общего врага, буржуазии; внезапная смерть Лассаля на дуэли помешала устройству этого союза. Бисмарк не продолжал сближения с рабочей партией, но скоро воспользовался главной политической мыслью Лассаля—о всеобщем избирательном праве.

Другая часть германских рабочих примкнула к тому направлению социализма, которое представлял Карл Маркс (1818—1883), выпустивший в 1848 г. «Коммунистический манифест» и проживавший, в качестве эмигранта, в Лондоне. Маркс принимал деятельное участие в устройстве *Интернационального союза рабочих,* возникшего в Лондоне в 1864 году. По его учению, пролетарии всех стран, без различия национальностей, должны соединиться в один великий союз для борьбы с классом капиталистов. До сих пор история была борьбой между классами угнетаемых и угнетателей. Предстоящая борьба будет последней в мире, и с победой пролетариев исчезнет деление общества на классы. Маркс считал свой международный социализм «научным», а все предшествующие виды социализма «утопическими», т.-е. фантазиями. Он старался в большом сочинении, под названием «Капитал» (первый том которого вышел в 1868 г.) обосновать свой социализм научными доказательствами.

Северо-германский союз и конституция в Австро-Венгрии. Конфликт окончился вместе с войной, которая была первым шагом об'единения Германии силой.

Бисмарк хотел вытеснить Австрию из германского союза и поставить во главе его Пруссию. Он искал случая столкновения и нашел его в вопросе о Шлезвиг-Голштинии, двух северо-германских областях, принадлежавших Да-

нии. Германские патриоты потребовали отторжения областей от Дании. Бисмарк поспешил заявить себя истолкователем воли нации и предложил Австрии действовать совместно и независимо от слишком медлительного союзного сейма. Прусские и австрийские войска победили датчан, но затем две большие германские державы разошлись по вопросу о дальнейшей судьбе Шлезвиг-Голштинии. Пруссия давно хотела военного захвата областей в свою пользу, чтобы овладеть северной границей Германии и держать в своих руках соединение обоих морей, Балтийского и Северного. Так как союзный сейм был бессилен решить затруднение, Пруссия об'явила разрыв старого союза и предложила новый проект устройства Германии для достижения «единства германской нации»; основой этого строя Бисмарк хотел создать парламент, выбранный *всенародным голосованием*. Не только Австрия была против этой перемены, но и вся южная Германия и еще другие германские государства средней величины (Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония, Ганновер). Произошла война 1866 г. Направляемая замечательным стратегом Мольтке, большая и хорошо обученная прусская армия быстро ее окончила: сопротивление разрозненных отрядов небольших германских государств было рассеяно, главные силы пруссаков вторглись через Саксонию в Богемию, и одной большой победой при Садовой заставили австрийцев просить мира. Он состоялся на условиях, которые совершенно преобразовали Германию.

Австрия вышла из ее состава; Пруссия присоединила к себе три области (Ганновер, Гессен-Кассель и Гессен-Нассау), те самые, которые отделяли ее западные области от восточных; теперь она владела сплошной территорией, внутри которой были вкраплены лишь небольшие самостоятельные владения. Эти княжества, а также другие, лежавшие на окраинах Пруссии, вступили с нею в новый *северо-германский союз;* вне союза осталась южная Германия за рекой Майном. Новое союзное государство должно было управляться *президентской* властью прусского короля, *союзным советом* из делегатов от всех германских правительств под председательством прусского канцлера и *рейхстагом* (в Берлине), т.-е. собранием представителей от народа, выбранных *всеобщей подачей голосов,* по одному от каждых 100.000 жителей. Королю предоставлено было назначать по усмотрению канцлера, т.-е. главного министра, ведать сношения с державами, об'являть войну и заключать мир, командовать общим войском союза и назначать должностных лиц в общем управлении; король созывает и распускает рейхстаг; министры *не ответственны* перед собранием народных представителей.

В самой Пруссии конфликт прекратился. Дворянство, сохранив преобладание в прусском ландтаге и преимущества в чиновной и военной службе, примирилось с конституционным строем. С другой стороны, в бюргерстве произошел переворот: оно в значительной мере отказалось от мысли о мирном об'единении в духе 1848 года и уверовало в воинственную политику. Это резко

выразилось в летних выборах 1866 года, происходивших во время войны. Партия прогрессистов, поддерживавшая конфликт, потерпела поражение: из 230 прежних своих мест в палате она сохранила едва 70. В ландтаг вступило много консерваторов из отсталых восточных областей, где держалось крупное землевладение. Частью из прежних прогрессистов составилась новая большая партия, *национал-либеральная,* которая заявила, что желает вполне поддерживать правительство в его иностранной политике; к ней примкнули промышленники, в нее же вошли по большей части профессора, защищавшие идею об'единения Германии.

Одновременно с об'единением Германии происходило преобразование австрийской монархии. После потери Ломбардии в 1859 г. император сам признал в манифесте, что причиной военного поражения были «издавна унаследованные злоупотребления». Он просил подданных о содействии и обещал реформы. Австрийское правительство, однако, не обратилось к народу, не созвало Учредительного собрания, а пожаловало конституцию. О всеобщем избирательном праве не было и речи. Население разделили на 4 курии, т.-е. разряды избирателей: крупных землевладельцев, торговых палат, горожан и крестьян. Парламент *(рейхсрат)* стал представительством не страны, а курий, выбирающих отдельно и дающих огромный перевес земельной и денежной аристократии: в первой курии один депутат приходится на 60 избирателей, во второй на 30, в четвертой их 11.000 слишком.

Конституция 1861 года была делом, главным образом, западной половины. Но в Австрии привлечь население к политике значило поднять счеты между народностями, как в 1848 году. Мадьяры отказались участвовать в парламенте и оставили правительство без поддержки в войне 1866 года против Пруссии и Италии. После этой войны произошла новая реформа, которая почти возвратила мадьярам преобретения революции 1848 года. За венгерским королевством Австрия признала самостоятельность, и политический порядок основался на системе *дуализма,* т.-е. раздвоения западной и восточной половины. Союз двух государств называется Австро-Венгрией; каждая половина имеет свою столицу (Вену и Будапешт), свой парламент, своих министров, свои законы и свой национальный язык. Они соединены личностью государя, который называется в одной половине императором, в другой—королем; у них общее управление только во внешних делах и общие финансы для армии и флота.

Упадок империи во Франции. Победа Пруссии в 1866 г. и об'единение под ее главенством северной Германии очень беспокоили Наполеона III тем более, что положение империи во Франции стало шатким.

Строй империи основался на реакции среди буржуазии и крестьянства, испуганных социализмом; главной поддержкой правительства Наполеона было католическое духовенство, которое обращалось к консервативным чувствам на-

селения, желанию покоя и вражде к переворотам. В первое время промышленные классы были удовлетворены расцветом в делах, успехами французской индустрии за границей. В 1860 году Наполеон заключил торговый договор с Англией; при этом деятельное участие с английской стороны принял Кобден. Правительство Наполеона III сильно поощряло и большие внутренние предприятия, которые могли поднять французскую промышленность, постройку железных дорог, основание крупных кредитных учреждений. Много было положено усилий на то, чтобы украсить Париж; в различных его частях, а особенно в старых рабочих кварталах, с их запутанным лабиринтом узких переулков, сломали все постройки и провели на их месте широкие бульвары, т.-е. прямые улицы в виде аллей. После этого переустройства стал невозможен старый баррикадный бой, которым решалась несколько раз судьба французских правительств. Блеском своей индустрии, своих выставок, скачек, театров, празднеств, придворной жизни Париж привлекал при империи массу иностранцев; но это были не эмигранты и республиканцы Европы, подобные тем, которые в 40-х годах искали во Франции убежища; это были туристы и фланеры, игроки и спекулянты.

Постепенно правительство Наполеона III утратило часть своих сторонников. Содействуя об'единению Италии, он косвенно помог разрушению светской власти папы. Католики-ультрамонтаны, которые так горячо поддерживали его во время второй республики и при проведении переворота 1851 г., разошлись с ним после итальянской экспедиции 1859 года. После этой войны Наполеон продолжал свою беспокойную политику, то предлагая державам созвание конгресса с целью провести всеобщее разоружение, но носясь с мыслью о земельных приобретениях, о захвате Бельгии или возвращении Франции границ, утраченных в 1814 году. Но французская армия была в крайнем расстройстве и для действительного вмешательства не годилась; все вопросы, относившиеся к об'единению Германии и Италии, решались уже помимо Наполеона; он должен был допускать невольно результаты и оставаться бездеятельным зрителем. Бисмарк первый признал в императоре «неразгаданную ничтожность»; он поощрял Наполеона в его планах разделов и приобретений, но когда сам достигал успеха, то отказывал в удовлетворении и вообще старался довести до разрыва, чтобы разгромить Францию в войне.

Чем хуже складывались дела извне, тем более императорское правительство понимало необходимость сделать уступки обществу, примирить с собой противников. Когда, однако, в законодательный корпус вступило в 1863 году более 50 человек оппозиции, и когда находившийся среди них Тьер предложил приблизиться к конституционному порядку, дать стране свободу печати и собраний, главный министр Руэр, непримиримый бонапартист, ответил резко, что игра в конституцию повела к свержению двух династий, что император сам правит и будет править. Но после войны 1866 года правительство издало

закон о печати, который отменил систему разрешений по залогам и предостережений и вместо того ввел *явочный* порядок (простое заявление редактора о выходе издания). Хотя все вновь основанные газеты были враждебны империи, Наполеон дал отставку Руэру и предложил преобразование строя в *либеральную империю:* палата должна была получить законодательную инициативу (право вносить проекты), право выбирать себе председателя, принимать резолюции общего характера, министры должны были стать ответственными пред палатой. Тем не менее на выборах 1869 года выступила радикальная партия, и ее оратор, адвокат и журналист Гамбетта, об'явил «непримиримую оппозицию» правительству. К его *бельвильской* программе (по имени предместья Парижа) примкнули городские рабочие.

Согласно общему наполеоновскому принципу реформа должна была подвергнуться общенародному голосованию. Ответ «да» означал не только сочувствие перемене, но и одобрение империи вообще. Опять были пущены в ход все средства давления на общество. Майский плебисцит 1870 года дал 7 миллионов «да» и 1½ миллиона «нет». Эти последние голоса составились, главным образом, из населения больших городов, и в некоторых из них (в Париже, Лионе, Марселе) оппозиция имела за себя большинство.

Франко-прусская война и об'единение Германии. Положение империи было, однако, очень непрочно. За Рейном сложилось сильное военное государство. Опасаясь его и желая отчаянным шагом спасти себя, правительство Наполеона об'явило войну Пруссии. Вместо того, чтобы получить поддержку южных немцев, Франция увидела их немедленное присоединение к северо-германскому союзу. Вся Германия вооружилась (в июле 1870 г.).

Французская армия оказалась в жалком состоянии: в ней числилось 750.000, а в действительности оказалось около ⅓ этого количества; солдаты были хороши, но высшее руководство, снабжение войска, разведочное дело— очень плохи: в то время, как у немцев были отличные карты Франции, французские военные таковых вовсе не имели. Кампанией руководил Мольтке, задолго разработавший план нападения на Францию. Немцы предупредили французов своим натиском, и битвы начались в Эльзасе на французской территории. После ряда поражений лучшая часть французской армии была заперта в крепости Мец, а другая, шедшая к ней на выручку, при которой находился сам Наполеон, вынуждена была, в числе 80.000, сдаться близ бельгийской границы, в Седане, вместе с императором.

При известии об этом в Париже произошла революция (4 сентября 1870 года): династию Наполеона об'явили низложенной и провозгласили республику; Лион, Бордо и Марсель высказались еще раньше Парижа за республику. Республиканцы решили продолжать войну с Германией, но армии у Франции больше не было: монархический генерал Базен, не желая защищать республику, сдался в Меце с 180.000 солдат. Образовалось правительство *на-*

циональной обороны. Часть его осталась в Париже, который уже через две недели после Седана был осаждён немцами; другая часть его собралась в Бордо, и к ней присоединился Гамбетта, вылетевший из Парижа на воздушном шаре.

Между тем как в Париже вооружили национальную гвардию, и громадный город держался всю зиму за своей линией укреплений, в тех частях Франции, которые еще оставались не заняты немцами, Гамбетта составил из мобилей (запасных) и волонтеров несколько новых армий, которые должны были итти на выручку Парижа. Но успеха не могло быть против численного перевеса хорошо приготовленного к борьбе неприятеля. Вновь сформированные армии были отражены, Париж, вынуждаемый голодовкой, сдался. Бисмарк поставил условием мира отдачу Эльзаса и половины Лотарингии с Мецом и уплату 5 миллиардов военной контрибуции (этот мир 1871 г. называется *Франкфуртским).*

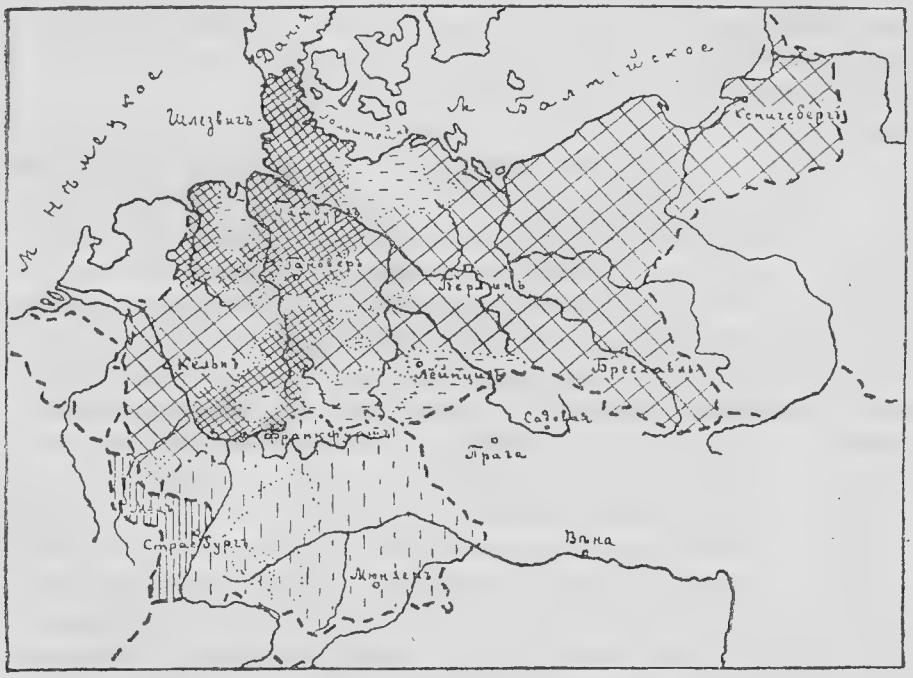
Во время войны произошло окончательное об'единение Германии. Германские короли и князья, собравшись при осаде Парижа в Версали, предложили Вильгельму императорскую корону. На *Германскую империю,* в которую вошли и южные области, распространилось то устройство, которое уже было в Северо-германском союзе, при сохранении местных (26-ти) правительств и ландтагов. На основании имперской конституции, общегерманский рейхстаг, избираемый всеобщей подачей голосов, должен был состоять из представителей всей нации, независимо от отдельных государств, вошедших в империю. Рейхстагу, главным образом, предоставлено рассматривать бюджет империи; общими делами считаются содержание армии и флота, управление дорогами, почтой и телеграфом, условия внешней торговли.

Несмотря на всеобщее избирательное право, Германия сохранила во многих чертах монархическо-чиновничье устройство. Император составлял министерство независимо от партий в рейхстаге. Канцлером остался заправлявший политикой с 1862 года Бисмарк, и в этом звании он пробыл до 1890 года (с 1888 года началось правление Вильгельма II, который и дал отставку Бисмарку). Все это время он, в сущности, неограниченно правил, вполне подчиняя себе недалекого Вильгельма I, назначая и сменяя министров по своему усмотрению и превратив их из товарищей в подвластных секретарей. В рейхстаге ни одна партия не имела абсолютного большинства (т.-е. превышающего половину всех голосов). При образовании империи главной опорой Бисмарка были национал-либералы, сторонники единства, соединявшие военный патриотизм с требованием умеренной политической свободы. Они поддержали канцлера в борьбе с совершенно новой *католической партией,* незаметной до тех пор в Германии, впервые сложившейся благодаря общим выборам и враждебной строю империи; партия назвалась *центром* по случайному положению своему в рейхстаге.

В империи было сначала проведено *отделение церкви от государства:*

светская власть предоставила духовенству свободно выбирать и назначать на церковные должности, оставила ему надзор за церковными школами и независимые сношения с папою. Но католики требовали, чтобы папе была возвращена светская власть; они хотели ввести в имперскую конституцию статью о «свободе религии», т.-е. так же, как во Франции в 1850 году, установить господство церкви над всем преподаванием и над семейной жизнью.

Когда во главе партии центра стал Виндгорст, бывший министр свергнутой в Ганновере династии, и соединил с католиками недовольных империей



Об'единение Германии. Крупные клетки—Пруссия в 1815—1864 годах, мелкие клетки—приобретения Пруссии в 1864—1866 г.г. —.—.— граница Северо-германского союза 1866—1870 г.г. Вертикальными полосками показаны области, отнятые у Франции в 1871 г.

вельфов (ганноверцев), поляков и эльзасцев, Бисмарк об'явил в рейхстаге: «Мы не пойдем в Каноссу» (место унижения германского императора перед папою в 1077 г.). Во имя независимости империи правительство настояло на изгнании иезуитов из Германии и провело через рейхстаг стеснительные для духовенства, так наз. «майские», законы (1873—1875): вводился *гражданский брак* (т.-е. необязательность церковного освящения союза), от кандидатов в священники требовали посещения светских университетов и сдачи экзаменов, наконец, всякое назначение на духовную должность должно было итти на утверждение правительства. К тем епископам, которые не подчиня-

лись требованиям, стали применять суровые меры; их привлекали к суду, отрешали от должности, лишали доходов, сажали в тюрьму. Столкновение, которое либералы, примкнувшие к Бисмарку, прозвали *культурной борьбой*, приняло резкую форму. Одно время все почти епископские места оставались вакантными, до тысячи священников были смещены. Но Бисмарк не сломил католической партии. Католики ничего не уступили; пришлось ослабить меры строгости, вернуть епископов.

Другого противника империи Бисмарк видел в социалистах. В 1875 году сторонники Лассаля и Маркса, до тех пор враждовавшие, об'единились в общую *социал-демократическую партию*. Хотя на выборах против социалистов соединялись все другие партии, однако, им удавалось проводить своих кандидатов и даже завоевать себе часть Берлина. В виду угрожающего роста социал-демократии Бисмарк в 1878 г. провел *исключительный закон*, воспрещавший всякие издания, собрания и сходки социалистов. С 1881 г. канцлер пробовал сам вступить на путь *социальной политики*, т.-е. охраны интересов рабочих. В рейхстаг были внесены проекты законов о *страховании* рабочих от несчастных случаев и от болезни и о вознаграждении их в старости, при чем страховые суммы должны были составляться из взносов рабочих, предпринимателей и доли от казны.

Восточный вопрос в 70-х годах и Берлинский конгресс. К 1817 году, после резких столкновений между Австрией, Пруссией, Францией и Италией, крупные европейские нации об'единились и разграничились друг от друга. За 43 года (1871—1914) войны происходили только в отдаленном юго-восточном углу Европы, на Балканском полуострове.

В европейской части Оттоманской Порты турки составляли меньшинство землевладельцев, чиновников, солдат. Подчиненное, преимущественно христианское население, земледельцы, виноградари, скотоводы, торговцы, совершенно обезоруженные, долгое время были бессильны против завоевателей тем более, что отдельные народности--сербы, болгары, греки--враждебны друг другу. Только в гористой западной части Балканского полуострова православные черногорцы и албанцы, частью католики, частью мусульмане, сами добились почти независимого положения. Народы равнинной и открытой северной и восточной части Европейской Турции выиграли благодаря завоевательной политике России, стремившейся к обладанию Черным морем и выходами из него, а также Австрии, которая искала доступа к морям Адриатическому и Эгейскому. Оба государства, поддерживая восстания, сами приобретали от Турции территории. Таким образом с 1830 по 1886 год решался восточный вопрос и происходил постепенный *раздел Европейской Турции*.

Еще в 1830 году, одновременно с признанием независимой Греции, отделилась от Турции в качестве вассального княжества Сербия; в 1867 г. она освободилась от турецких гарнизонов. Вассальные княжества Валахия и Мол-

давия, вскоре после Парижского конгресса, об'единились в независимую от Турции Румынию (1859). Самая многочисленная народность на Балканском полуострове, болгары, всего дольше не могла добиться самостоятельности. В 1875 году началось восстание против Турции родственных сербам горцев Герцеговины. Выступивших на их защиту сербов турки разбили, а турецкие баши-бузуки выместили раздражение на мирном населении Болгарии. Все это вызвало вмешательство Австрии и России. Австрия заняла Боснию и Герцеговину. Русская армия перешла Дунай, вступила в Болгарию и в тяжелой зимней кампании 1877—1878 г. оттеснила турок за Балканы. Когда русские войска приблизились к Константинополю, неожиданно появился в Дарданеллах английский флот, чтобы помешать захвату Россией проливов, т.-е. свободного выхода из Черного моря. Россия успела заключить с Турцией договор в *Сан-Стефано,* в силу которого полную самостоятельность получили Румыния, Сербия и Черногория, а вместе с тем устанавливалась большая независимая Болгария по обе стороны Балкан с выходом к Эгейскому морю. В виду протестов Австрии и Англии Россия должна была согласиться на предложение Бисмарка пересмотреть на общеевропейском конгрессе весь восточный вопрос.

Летом 1878 года сошелся *третий* в XIX веке (после Венского 1815 г. и Парижского 1856 г.) *большой конгресс* держав в Берлине; председателем его был Бисмарк, согласно перевесу, который приобрела Германия после 1871 года. Берлинский конгресс присудил небольшие прибавления территории Сербии, Греции, Румынии и Черногории, оставил Боснию и Герцеговину за Австрией, и признал расширение русских владений до устья Дуная. Болгарию разделили на три части: приморскую (Македонию) отдали назад Турции; из южной забалканской образовали, под именем Восточной Румелии, область под управлением назначаемого султаном христианского генерал-губернатора, и лишь предбалканскую северную часть обратили в вассальное по имени, в действительности независимое княжество.

В 1885 году болгары Восточной Румелии присоединились к независимым; образовалось об'единенное большое княжество (в начале XX века князь болгарский принял титул царя). Все государства Балканского полуострова, образовавшиеся из турецких областей,—Царство Болгарское, королевства Румыния, Сербия и Греция,—ввели у себя обще-европейские учреждения, конституционное устройство и всеобщую воинскую повинность.

IX.

Франция и Англия до начала XX века.

Парижская коммуна и буржуазная реакция ко Франции. Третья республика начала свое существование с жестокого междоусобия. Вслед за парижской революцией 4 сентября, низвергнувшей империю, началась осада города с двухмиллионным населением. Войска не имелось, была образована национальная гвардия, для чего вооружили около 300.000 преимущественно рабочих, мелких мастеров и молодежи. Большею частью это были патриоты, требовавшие «войны до последней крайности». В течение 5 месяцев люди были без дела, так как вылазок не предпринималось, но в постоянной опасности от бомбардировки и к концу—под страхом голода. Защитники Парижа были крайне поражены, когда узнали о полной капитуляции страны перед германским нашествием. Национальное собрание, сошедшееся в Бордо, а потом в Версале, составилось из противников войны, посланных, главным образом, крестьянами, землевладельцами и крупной буржуазией, в значительной мере из консерваторов и сторонников изгнанных династий. С прекращением осады Парижа люди достаточные спешили выехать из города; оставались в опустошенном городе бедняки, рабочие, мелкий люд, которому некуда было деваться. Новое версальское правительство, во главе которого собрание поставило Тьера, довело их раздражение до последней степени: оно решило отнять у национальных гвардейцев, т.-е. рабочих, не имевших за остановкой дел никаких занятий, их суточное жалование в 1½ франка, а в то же время потребовать почти немедленной оплаты квартир и вообще исполнения платежей, отсроченных на время осады; последние меры грозили полным разорением мелкой буржуазии. Но парижское население было вооружено; национальные гвардейцы приняли красное революционное знамя, отказались выдать пушки и отбили регулярные войска. В Париже была об'явлена *коммуна,* т.-е. полная самостоятельность города; вожди коммунальной революции поместились в городской Думе, образовали новый городской совет и обратились с воззванием к другим городам, предлагая преобразовать Францию в федерацию коммун.

Состоятельные классы, имея во главе версальское правительство, повели войну против коммуны; произошла новая осада Парижа. Версальские войска захватили столицу и расстреляли несколько тысяч взятых в плен коммунаров. Массу захваченных людей судили военными судами; сослали 7½ тысяч в нездоровую колонию Новой Каледонии; за политические взгляды приговаривали к каторге.

Франко-прусская война и неудача парижской коммуны отразились на судьбе рабочего Интернационала, собиравшегося ежегодно с 1866 г. на кон-

грессы: национальная вражда раз'единила рабочих разных стран; с гибелью коммуны было устранено много горячих участников союза. К тяжелым внешним ударам прибавилась внутренняя рознь в самом Интернационале; партия Маркса, сторонника захвата рабочими государственной власти, резко разошлась с *анархистами,* предводимыми русским эмигрантом Бакуниным. Конгрессы рабочих с 1872 г. прекратились.

Кровавая драма 1871 года придала особый характер устройству Франции. Большинство в национальном собрании, раздраженное против «мятежных» рабочих, требовало самых суровых мер. Представители труда, желавшие сговориться между собой, должны были с величайшими предосторожностями скрываться где-нибудь в подвальном помещении трактира; их выслеживали при помощи добровольных доносчиков и при малейшем подозрении арестовывали. Глава исполнительной власти Тьер, получивший титут *президента республики,* вполне присоединился к этому настроению: он находил, что «республика будет консервативной, или ее вовсе не будет». Монархисты имели в палате перевес; разделяясь на три враждебные друг другу династические партии (легитимистов, орлеанистов, бонапартистов), они согласны были в том, чтобы не давать пока стране окончательного устройства и при первом случае опрокинуть республику. В 1873 г. две первые партии сговорились, наконец, на избрании королем графа Шамбора, внука Карла X. Но этот последний из Бурбонов сам сделал свое появление во Франции невозможным, об'явив, что примет «белое знамя Генриха IV и Жанны д'Арк», и осудивши великую революцию 1789 года.

Между тем собрание свергло Тьера и избрало президентом генерала империи, командовавшего при Седане, Мак-Магона, склонного на монархическую реставрацию; власть президента была при этом определена на продолжительный срок семи лет. Мак-Магон составил министерство «нравственного порядка» из монархистов. Стеснили театр и печать, запретили уличную продажу газет. Католикам был предоставлен полный простор: иезуиты устроили огромное паломничество к часовне Сердца Иисуса Христа в Париже в знак того, что они требуют возвращения папе светской власти. Несмотря на то, что низшая и средняя школа уже находилась в руках католиков, они требовали еще «свободы высшего образования», т.-е. отдачи им университетов.

Республиканская конституция. В стране не хотели, однако, подвергаться риску новой реставрации. Монархисты избегали называть Францию республикой, но должны были, наконец, согласиться на выработку конституции.

В 1875 году в собрании республиканцы (левые) были почти равны по количеству монархистам (правым). Сначала в проекте устройства властей не упоминалось имени республики, и только когда от правых отделилась небольшая группа и перешла к республиканцам,—большинством одного голоса решили ввести название республики. Точно также ничтожным большинством был решен вопрос о *сенате,* т.-е. верхней палате. Монархисты хотели,

чтобы его члены назначались президентом. Партии согласились на том, чтобы ¼ членов сената в качестве пожизненных была назначена национальным собранием, а позднее пополнялась бы самим сенатом; остальные ¾ подлежат избранию на 9 лет по департаментам, при чем избирают коллегии из членов генеральных советов (земских собраний) и представителей общин. *Палата депутатов* должна была избираться *всеобщей подачей голосов*. Законодательная власть предоставлена обеим палатам наравне. Но сенат может по предложению президента решить распущение палаты. Оба собрания законно могут заседать лишь 5 месяцев в году; на остальное время президент может отсрочить заседание и править один. Для выбора президента сенат и палата депутатов соединяются в конгресс.

Конституция 1875 г., действующая во Франции, поныне носит следы монархического происхождения: президенту, избираемому на семь лет, предоставлено положение конституционного короля, располагающего правом распускать палаты и назначать министров. В действительности политическая жизнь Франции пошла по пути *парламентарной демократической республики*. Палата, составленная из народных представителей, с самого начала получила перевес над всеми другими учреждениями. Президент должен был справляться прежде всего с мнениями ее большинства и сообразно этому составлять или менять министерства. Получился порядок, похожий на английское управление кабинета.

После принятия конституции в новой палате большинство состояло из республиканцев. Однако, вопреки ясно выраженному настроению страны, Мак-Магон хотел «итти до конца» и подготовить возвращение монархии. Он дал отставку республиканским министрам и взял консерваторов (1877). Палата большинством 363 голосов высказалась против новых министров; тогда Мак-Магон с согласия сената распустил палату. Для новых выборов консервативные министры выставили официальных кандидатов, как во времена империи; везде они сменяли чиновников и расположенные к республике городские думы, мешали устройству республиканских собраний и распространению республиканских газет. Духовенство старалось возбудить верующих против республики.

В ответ на это республиканцы всех оттенков, умеренные и радикальные, об'единились под руководством Гамбетты: все 363 выступили с одной общей программой. Несмотря на все усилия консерваторов, выборы дали большинство республиканцам. Мирные пути для реакции были исчерпаны; но Мак-Магон не решился на государственный переворот в духе 2 декабря 1851 года. Он призвал опять республиканцев в министерство, а через год сам ушел в отставку. На его место был избран старый республиканец 1848 года, Греви (1879 г.).

Буржуазия и социализм в конце XIX века. Во время борьбы 1877 г. Гамбетта выставил формулу: «настоящий наш враг—клерикализм». В согла-

сии с этим взглядом министр народного просвещения, Ферри, предложил отнять у католических высших заведений звание университетов и вместе с тем лишить права преподавания в средних школах всех членов недозволенных во Франции духовных орденов. Последнему требованию воспротивился консервативный сенат. Тогда республиканские министры решили применить к недозволенным орденам старые законы времен революции и удалить их членов из Франции: в 1880 году закрыли орденские дома иезуитов, иезуитские школы и до 300 монастырей. Ферри провел преобразование народной школы. Первоначальное образование было об'явлено *обязательным, даровым* и *светским*. Каждая община должна иметь школу, которая содержится на местные и государственные средства; никто не может уклониться от обучения в ней своих детей; преподавание закона Божия не обязательно.

Эта реформа была главной в республиканской программе Гамбетта и массы его сторонников. На большом митинге Торгового союза Гамбетта, в качестве председателя, говорил речь против «химер» и учений об имущественном равенстве, «приносящих лишь вред рабочим». Труд и капитал должны не бороться между собою, а мирно соперничать на общее благоденствие Франции. Достаточно предоставить общую свободу слова и собраний, чтобы разрешать все затруднения между рабочими и предпринимателями.

В палате от Гамбетта отделились *радикалы*, или крайняя левая, упрекавшие умеренных республиканцев в том, что они стали оппортунистами (т.-е. приноравливаются к условиям и обстоятельствам). *Оппортунизмом* называли с того времени умеренную буржуазную политику. Радикалы требовали отмены сената, как учреждения, враждебного демократии, подоходного налога (в проценте, возрастающем с размером дохода), выкупа железных дорог государством, отделения церкви от государства. Особенно резок был разрыв Гамбетта с рабочими группами. Благодаря амнистии, в их среде появились теперь бывшие коммунары. Когда Гамбетта выступил в 1881 году перед своими старыми избирателями в Бельвиле, его встретили свистками и не давали говорить. В свою очередь Гамбетта пригрозил «разыскать крикунов в их берлогах». Составленное Гамбеттой министерство не оправдало ожиданий и было низвергнуто через три месяца (через год, в конце 1882 г., Гамбетта умер).

Его преемник в министерстве, Ферри, продолжал политику оппортунизма, выгодную для крупной буржуазии. Вместо того, чтобы выкупить железные дороги, заключили на долгий срок договор с большими владетельными компаниями и предоставили пути сообщения в их полное распоряжение. Ферри старался также дать простор интересам промышленности во внешней политике. После возникновения сильной воинственной Германии надо было расстаться с мыслью о французских завоеваниях в Европе. Но можно было искать новых рынков для французской индустрии в колониях, стремиться к приобретению земли в странах невысокой культуры. У Франции с 1830 г. имелся Алжир, ко-

лония, доставшаяся после кровавой борьбы с местными кочевниками и в течение нескольких десятилетий создававшая больше расходов, чем выгод. В начале 80-х годов к нему присоединили соседний более богатый Тунис. Возникла мысль о том, чтобы связать северо-африканские колонии с владениями в Гвинее и Сенегале через Сахару. Особенно Ферри поддерживал завоевательную политику в восточной Азии, где французы заняли Тонкин у южно-китайской границы.

Неудачи тонкинской экспедиции вызвали нападение на министерство Ферри монархистов и радикалов. Его обвиняли в измене национальным интересам, в том, что втягивая Францию в разорительные предприятия, он работает в руку Германии. Ферри, получивший прозвание «тонкинца», должен был уйти в отставку (1885).

После этого монархисты, скрываясь под знаменем патриотизма, попытались свергнуть республику: они стали поддерживать генерала Буланже, который, в свою бытность военным министром, вызвал надежды сторонников *реванша* (отмщения Германии). Буланже требовал распущения палаты, пересмотра конституции и, казалось, собирался сыграть роль Луи Наполеона. Но в конце концов генерал, личность ничтожная, бежал от суда, которому был предан по обвинению в государственной измене, и консерваторы покинули свое намерение (1888). И монархисты, и католики, последние под влиянием уступчивого папы Льва XIII (1877—1903), примирились с республикой: вместе с оппортунистами они образовали большую консервативную партию.

Республика сделалась во Франции формой неоспоримой. С прекращением политических столкновений, однако, еще сильнее разгорелась внутренняя борьба классов—буржуазии и рабочих. Нигде в Европе обладатели капитала не отстаивают так цепко свои преимущества, как во Франции. В свою очередь французские рабочие отличаются особенной интеллигентностью и энергией. Их беда в дроблении на партии. В огромном большинстве они тяготеют к социализму. Но французские социалисты прежде всего резко делятся на сторонников *государственного социализма,* продолжающих мысли Луи Блана и Лассаля, и *анархистов,* примыкающих к учениям Прудона и Бакунина. Первые добиваются *обобществления* средств производства, перехода железных дорог, фабрик, машин, земли в руки центральной власти, которую, как предполагается, захватят представители рабочего класса. Вторые считают государство, в качестве принудительной силы, лишь могущественным средством эксплоатации, и надеются на возможность свободного соглашения независимых мелких ассоциаций. Сторонники государственного социализма в свою очередь разделяются на последователей Маркса, которые, по примеру германских социал-демократов, не допускают никакого соглашения с буржуазными партиями, и на социалистов примирительного направления, готовых соединиться с радикалами.

Благодаря энергии французских социалистов удалось возродить интернациональный союз рабочих. *Второй Интернационал* возник в 1889. на париж-

ской выставке, устроенной по случаю столетия великой революции. В Париж прибыли делегаты от рабочих организаций и социалистических партий разных стран Европы, между прочим германские социал-демократы. На конгрессе решено было установить по всей Европе рабочий праздник 1 мая в знак требования 8-часового рабочего дня. В первый же год существования нового Интернационала обнаружилась взаимная вражда социалистических партий. Марксисты и немарксисты составили два особых конгресса; на том и на другом были выключены от участия анархисты. Когда десять лет спустя (1899 г.) социалист Мильеран согласился вступить в буржуазное министерство Вальдека-Руссо, он встретил осуждение большей части своих единомышленников: непримиримые настояли на исключении Мильерана из социалистической партии.

В 1905 году радикальная буржуазия отменой наполеоновского конкордата докончила реформу, которую проводили Гамбетта и Ферри. В силу новой реформы осуществлялось *отделение церкви от государства:* поддержание храмов возложено исключительно на верующих прихожан; прекратили выдачу жалованья епископам и священникам; церковные имущества перешли в заведывание общин.

Вторая избирательная реформа в Англии. Одновременно с переходом Франции, Германии и Италии ко всеобщему избирательному праву, происходило развитие демократии в Англии.

Бурные 40-е годы сменились затишьем в следующее десятилетие. Одна из причин этой перемены заключалась в расширении английской торговли и возрастании индустрии. Заработки во многих отраслях промышленности повысились; распространились *кооперации,* потребительные товарищества, которые понижали цены на предметы первой необходимости для бедных классов. Благодаря тому, что уменьшились основания для жалоб, изменилась тактика рабочих группы, главных участников демократических движений эпохи 1815—1848 г.г. Признав невозможность всеобщего восстания, рабочие сложных специальностей, «обученные», т.-е. механики, типографы, каменщики, плотники, башмачники и т. д., положили все усилия на устройство трэдов. Основная цель этих союзов состояла в том, чтобы поддерживать сочленов, лишающихся работы вследствие промышленного кризиса или произвола хозяина, по случаю болезни или при наступлении неспособности к труду, чтобы выдавать из общей кассы пособия неимущим, семье умершего или переселяющемуся рабочему.

Постепенно трэды сделались большой силой в стране. В своих собраниях рабочие приучились к правильным дебатам и выборам; от рабочих делегатов, составлявших комитеты управления, требовалось большое искусство и энергия для созыва и устройства с'ездов, для орудования значительными союзными кассами. Во многих промыслах установился обычай, в силу которого капиталисты ведались не с отдельными небольшими группами рабочих, а с могущественными соединениями их, которые ставили общие условия найма и порядка

работы. Союзы, служившие вначале взаимной помощи и страхованию, выдвинули новую цель: в каждом производстве добиваться равномерной нормировки платы и одинакового рабочего дня. Но их стесняли законы относительно стачек, оставшиеся после 1825 года: рабочие имели право пред'являть хозяевам выработанные в своей среде требования; но все, что служило к *подготовке* общих требований, не только принуждение товарищей, но и простое уговаривание их, строго наказывалось. Это затруднение заставило руководителей союзов искать участия в политической жизни, чтобы добиться лучшего *рабочего законодательства.*

После отмены хлебных законов в 1846 г. консерваторы в Англии надолго потеряли власть. С небольшими перерывами в течение 20 лет (1846—1866) правили либеральные министерства, которые опирались на прежних вигов и присоединившихся к ним пилитов, т.-е. консерваторов, обратившихся вместе с Пилом к фритреду. Но за это время либералы не провели ни одной реформы. Во внешней политике либеральный министр Пальмерстон действовал даже вопреки мирной программе фритредов. Он старался поддерживать на материке беспорядки, чтобы ослабить промышленных противников: в 1848 г. содействовал падению Луи Филиппа, в Крымской войне в союзе с Наполеоном думал ослабить Россию; также в союзе с Францией он начал войну с Китаем, чтобы насильственно открыть отдаленные восточные рынки для ввоза опиума. Со смертью Пальмерстона (1865) во главе управления стал старый виг Россель, а самым влиятельным министром сделался Уильям Гладстон. В начале своей деятельности (1833) «восходящая надежда суровых и непреклонных торнев», депутат строго консервативного Оксфорда, Гладстон постепенно переходил налево, стал вместе с Пилом сторонником свободной торговли, потом сблизился с радикалами и, наконец, сделался главным направителем демократических реформ в Англии.

Когда трэды вызвали к себе общее внимание, обе партии, либеральная и консервативная, стали наперерыв искать поддержки рабочей массы и предлагать с этой целью расширение избирательного права. В 1866 г., среди напряженного ожидания страны, Гладстон внес проект реформы, который заключал в себе значительное *понижение ценза*, особенно для городских жителей. Но во время обсуждения проекта от либералов отделилась аристократическая группа и, ссылаясь на стачки, волнения в Ирландии, успехи трэдов, об'явила, что демократическая перемена поведет к революции. Либеральное министерство потеряло большинство и вышло в отставку, уступив место консерваторам (кабинету Дизраэли). Между тем движение в пользу реформы приняло широкие размеры, как перед 1832 и 1846 годами. В лондонском Гайд-парке был назначен колоссальный митинг, к которому должны были допускаться группы рабочих со своими знаменами; правительство распорядилось запереть парк, чтобы помешать собранию. Часть собравшихся не захотела столкновения с полицией и

ушла на соседний Трафальгар-сквер; но другие сломали решетку и заняли Гайд-парк. На другой день вожди движения предложили министерству удалить полицию и оставить парк под охраной народа. Правительство уступило и под впечатлением манифестации поспешило с реформой.

Проект его был дополнен либералами, и реформу можно рассматривать, как дело Гладстона. Она была похожа на реформу 1832 г., не провозглашала общего принципа и не давала общего избирательного права. Опять отняли голоса у нескольких местечек и отдали более населенным городам и местностям. Затем понизили ценз и распространили избирательное право на квартиронанимателей, платящих не менее 10 фунтов (100 р.) в год. В существе реформа давала право голоса большей части городских фабричных и ремесленных рабочих; в деревне она совсем не захватила беднейшего класса, батраков.

Одновременно с избирательной реформой происходило революционное движение в Ирландии. После голода 1848 г. и огромного выселения, в Ирландии замерла политическая жизнь. Она стала опять возрождаться под влиянием северо-американской междоусобной войны, в которой ирландцы-эмигранты принимали деятельное участие. Бывшие солдаты-ирландцы составили главную основу новой национальной партии, которая приняла легендарное имя *фениев* и ставила целью обращение Ирландии в независимую от Англии республику. Фении вошли в переговоры с революционерами на материке. Восстание должно было начаться одновременно в нескольких пунктах Ирландии и Англии. Но европейские революционеры не оказали никакой помощи, а в Ирландии бо́льшая часть сельского населения не была расположена к восстанию. Правительство предупредило планы и арестовало нескольких руководителей. Несмотря на то, что движение потерпело неудачу, Гладстон настойчиво указывал, что в Ирландии неотложно необходимы коренные реформы. Дизраэли распустил старый парламент, чтобы поскорее испробовать значение нового избирательного закона для партии. Либералы одержали на выборах крупную победу над консерваторами. Средние классы Англии отошли по большей части к торпям. Перевес дали либералам города северной Англии с их рабочим населением и Шотландия, страна демократическая. Половину победившей партии составляли радикалы. Несколько радикалов, между ними Брайта, старого сотрудника Кобдена, Гладстон ввел в свое новое министерство (1868—1874).

Демократические реформы первого министерства Гладстона. Гладстон поставил на первую очередь преобразование Ирландии. Он начал с церковной реформы; протестантизм был чужд $^4/_5$ населения страны, а между тем ирландцы-католики должны были содержать постороннюю для них государственную англиканскую церковь. Теперь ее обратили в церковь свободную, зависимую только от входящих в нее членов. Имущество ее отбиралось казной и, за выделением хорошей доли на жалование протестантского духовенства, остальное должно было пойти на содержание ирландского университета. Затем Глад-

стон провел *земельный акт*. В большей католической части Ирландии фермеры, мелкие с'емщики, не имели прочного права на обрабатываемую землю; реформа состояла в том, что они получили право более состоятельных фермеров протестантской северо-восточной области, Ольстера, по которому с'емщик, в случае его удаления собственником (лендлордом), мог требовать вознаграждения за произведенные им улучшения в обработке земли, за возведенные постройки и т. д. Но недовольство в Ирландии зашло слишком далеко, и реформы оказались запоздалыми. В Ирландии скоро образовалась партия *гомруля* (т.-е. самоуправления), которая настаивала на устройстве особого парламента в стране с тем, чтобы самостоятельно решить волнующие страну вопросы, особенно земельный.

Гладстон продолжал между тем демократические реформы: прошел *школьный закон*, который подготовил в Англии установление общего обязательного обучения. Учебное дело в Англии было до тех пор предоставлено частной заботе и средствам. Реформа школы была особенно нужна для деревень, где бедное рабочее население, вынужденное с раннего возраста посылать своих детей на работу, не могло дать им никакого обучения. Деревня старой южной Англии была вообще забытой, заброшенной областью. В то время, как фабричные и ремесленные рабочие соединились в трэды, более раздробленные, забитые нуждой рабочие сельские не могли и думать о союзах. В начале 70-х годов среди них заметно движение, во главе которого стоял Арч, поденщик и проповедник секты методистов; собрался конгресс делегатов и возникла «национальная уния земледельческих рабочих».

Для того, чтобы обеспечить независимость мнений на выборах, Гладстон, согласно давнишнему требованию радикалов, ввел *тайную подачу голосов;* при прежнем открытом голосовании мелкие служащие и рабочие, часто опасаясь потерять заработок, голосовали поневоле заодно с предпринимателями и хозяевами. Реформы министерства Гладстона *эмансипировали,* хотя и не в одинаковой степени, рабочие классы и приближали их к политической жизни; они разрушали привилегии старинных могущественных корпораций, особенно, напр., англиканской церкви. Привилегированные группы, владельцы, состоятельные классы были задеты и встревожены этой разрушительной для них политикой: аристократия—сокращением церковных богатств и отменой продажи военных должностей; трактирщики и виноторговцы—мерами к сокращению продажи спиртных напитков; коммерческие круги, заинтересованные в восточной торговле,—миролюбивой внешней политикой Гладстона, которая вела, повидимому, к распадению Турции и усилению России в Черном море и прилегающих землях.

Возвращение ко власти консерваторов. В 1874 г. Гладстон распустил парламент, и на новых выборах победили консерваторы. Дизраэли (скоро ставший лордом Биконсфильд), вступив во власть (1874—1880), почти ничего не

изменил во внутреннем строе. Но консерваторы повели совершенно другую иностранную политику: Дизраэли открыл эру *империализма*. Он постоянно говорил о могуществе Англии, ее мировых интересах и необходимости поддерживать их вооруженными силами. Главная колония Англии, Индия, с ее 200-миллионным населением, была об'явлена империей. Чтобы обладать Суэцом, т.-е. ближайшим путем к Индии (после прорытия канала от Средиземного моря к Аравийскому заливу в 1867 г.), английское правительство внезапно купило на большую сумму суэцкие акции у египетского хедива. Опасаясь раздробления Турции и занятия Константинополя Россией, Биконсфильд занял враждебное положение к балканским славянам, несмотря на то, что Гладстон громил в речах зверства турок в Болгарии. В 1878 г., когда русские войска перешли Балканы, в Мраморное море для охраны Константинополя вступил английский флот. Перед самым Берлинским конгрессом Биконсфильд заключил с Россией особое соглашение, в котором обеспечил «свободу» проливов, соединяющих Черное море с Эгейским, т.-е. запер их для русского флота; в то же время он тайно договорился и с Портой, получив от нее Кипр, важный по своему положению против Суэца; Англия взяла свое еще до конгресса. Биконсфильд, всюду счастливый, казался самым искусным политиком в Европе; он пользовался некоторым эффектом, окружая свои планы вначале «восточной» тайной и затем внезапно открывая их во всеобщее сведение. Один захват следовал за другим: занят был проход из Индии в Афганистан, остров Сокотора на середине пути от Суэца к Индии, Трансвааль в южной Африке.

Результаты скоро дали себя знать. Афганцы в Азии, буры (голландские колонисты) в Африке нанесли тяжелые поражения англичанам. Крупные траты на отдаленные экспедиции вызвали большие дефициты в бюджетах Англии и Индии; всем бросалась в глаза противоположность этих растрат блестящему финансовому управлению Гладстона и либералов, державшихся мира. На выборах 1880 г. консерваторы потерпели поражение. Гладстон, семидесятилетний старик, выступил снова, неутомимо раз'езжал и говорил речи с большим жаром и резкостью. Снова произошла полная смена политики: Биконсфильд вышел в отставку; образовалось второе министерство Гладстона (1880—1885), в котором либералы и радикалы были представлены поровну, но кроме того сидели представители рабочих трэдов.

Ирландский вопрос и третья избирательная реформа. Положение Гладстона было теперь труднее. Во главе ирландских гомрулеров стал организатор очень искусный и популярный, Парнел, который предложил ирландским депутатам держаться оппозиции во что бы то ни стало, какая бы партия ни была у власти; не давать англичанам заниматься своими делами до тех пор, пока Англия не будет вынуждена предоставить Ирландии самоуправление. В парламенте ирландцы усвоили тактику *обструкции:* пользуясь устарелым порядком, благодаря которому для прений не существовало никакого ограничения,

ирландцы произносили бесконечные речи и безнадежно затягивали все дела. Парнел вступил в самой Ирландии в соглашение с *земельной лигой,* устроенной Девиттом, фением, вернувшимся из ссылки.

Земельный акт 1870 г. не мешал владельцу требовать с мелкого съемщика неномерной арендной платы и при невозможности платежа выселять его. Земельная лига поставила целью защиту ирландских съемщиков, ограничение прав лендлордов и обращение фермеров в постоянных владетелей земли на условии «справедливой» (умеренной) платы собственникам. Парнел советовал крестьянам сопротивляться выселению до последней возможности; для организации борьбы он собрал большие суммы, пожертвованные ему ирландскими патриотами Америки. Лига ставила своим членам обязательство не занимать участка, с которого согнан арендатор; она приобрела громадный авторитет в стране, точно настоящее правительство, приказы которого беспрекословно исполнялись; она вела запись поведению землевладельцев и произносила над ними приговоры. Капитан Бойкот, об'явленный лигой в опале, был покинут и как бы подвергся осаде в собственном доме (слово «бойкот» стало нарицательным для борьбы такого рода). Крупные собственники Ирландии обратились к ее наместнику с жалобой на террор, господствующий в стране, но из страха просили не опубликовывать их имен.

Министерство Гладстона выступило в начале 1881 г. зараз с двумя противоречивыми мерами: 1) об'явило принудительный закон для Ирландии, которым отменялись гарантии Habeas corpus, и администрации давалось полномочие арестовывать лиц, обвиняемых или подозреваемых в нарушении порядка и государственной измене; 2) внесло новый *земельный акт,* обеспечивающий фермеру прочное владение и «справедливую» арендную плату, устанавливаемую судом на 15 лет; казна обязалась давать фермерам ссуды при покупке земли и переходе их из съемщиков в собственники.

Земельный закон раздражил лендлордов и не примирил ирландских гомрулеров. Снова выступили фении; происходили аграрные убийства, динамитные взрывы и покушения на представителей английской администрации. Гладстон запретил лигу и об'явил ее распущенной, велел арестовать Парнела и других вождей и приостановил в Ирландии суд присяжных. Но принудительные меры не помогали. Английское правительство должно было пойти на уступки. С вождями ирландского движения было заключено соглашение, которое они подписали, сидя в Кильменгемской тюрьме в Дублине: их отпустили на свободу, а министерство обещало сложить с ирландских фермеров недоимки.

Гладстон спешил с большой избирательной реформой, надеясь примирить в демократическом порядке все слои населения. В палате общин его проект прошел без затруднений, и даже лорды не задержали его. Реформой 1884 г. радикалы старались ввести однообразный порядок подачи голосов, уравнять права населения, расширив участие в выборах и увеличив число депутатских мест от

слабо представленных местностей. Реформа почти равнялась введению в Англии *общего избирательного права*. Право было, однако, предоставлено только владетелям домов и квартир; таким образом взрослые сыновья, живущие с отцами, лица, помещающиеся в меблированных комнатах, прислуга лишены его. Главное практическое значение реформы состояло в том, что она распространяла избирательное право на *сельских рабочих*.

Английский империализм и демократия в конце XIX века. По мере того, как все более и более выступала радикальная партия со своими реформами, от нее отпадали группы умеренных либералов, переходившие к консерваторам. Когда Гладстон и радикалы обратились к гомрулю и заявили, что предоставление Ирландии самостоятельного парламента было бы лучшим средством для успокоения страны, от них ушла последняя группа умеренных.

Против гомруля поднялось сильное движение: отделились под названием *унионистов,* т.-е. строителей неразрывной связи Ирландии с Англией, аристократические виги, но также часть радикалов во главе с Чемберлэном, бирмингамским миллионером. В палате после горячих прений проект гомруля был отвергнут не особенно значительным большинством; Гладстон распустил палату, но поворот его идей был так неожидан для большинства страны, что на выборах партия гомруля потерпела гораздо более сильное поражение: одни консерваторы, не считая присоединившихся к ним либеральных унионистов, были многочисленнее гладстонианцев и ирландцев, взятых вместе.

Ставши у власти, консерваторы (1886—1892) так же, как это бывало раньше, осуществили часть либеральных реформ. Они ввели вместо старого, аристократического местного управления, принадлежавшего мировым судьям из крупных землевладельцев, новое, основанное на началах равенства: все плательщики налога выбирают *советы графств,* которые заправляют общественными учреждениями, дорогами, врачебным и санитарным делом и устанавливают для покрытия расходов местные налоги.

Конец 80-х годов ознаменован в Англии сильными волнениями в среде рабочих низших разрядов. Особенное впечатление на общество произвела в 1889 году стачка грузчиков, работающих на доках (пристанях) Лондона и обслуживающих всемирную торговлю Великобритании. Впервые в Англии стал широко распространяться социализм среди масс, тогда как раньше социалистические идеи были достоянием лишь образованных слоев. Трэды, которые держались до тех пор приемов самопомощи, стали склоняться теперь к двум требованиям социалистов: 1) введению *8-часового рабочего дня* и 2) *национализации земли* (т.-е. отобранию земли за выкуп у крупных владельцев с раздачей в пожизненную аренду желающим лично трудиться над ее обработкой). Обе большие партии, боровшиеся за власть, либералы и консерваторы, стараясь каждая привлечь на свою сторону рабочих, обещали закон об ответственности хозяев за несчастные случаи в работе.

В 1892 г. престарелый Гладстон вернулся в министерство, но лишь на краткий срок; уже через год возрастающая слепота заставила его уйти от политики. Либералы успели только изменить управление мелких округов, где были образованы *приходские советы* из всех плательщиков налога. Этой мерой закончился круг демократических преобразований, начатых Гладстоном. Общественный порядок страны остался неизменным: те же крупные владения в Англии и Ирландии и безвыходное положение безземельных сельских рабочих; то же самое устройство крупной промышленности, какое стало слагаться со времени введения машин. При этом, однако, выработалась большая самостоятельность и крепкая организация рабочих высших разрядов, составляющих главную опору демократии в этой стране.

После ухода Гладстона либералы не имели признанного вождя; глава партии, лорд Розберри, скоро разошелся со своими единомышленниками, об'явивши себя в пользу унионизма и воинственного расширения Англии. В 1895 г. консерваторы, еще более усилившись, вернулись к власти. Душою их политики стал бывший радикал Чемберлэн. Главной целью он ставил присоединение новых территорий, вложение английского капитала в разработку заморских богатств. Наиболее широкие планы развивал губернатор Капской колонии (на юге Африки, отнятой в начале XIX в. у голландцев) Сесиль Родс: сам миллионер и владетель алмазных копей, он готовил промышленное завоевание всей южной Африки и вместе с тем проектировал колоссальный железнодорожный путь во всю длину материка на соединение Капской земли с Египтом. Стремление английских капиталистов забрать золотые россыпи в Трансваале, республике независимых буров, вызвало сопротивление воинственных колонистов. Во время этой войны (1899—1902) крикливый патриотизм достиг в Англии большой силы и захватил даже рабочие трэды.

Так же, как в 1880 г., после кровопролития и тяжелых трат бурской войны, произошел поворот в настроении английского общества. Трэды осудили войну с бурами, как «одну из самых несправедливых». Поднялось движение в пользу образования независимой рабочей партии в парламенте, защиты прав рабочих, а также свободной постановки школьного образования, которое консерваторы отдали под надзор англиканского духовенства.

После 10-летнего господства унионисты и консерваторы, встретившие недовольство разнообразных слоев общества, потерпели поражение на выборах 1906 г. Достигнув власти, либералы должны были соединиться с независимой рабочей партией и принять в состав министерства Бериса, который своей социалистической проповедью воодушевлял стачечников 1889 года. Либеральное министерство принялось за исправление ошибок и несправедливостей, совершенных унионистами. Особенно важно было проведение в покоренной южной Африке широкой автономии, при полном уравнении в правах побежденных буров с англичанами: в управление вступили бывшие участники и предводители войны против Англии.

X.

Соединенные Штаты Америки в XIX веке.

Европейская эмиграция в XIX веке. В эпоху первой революции борьбу за демократическое устройство предприняла буржуазия; но победа была одержана, главным образом, силами рабочих классов, в начале немногочисленных и неорганизованных: они разрослись и сложились в течение самого XIX в. вследствие быстрого увеличения населения и огромного развития европейской промышленности. Эта увеличившаяся масса людей могла найти себе пропитание на той же самой территории только благодаря перевороту в технике производства: без применения сложных машин, паровой и электрической силы немыслимы были колоссальные предприятия, занимающие на небольших округах десятки и сотни тысяч людей.

С другой стороны, при таком развитии производительных сил и росте населения Европа в XIX в. более, чем когда-либо, нуждалась в расширении своего господства и сношений с остальным миром. Промышленные предприниматели и правительства искали, вне тесных пределов Европы, рынков для сбыта произведений и для обеспечения европейских промыслов обильной и дешевой доставкой сырых материалов и средств для питания. Число людей, направляемых в другие части света правительствами или промышленными компаниями, т.-е. чиновников, солдат, приказчиков, моряков, было, однако, невелико сравнительно с массой тех, кто выселялся самостоятельно, в силу нужды или отыскивая более благоприятные условия жизни и работы. Так же, как прирост населения в Европе достиг наибольшей силы в XIX в., и эмиграция из Европы приняла в это время самые широкие размеры. В первой половине XIX в. больше всего выселялись из Англии, где раньше всего произошел промышленный переворот: особенно много было переселенцев в тяжелые периоды промышленных кризисов и безработицы; Ирландия дала огромное количество эмигрантов в свои самые черные годы около 1847 г. Затем очень много двинулось европейских переселенцев вообще, а, в частности, англичан, около середины столетия, когда открылись золотые россыпи в Калифорнии и в Австралии. Во второй половине века главное место в среде стран, выпускавших переселенцев, заняла Германия, а потом Италия.

Европейская колонизация очень неодинаково распространилась в различных частях света. Промышленный захват со стороны правительств направлен был большею частью на богатые населенные земли теплой полосы, каковы Индия, Индокитай, острова юго-восточной Азии, на тропические земли, какова средняя Африка и половина Южной Америки. Самостоятельная колонизация земледельцев, индустриальных рабочих и торговцев направлена была в страны,

по климату и другим естественным условиям более похожие на Европу (Канада, Соединенные Штаты, Аргентина и южная Бразилия, южная Африка, Австралия и Новая Зеландия). Там, где европейцы образовали большие группы населения, в особенности, если они уходили недовольные порядками родины, они быстро отрывались от метрополии. Английская Америка отделилась уже в XVIII в. и образовала Соединенные Штаты. В 20-х годах XIX в. отделились испанские и португальские колонии Центральной и Южной Америки. С середины века почти независимое положение заняли Канада, Австралия и Новая Зеландия. Все эти страны продолжают и сейчас притягивать к себе европейцев, они не только основаны Европой, но и продолжают питаться ее силами, образуют расширенную культуру Европы.

Главными странами, которые поднялись из положения европейских колоний до самостоятельной силы, являются Соединенные Штаты Америки и Австралия. Соединенные Штаты образуют теперь непрерывно растущую богатейшую группу земель, которая по своим материальным средствам и производительности соперничает с Европой.

Расширение Соединенных Штатов в XIX в. В 1789 г., когда была принята федеральная конституция, в отделившихся от Англии колониях было около 4 миллионов населения; из белых $^4/_5$ имели родным языком английский; остальные были переселенцы или потомки таковых из Франции, Голландии, Германии; население быстро возрастало в течение XIX в., и в 1890 г. было равно 76 миллионам. Но переселенцы очень быстро приспособляются к новым условиям, усвоивают местный господствующий английский язык и американизуются, примыкают к нации, сложившейся еще в XVIII в.

Огромный рост населения в Северной Америке был бы невозможен без такого же быстрого расширения территории. В этом отношении средняя часть Северной Америки представляла необыкновенно выгодные условия: позади узкой полосы первоначальных английских колоний тянулись от океана к океану обширные земли, богатые плодородными степями (прериями), лесом и минералами, слабо заселенные бродячими охотничьими племенами. Уже при образовании республики Англия уступила ей свои притязания на области, лежавшие между страной озер и Мексиканским заливом до р. Миссисипи на западе. В начале XIX в. штаты приобрели у Франции устье Миссисипи (Луизиану) и земли на запад от большой реки, затем купили у испанцев Флориду; в 40-х годах штаты отняли у Мексики Техас и Калифорнию, и владения союза достигли Великого океана. Новые области становились сначала территориями, т.-е. пользовались самоуправлением, но не посылали депутатов в конгресс; если число жителей в территории превышало 60.000, она могла просить о принятии в число штатов, вырабатывала себе конституцию и вступала в союз полноправным членом. Таким образом вместо первоначальных тринадцати штатов в настоящее время республика состоит из 45 штатов и 5 территорий, не считая ее

новых колониальных владений. Область союза с 2 милл. кв. килом. в конце XVIII в. доросла до 9 милл. кв. килом. и размером уступает только России, Китаю и Британской империи, т.-е. Англии с колониями.

Северные и южные штаты и вопрос о рабстве. С самого начала в среде штатов была противоположность групп: южные штаты были областями больших плантаций табака, риса, хлопка, сахара, которые обрабатывались при помощи рабского труда негров; в северных, наряду с индустрией и торговлей, было развито хлебопашество и преобладало мелкое и среднее владение, но труд был в руках исключительно свободных людей. Само по себе рабовладение не помешало заключению союза между штатами. Были купцы с севера, которые выгодно торговали неграми. В конституции рабовладение не упомянуто; но обеспечив отдельным штатам свободу во всем, что не выделено в ведение союза, конституция как бы поставила запрет союзным властям вмешиваться во внутреннюю жизнь штатов и определять что-либо относительно рабовладельческих порядков.

Между северными и южными штатами была еще одна важная разница интересов: южным штатам, производившим и вывозившим сырье в Европу, была выгодна свободная торговля; северным, в которых развивалась своя индустрия, и которые хотели оградиться от конкуренции Англии, напротив, было выгодно ввести пошлины на иностранные товары. Таким образом прибавилось еще третье различие: северяне были за сильную центральную власть, южане, в опасении потерять свои особые установления и преимущества, отстаивали автономию (самостоятельность) штатов. Большая партия *демократов,* вербовавшаяся, главным образом, на юге и примыкавшая к старинным началам союза, стояла за автономию штатов и за сохранение равновесия между ними; до конца 40-х годов демократам удавалось проводить своих кандидатов в президенты. Но в 40-х годах положение изменилось.

Южные рабовладельцы испытывали значительные затруднения: прекращение работорговли в Атлантическом океане закрыло им подвоз свежих сил негров из Африки: они должны были хлопотать о том, чтобы взращивать у себя в Америке новые поколения рабов. Но более всего грозил положению рабовладельцев рост владений на западе, который последовал за отнятием у Мексики Техаса и Калифорнии. Быстро двинулась туда колонизация, открылись калифорнские золотые россыпи, началось заселение богатейших земель, до тех пор нетронутых и неизвестных; американцы достигли Великого океана. Из-за этих громадных пространств загорелась борьба между севером и югом. Запад, естественно, притягивал свободных рабочих, рабский труд здесь был явно невыгоден; тем не менее предложение воспретить законом рабство в западных территориях не прошло на конгрессе; решено было держаться правила, что каждая территория сама определяет свое устройство и свои учреждения.

Но это была последняя победа рабовладельческих штатов. Против старой

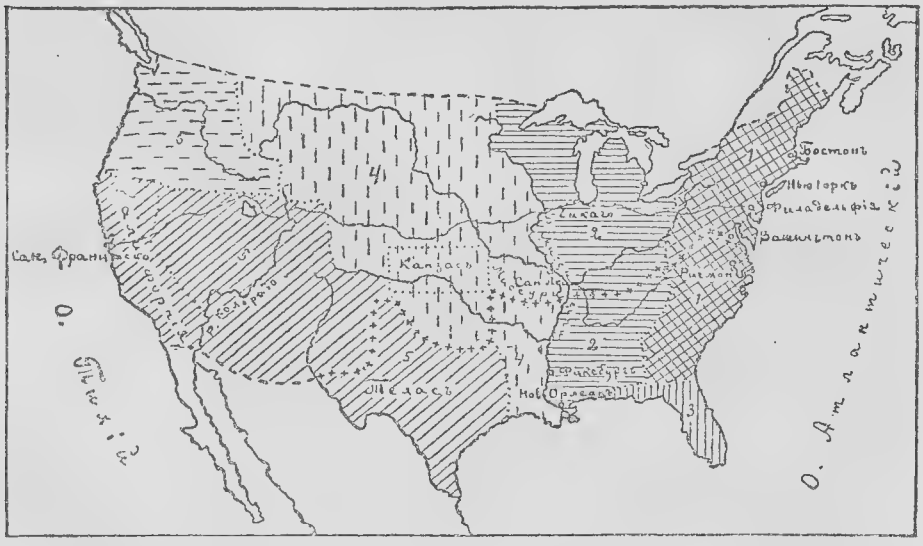
партии демократов образовалась, главным образом, на севере, партия *республиканская*. Среди нее *аболиционисты* требовали освобождения негров и уравнения их в правах в белыми; остальные, составлявшие большинство республиканцев, были равнодушны к вопросу освобождения или даже враждебны черным, но хотели разрушить силу южных штатов и дать на западе полный простор применению капиталов северян. Вопрос о рабстве стал в центр борьбы; республиканцы находили, однако, затруднение в том, что его нельзя было решить, не затронув основ конституции. Им помогло поведение южан, вступивших на путь насилия.

В середине 50-х годов начались вооруженные столкновения в новозаселенной территории Канзас. В северных штатах составились общества капиталистов для оказания помощи мелким свободным фермерам, которые отправлялись колонистами в территорию: но Канзас был окружен рабовладельческими штатами, и они в свою очередь направили туда своих колонистов; когда губернатор территории решил созвать законодательное собрание, южане вступили массами, приняли незаконное участие в выборах и путем насилий и обмана оттеснили противников. Союзное правительство, однако, утвердило избранных законодателей и допустило, чтобы они выработали рабовладельческое устройство нового штата; мало того, союзные власти прислали отряд для вооруженной поддержки рабовладельцев. На последующих выборах в президенты, правда, еще раз прошел демократ; но в самой демократической партии произошел раскол, северные демократы об'явили себя против рабовладения и порвали с южными. Было несомненно, что на следующих выборах республиканцы одолеют, и южане стали готовиться к отпадению.

Междоусобная война. В 1860 г. голосами одного лишь севера был выбран президентом республиканец Авраам Линкольн. Тогда южные штаты вышли из союза, выбрали своего особого президента и образовали особую *конфедерацию*. Это повело к четырехлетней войне между севером и югом, унионистами и сецессионистами (1861—1865). На стороне первых был огромный количественный перевес: в штатах севера и запада, оставшегося верным союзу, было 20 миллионов населения; в южных, отделившихся штатах всего 5 милл. белых (при 4 милл. негров). Но население юга было гораздо воинственнее; на его сторону перешли по большей части офицеры союзной армии; негры последовали за своими господами, и на них легла вся тяжелая работа в войске, благодаря чему белые солдаты получили более свободы движения. Напротив, северяне очень неохотно принимались за войну: сначала думали все дело предоставить наемникам и милиции.

Но первые успехи искусных в войне южан показали, что дело очень серьезно. Пришлось и на севере вооружить большие массы. Север взял верх своей промышленной и технической энергией, перевесом материальных средств. Фабрики и заводы работали над быстрым изготовлением одежды и снарядов для

импровизированного войска, получая вместе с тем огромные выгоды. Одно изобретение сменялось другим. В стране, где почти не было шоссе и обыкновенных дорог, строили рельсовые пути гораздо скорее, чем в Европе; впервые по ним стали пускать панцырные поезда. Заново приходилось создавать военный флот, которого союз не имел вовсе. Борьба была решена в пользу севера американцами западных областей. Привыкнув устраивать самостоятельно свою судьбу среди первобытных условий лесной и степной жизни, в постоянных стычках с воинственными дикарями, они представляли особый тип: в них было много смелости, изворотливости, энергии, изобретательности. К числу



Расширение Соединенных Штатов: 1 — первоначальные 13 штатов, 2 — земли, уступленные Англией в 1783 году. 3—Флорида, куплена у испанцев. 4—Луизиана, куплена у французов. 5—области, отнятые, купленные у Мексики. 6—области, колонизованные в половине XIX века. +++—граница двух союзов в междоусобной войне.

представителей запада можно отнести и Линкольна; оттуда были главные военные вожди, Грант и Шерман.

Жизненным вопросом для западных американцев было высвобождение водного пути по Миссисипи к Мексиканскому заливу,—пути, который был заперт южанами. На огромной реке появился особый флот, при помощи которого войска союза стали подвигаться к югу. Наконец, взятие Грантом крепости Фиксбурга на нижнем Миссисипи отделило от южной конфедерации все западные области и обособило ее в одном углу. Шерман прошел от Миссисипи к Атлантическому океану насквозь всю область южан, и их военные силы сдались. Юг опять признал союзное устройство. Вместе с тем решилась также судьба

негров. С окончанием войны конгресс принял поправку к основному конституционному закону, *отменявшую рабство* на всем протяжении союза.

Промышленное развитие Соединенных Штатов. Со времени междоусобной войны богатство Соединенных Штатов стало расти еще быстрее. Неисчерпаемые естественные силы страны было легко поднимать при помощи постоянно прибывающих рабочих рук; свойственная американцам способность быстро совершенствовать всякую технику ускоряла развитие всех видов промышленности. Хорошо известно имя Эдисона, изобретателя телефона, фонографа и электрических чудес. Америка вообще превосходит Европу крупным характером своих сооружений, быстротой выполнения, применением технических удобств в больших индустриальных предприятиях и в сельских хозяйствах, где впервые появились элеваторы, крупные жатвенные и молотильные машины и т. д.

Раздвинувши свои владения на огромное пространство, американцы заинтересованы в проведении путей сообщения. Громадная водная система Миссисипи с притоками, подходящая близко к озерному бассейну и соединенная с ним каналами, образовала вертикальный ствол сообщений в союзе: надо было обеспечить также сношения в горизонтальном направлении между Атлантикой и Тихим океаном, между старыми восточными штатами, обращенными к Европе, и вновь колонизованным западом, для которого открылись новые торговые пути в Азию. Этой цели должна была служить *междуокеаническая* дорога (оконченная в 1869 г.), от Нью-Йорка через Чикаго до С.-Франциско, в свое время первая по длине на земном шаре.

С увеличением населения и занятием американского запада промышленный характер Соединенных Штатов стал изменяться, и республика скоро выдвинулась на совершенно новое положение в мировой торговле. Вначале республика Соединенных Штатов почти не имела самостоятельной индустрии, вывозила табак, рис, хлопок, индиго и зависела в отношении подвоза фабрикатов от Европы. С половины XIX в. Америка делается поставщиком хлеба на Европу. Америка вырабатывает теперь одну пятую всего хлеба на земном шаре. Еще бо́льшая доля мирового производства принадлежит Северной Америке в добывании каменного угля и металла: по каменноугольному производству штаты занимают первое место в свете и поставляют $^1/_3$ всего мирового количества; таким же приблизительно положением они пользуются в добывании металлов; хлопок, производимый в штатах, составляет 85% мирового количества.

Этими продуктами Америка стала наводнять старую метрополию свою, Европу. Страна поднялась также чрезвычайно быстро в индустриальном отношении. И чем больше она начала производить сама, тем менее она вынуждена покупать за границей. Вывоз из Соединенных Штатов все более и более стал превышать ввоз и давать огромные излишки. В свою очередь излишек произ-

водства и масса капиталов, ищущих приложения, заставили американцев стремиться к новым рынкам для сбыта. Они проложили торговые пути через Тихий океан в Азию, Китай и Японию, в Австралию, затем в близкие к ним испанские колонии и в республики Центральной и Южной Америки, почти лишенные индустрии. Наконец, для Соединенных Штатов возник вопрос уже не о защите собственной индустрии дома, а о том, чтобы дать ей перевес и в других странах и вытеснить конкуренцию европейских товаров. Для достижения этой цели сенатор Мак-Кинли провел в 1890 г. в конгрессе *тариф*, облагавший большую часть европейских, особенно английских, фабрикатов значительными пошлинами.

Американский империализм. Новая торговая политика Соединенных Штатов повела к изменению всей дипломатии и иностранных сношений республики. С самого своего основания союз штатов держался миролюбивой политики относительно Европы. Американцы хотели только обеспечить себе независимость и оградить себя от нападения европейцев. Поэтому во время революций, вызвавших отпадение от Испании и Португалии Центральной и Южной Америки, президент Монро сделал заявление, на которое потом часто ссылались; сущность его выражалась в понятии: «Америка для американцев». Но по мере того, как росли экономические притязания республики, и она забирала всю Америку в круг своей торговли, изменялся и смысл повторяемой постоянно «доктрины Монро». В ней стали видеть теперь не только требование, чтобы Европа отстранилась от западного материка, но и передачу руководства над всей Америкой главной, великой ее республике. На этом основании Соединенные Штаты начали ставить условия южно-американским республикам, вмешиваться в борьбу их партий, присылая даже для подкрепления своих требований военные корабли. На этом же основании Соединенные Штаты расстроили затеянное европейцами прорытие Панамского перешейка и выставили другой, выгодный для них самих, план соединения океанов. Мирная и только оборонительная политика постепенно обращалась в воинственную и наступательную.

Очень небольшой шаг отсюда был к появлению у республики внешних, зависимых от нее владений. В конце 60-х годов у России был куплен сев.-зап. угол материка, Аляска. С развитием индустрии американцам понадобилось обеспечить себе торговые станции на океанической дороге к Азии: они захватили Гавайские и Самоанские острова почти на середине пути к Японии и к Австралии. Далее они потянулись за продуктами тропических стран. Ближе всего были сахарные плантации на о. Кубе, старинной испанской колонии. В президенство Мак-Кинли, автора завоевательных тарифов, американцы воспользовались восстанием на Кубе против испанского управления и, приняв сторону восставших, об'явили Испании войну (1898).

Испания была в полном упадке и могла выставить лишь совершенно устарелые суда, которые были в получасовом бою (под С.-Яго в Кубе) сожжены вы-

стрелами американских броненосцев. Она совсем не могла отразить нападений американцев на Филиппинские острова в восточной части Тихого океана. По договору с Соединенными Штатами, Испания должна была дать свободу Кубе и уступить американцам свои последние колониальные владения, о. Порторико в Вест-Индии и Филиппины.

Политика Соединенных Штатов приняла характер, одинаковый со всякой другой завоевательной колониальной державой. Независимость Кубы, которой потребовали штаты от Испании,—лишь кажущаяся; в своей торговле остров вполне зависит от американских промышленников; они определяют цены на главный продукт Кубы—сахар. На Филиппинах американцы еще менее стеснялись: вначале они пользовались здесь также сильным движением туземного населения против испанской администрации; но, отстранив испанцев, победители обратились против партии независимости и начали истреблять ее, как мятежников.

XI.

Эпоха милитаризма в Европе и великая война.

Рост вооружений в Европе. Промышленный переворот уже при начале своем около 1800 г. вызвал ожесточенные войны. Несмотря на это кровавое вступление к новому веку, в европейском обществе распространилось убеждение, что успехи индустрии и всесветного обмена создадут всеобщий мир и сделают ненужными войны. Действительность не оправдала ожиданий. Чем сильнее развивалась промышленность, тем более создавала она новые соперничества. Во второй половине XIX века в число конкурентов рядом с Англией и Францией вступают Германия, Италия и окрепшаяся в большую придунайскую империю Австрия. Далее, к их составу присоединяются Россия, Соединенные Штаты и Япония. Ни одно из этих выступлений не обходится без войны.

Промышленному развитию России западные державы пытались помешать в Крымской войне 1853—1855 г.г. Сама Россия старалась завоевать себе выход к Средиземному морю турецкой войной 1877—1878 г.г. Германия достигла своего промышленного и политического об'единения только тем, что в кровопролитных войнах 1864—1871 г.г. оттеснила Данию от перешейка между северными морями, Австрию отодвинула к Среднему Дунаю, а Францию отрезала от Рейна.

Самым последовательным политиком эпохи *милитаризма* (т.-е. воинственности) сделался Бисмарк. В 1875 г., через 4 года после франко-прусской войны, он собирался разгромить Францию окончательно. В 1879 г., опасаясь успехов России на Балканском полуострове, он заключил тесный оборонительный союз

с Австрией. Далее ему удалось привлечь на сторону Германии Италию, которая была раздражена тем, что Франция захватила в Африке Тунис, давнишнюю цель итальянской политики. В 1883 г. Бисмарк осуществил *тройственный союз* Германии, Австрии и Италии; своих союзников он понудил ко введению всеобщей повинности, а также к организации громадных армий и возвышению налогов на их содержание. Франция и Россия, угрожаемые вооружениями Германии, должны были поневоле следовать за нею. В 1891 г. они заключили в свою очередь союз между собою.

Колониальные предприятия европейцев. Каждая из больших держав пытались занять выгодное положение во всемирной торговле, найти сбыт для произведений своей индустрии, а также получать из-за океана сырье для своих фабрик, хлопок, каучук и т. д. Англичане с 1877 г. расширяют свои южноафриканские владения, в 1881 г. захватывают господство над Египтом и Нубией. Французы занимают о. Мадагаскар и пытаются соединить в своих руках всю западную Африку, пролагая пути через Сахару от Туниса и Алжира к рекам Сенегалу и Нигеру. В качестве новых участников колонизации Африки выступают Германия и Италия. Германия с 80-х годов берет себе территории в разных местах южной половины материка. Италия отнимает у Турции Триполи и Барку на севере. Наконец, бельгийская частная компания забирает громадную область центральной Африки, расположенную в бассейне реки Конго, и ставит её под покровительство короля Бельгии.

Кроме южной своей окраины Африка мало подходит для европейцев по климатическим условиям; они остаются наблюдателями, торговцами, администраторами, не селясь прочными группами, как в Америке или Австралии. Туземное население, большею частью находящееся на низкой ступени культуры, бессильно помешать европейским захватам.

Иное направление приняли попытки европейцев в Азии. Население многих азиатских областей, напр., речных долин Ганга в Индии, Янцзы и Сикианга в Китае или Японских островов по плотности не уступает европейским странам или даже превосходит их. В Азии—целый ряд крупных народностей со старинной культурой, с сознанием своей самобытности. Только Индостан и Индокитай сравнительно спокойно подчинились европейскому завоеванию. В Японии, а потом и в Китае появление чужих торговцев и офицеров вызвало раздражение и пробудило заснувшую деятельность старых народов. В их среде возникли те самые национальные стремления, которые привели к образованию крупных государств Европы.

Реформы в Японии. До 60-х годов XIX века Япония, закрытая для иностранцев, погружена была в неподвижный строй, напоминающий Средние века в Европе. Промыслы держались в среде замкнутых цехов; самураи (рыцари) жили оброками и барщиной подчиненных крестьян. Наместники обла-

стей были почти независимы от главы светской власти, шогуна, в свою очередь оттеснившего духовного владыку, микадо, подобного папе.

В половине XIX века началась глубокая перемена в положении стран, лежащих вокруг Тихого океана. Главным толчком послужила разработка калифорнийских и австралийских рудников и быстрое развитие американского запада. Эти явления вызвали как бы промышленное открытие Тихого океана. По громадному водному пространству начались оживленные сношения: в то время как к берегам восточной Азии, к Японии, Китаю и Индокитаю двинулись американские товары—в обратном направлении, к С.-Франциско, потянулись рабочие желтой расы, китайцы и японцы, вынужденные к эмиграции ростом населения и теснотой. В 1853 году у берегов Японии появился американский адмирал с военными судами и потребовал открытия страны для иностранцев. Одновременно заявили такие же требования русские и англичане. Япония не могла более удержать свою замкнутость.

Патриоты, стремившиеся к возрождению Японии, преимущественно обедневшие интеллигентные самураи, соединились вокруг священной власти микадо. При помощи князей южной Японии, усвоивших европейское вооружение, микадо Мутсу Хито в 1867 году разбил войска шогуна, отрешил его от власти, занял его столицу (нынешнее Токио) и сам из духовного владыки превратился в самодержавного светского правителя. В особой торжественной аудиенции микадо принял послов иностранных держав, и с этого времени Япония открылась для европейцев и американцев. Микадо об'явил, что будет привлекать на службу людей по уму и способностям независимо от преимуществ рождения и отменил наследственные должности. Самураи были освобождены от обязательного ношения шпаги и получили право избирать любое занятие. Правительство произвело реформу, похожую на освобождение крестьян в Европе: оценило права господ, состоявшие в получении оброков и услуг от зависимых людей, и выплатило помещикам капитал в размере суммы вчетверо или впятеро большей. Была об'явлена полная свобода передвижения, и уничтожены различные преимущества торговых гильдий и ремесленных цехов. Затем ввели всеобщую воинскую повинность. С уравнением прав правительство об'единило раздробленную до тех пор страну и установило везде однообразное управление. Главное внимание новое правительство микадо обратило на развитие промышленности и торговли. Государство само выступило крупным предпринимателем, занявшись постройкой железных дорог, скоро изрезавших страну во всех направлениях. Правительство поощряло развитие мореплавания, увеличение торгового флота и особенно рост индустрии. В Японии, где до реформы было почти одно мелкое кустарное ремесло, поднялись крупные фабрики и заводы, и с 80-х годов она выступила на азиатских рынках, особенно в Корее и Китае, конкурентом американцам и европейцам.

В Японии были основаны университеты по европейским примерам и для

преподавания заимствованной у европейцев науки; но помимо того множество молодых японцев едут в Европу и Америку учиться по всем отраслям знания и техники. Микадо обещал созвать совещательное собрание еще в 1869 году, в самом начале реформ, но Япония обратилась на первых порах из феодального государства в абсолютную монархию, управляемую посредством чиновничества. В 1889 году Мутсу Хито об'явил введение конституции в Японии, а в следующем году собрался *первый японский парламент*. Создатели японской конституции, хотя и проникнутые европейскими идеями, находили, однако, что японский народ в массе еще не готов для политической жизни, и потому ввели высокий ценз, дающий участие в выборах только меньшинству высших и образованных классов населения, особенно землевладельцев. Император попрежнему считается «самодержавным», и хотя правительство обязано давать отчет в управлении собранию депутатов, вырабатывать с ним вместе закон, представлять ему на утверждение бюджет, отвечать на запросы, однако, микадо составляет министерства по своему усмотрению, независимо от партий, по своему усмотрению созывает и распускает парламент; собрание народных представителей находит себе ограничение в другой высшей палате, составленной из членов императорской семьи и лиц по назначению микадо.

Внешнее расширение Японии и возрождение Китая. Перейдя к новому строю жизни, Япония ищет рынков для сбыта продуктов индустрии, земель для поселения избытка своего рабочего населения и больших государственных предприятий для приложения своих капиталов. Как европейцы и американцы, она стремится завести колонии и с конца XIX века выступает в качестве самой деятельной завоевательной державы.

Япония старалась прежде всего овладеть прилегающими к восточной Азии островами и выступающими берегами материка, Формозой и Корейским полуостровом. Корейцы—около 6 миллионов—не могли оказать сопротивления сопернику многочисленному, отлично вооруженному, обладающему военным флотом и отделенному от них узким проливом. Но японцы хотели обеспечить себе и тыл Кореи, т.-е. доступ в залив Печили и к Манчжурии. Это повело сначала к войне с Китаем (1895 г.). Японцы высадили войска в Корее, подвинулись вдоль залива, разбили плохо организованные китайские силы и захватили крепость и гавань Порт-Артур, командующую над входом в залив и лежащую у входа в Манчжурию. Усиление Японии обеспокоило европейские державы, имевшие свои интересы в Китае. Опираясь на Германию и Францию, Россия потребовала у Японии выдачи Порт-Артура обратно Китаю, а через несколько времени приобрела его в свою очередь у Китая в аренду на 99 лет; одновременно с военным занятием Манчжурии (1900). С этого времени главным противником Японии в ее завоевательной материковой политике становится Россия. В течение нескольких лет готовились японцы к войне, выстроили огромный флот, занявший одно из первых мест в мире. В начале 1904 года

произошло столкновение, в котором Япония получила полный перевес. Японцы взяли во второй раз Порт-Артур и в колоссальных сражениях оттеснили русские армии из южной Манчжурии к северу. По договору в Портсмуте, заключенному при посредничестве Соединенных Штатов летом 1905 года, Япония приобрела новую территорию, почти равную своей собственной: Корею, южную Манчжурию с Ляодунским полуостровом и Порт-Артуром и южную половину Сахалина.

Возвышение Японии важно не только само по себе, но и по тому общему влиянию, какое она оказывает на остальную Азию. Европейцы захватили в Азии территории и опорные пункты, пользуясь застоем среди крупных старокультурных ее народностей. Быстрое пробуждение и развитие одной из этих наций, как бы спавших долгие века, подняло сознание у других—у китайцев, индусов, сиамцев, малайцев. Так как самые многочисленные между ними принадлежат к монгольской расе, в Европе назвали возрождение Азии «желтой опасностью».

Возрождение Китая представляет некоторые черты сходства с Японией. В стране есть защитники старины и замкнутости, есть почитатели европейского просвещения и техники. В 1900 году бушевало грозное для белых движение сектантов-патриотов, так наз. боксеров. Многие китайцы и даже китаянки стали ездить учиться в Японию и в Европу. Но есть и существенные отличия от переворота, происшедшего в Японии. Там движение сплотилось около старинной власти микадо и послужило к ее усилению. В Китае движение направлено против правящей династии, которая вместе с чиновниками принадлежала к чуждой северной народности манчжуров, более 200 лет тому назад завоевавшей Китай. Плотно заселенные, превосходно разработанные области южного Китая с его энергичным населением особенно неохотно подчинялись манчжурской династии, сидевшей в Пекине на севере.

В 1906 году правительство обещало дать стране «лучшее государственное устройство», но поручило выработку нового строя комиссии чиновников. В 1910 году все 22 провинции отправили представителей в Пекин и потребовали введения конституции. Правительство опять дало торжественное обещание созвать парламент, но народ изверился и устал ждать. В 1911 году поднялся весь южный Китай; у революционеров, руководимых Сун-ят-сеном, оказались большие суммы, отчасти полученные путем займа в Америке, и хорошее европейское вооружение. Они заняли долину реки Янцзы и потребовали низвержения манчжурской династии. В начале 1912 г. император отрекся от престола, и Китай был об'явлен республикой. Собрался первый китайский парламент, провозгласивший равноправность пяти наций, из которых состоит Китай: монголов, манчжуров, мусульман, тибетцев и китайцев.

Планы разоружения Европы. Колониальные предприятия европейцев не только не обеспечили мира в самой Европе, но даже усилили вражду между

ее крупнейшими нациями. Всюду на других материках происходили столкновения: в Марокко (с.-з. Африка) между Францией и Германией, на восточной окраине Азии между Англией, Германией и Россией, при чем европейцы встречались здесь с притязаниями Американских Соединенных Штатов и Японии. В самой Европе остался нерешенным «восточный вопрос», т.-е. раздел Турции и размежевание интересов христианских государств Балканского полуострова: в этих делах сначала были ближайше заинтересованы Австро-Венгрия и Россия, а затем втянулась и Германия.

Поэтому вооружение в Европе продолжали расти. В Германии, при обсуждении в семилетние сроки военного закона, правительство каждый раз предлагало увеличить количество солдат в действующей армии сначала на десятки, потом на сотни тысяч. Франция спешила следовать за своей соперницей, хотя вследствие остановки в приросте населения это делалось для нее все труднее и труднее. В конце XIX века появляется новый вид морского вооружения, громадные броненосцы и крейсера, одетые в сталь и снабженные дальнобойными орудиями. Германия старается догнать в морском вооружении Англию, Англия же усиленно строит дредноуты (громадные военные корабли), чтобы сохранить перевес на морях.

Сознание тяжести милитаризма проникает во все слои общества, а рост военных расходов начинает беспокоить государственную власть. По предложению русского правительства, в 1899 году в Гааге была созвана из представителей всех европейских держав конференция с целью обсудить план разоружения Европы, а также устройство третейского суда для решения споров между государствами. Гаагская мирная конференция потерпела, однако, неудачу вследствие протестов Германии: уже здесь ясно обнаружилось, что Германия не желает прекращения войн в Европе. Разоружение и отмены постоянных армий требовали также интернациональные конгрессы рабочих, возобновившиеся в 1889 году. Резолюция Амстердамского конгресса, собравшегося в 1904 году, во время русско-японской войны призывала «социалистов и рабочих всех стран, как хранителей международного мира, всячески сопротивляться какому бы то ни было распространению войны».

Гаагская конференция и резолюции международных с'ездов не имели никаких практических последствий. Между тем взаимное недоверие держав друг к другу продолжало увеличиваться. Под впечатлением роста морских вооружений Германии, к союзу Франции и России присоединилась Англия: в 1904 г. она заключила союз с Францией, в 1907 году сблизилась с Россией и уговорилась о разделе Персии. Образовалось *тройственное согласие* России, Франции, Англии в противовес тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии, Италии, заключенному еще в 1883 году. Оно как раз поспело к моменту кризиса 1912—1913 г.г. на Балканском полуострове, послужившего предвестием великой войны 1914 года.

Германский империализм и происхождение великой войны. После образования в 1885 г. соединенной Болгарии, в течение 25 лет Турция сохраняла тот вид, который был установлен на Берлинском конгрессе. В 1897 году произошла война с греками из-за о. Крита; несмотря на свою победу над греками, турки должны были признать независимость Крита.

В 1912 г. четыре народности—болгары, сербы, греки, черногорцы—составили балканскую лигу и напали вместе на Турцию. Всюду они имели полный успех. Фессалия, Македония, северная Албания, бо́льшая часть Фракии перешли к союзникам. Но вслед за удачами христиан, союз их распался, начались жестокие разногласия из-за Македонии между сербами и греками—с одной стороны, болгарами—с другой. Летом 1913 года произошла вторая балканская война, которую решило выступление нейтральной до тех пор Румынии: болгары должны были отдать румынам Добруджу, грекам города у Эгейского моря, сербам часть Македонии. Воспользовавшись ослаблением Болгарии, Турция отобрала назад взятый у нее болгарами Адрианополь.

Крупные европейские державы не раз в течение войны предлагали свое посредничество балканским народностям. Постепенно выяснилось, однако, что у Германии и связанной с нею Австро-Венгрии есть свои особые интересы на Балканском полуострове. Австрия стала прочной ногой в Боснии; рассчитывая подчинить себе отрезанную от моря Сербию, Австрия составила план железнодорожного пути к Салоникам. Германия сблизилась с военным миром Турции: в 1897 году турецкая армия одержала ряд побед над греками, будучи под начальством германских офицеров. Пользуясь финансовой слабостью кругом задолжавшей Турции, Германия заявила намерение взяться за разработку естественных произведений Малой Азии и Месопотамии. «Немецкий банк» в Берлине получил в свое распоряжение постройку железной дороги от Константинополя до Багдада через все азиатские владения Турции. У Германии возникла еще более отдаленная завоевательная цель: через устье Евфрата и Персидский залив угрожать английскому господству в Индии.

В связи с восточными проектами германские политики задумали план образования *Центральной Европы*. Ее основой должна была стать Германия и Австро-Венгрия; ее предполагалось расширить в обе стороны, присоединить к ней Бельгию, Голландию, восточные области Франции, а также прибалтийские губернии России, Польшу и Черноморский край, получить выход к Средиземному морю и подчинить себе весь европейский материк.

В Германии эти планы горячили умы всех классов и партий, начиная от консерваторов в духе Бисмарка и кончая социал-демократами, составившими в 1912 году самую сильную и многочисленную партию в германском рейхстаге. Все громче и громче слышался призыв: «Германия, Германия превыше всего!»—смысл которого в том, что национальная мощь признается выше всех начал права и нравственности. В Германии накопилось много военных эле-

ментов, которым надо было дать выход: таковы были 20 королевских и княжеских фамилий, таково было прусское землевладельческое дворянство (юнкеры), таковы были громадные оружейные заводы (между ними завод Круппа в Эссене). Император Вильгельм II (правивший с 1890 г.) сознавал в себе нового Наполеона, способного двинуть всю эту военную громаду и создать новую великую империю в центре Европы.

Главным единомышленником Вильгельма был эрцгерцог Франц-Фердинанд, наследник престола Австро-Венгрии. Стремлению последней укрепиться на Балканском полуострове не малое препятствие составляла самостоятельная Сербия. Франц-Фердинанд предполагал присоединить Сербию к сербо-хорватским провинциям Австро-Венгрии, т.-е. к Боснии и Кроации. В свою очередь Вильгельм II, пользуясь тем, что дети эрцгерцога были лишены прав на австрийский престол, направил мысль его на создание себе самостоятельного владения на востоке посредством захвата у России Черноморья и Приднепровья. Из Польши, Литвы, Курляндии предполагалось создать еще одно государство в вассальной зависимости от Германии. В предстоящей войне с Россией и Францией Вильгельм II надеялся на нейтралитет Англии в виду крайнего нерасположения англичан к сухопутным войнам и слабости английской армии.

Взрыв войны ускорился благодаря убийству Франца-Фердинанда, которое произошло при посещении им Сараева, главного города Боснии. Австро-Венгрия пред'явила обвинение всему сербскому народу и потребовала допущения австрийских чиновников на территорию Сербии для расправы. Когда в целях защиты сербов Россия начала мобилизацию, Германия немедленно об'явила войну России и начала военные действия против Франции. Занявши Бельгию, Германия вызвала об'явление войны со стороны Англии.

Летом 1914 года началась война, крупнейшая в истории человечества. Против ожидания Германии, Италия отделилась от тройственного союза и присоединилась к Согласию, которое из тройственного обратилось в *четверное*. Скоро к числу противников Германии примкнула Япония, стремившаяся выбить германцев из Китая. В 1917 г. из состава воюющих вышла Россия, но на ее место вступили Соединенные Штаты. Не остались в стороне от борьбы Китай, Бразилия. Почти весь мир разделился на две враждебные друг другу половины.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Понятие о новой и новейшей истории 3

ЧАСТЬ I.

Век реформации.

Колонии испанцев и португальцев. Новая политика европейских держав. 5
Реформация в Германии 14
Реакция католичества и кальвинизм 27
Борьба между Испанией и Голландией. 34
Кризис монархии во Франции 42
Тридцатилетняя война в Германии. 52
Английская великая революция 58

ЧАСТЬ II.

Последнее столетие старого порядка в Европе.

Реставрация и вторая революция в Англии 70
Преобладание Франции 75
Англия в XVIII веке 87
Франция в XVIII веке. 95
Пруссия в XVII и XVIII в. в. 101
Австрия в XVII и XVIII в. в. Католическая церковь 109
Северо-Американская революция. 115

ЧАСТЬ III.

Новейшее время.

Промышленный переворот в Англии. 112
Великая французская революция. 128
Революционные войны, империя во Франции и начало реформ в Германии 144
Общеевропейская реакция 160
Англия в первой половине XIX в. 168
Франция в первой половине XIX в. 179
Революция 1848—1849 годов в Италии, Германии и Австрии . . . 194
Объединение Италии и Германии 205
Франция и Англия до начала XX века 219
Соединенные Штаты Америки в XIX веке 232
Эпоха милитаризма в Европе и великая война. 239

25/
1871
Центральная
Книжная Палата
9.VI.22
Зарегистрировано №
Тираж

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление □ Москва □ 1922